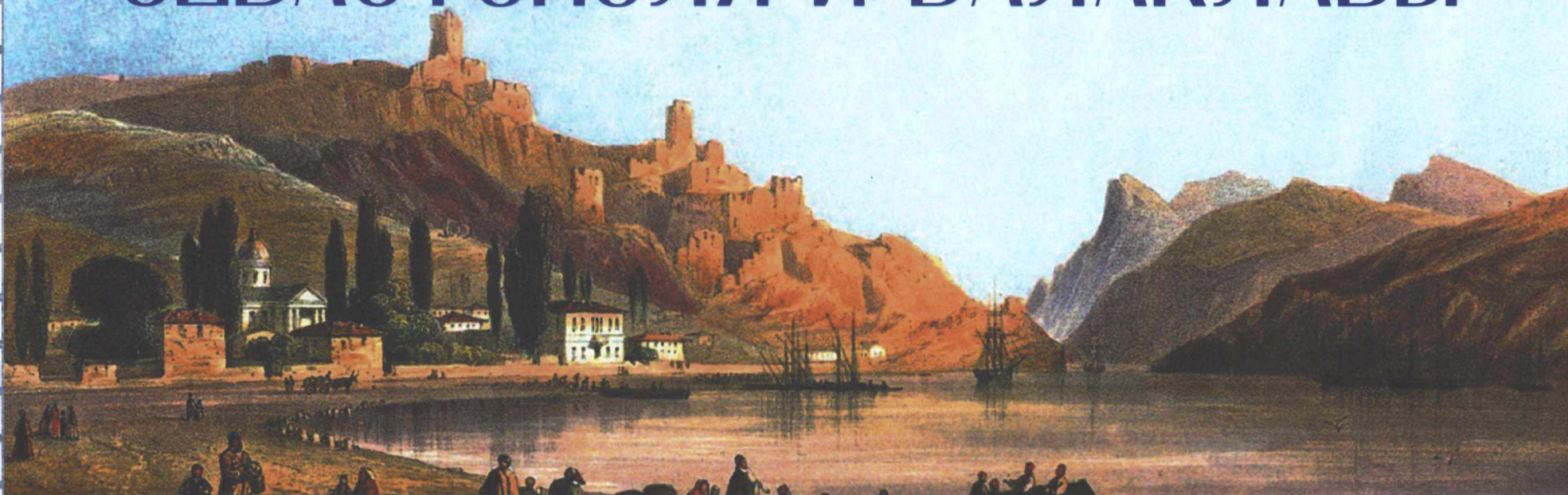

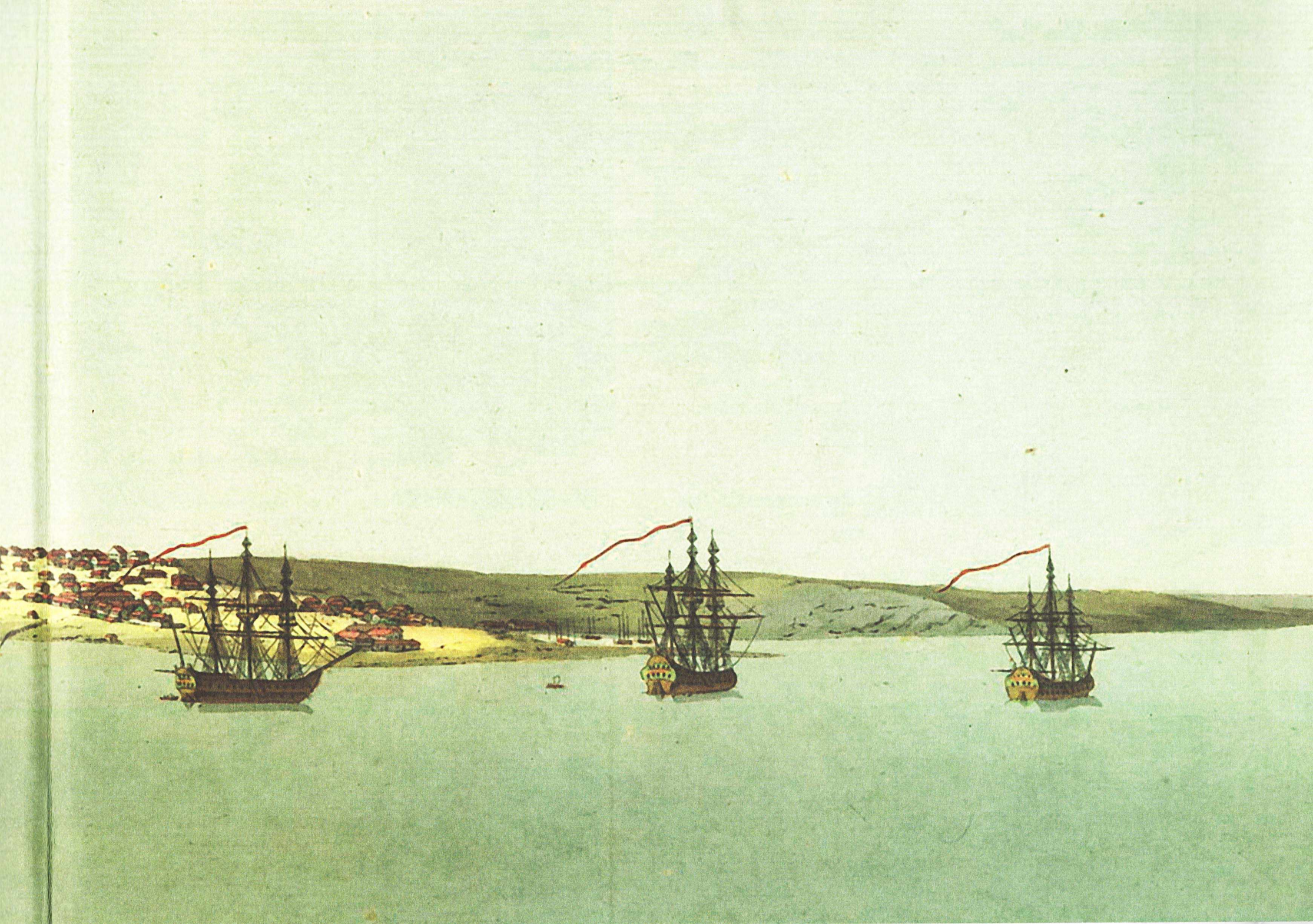

Игорь Мосхури

ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ

Игорь Мосхури

ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ

исторический очерк

*Альтаир
Ростов-на-Дону
2019*

ББК 63.3(2Рос=Грек)32

М 84

Федеральное агентство по делам национальностей
Департамент общественных коммуникаций города Севастополя

Государственное казенное учреждение культуры города Севастополя «Севастопольский городской национально-культурный центр»
Региональная общественная организация «Севастопольское греческое культурно-просветительное общество «Херсонес»

*Издание подновлено в рамках реализации подпрограммы 5 «Укрепление межнационального единства» государственной программы
«Развитие гражданского общества и создание условий для обеспечения общественного согласия в городе Севастополе»*

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь и содействие в подготовке книги к изданию:

- Начальнику отдела по работе с национальными и религиозными организациями Управления внутренней политики департамента общественных коммуникаций Правительства Севастополя **Колесникову В.Ю.**;
- Председателю Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес» **Ефимову Х.И.**;
- Директору ГКУК СГНКЦ **Малиновской О.И.**;
- Заведующей архивом Законодательного Собрания города Севастополя к.и.н. **Терещук Н.М.**;
- Севастопольскому историку **Ляшуку П.М.**;
- Сопредседателю Севастопольского отделения Российского исторического общества к.и.н. **Прокопенкову В.Н.**;
- Члену Севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес» **Корниловой Е.А.**

Мосхури И. В.

М 84 **ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ.** Исторический очерк. – Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2019, – 252 с.

Аннотация

12+

ISBN 978-5-91951-552-4

© Мосхури И. В., 2019
© Оформление «Альтаир», 2019

приветственное слово Губернатора

ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ

Город-герой Севастополь расположен в юго-западной части Крыма на Гераклейском полуострове. Исторический центр города расположен на южной стороне Севастопольской бухты. Территория города федерального значения граничит с административными единицами Республики Крым – на северо-востоке с Бахчисарайским районом, а на юго-востоке – с территорией городского округа Ялта. Общая длина сухопутных границ составляет 106 км. Площадь территории города составляет 863,6 км², включая акватории бухт – 1 079,6 км².

На западе и юге территория Севастопольского региона ограничена береговой линией Черного моря, общая протяженность которой составляет 152 км. Крайними точками являются: на севере – мыс Лукулл, на юге – мыс Николая, на западе – мыс Херсонес, на востоке – гора Тез-Баир на Ай-Петринской яйле.

Территория Севастопольского региона разделена на четыре административных района. В состав двух из них (Гагаринского и Ленинского) входят только городские кварталы, а двум другим (Балаклавскому и Нахимовскому) подчинены также населенный пункт Балаклава, город Инкерман, поселок Кача и 39 сельских населенных пунктов, многие из которых имеют более древнюю историю, чем сам город, основанный в 1783 году.

На территории Севастопольского региона с глубокой древности обитали разные народы. Одному из них – грекам, оставившим яркий след в истории региона, – посвящается этот исторический очерк.

Одиссей и листригоны. Неизвестный художник

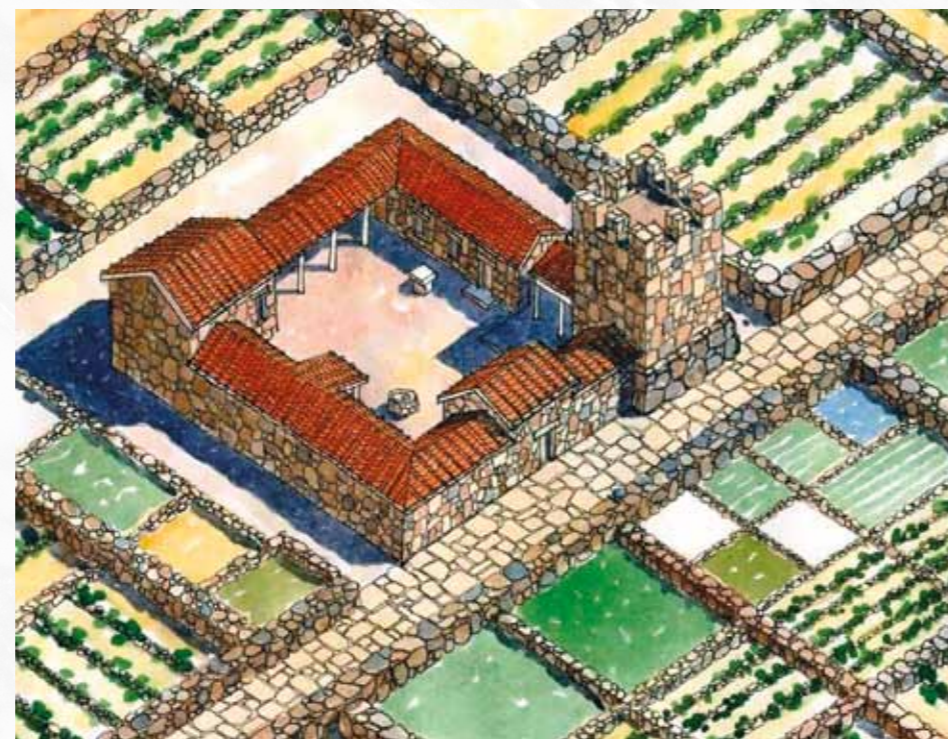
Великая греческая колонизация VIII-VI вв. до н.э., вызванная глубинными процессами общественного развития Балканской Греции, стала мощным фактором социально-экономического развития Северного Причерноморья и Крыма. В 424/421 годах до н.э. выходцами из малоазийской Гераклеи Понтийской и с острова Делос у нынешней Карантинной бухты был основан Херсонес Таврический (др.- греч. Χερσόνησος – «полуостров»; в византийское время – Херсόν, в генуэзский период – Сарсона, в летописях Древней Руси – Корсунь)¹. Это была единственная в Северном Причерноморье колония, основанная греками-дорийцами и единственный в этом регионе античный полис, городская жизнь в котором непрерывно поддерживалась вплоть до конца XIV века. Существует также версия о на-

¹ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000.

личии на этом месте более раннего поселения дорийцев. Греческие колонисты освоили Гераклейский полуостров, а затем и прилегающие к нему территории северо-западного Крыма, поделив к IV веку до н.э. Крым с Боспором.

Побережье Гераклёйского полуострова, на котором расположен Херсонес, было известно греческим мореплавателям с глубокой древности. Исследователи предполагают, что Балаклаву, порт листригонов, как Ламос впервые упоминает Гомер. Когда Одиссей со своими спутниками блуждал по Океану, возвращаясь домой с Троянской войны, ветер и волны занесли его корабли в малоизвестную гавань.

Херсонес Таврический имел обширную сельскохозяйственную округу (хору) и весь Гераклейский полуостров был поделен на

Хора Херсонеса. Усадьба № 9. Реконструкция

ровную сетку из земельных наделов (клеров), принадлежавших гражданам-херсонеситам. Греки выращивали здесь, главным образом, виноград и злаковые культуры. Следы подпорных виноградных стенок до сих пор хорошо различимы на территории Гераклейского полуострова. За счет обширной территории сельскохозяйственной хоры территория Херсонеса совпадает или даже превышает территорию застройки жилых районов современного города Севастополя.

Будучи демократическим полисом, Херсонес принимал активное участие в общегреческих праздниках, спортивных состязаниях, вел активную внешнюю политику. Верховной покровительницей города считалась богиня Артемида. В IV – III вв. до н.э. Херсонес чеканил массовые серии серебряных монет, успешно конкурировавших с другими валютами черноморского региона.

В III веке до н.э. в Херсонесе жил историк Сириск, написавший историю города и его взаимоотношения с Боспорским царством и другими городами Причерноморья. Он по праву считается первым историком, жившим на территории современного СНГ. Упоминание о нем сохранил памятный декрет, датируемый второй половиной III века до н.э. и представляющий собой три фрагмента плиты из белого мрамора, украшенные сверху фронтоном с изображением лаврового венка². Согласно декрету, Сириск в своем труде описал «явления Девы» (богини-покровительницы города), варварские набеги и военные столкновения со скифами, взаимоотношения Херсонеса с Боспорским царством и другими близлежащими греческими полисами. Во время празднования Дионисии он был награжден золотым венком, а постановление о награждении было выставлено во дворе храма богини Девы. По мнению историков, Сириск, как и Геродот, публично читал свое сочинение в театре, появившемся в городе как раз в III веке до н.э.

Херсонесское государство представляло собой полис с демократической формой правления, где высшим органом власти было

² Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. – Симферополь: Таврия, 1990. С. 14; Игорь Макаров. III 1. Херсонес. Декрет в честь историка Сириска, 1-я пол. III в. до н.э.: Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE). (2011–2017 Кингс Колледж. Лондон).

собрание всех свободных граждан мужского пола, достигших совершеннолетия. Народное собрание принимало законы и решало важнейшие вопросы.

Политическая история Херсонеса V – II вв. до н.э. историкам почти неизвестна. Пожалуй, только один, но очень важный период, освещен в источниках достаточно полно. С III века до н.э. грозной силой в Северном Причерноморье становятся скифы, разрозненные племена которых постепенно переходили к оседлому образу жизни, земледелию, которым они стали заниматься наряду со скотоводством, и к образованию племенных союзов. Их политическое объединение завершилось созданием крупного государства с центром в Неаполе Скифском, во главе которого стал умный и энергичный царь Скилур.

Херсонесу приходилось постоянно вести войны со скифами. Во II веке до н.э. в ходе особенно длительной и кровопролитной вой-

Воскресенский Р.Н. Принятие присяги в древнем Херсонесе. 1951 год

*Митридат VI Евпатор
или Митридат Понтийский
(132 до н. э. – 63 до н. э.)*

ны, им была утрачена Керкинитида, разрушен Калос Лимен, и враг неоднократно стоял у стен города. Обессилевший Херсонес вынужден был обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору, который направил в Крым большой отряд во главе с опытным полководцем Диофантом. Действуя во главе объединенной армии, куда входили херсонесские и понтийские войска, Диофант в продолжение трех кампаний, проведенных около 110–107 гг. до н. э., разгромил скифов, но взял при этом Феодосию, прошел на Керченский полуостров и захватил Пантикапей. Херсонесу также не удалось сохранить свою самостоятельность. Он вошел в состав державы Митридата, и с того времени находился в постоянной зависимости от Боспорского государства.

После смерти Митридата VI Евпатора политическая карта Восточного Средиземноморья кардинально изменилась. Выбирая меньшее из двух зол, херсонеситы стремились «стать под твердую руку» набирающего силу Рима, в качестве «свободного города», и избавиться от унижительной опеки полуварварских царей Боспора. Римский диктатор Гай Юлий Цезарь даровал городу желаемое, однако позднее, следуя своему излюбленному принципу «разделяй и властвуй», римские императоры то подчиняли город своим союзникам – боспорским царям, то предоставляли ему «свободу», когда необходимо было сдержать амбиции боспорских монархов. В 25 году до н. э. Август дарует Херсонесу «свободу» от Боспорского царства. В 8

году до н. э. Царь Боспора Полемон был убит аспургианами. Октавиан Август признает царем Боспора Аспурга, добившись при этом выделения Херсонеса из состава его царства. В первых веках нашей эры в Херсонесе утверждается олигархическая республика, власть в которой принадлежала незначительному кругу влиятельных, знатных и послушных Риму лиц. В 60-е годы I века римляне организовали крупную военную экспедицию в Таврику, чтобы дать отпор скифам, вновь угрожавшим городу. После разгрома скифов войсками трибуна Плавтия Сильвана, Херсонес становится форпостом римских войск в Северном Причерноморье. В цитадели города, сменяя и дополняя друг друга, стояли отряды I Итальянского, XI Клавдиевого и V Македонского легионов из провинции Нижняя Мезия, а в херсонесской гавани (современная Карантинная бухта) базировались корабли мезийского Флавиевого флота (Classis Flavia Moesica). В городе находилась ставка военного трибуна, командовавшего сухопутными и морскими силами в Крыму. Кроме Херсонеса римские войска расположились также в пригороде современной Балаклавы.

Античный историк и географ Страбон писал о «гавани с узким входом» (λιμὴν στενόβοτος) под названием Σύμβολων λιμὴν. Это

*Хапаев ВВ., Бацура И.В. Главный порт Херсонеса
в Карантинной бухте. I в. н.э. Вариант реконструкции*

название, вероятно, следует переводить как «Бухта Символов», или «Сигналов», поскольку вход в нее скрыт за высокими скалами и не виден с моря. В I веке н. э. древнеримский писатель-эрудит Плиний Старший в «Естественной истории», перечисляя города и поселения в округе Херсонеса Таврического, называет Symbolum portus. До I века н. э. на месте современной Балаклавы находилось поселение рыбаков, жителями которой, по сведениям археологов, были тавры, вытесненные из этих мест с приходом римлян.

В I веке до н. э. Херсонес утратил демократическую форму правления и попал в полную зависимость от Рима. С конца этого же столетия в Херсонесе появляются первые последователи христианства. С именем этого города связано много христианских легенд и церковных преданий, действия которых происходят в первые века н. э.. Одно из них повествует о путешествии св. Андрея Первозванного³ по городам и землям Северного Причерноморья, и далее, через Херсонес, по Днепру и северным рекам в Новгород, а оттуда – в Рим.

В 94 году н. э. в эти места прибыл осужденный императором Траяном на заточение ученик святого апостола Петра – св. Климент, епископ Римский. Во время гонений на христиан, сопровождавшихся «умерщвлением многих из них», он был утоплен в море, приняв в 101 году мученическую смерть. В Инкермане основались и жили ученики св. Климента епископа Римского – Корнилий и Фив, признанные православной церковью святыми. Позднее мощи последнего были перенесены св. равноапостольным князем Владимиром в Киев. Там же в I веке томилась в ссылке св. Домитилла Исповедница, племянница могущественных императоров Тита и Домициана.

В Херсонесе прославились епископы Василий, Ефрем, Капитон, Евгений, Еферий, Елпидий и Агафодор, проповедовавшие и пострадавшие здесь за веру в IV веке⁴. Эти сильные словом и делом священнослужители своей мученической смертью не только внушили

³ Один из двенадцати апостолов, учеников и ближайших сподвижников Иисуса Христа. Согласно Евангелию от Иоанна, Андрей был учеником Иоанна Крестителя и Предтечи, известного о приходе Мессии, а затем крестившего в Иордане самого Христа и множество иудеев. Родным братом Андрея был апостол Петр. Согласно тому же святому Евангелию, Андрей был первым, ранее своего брата, призван Иисусом на Иордане, за что и получил в греческой традиции прозвище Первозванного.

⁴ Лебедев Л., протоиерей. Крещение Руси. – М.: Издание Московской патриархии, 1987. С. 56.

Св. апостол Андрей Первозванный

Св. Климент, епископ Римский

уважение к учению Христа, но и утвердили своих немногочисленных малодушных последователей в евангельской истине. Память семи священномучеников Херсонесских празднуется 7 марта.

Греческая церковь празднует 11 ноября память св. Феодора Студита, который после долгих страданий за евангельскую истину переселился в Херсонес и здесь, сильный словом и великий своими деяниями, скончался, творя чудеса и после смерти. Сочинения его были переведены на русский язык. В Херсонесе жил и преподобный Николай, игумен Студийского монастыря, известный страданиями, переносимыми вместе с наставником своим св. Феодором Студитом. Память его чтится 4 февраля.

Здесь же трудились свв. Кирилл и Мефодий, создатели славянской письменности, сделавшие перевод святого Евангелия и установившие правила церковного служения. Жители Херсонеса обязаны св. Кириллу-философу открытием мощей священномученика Климента, епископа Римского.

Семь святых епископов, Херсонских священномучеников

В 649–655 годах в Инкермане находился сосланный в Херсонес святой Мартин, епископ Римский, стоявший в оппозиции императору. Здесь он скончался и был причислен церковью к лику святых. Усыпальницей св. Мартина стал склеп под полом в центре загородного храма во имя Влахернской Божией Матери, на юго-западной окраине Херсонеса⁵, где в подземных криптах, к моменту его смерти, уже покоились мощи неизвестных нам святых и мучеников.

В раннесредневековом Херсонесе прославились многие неизвестные нам святые и мученики. Так, на Херсонесском некрополе

⁵ Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестовидного храма в Херсонесе. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 289–318.

был найден надгробный памятник, представляющий собой высеченный из известняка небольшой крест, на котором сохранилась надпись на греческом языке: «Здесь покоится мученица Анастасия»⁶.

Важность и значение этого города для Византии, как и ранее для Рима, определялись, в первую очередь, его местоположением. Он был стратегически выгодным форпостом в Юго-Западном Крыму и экономическим посредником в торговле с варварскими племенами, обосновавшимися на полуострове, являясь вместе с тем крупным ремесленным центром. Уже в конце IV века в Херсоне, признавшем власть императора, стоял византийский гарнизон и находилась византийская администрация, ведавшая военными и финансовыми делами.

Херсонеситы долго и упорно сопротивлялись введению христианства, объявленного императором Константином государственной религией Византии. В IV–V вв. в Херсоне было еще мало церквей, но VI век и более позднее время отличались обилием и грандиозностью возведенных здесь храмов. В V веке между образовавшейся Херсонской епархией и Константинопольской патриархией завязалась борьба, в которой Херсонская церковь, распространившая свое влияние на большую часть Юго-Западного Крыма и часть южного и восточного побережья с прилегающими к ним территориями, требовала автокефалии. Эта борьба по времени совпала с сепаратистскими настроениями Херсона, стремившегося к политической независимости⁷.

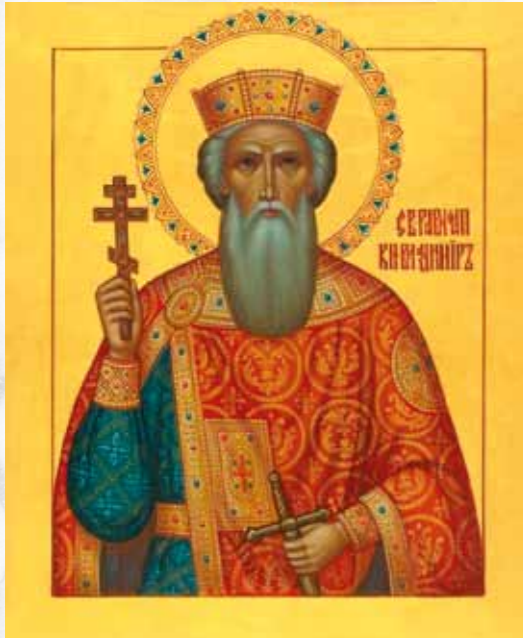
В X веке политическое влияние Руси в Крыму и Херсоне упрочилось, что, по мнению известного историка академика Б.Д. Грекова, определило исход важного по своим последствиям «похода киевского князя Владимира на Корсунь». Причиной этого похода, как известно, было стремление князя Владимира поставить Киевскую Русь наравне с Византийской империей и принудить византийского императора выполнить нарушенное им обещание выдать замуж за русского князя принцессу Анну.

⁶ Мосхури И.В., Папаниколаки А.К. Топонимика средневекового Крыма. – М.: «Лекор», 2001. С. 14.

⁷ Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. С. 23.

Рыженко П.В. Фрагмент диорамы «Крещение войска князя Владимира в Херсонесе»

Св. равноапостольный князь Владимир

В конце XI века внешнее положение Херсона и внутренняя обстановка в нем улучшились, а заключенный между Киевской Русью и половцами мир вызвал оживление городской жизни, ремесел и торговли. В это столетие население византийского Херсона становится многонациональным, что подтверждается как письменными источниками, так и антропологическими данными. В этот период, наряду с греческими, на городском некрополе появляются еврейские (вероятно, хазарские) надгробия, встречаются и надписи

на армянском языке. Жили здесь и славяне.

Византийская империя с военной помощью венецианцев победила норманнов, но вынуждена была за это уступить Венеции право на черноморскую торговлю. Вскоре Черное море превратилось в арену соперничества венецианцев и генуэзцев, что привело к накоплению исторических предпосылок, которые вскоре привели Херсон к экономическому кризису, а затем полному упадку. В это время на полуострове происходили непрерывные вооруженные столкновения местного населения с половцами. Восточная часть побережья с прилегающими территориями все больше отрывалась от Херсона, а в горной части Юго-Западного Крыма возрастало и укреплялось влияние княжества Феодоро, а с ним и Готской епархии, подчинивших обширную территорию с христианскими деревнями.

В начале XIII века торговля и политические связи Херсона с Константинополем оказались прерванными, и город попал под влияние

образованной в 1204 году Трапезундской империи. В одном из документов говорится, что в 1223 году Херсон, наравне с другими городами, платил Трапезунду «годовые взносы»⁸. Со второй половины XIII века генуэзцы вытеснили венецианцев и захватили всю торговлю на Черном море, прочно обосновавшись в Каффе и Сугдее. Морские торговые пути, в том числе и в Херсон, для Византии были закрыты, и город испытывал сильнейший экономический кризис.

На рубеже XIII-XIV веков до Юго-Западного Крыма докатилась волна кочевников-татар, и в 1229 году Херсон был разгромлен ордой татарского хана Нагая. К началу XIV века относятся найденные золотоордынские монеты, надгробия и камни с вырезанными на них орнаментами «сельджукского» стиля. Можно предположить, что татары вели с городом торговлю, однако он уже не мог соперничать с генуэзскими факториями, возникшими на крымском побережье. Постепенно приходивший в запустение город покидали его жители. В 1397 году он подвергся опустошительному разорению золотоордынским ханом Едигеем, после чего перестал существовать. Опустевший и заброшенный Херсон постепенно превращался в груды мертвых камней, над которым еще долгое время возвышались мощные оборонительные башни и стены. В 1472 году генуэзцы посчитали, что «было бы полезно снести башни и стены одного необитаемого места, которое называется Херсон. И это в тех целях, чтобы турки не заняли его».

По данным письменных источников, начало генуэзской колонизации Балаклавы относится к 1343 году. По созвучию с прежними, латинским *Symbolum* и византийским *Ямболи* они стали называть это место Чембало (*Chembalo*). Поперек северного склона горы Кастрон генуэзцы построили вал и ров, укрепленные деревянным частоколом, а на склоне, у северо-восточного угла намеченной крепостной ограда, возвели каменную башню с воротным проездом. Это укрепление и наземные постройки в 1354 году сжег ордынский хан Джанибек, от которого местным жителям пришлось спасаться бегством.

В 1357 году, после заключения мирного договора, генуэзцы приступили к возведению новой каменной цитадели. Основные работы

⁸ Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. С. 35.

были завершены в 1433 году, а к 1357 году относится известие о строительстве крепостных сооружений консулом и кастелянином Симоне дель Орто. Источником, дающим нам информацию об этом, является строительный камень, вторично использованный в 1810 году при возведении на старом фундаменте нового здания греческой Петропавловской церкви и выявленный в 1861 году в ее стене под штукатуркой В.Н. Юргевичем⁹.

Осенью 1433 года, после эпидемии чумы 1429 года и засухи 1428–1430 годов, греческое население Чембало подняло восстание против генуэзского правления, во время которого при военной помощи княжества Феодоро, захватило город и крепость. Историк XVI века Умберто Фольетта писал об этом событии: «В этом году греки, жители Чембало, города Таврического Херсонеса, составили заговор против генуэзских правителей города, взявшись внезапно за оружие, и, изгнав генуэзцев, они передали город какому-то греку Алексею, правителю Феодоро». В ответ на эти события сенат Генуи при поддержке банка Святого Георгия отправил к берегам Крыма эскадру из 20 галер с десантом из 6 000 наемных солдат под командованием кондотьера Карло Ломеллини. 4 июня 1434 года генуэзцы с боем взяли Чембало.

В 1453 году под ударами султана Магомета II Завоевателя пал Константинополь, и на развалинах столицы некогда могущественной Византийской империи утвердилось государство османов, которое с XVII века принято называть Османской империей. Наступило время, когда турецкие владения стали расширяться за счет новых территориальных приобретений.

После смерти в 1466 году хана Хаджи-Гирея началась борьба за власть между его сыновьями, в которой победил Менгли-Гирей. Противники нового хана из числа татарской знати обратились за помощью к султану, благодаря чему османы получили прекрасный повод для вмешательства в дела Крыма и Крымского ханства. 31 мая 1475 года турецкий флот под командованием великого визиря Гедик Ахмед-паши подошел к Каффе, осадил и захватил ее. Для османов

⁹ 29, р. 129; Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1476 гг.). // Таврические Студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 12–18

важной в геополитическом отношении была возможность быстрого присоединения генуэзских владений. Администрация и жители крепостей были деморализованы быстрым захватом Каффы. Вскоре началось покорение опорных пунктов генуэзцев на Южном берегу Крыма, в том числе и Чембало.

За немусульманами признавалась свобода вероисповедания, дававшая им возможность не только исповедовать свою религию, но и право регулировать свои семейные и брачные отношения, в том числе наследование, с помощью собственных религиозных норм. Мусульмане не вмешивались в их жизнь и исповедуемую ими ре-

Средневековый торговец

Карло Босолли. «Руины древнего Херсонеса». 1840-е годы

лигию. Христианские общины были в Инкермане и Балаклаве. В их ближней и дальней округе находилось 27 деревень с христианским населением, административно входивших в состав Мангупского каддылыка Кефинского санджака: Бельбек, Карань, Кадыкой, Камара, Алсу, Чоргун, Шулю, Мармара, Ай-Тодор, Кучки, Уппа, Чемлекчи (или Чамлы-Озенбашик), Уркуста, Биюк-Мускомья, Кучук-Мускомья, Варнутка, Ласпи, Хайто, Байдар, Сахтик, Календо, Скеля, Узунджа, Бага, Саватика, Каревис, Толе.

Польский дипломат Мартин Броневский, находившемуся в Крыму в 1578 и 1579 году в качестве посланника польского короля Стефана Батория к крымскому хану, отмечал, что Балаклаву «населяют немногие греки, евреи и турки; иногда купцы и путешественники, хотя очень редко посещают его с моря»¹⁰. Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666–1667 годах, сообщает, что в Балаклаве «всего 70 домов греческих неверных. Из-за того, что это – каменистое место, в этом пригороде совсем нет садов и виноградников. Здесь нет также источников», поэтому местное население пользовалось водой из колодцев. Большинство жителей Балаклавы, по словам этого автора, принадлежало к «племени лазов с противоположного берега Черного моря», потому что «татарский народ в таких скалах жить не может»¹¹.

Отсутствие портов в Северном Причерноморье лишало Россию возможности вести торговлю со странами Средиземноморья и Южной Европы. С конца XV века русское государство вело борьбу с Османской империей и Крымским ханством за выход к Черному морю и обладание Крымским полуостровом. В 60-е годы XVIII века в придворных кругах Петербурга обсуждался план предстоявшей войны с Турцией, в самом начале которой русское правительство намеревалось «учинить неприятелю чувствительную диверсию со стороны Греции». Для участия в этой военной операции в Средиземное море отправили пять эскадр Архипелагской экспедиции Балтий-

¹⁰ Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. // ЗООИД. Т VI. – Одесса, 1867. С. 343.

¹¹ Эвлия Челеби. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). / Вступит статья, пер. с османского языка, комментарии Е.В. Бахревского. Изд-ие 2-ое. – Симферополь, 2008. С. 30.

Турецкие янычары.
(«Museum of Ancient Turkish Costumes - Eski Türk Kıyafetleri Müzesi»)

ского флота с десантными войсками. Перед флотом ставилась задача: втянуть как можно большее число военно-морских и сухопутных сил противника в боевые действия на Балканах и островах Греческого Архипелага с целью ослабления сопротивления турок на Черном море и Придунайском театре военных действий. Общее командование флотом и войсками в Средиземном море возлагалось на фаворита Екатерины II генерал-аншефа графа А.Г. Орлова.

В ходе успешных военных действий во время начавшейся русско-турецкой войны 1768–1774 годов российская армия под командованием П.А. Румянцева и А.В. Суворова разгромила турец-

кие войска в битвах при Ларге, Кагуле и Козлуджи, а Средиземно-морская экспедиция русского флота под командованием генерал-аншефа графа А.Г. Орлова и адмирала Г.А. Спиридова в 1770 году нанесла сокрушительное поражение турецкому флоту в Хиосском проливе и Чесменском сражении.

Девширме. Османская миниатюра XVII в.

В сентябре 1771 году Крымский полуостров был занят русскими войсками. Сопротивление турок и татар оказалось слабым, а крымские крепости находились в плохом состоянии. Местное христианское население встречало русских более чем доброжелательно¹², и в июне того же года не без помощи крымских христиан русские, практически без потерь, взяли хорошо укрепленную крепость и город Кафу с многотысячным османским гарнизоном¹³.

В самый разгар описанных событий, 23 апреля 1771 года, из Константинополя в Балаклаву прибыл назначенный на управление Готфейско-Кафайской епархии новый правящий архиерей митрополит Игнатий (Гозадинов)¹⁴, откуда 27 апреля он отправился к месту нахождения кафедры в Бахчисарай. Вскоре последовали два его обращения: 29 сентября 1771 года – в Святейший Синод, и 8 декабря 1772 года – к Екатерине II, в которых он впервые затронул вопрос о возможности принятия живших в Крыму православных греков под покровительство России с целью сохранения веры и их национальных обычаев¹⁵.

Положение крымских христиан с появлением на полуострове российских войск стало тяжелым. «Страдальческое положение» крымских христиан, преследуемых татарами в 1771–1774 годах достаточно ярко изложено в дневнике протоиерея Трифиллия Сарацоглу. Он был невольным свидетелем того, как татары сожгли христианскую деревню Русохат возле Балаклавы, когда в 1774 году находился в деревне Камары. «Это опасное лесное место... Татары с обеих сторон опередили меня около трех часов, – записал он в своем

¹² Маркевич А.И. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму. // ИТУАК, № 31. Симферополь, 1901. С. 6; Сухарев М.В. Становище православного населения в Крыму в 70-е – на початку 80-х рр. XVIII ст. // Культура народов Причерноморья. № 50. – Симферополь, 2002. С. 184.

¹³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – М., 2005. С. 122.

¹⁴ Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. / Сост. кафедральным протоиереем Михаилом Родионовым. – Симферополь, 1872. С. 40.

¹⁵ Крымский Афон (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях). – Симферополь, 1995. С. 12–13.

дневнике; – спасся, успев уговорить их словом. Много я испытал, занимаясь делами епархии»¹⁶.

В результате победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 годов и по условиям заключенного в 1774 году Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией, Крымское ханство получило независимость от Турции, сохраняя при этом религиозную зависимость татарского населения от турецкого султана – халифа «всех правоверных»¹⁷. Присоединение к территориям России крепостей Керчь, Ени-кале и других приморских пунктов дало возможность «стать твердою ногою в Крыму и на Кубани». Вскоре после заключения в 1774 году Кучук-Кайнарджийского мирного договора, все крымские христиане были взяты под особое покровительство правительства России¹⁸.

Почти все ремесленное производство и внешняя торговля Крымского ханства были ориентированы исключительно на турецкий рынок, поэтому сразу же после вывода российских войск с территории полуострова там произошел мятеж сторонников Девлет-Гирея, ставшего новым крымским ханом. В ответ на это Петербург поддержал мятеж пророссийски настроенной партии в Крыму во главе с Шагин-Гирей-султаном. Это привело к страшному по своим масштабам бунту, охватившему к концу 1777 года весь Крымский полуостров. Все это происходило на фоне подготовки Турции к новой войне с Россией.

Подавить бунт удалось только к концу февраля 1778 года с помощью Крымского армейского корпуса и поступившего на российскую службу «греческого войска», состоявшего из «архипелагских греков». «Мятежные татары» были разоружены, и на полуострове воцарилось затишье. В этих сложных условиях возникла идея переселения христиан из Крыма в Приазовье, имевшая, как сторонников, так и противников в кругах дипломатов, государственных и военных деятелей. Князь Прозоровский, например, зная, что «есть монаршие

¹⁶ Серафимов С., протоиерей. Заметки из архива Готфейской епархии Крыму. // ЗООИД. – Одесса, 1867. Т. VI. С. 593.

¹⁷ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). – М. 1955, С. 280.

¹⁸ Сухарев М.В. Становище православного населения в Крыму в 70-е – на початку 80-х рр. XVIII ст. // Культура народов Причерноморья. № 50. – Симферополь, 2002. С. 184–185.

виды на завладение Крымом», еще 20 января 1778 года в постскрипту к рапорту князю Потемкину в недоумении написал: «На позволение, если что, так выводить отсюда христиан, осмелюсь вам, светлейший князь, доложить, что когда Крым возьмется в подданство, то, как и в первом письме упомянул, они будут первые здесь жители, почему, кажется и выводить их отсюда бы уже незачем»¹⁹.

Трудную задачу по подготовке и осуществлению переселения христиан из Крыма в Азовскую губернию князь Г.А. Потемкин возложил на А.В. Суворова²⁰. Во исполнение этого предписания в июле того же года Суворов подал Румянцеву записку об условиях переселения христиан, и летом 1778 года началось переселение. Из Балаклавы, Инкермана и деревень Бельбек, Мармара, Карань, Камара, Алсу, Ласпи, Хайто и Толи переселилось 1 588 душ обоого пола и 16 священников.

¹⁹ А.В. Суворов: Сборник документов. Т. II. / Под ред. Г.П. Мещерякова. – М., 1951. С. 98.

²⁰ А.В. Суворов: Сборник документов. Т. II. С. 92.

Митрополит Кафайский и Готфейский Игнатий (Гозадинов) (1715–1786)

Начало грамоты Екатерины II крымским грекам

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ В 1783 году. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ И ОБРАЗОВАНИЕ МЕСТНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ

В 1779 году обстановка в Крыму по-прежнему оставалась напряженной. В 1780 году российские войска, в соответствии с подписанной русско-турецкой конвенцией, были выведены за Перекоп, и весной 1782 года на полуострове вновь вспыхнуло восстание против хана Шагин-Гирея, поддержанное агентами Турции. На помощь ставленнику России снова двинулись войска, но в Петербурге всерьез задумались о перемене в крымской политике, и 14 декабря князю Г.А. Потемкину был дан секретный рескрипт о занятии при первом же удобном случае Крыма. Судьба полуострова и Крымского ханства была предreshена.

8 апреля 1783 года Екатерина II подписала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской сторо-

ны под Российскую державу», над которым она работала совместно с князем Потемкиным. Документ этот должен был храниться в тайне до тех пор, пока присоединение ханства не станет свершившимся фактом.

Строительство будущего города и военного порта начали на западном берегу Южной бухты, где «не было даже ни одной хижинки: все место было дико и покрыто мелким дровяным лесом и кустарником». Нагорная возвышенность в центре современного Севастополя также была покрыта мелким лесом и зарослями кустарника. 3 июня 1783 года здесь заложили первые четыре каменные постройки нового города: дом контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи, кузницу, пристань и «небольшую церковь или, скорее, часовню», освященную 6 августа 1783 года²¹.

13 июля Государственной адмиралтейств-коллегии была представлена карта, послужившая в дальнейшем основой для составления планов строительства будущего военного порта и города. Строившийся военный порт «носил все еще имя последней необитаемой татарской деревушки» Ахтиар «на северном берегу залива», но в 1784 году, по предложению архиепископа Славянского и Херсонского Евгения Булгариса (1715–1806), императрица Екатерина II переименовала его в Севастополь²².

В 1783–1784 гг. на зимовке в Южной бухте находилось 20 российских военных судов²³. Первым греком, ступившим на этот безлюдный берег и зимовавшим здесь вместе с русскими моряками, был капитан 1 ранга Панайот Павлович Алексиано²⁴, – храбрый морской офицер, неоднократно отличившийся во время русско-турецкой войны

Карта Гавани Ахтьярской с промером снятой берег от устья Черного моря вокруг оной гавани до города Икермана и с положением онаго по мере и по инструменту и с показанием на большом бештеке гор и с селениями в профиле. Pallas, P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1799

²¹ Гончаров В. Адмирал Сенявин. Биографический очерк с приложением записок Д.Н. Сенявина. – М. – Л., 1945. С. 124.

²² Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. – СПб., 1872. С. 86; Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887. С. 339.

²³ Головачев В.Ф. Указ. соч., С. 83.

²⁴ Там же.

1768–1774 годов. в Архипелаге. Именем этого, «одного из древних капитанов Черноморского флота»²⁵, севастопольцы называли балку на северной стороне Рейдовой бухты, где находился принадлежавший его семье хутор²⁶.

2 февраля 1784 года была образована Таврическая область под управлением князя Потемкина, состоящая из Крымского полуострова, прилегающих к нему районов Северного Причерноморья и Тамани. Назначенный генерал-губернатором новообразованной области светлейший князь, видя необходимость охраны покрытого горами южного побережья, не имевшего в то время дорог и надзора за скрытой гаванью при селении Балаклава, стал размышлять о том, кому доверить охрану береговой линии от Севастополя до Феодосии. Для этого требовались «люди храбрые, испытанного мужества, знакомые с горными местами, привыкшие к морской и сухопутной службе, и к тамошнему образу жизни, и, что всего важнее – на верность коих можно было бы положиться»²⁷.

Выбор Г.А. Потемкина остановился на Греческом пехотном полке, в формировании которого он принимал деятельное участие. Он считал служивших в нем греческих офицеров и солдат «самыми надежными людьми» и говорил, что «пока арнауты будут в Тавриде, он не побоится вывести из нее все русские войска»²⁸.

Екатерина II Высочайше утвердила предложение князя Потемкина «по защите вновь приобретенного края», и в указе от 10 февраля 1784 года «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии» повелела: «Первое: начиная с пределов Екатеринославского наместничества, где оное граничит с Польшею, устроить следующие укрепления: <...>

9. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахти-Яр, и где должны быть адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение.

²⁵ Афанасьев Д. Путеводитель по Севастополю. – Николаев, 1857. – С. 83.

²⁶ «Панайотова балка» находится на Северной стороне Севастополя между балками Голландия и Инженерной. В конце XVIII – начале XIX вв. эти земли принадлежали семье П.П. Алексанов.

²⁷ Сафонов С.В. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы. // ЗООИД. – Одесса, 1844. Т. I. С. 220.

²⁸ Там же, С. 227.

Князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический (1739–1791). Портрет неизвестного художника

главным поселением вышедшего в 1775 году из Архипелага «Греческого войска».

Выгоды и привилегии, которые русское правительство «щедрою рукою давало всем, желавшим селиться в Крыму, особенно грекам, «его единоверцам и древним этой страны обитателям», привлекли желаемых новых поселенцев». Первыми из таковых были сподвижники графа А.Г. Орлова-Чесменского в русско-турецкой войне 1768–1774 годов – архипелагские греки, поселенные в 1775 году в крепостях Керчь, Ени-кале и городе Таганроге, а с 1783 года расселившиеся и осевшие во всех городах полуострова. Ими в конце XVIII

²⁹ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 798, лл. 117, 118.

10. Балаклаву, исправя как она есть и содержа ее поселенными тут греческими войсками <...>»²⁹.

С подписанием этого указа началось официальное заселение греками Балаклавы. Здесь разместился штаб Греческого пехотного полка, началось строительство казарм, складов, магазинов и частных домов.

Вскоре выяснилось, что выделенной и размежеванной при Балаклаве земли оказалось недостаточно, отчего некоторые служители «считали положение свое ненадежным». Узнав об этом, князь Потемкин в 1786 году предписал: раздать грекам земли, отведенные при пустовавших деревнях Камары, Карань и Алсу. Так образовалась греческая колония в Балаклаве, а сам городок стал

века были возобновлены древние и построены новые православные церкви в Крыму.

9 сентября 1786 года последовал Высочайший указ Екатерины II: «Славянского и Херсонского архиепископа переименовать в Екатеринославского, Херсонского и Таврического, и подчинить ему все находящиеся там церкви»³⁰.

Утвержденная в 1787 году для крымских и мариупольских греков викарная Феодосийская епархия, епископам которой был придан титул «Феодосийских и Мариупольских», стала, по сути, продолжением существовавшей здесь последней Готфейско-Кафайской епархии Константинопольского патриархата. Поводом к ее учреждению была последовавшая 16 февраля 1781 года в Мариуполе кончина митрополита Игнатия (Гозадинова), который оставался пожизненным архиереем своей выведенной из Крыма в 1778 году паствы. С 1787 года все жившие в Мариупольском округе выходцы из Крыма, а также переселившиеся в 1775 году из Греции в Крым архипелагские греки и греческие священники были причислены к новообразованной викарной епархии, в непродолжительный период существования которой ею последовательно управляли пять архиереев. Первое время местом пребывания Феодосийских и Мариупольских епископов стала Феодосия, где, вместо кафедрального собора, ими была избрана возобновленная греческая Введенская церковь³¹. Первым викарием Екатеринославской епархии стал епископ Феодосийский и Мариупольский Дорофей Возмуйлов или Возмуйлос (1733–1790)³².

³⁰ Родионов Михаил, протоиерей. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. – Симферополь, 1872. С. 45.

³¹ Арсений Лебединцев, протоиерей. Указ соч., С. 208.

³² Епископ Дорофей (Возмуйлов или Возмуйлос; 1733 – 10 октября 1790, Таганрог) – епископ Греко-Российской православной церкви, епископ Феодосийский и Мариупольский, викарий Екатеринославской епархии. Грек по происхождению, он подвизался в Иверском монастыре на святой горе Афон. С 1759 года был настоятелем церкви русского посольства в Константинополе, с 1765 года – состоял ректором Греческой коллегии в Венеции, в 1768 году был назначен заведующим войсковым духовенством в Польше. С 1777 года – архимандрит, настоятель Царе-Константиновского монастыря Владимирской епархии. В 1779 году перешел в Нежинский Назарет-Богородичный греческий монастырь. 2 мая 1787 года хиротонисан во епископа Феодосийского и Мариупольского.

Архиепископ Славянский и Херсонский Евгений Булгарис (1715–1806). Портрет работы неизвестного художника

Гражданское население Севастополя в конце XVIII века, наряду с русскими, православными по вероисповеданию, составляли иностранцы, бывшие протестантами, католиками, лютеранами. Командный состав кораблей и судов формировался из переведенных с Балтийского на Черноморский флот штаб- и унтер-офицеров, выпускников Морского кадетского корпуса и Греческой гимназии для чужестранных единоверцев, и не был этнически однородным. Опытных русских морских офицеров в то время еще не хватало, поэтому на Севастопольской эскадре служило много иностранцев, состоявших на российской службе – англичан, голландцев, французов, итальянцев, греков. Вот, например, как выглядел командный состав новопостроенного корабля «Мария Магдалина»: командовал кораблем капитан 1 ранга В.Ф. Тиздель (англичанин), должность старшего офицера на корабле исполнял лейтенант Сарандо Велизари (грек), в подчинении которого находились лейтенант Спиридон Дегалето (венецианско-подданный грек), мичманы Георгий Демонаки (грек), Федор Алексиано (грек), Франц Замбекари (замбекари) и Юлиан Ломбарди (итальянец)³³.

Важная роль в восстановлении древних и строительстве новых православных церквей в Севастополе, Балаклаве и селах ближайшей округи принадлежала поселенным здесь с 1784 года архипелагским грекам и, отчасти, грекам – старожилам этих мест, вернувшимся в крымские деревни из Мариупольского уезда в конце XVIII – начале XIX вв.

Обустроившись на новом месте, состоявшие на службе офицеры и нижние чины Греческого пехотного полка возобновили древнюю церковь свв. Петра и Павла в Балаклаве. Первые годы она выполняла функцию полковой, и с 1797 года перешла в ведение обер-священника армии и флота протоиерея Павла Озерецковского (1758–1807). Из переписки командира Греческого пехотного полка подполковника Стефана Мавромихали с Феодосийской Духовной Консistorией и епископом Феодосийским и Мариупольским Иоанном следует, что каменная «балаклавская Петропавловская полко-

³³ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 33–34, 279, 468; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. С. 422, 431; Общий морской список. Ч. VIII. – СПб., 1894. С. 595, 598; Морской сборник. – СПб., 1850. № 7. С. 39.

вая церковь», находившаяся в 1796 году «во всем благосостоянии», была восстановлена «собственным коштом» греческих офицеров и нижних чинов полка³⁴.

В начале XIX века возобновленная наскоро церковь пришла в ветхость и, как следует из «Формулярной ведомости» за 1810 год, греки разобрали ее стены и на старом фундаменте возвели новое здание.

Первыми священнослужителями в балаклавской Петропавловской церкви были престарелые иеромонах Ананий и священник Софроний Капилети – уроженец города Аргос, переселившийся в 1775 году из порта Аузо (греч. Науса) в отошедшие к России по Кучук-Кайнарджийскому миру крепости Керчь и Ени-кале в Крыму вместе с митрополитом Монеувасийским Анфимом (1733–1804), архимандритом Захарием Петропуло (1743–1808) и другими греческими священниками.

К балаклавской Петропавловской церкви была приписана маленькая древняя часовня во имя св. Троицы, пустовавшая с 1778 года и также возобновленная в 1790-е годы поселенными в Балаклаве греками. Их же стараниями и иждивением была поддержана древняя базилика в пребывавшем в запустении Георгиевском монастыре на мысе Феолент, где в то время обитал лишь один престарелый монах-отшельник Каллиник (1712–1818), проживший 116 лет. Прежние насельники святой обители, как уже говорилось, во время выхода из Крыма в 1778 году вывезли всю церковную утварь, ризницу и книги.

Поселенные в 1784 году в деревне Кады-кой греки обнаружили вытекающий из скалы источник воды, расположенный на окраине, недалеко от дороги из Севастополя в Балаклаву. Вскоре было замечено, что люди, орошаемые набранной из него водой, выздоравливали. С этого времени источник стал почитаться целебным, и это побудило греков, увидевших в нем особую Божью благодать, построить при нем часовню, освященную в 1789 году. От вышедших в 1778 году из Крыма греков сохранилась легенда о том, что сам св. Георгий посещал это место на коне, от копыт которого на склоне ска-

³⁴ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5043, лл. 2 об. 7, 8 – 8 об.

Вильборг А.И. Унтер-офицер, рядовой и офицер 2-го батальона Греческого пехотного полка. 1779–1796 годов

лы остались следы, поэтому часовню при источнике освятили во имя св. вм. Георгия.

Видимо, в эти же годы, но не позднее начала первой четверти XIX века, поселенными здесь архипелагскими греками была возобновлена небольшая древняя часовня во имя св. пророка Ильи, находившаяся на вершине невысокой одноименной горы, расположенной между Балаклавой и деревней Кады-кой.

Несмотря на то, что свое официальное имя Севастополь получил лишь после указа Екатерины II от 10 февраля 1784 года, город в то время фактически уже существовал. «Севастополь вместе с весной 1784 года, – говорится в записках Д.Н. Сенявина, – давно уже образовался, все строения оштукатурены, выбелены, хорошо покрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и это все вместе на покатоности берега делало вид очень хороший»³⁵.

Изначально Севастополь застраивался по плану, составленному в 1785 году инженером-полковником Н.И. Корсаковым. На территории между Артиллерийской и Карантинной бухтами, площадью более 120 десятин, предполагалось начать сооружение городских построек и крепости. Однако план Корсакова не учитывал сильно пересеченный характер местности, на которой строился город, поэтому не был осуществлен в полной мере, и к 1787 году удалось обустроить только Артиллерийскую слободку. Центральная же часть Севастополя, несмотря на усилия руководившего строительством адмирала А.Н. Сенявина, застраивалась, в основном, стихийно.

В течение первых лет было построено около 40 «казенных и партикулярных строений». В Севастопольском порту «не было еще никаких укреплений, и адмиралтейство только еще устраивалось», а Центральный городской холм, на котором в наше время расположена лучшая часть города, был покрыт порослевым лесом³⁶. На низменной части каменистого берега Южной бухты построили каменную пристань, широкие ступени которой спускались почти к са-

³⁵ Гончаров В. Адмирал Сенявин. Биографический очерк с приложением записок Д.Н. Сенявина. – М. – Л., 1945. С. 124.

³⁶ Аркас З.А. Отрывки из записок севастопольского старожила. // Морской сборник. – СПб., 1852. № 1. С. 33–36.

Стефан Ксантович Мавромихали (1734–1801).
Портрет работы неизвестного художника

мой воде. Вблизи от пристани, названной Екатерининской³⁷, стоял большой одноэтажный каменный дом контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи, считавшийся в то время лучшим в городе. За ним, на западном мысу, находилось несколько домов, принадлежавших командирам кораблей. Здесь же находились два небольших казенных домика, напротив которых построили длинное, разделенное на секции, здание для проживания морских офицеров, позднее обращенное в адмиралтейские и провиантские магазины. На противоположной от часовни св. Николая стороне стояли угловые дома подрядчика черноморского департамента купца Экзаменовского и корабельного мастера Юхарина. За ними шли дома капитана над Севастопольским портом Доможирова, капитана 1 ранга Ушакова, и «несколько греческих и русских торговых лавок с выстроенными напротив них пекарнями». «Все это составляло тогда единственную в городе улицу, представлявшую собой начало дороги на Балаклаву, и в том заключался весь город»³⁸.

В начале 1787 года из Петербурга в Севастополь прибыли для определения на Черноморский флот выпускники Греческой гимназии, изучившие теорию морского дела и прошедшие морскую практику на Балтийском флоте. В их числе были мичманы П.Н. Драгопуло, К.А. Иеромузо, К.Ю. Патаниоти, И.Н. Тригоны и К.Г. Гайтани, ставшие впоследствии жителями Севастополя. На кораблях эскадры в то время уже служили офицеры-греки, имевшие за плечами славное боевое прошлое: капитан 1 ранга П.П. Алексиано, капитан 2 ранга Н.П. Кумани, капитан-лейтенанты А.П. Алексиано, Е.П. Сарандинаки и Е.С. Карандино³⁹ (последний с 1787 года исполнял должность помощника капитана над Севастопольским портом).

В 1787 году Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествие в Тавриду. На всем протяжении пути императрицу сопро-

³⁷ Строительство каменной пристани, названной Екатерининской, построенной в 1783 г., завершилось в марте 1787 г. при командующем эскадрой графе М.И. Войновиче, поэтому за ней укрепилось название «Графская». См.: Исторический путеводитель по Севастополю. – СПб., 1907. С. 135–136.

³⁸ Там же, С. 33–35.

³⁹ Общий морской список. – Ч. III. – СПб., 1890. – С. 29, 32–33, 40–42, 338–340, 364–365, 502; Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 29–30, 187–188, 533; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. С. 22, 187–188, 222, 444.

вождала многочисленная свита и дипломаты многих европейских государств, приглашенные для демонстрации успехов в заселении Новороссийского края и Крыма. Английский посол Элейн Фитцгерберт, французский посланник Луи Филипп де Сегюр, австрийский посланник Иоганн Людвиг фон Кобенцель, принц Карл Генрих Никола Нассау-Зиген, принц Шарль де Линь – вот далеко не полный перечень официальных лиц, участвовавших в этом политическом раунде. В Канев для встречи с императрицей выехал польский король Станислав-Август Понятовский.

В Херсоне к путешествующим особам присоединился австрийский император Иосиф II, приехавший в Россию под именем графа Фалькенштейна⁴⁰. Впрочем, инкогнито монарха ни для кого не являлось тайной и его тепло приняли: личное присутствие Иосифа II символически скрепляло в глазах иностранных послов и гостей антитурецкий союз Австрии и России.

Главным пунктом путешествия императрицы в новоприобретенный полуденный край являлся, конечно же, Севастополь, – база недавно созданного российского Черноморского флота, порт и военное поселение, где все было готово к тому, чтобы встретить и поразить гостей. 22 мая 1787 года эскорт прибыл к намеченной цели. Для отдыха и пребывания императрицы подготовили дом рядом с Екатерининской (Графской) пристанью, построенный для себя еще в 1783 году контр-адмиралом Мекензи и считавшийся в то время самым лучшим домом в Севастополе.

В воскресенье 23 мая в 10 часов утра при колокольном звоне Екатерина II в сопровождении австрийского императора Иосифа II и многочисленной свиты направилась в часовню св. Николая Чудотворца, где слушала литургию. Посещение часовни императрицей было обставлено с большой торжественностью. Дорога от дворца до церкви была вымощена камнем, посыпанным мелким песком. Место, на котором во время литургии стояла государыня, было убрано красным бархатом, шитым золотом, а возвышенный в этом месте пол покрыт темно-зеленым сукном. В притворе ее встречало немногочисленное местное духовенство «с крестом и святою водою».

⁴⁰ Fejto F. Un Habsburg revolutionnaire. Joseph II portraïait d'un despot eclaree. – Paris, 1953. P. 65.

Императрица Екатерина II (1729–1796).
Портрет работы неизвестного художника

В память своего посещения государыня оставила в часовне букет из шелковых цветов, подаренный ей посланником Мальтийского Гроссмейстера⁴¹.

Утром 24 мая, под несмолкаемые залпы салюта с кораблей и береговых батарей, императрица выехала из Севастополя по единственной тогда улице в городе и направилась в Байдарскую долину⁴². По пути предстояло заехать в Балаклаву, где императрицу и гостей ожидал сюрприз, подготовленный князем Потемкиным: при въезде в деревню Кады-кой, «в конце аллеи, уставленной апельсинными, лимонными и лавровыми деревьями», путешественников встретили священник Софроний Капилети, иеромонах Ананий и «рота амазонок», состоявшая из ста конных вооруженных гречанок – «благородных жен и дочерей чинов Греческого пехотного полка». Они были одеты в зеленые бархатные куртки, расшитые золотым галуном, малиновые бархатные юбки, а на головах красовались великолепные белые тюрбаны с золотыми блестками. «Командиром» этой экзотической театрализованной «роты» была жена штаб-офицера Греческого пехотного полка Елена Сарандова. Не выходя из кареты, восхищенная императрица подозвала ее к себе, подала руку и произнесла: «Поздравляю Вас, амазонский капитан! Ваша рота исправна, я ею очень довольна». Из Симферополя Екатерина II прислала Елене Сарандовой бриллиантовый браслет, стоимостью в 1 800 руб., а «амазонской роте» пожаловала 10 000 руб. серебром⁴³.

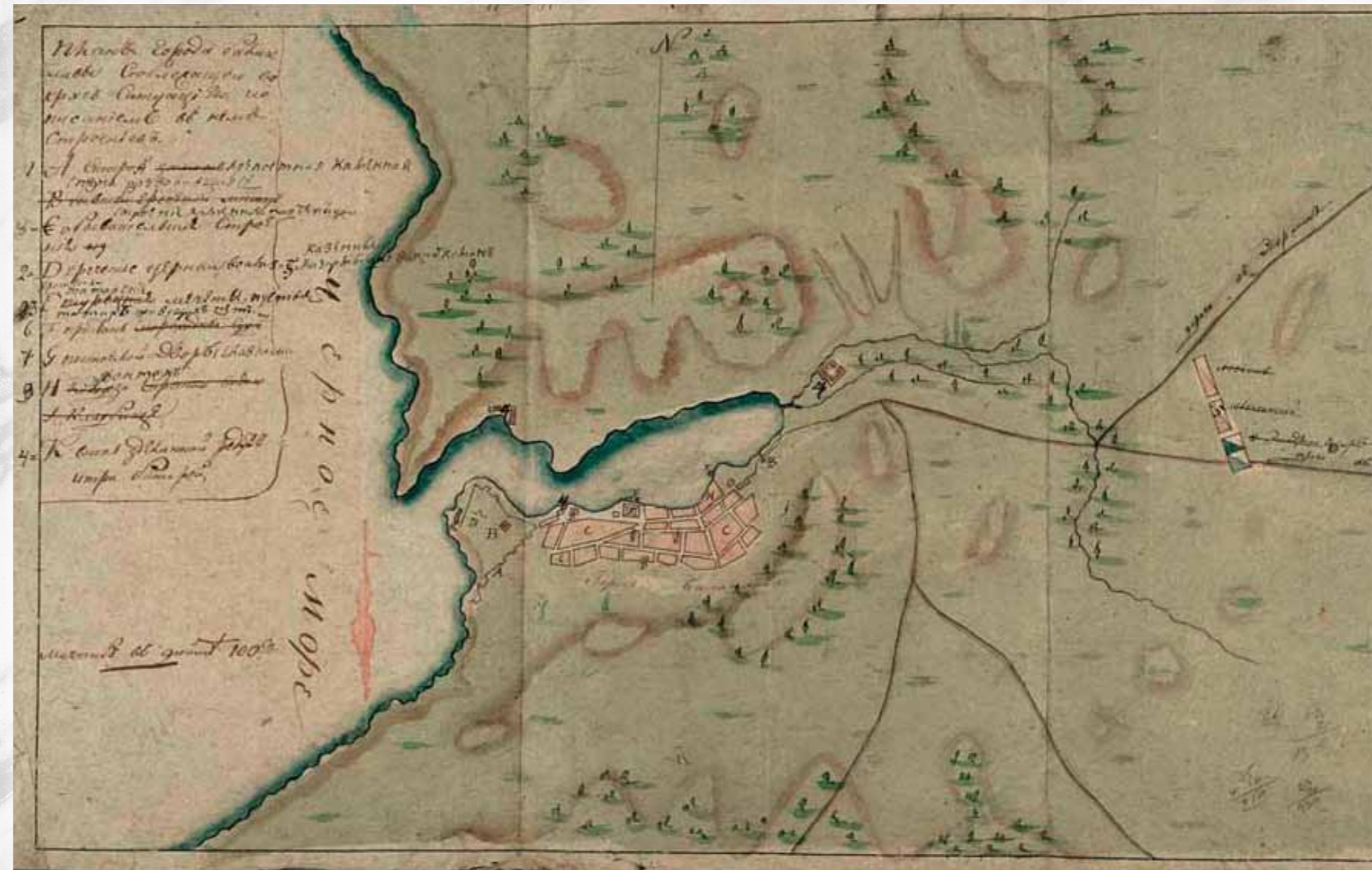
Едва успела императрица вернуться в Петербург, как разразилась новая война. Ни российская армия, ни Черноморский флот, находившийся в стадии строительства и комплектования личным составом экипажей кораблей и фрегатов, не были готовы к ведению

Встреча Екатерины II «амазонской ротой» у деревни Кады-кой.
Гравюра неизвестного художника

военных действий⁴⁴. Начало новой войны с Турцией совпало с неблагоприятным для России двухлетним неурожаем. Екатерина II вынуждена была запретить вывоз хлеба за границу, и впервые закупить его на сумму более 2 млн. рублей, чтобы бесплатно раздавать в пострадавших от засухи губерниях. К началу открытия военных действий с Турцией Черноморский флот насчитывал в своем составе 46 судов различного ранга. Его главную боевую силу составляли 3 корабля и 12 фрегатов. Основная парусная корабельная эскадра базировалась в Севастополе, остальные парусные корабли и флотилия гребных судов находились в Херсоне. Турецкий же флот к тому времени был заново выстроен, и превосходил Черноморский как в количественном, так и качественном отношении. Он имел в своем составе 20 кораблей, 20 фрегатов и большое число малых парусных судов.

⁴⁴ Лашков Ф. Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 гг. (По архивным данным). // ИТУАК. – Симферополь, 1909. № 8. С. 56.

План города Балаклавы с прилежащей к нему местности

⁴¹ Зайончковский А.М. Исторический путеводитель по Севастополю. – СПб. 1907. С. 140–141.

⁴² Аркас З.А. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его с 1788 по 1798 год. С. 267; Путешествие императрицы Екатерины II в Тавриду. // Морской сборник. – СПб, 1855. № 4, уч.-л. С. 139–149.

⁴³ Дуси Г. Записка об амазонской роте. // Москвитянин. 1844. № 1. С. 266–268; Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. С. 326–327; Лашков Ф.Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидьянской (Сарандовой). // ИТУАК. – Симферополь, 1889. № 7. С. 83–86.

Узнав о том, что турецкий флот сосредотачивается у Варны, князь Г.А. Потемкин предписал графу М.И. Войновичу немедленно отправиться туда с эскадрой и уничтожить его: «Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам вашим. Где увидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть»⁴⁵.

Выполняя предписание Потемкина, 31 августа (11 сентября) Войнович вывел из Севастополя эскадру в составе 3 кораблей и 12 фрегатов, и отправился на поиск неприятельского флота к берегам Румелии. 8 (19) сентября, когда корабли находилась всего в 40 милях от Варны, в море начался жесточайший шторм, не прекращавшийся в течение пяти дней. Его последствия были катастрофическими для эскадры: боеспособность утратила 1/3 парусного корабельного флота⁴⁶. Узнав о случившемся, князь Г.А. Потемкин пришел в отчаяние: «Флот севастопольский разбит бурей... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». 19 (30) сентября он просил императрицу сложить с него командование, а 24 сентября (5 октября) писал в Петербург о своем намерении вывести войска из Крыма⁴⁷.

Получив сообщения светлейшего князя, Екатерина II вознаменилась повторить поход кораблей Балтийского флота в Архипелаг, как это было в предыдущую войну с Турцией, и Военная коллегия приступила к снаряжению эскадры из 15 кораблей и фрегатов для отправки в Средиземное море. Однако из-за отказа Англии, считавшейся по праву владычицей морей, предоставления своих портов для стоянки эскадры в пути следования, поход превращался в авантюру, и новую экспедицию в Архипелаг, готовившуюся по проекту генерал-майора И.А. Заборовского, пришлось отменить. Оставалось уповать лишь на то, как будут развиваться дальнейшие события на Черном море.

В Севастополь, тем временем, вернулись корабли и фрегаты – все с порванными парусами, без мачт, с многочисленными пробоинами и повреждениями. С получением известия о возвращении эскадры Г.А. Потемкин предписал главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу Н.С. Мордвинову отправить в Севастополь опытного корабельного мастера С.И. Афанасьева «для осмотра и описания всех дефектов на кораблях эскадры и представления своего мнения о способах их устранения». К ремонту поврежденных кораблей и фрегатов были привлечены не только матросы, но и офицеры.

Кроме недостатка в боевых кораблях, многие из которых только строились или готовились к спуску на верфях в Херсоне, Черноморский флот испытывал острую потребность в кадрах опытных моряков, способных в военное время решать поставленные перед флотом задачи. Более всего этим требованиям отвечали греки. Сложившиеся обстоятельства побудили правительство России обратиться к опыту Архипелагской экспедиции 1769–1774 годов и провести широкую вербовку греков-волонтеров.

Сразу же после объявления войны Турцией, в Севастополь и Херсон стали прибывать греки, состоявшие ранее на российской службе. Так, например, Эммануил Вальяно, служивший в 1772–1775 годах волонтером на судах Архипелагской экспедиции и оставшийся в Греции после ухода кораблей в российские порты, узнав о начале войны, прибыл в Севастополь, и 1 (12) сентября 1787 года был принят на флот «за мичмана». Вместе с ним вступили в службу его братья – Анастасий, Григорий и Николай Вальяно. В числе моряков-греков, прибывших в Севастополь с Ионических островов, были жители города Аргостоли (остров Кефаллиния) – братья Андрей, Спиридон, Фотий и Георгий Ричардопуло, Иван, Дмитрий, Антон и Николай Глези (Энглези), Лука, Герасим и Зосим Фока⁴⁸. Все они прежде были активными участниками военных операций графа А.Г. Орлова в минувшую войну с Турцией и убежденными сторонниками России.

⁴⁵ Головачев В.Ф. Указ. соч., С. 116.

⁴⁶ Лашков Ф.Ф. Указ. соч., С. 56; Неделин А.И. Указ. соч., С. 29.

⁴⁷ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. – М., 1997. С. 785, 231.

⁴⁸ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 117; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. С. 121–122; А.В. Суворов. Сборник документов. // Под ред. Г.П. Мещерякова. Т. II. – М.: Воениздат, 1951. С. 565.

Сражение у острова Тендра 28-29 августа (8-9 сентября) 1790 года

Не меньшей проблемой для строившегося Черноморского флота была нехватка матросов: личный состав кораблей и фрегатов на $\frac{3}{4}$ состоял из рекрутов, взятых на службу в 1787 году, а недокомплект на них составлял от 100 до 250 человек. Вследствие этого командование флотом проявило инициативу в привлечении как можно большего числа вольнонаемных матросов-греков, на что охотно откликнулись греческие переселенцы⁴⁹.

Активное участие в начавшейся войне с Турцией принимал Греческий пехотный полк, часть которого под командованием подполковника К.Г. Чапони поместили на корабли Черноморского флота. Основные боевые действия в кампании 1787 года происходили на Днепровском лимане и сухопутном театре военных действий. Лиманская парусная эскадра, которой командовал контр-адмирал Н.С. Мордвинов, успешно защищала крепость Кинбурун. Офицеры и солдаты Греческого пехотного полка под командованием майора С.К. Мавромихали способствовали войскам генерал-аншефа А.В. Суворова в уничтожении отборного пятитысячного отряда янычар, высаженного 1 (12) октября 1787 года на Кинбурунской косе, а корабли эскадры не допустили турок к Херсону, заставив неприятельскую эскадру отойти под защиту очаковских батарей, а к середине октября – уйти к Босфору⁵⁰.

Для увеличения русских военно-морских сил на Черном море впервые в истории Российского флота в самом начале войны были привлечены *каперы* – частные вооруженные суда, принадлежавшие судовладельцам-грекам. По мнению популярного российского писателя и военного публициста А.Б. Широкорада, «корсары под русским флагом не очень отличались, к примеру, от пиратов Карибского моря»⁵¹. Следует пояснить, что *каперство* (или *корсарство*) следует отличать от *пиратства*. Если пираты, находившиеся вне закона, занимались морским разбоем и действовали на свой страх и риск, как в мирное, так и в военное время, то каперы (корсары) вели партизанские действия на море исключительно во время войны. *Кор-*

сарство – это участие частных вооруженных судов в военных действиях на основании полномочий, полученных от воюющего государства в форме каперской грамоты или свидетельства. В зависимости от условий заключенного соглашения корсар, полностью или частично, получал в награду имущество и груз, захваченные им на неприятельском судне. После окончания войны и заключения мира между воюющими странами команды корсарских кораблей расформировывались. В отличие от пиратства, корсарство находило широкое применение и считалось *легальным средством ведения военных действий на море*⁵². Впоследствии тактика каперов нашла применение в доктринах крейсерской войны.

3 (14) августа 1787 года был принят волонтером на Черноморский флот севастопольский купец Николай Стамати, которому принадлежало быстроходное трехмачтовое судно «Симферополь». Его примеру последовали владелец полакрь⁵³ «Панагия Дусено» Иван Милиси, таганрогский купец и владелец судна «Панагия Турлани» Спиро Кокурато, керченский житель и владелец торгового судна «Св. Георгий» Герасим Звороно, владелец шхуны «Панагия Тука» Дмитрий Манопуло и другие шкиперы и корабельщики⁵⁴.

Князь Потемкин в ордере контр-адмиралу Мордвинову от 28 августа (9 сентября) 1787 года сообщал, что к нему в Херсон «являются греческие шкиперá», изъявляющие желание «служить противу турок на море» в качестве корсаров. Все они имели собственные суда, прося о выдаче на них «вооружения и надлежащей оснастки», поэтому светлейший князь предписывал «давать таким шкиперáм патенты на поднятие русского флага, и... делать им возможное снабжение, как ненужными орудиями, так и прочими снарядами и припасами»⁵⁵.

⁴⁹ Маховский Я. История пиратства. – Киев: СП Свенас, 1992. С. 250.

⁵⁰ Плакр, полакра, полякра, полярка, поляка (исп. *polacra*, фр. *polacre*, нем. *polacer*, происхождение слов в этих языках неизвестно) – тип парусного судна, распространенный на Средиземноморье в XVI–XIX вв.

⁵¹ Артеменко Л.Т., Веникеев Е.В. Указ. соч., С. 145.

⁵² ИТУАК. – Симферополь, 1893. № 23. С. 32–33.

Крепость Кинбурун, при активном участии капитана Греческого пехотного полка Л.Д. Качиони⁵⁶, превратилась в настоящий центр по вербовке греков на корсарские суда. «Капитан Ламбро Качони и самые же греки, что убежали в Кинбурун с флота Очаковского, жаждут и просят быть употреблены в действиях против турков, – писал 18 (29) сентября 1787 года князь Потемкин контр-адмиралу Мордвинову. – Удовлетворяя ревностному их усердию, вашему превосходительству предписываю вооружить какое-нибудь небольшое судно и снабдить их оным. Они считают сражаться в числе 50 человек и готовы вдаться во всякую опасность, лишь бы только неприятелю сделать вред чувствительный»⁵⁷.

«В составе русского военного Черноморского флота отлично показали себя моряки-греки, ставшие офицерами, капитанами кораблей», – отмечал князь Потемкин⁵⁸. В конце первого месяца кампании 1787 года он предписал командующему Севастопольской эскадрой контр-адмиралу Войновичу предоставить ему точные сведения «о всех греках, на судах находящихся, как офицерах, так и нижних чинах», поручая их в «особливое его презрение». «Ея Императорское Величество, – писал здесь же Потемкин Войновичу, – Высочайше объявить мне изволила, что она поставляет себе священным долгом покровительствовать сей народ, считая их чадами [своими] как Царица православная. Я повторяю вам, что о всех греках на воде и сухом пути служажих, как здесь, так и в других местах, иметь в особливом своем ведении и представляли бы мне, о воздаянии должном, за службы их; где им получать отличности, коли не в России? Вера, усердие и искусство подает им на сие право»⁵⁹.

⁵⁶ Качиони Ламбро Дмитриевич (1752–1805) – уроженец города Ливадии (область Беотия), один из выдающихся деятелей греческого национально-освободительного движения, полковник российской службы. В 1770–1774 гг. вместе с другими добровольцами участвовал в военных действиях русской армии и флота против Турции в Море и Архипелаге. После войны переселился в Россию и в чине сержанта поступил на службу в Греческий пехотный полк. В начале русско-турецкой войны 1787–1791 гг. – капитан российской службы. В 1788–1791 гг. по распоряжению князя Г.А. Потемкина командовал добровольческой греческой флотилией в Средиземном море.

⁵⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XV. – СПб., 1895. С. 54.

⁵⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. XV. – СПб., 1895. С. 87.

⁵⁹ Сафонов С.Д. Указ. соч., С. 222–223.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов Севастополь приобрел особое значение, и был открыт для пребывания и нахождения в нем греческих эмигрантов, приезжавших сюда с целью вступления в российскую службу⁶⁰.

Служившие волонтерами на Черноморском флоте и вольнонаемными матросами в корсарских командах, греки, в отличие от штатных флотских служителей, не имели морской форменной одежды, и этим непривычно выделялись в общей массе военных моряков. Не был еще утвержден и образец формы для солдат и офицеров Греческого пехотного полка, вследствие чего служители его также носили привычную для них традиционную (национальную) одежду. Ничем не отличались от них греческие волонтеры и вольнонаемные матросы. Это обстоятельство крайне огорчало светлейшего князя, настоятельно просившего графа Войновича, чтобы «ради единообразия греки оделись одинаковым цветом по их образу». «Я сукна доброго доставлю, – обещал он, – и неприятель бы по сему виду больше бы [их] уважал»⁶¹.

В 1787–1788 годах Севастопольская эскадра пополнилась состоявшими на российской службе офицерами-греками. В их числе были капитан 2 ранга М.И. Чефалиано, лейтенанты

⁶⁰ Тимофеев В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. – Киев: Наукова Думка, 1984. С. 173–175.

⁶¹ Там же, С. 223.

Ламбро Качиони (Λάμπρος Κατσιώνης) (1852–1806) – полковник российской армии, видный деятель греческого национально-освободительного движения против турецкого ига

И.Н. Тригони, К.Г. Гайтани, П.А. Анастопуло, П.Н. Драгопуло, И.Г. Бардаки, К.Ю. Патаниоти, А.Е. Влито, К.А. Иеромузо, П.Н. Пуло и другие⁶².

Группируя вокруг себя соотечественников, они старались увеличить греческую прослойку на кораблях и судах эскадры, создавая подчас национальные команды, тем более что это не только не запрещалось, но и всячески поощрялось высшим начальством⁶³. Так, в ордере контр-адмиралу М.И. Войновичу от 1 (12) января 1788 года князь Г.А. Потемкин, касаясь вопроса о назначении офицеров на строящиеся корабли «Св. Владимир» и «Св. Александр» писал: «Вы меня уведомьте, кто будут командиры, я бы желал, чтобы экипаж и начальники последних двух были греки»⁶⁴. В ордере от 2 (13) января он снова напомнил ему о своем желании: «На фрегатах «Григория Богослова» и «Григория Великия Армении» я бы желал, чтобы команды и матросы были греки»; и здесь же рекомендовал о назначении командирами на эти корабли Спирос Ричардопуло и Паниоти Алексиано⁶⁵. «У капитана Спирос узнать, – наказывал он Фалееву⁶⁶, – отобраны ли у него греки на «Григория Великия Армения»; я хочу, чтобы на него выбраны были известно храбрые люди и знающие. Я их прикажу вооружить и одеть хорошо»⁶⁷.

Задавая проектирование новых кораблей, Г.А. Потемкин предписывал корабельному мастеру С.И. Афанасьеву в ордере от 23 мая

⁶² Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 29, 117–119, 311–313, 338–340, 364–366, 468, 502; Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 29–30, 533, 623–624; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. С. 25, 222, 334–336, 422, 424, 431, 444; Общий морской список. Ч. VI. – СПб., 1892. С. 187–188; Общий морской список. Ч. VIII. – СПб., 1894. С. 595.

⁶³ Командный состав кораблей, которыми командовали греки, комплектовался, как правило, из офицеров-греков, окончивших курс обучения в Греческой гимназии для чужестранных единоверцев в Петербурге или аналогичное общеобразовательное учебное заведение в Херсоне.

⁶⁴ Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. – СПб., 1895. С. 87.

⁶⁵ Там же, С. 87.

⁶⁶ Михаил Леонтьевич Фалеев (1730–1792) – крупный промышленник Южной России второй половины XVIII века, один из ближайших соратников Г.А. Потемкина. Дворянин, статский советник, инженер. Выдвинулся во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., став поставщиком армии князя Потемкина. Весной 1788 года построил в Херсоне днепровско-черноморскую флотилию для участия в штурме Очакова.

⁶⁷ Ордера князя Потемкина-Таврического. Распоряжения по устройству флота. // ЗООИД. Т. IV. – Одесса, 1860. С. 365.

(3 июня): «К прибытию моему изготовьте проект корабля 46-пушечного, в самых лучших пропорциях <...>. Сие судно строю для себя, чтобы иногда водою в Тавриду или ко флоту ездить; экипаж будут греки»⁶⁸.

Тем временем Черноморский флот продолжал пополняться частными вооруженными греческими судами (каперами), что имело важное значение в первые годы войны. К 21 октября (1 ноября) 1787 года в составе Черноморского флота насчитывалось уже 21 корсарское судно, командирами и вольнонаемными матросами на которых были греки.

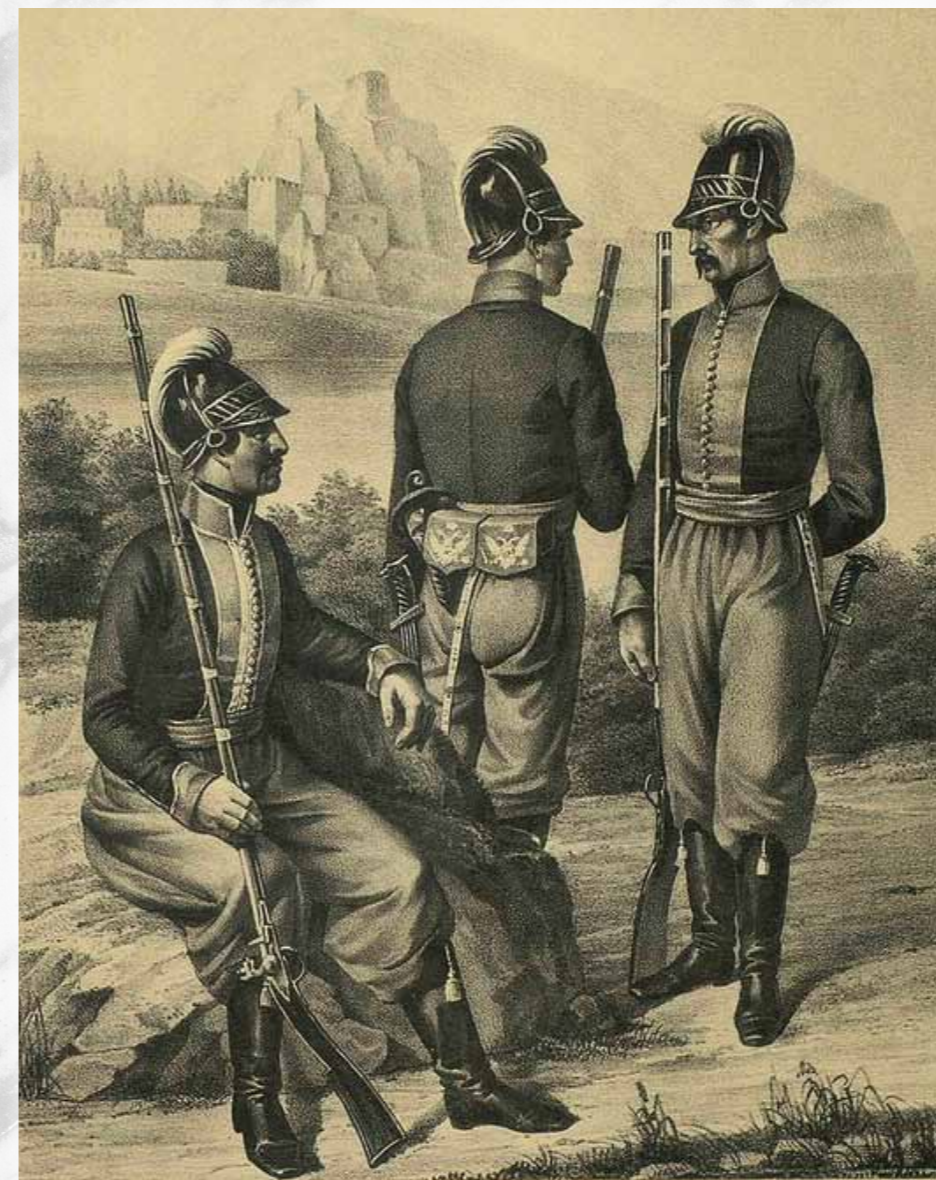
Черноморский флот по-прежнему испытывал недокомплект матросов на кораблях и фрегатах. Рекруты из центральных губерний России, следовавшие в Севастополь и Херсон, вследствие бездорожья, продолжительного пути и плохого питания в дороге несли большие потери. Так, например, в мае 1788 года, по прибытии в Севастополь партии рекрутов, выяснилось, что из 750 человек в пути умерло 266, бежали 21, оставлено в лазаретах по болезни 55. Из прибывших к месту службы 408 человек 303 были сильно изнурены, а 105 больны. Граф Войнович доносил в рапорте князю Потемкину, что «больные могут погибнуть, поскольку в Севастополе нет достаточного числа лазаретов». 3 (14) июня прибыла еще одна партия рекрутов, в которой из 600 человек в пути умерло 185, бежали 4, а остальные были крайне истощены⁶⁹.

Из-за отсутствия необходимого числа рекрутов недокомплект матросов во флотских экипажах по-прежнему восполнялся волонтерами и вольнонаемными матросами-греками. В том же году по специальному приглашению Екатеринославского наместничества в службу на Черноморский флот вступили более 50 греков из сел Ялта и Урзуф Мариупольского уезда, доставленные в Севастополь на одном из военных судов⁷⁰.

⁶⁸ *Зубов Б.Н.* Указ. соч., С. 196–197.

⁶⁹ *Неделин А.И.* Указ. соч., С. 28–29.

⁷⁰ *Араджиони М.А., Вьюницкая Л.Н., Ефимов А.В.* Формирование новой общины греков в конце XVIII – начале XIX века. // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 40.

Вильборг А.И.
Унтер-офицер и рядовые 1-го батальона Греческого пехотного полка.
1779–1796 годов

В начале апреля 1788 года для защиты неукрепленной с суши южной стороны Севастополя на случай высадки здесь турецкого десанта были определены четыре конных полка Донского казачьего войска и «вновь набранный греческий дивизион»⁷¹. Чтобы не допустить возможность соединения татар с турецким десантом, с южного побережья Крыма за пределы главного горного хребта было выселено все мусульманское население без права возвращения в свои деревни до окончания войны. Участие в выселении мусульман, наряду с другими войсками, принимали служители Греческого пехотного полка. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов батальоны неоднократно «содействовали к усмирению горных татар», за что «прослыли в татарских песнях людоедами»⁷².

8 (19) июня 1788 года началось сражение, в ходе которого принцу Нассау-Зигену удалось разбить неприятельскую флотилию под командованием самого капудан-паши. В этот день особенно отличились Алексиано, Ахматов, Винтер, и другие офицеры. 8 (19) июня, сразу же после окончания сражения, командующий сухопутными войсками при Черноморском флоте полковник Н.И. Корсаков докладывал генерал-майору И.М. де Рибасу: «Алексиано, в обоих сражениях, не будучи командиром, всем командовал, по его совету во всем поступали, где он, там и Бог нам помогает, и вся наша надежда была на него»⁷³. «Алексиано, сопровождавший контр-адмирала <...>, был мне очень полезен, принимая участие всюду, где было нужно <...>», – докладывал принц Нассау-Зиген князю Потемкину вечером 8 (19) июня 1788 года. Не жалел похвалы в адрес Алексиано и князь Потемкин. «Ордер вашей светлости имел честь получить, – отвечал ему 11 (23) июня Алексиано, – содействие мое не иное, что было как долг мой; но я радуюсь, что имел случай заслужить более вашу ко мне благосклонность, за которую наичувствительную приношу благодарность»⁷⁴.

⁷¹ *Лашков Ф.Ф.* Указ. соч., С. 59.

⁷² Списки населенных мест Российской империи. Т. XLI. Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 года. С. XLI.

⁷³ *Артеменко Л.Т., Веникеев Е.В.* Указ. соч., С. 145.

⁷⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XV. – СПб., 1895. С. 137.

Дважды атаковав российские суда, и потеряв при этом два корабля, в том числе флагманский, турки в ночь с 17 на 18 (с 28 на 29) июня 1788 года, пользуясь темнотой, предприняли попытку прорваться к выходу в открытое море, но попали под обстрел находившихся на Кинбурунской косе русских батарей. Охваченный паникой неприятельский флот скучился, и многие суда сели на мель. Их окружили корабли Лиманской парусной эскадры и, вступив в бой, одержали полную победу. Левым флангом эскадры командовал принц Насау-Зиген, правым – капитан-бригадир Алексиано, который имел дело со стоявшими близ Очакова турецкими кораблями и был атакован ими. Разгорелось неравное сражение, в самый решительный момент которого принц Насау-Зиген послал в подкрепление две двойные шлюпки и несколько канонерских лодок, благодаря чему Алексиано с большим трудом, но все же смог одолеть противника и прогнать его к батарее Гасана-паши.

В ходе сражения, длившегося более четырех часов, были сожжены и потоплены 6 неприятельских кораблей, 2 фрегата и 7 малых судов. За два дня противник потерял до 6 000 человек убитыми и ранеными, 1 763 турецких солдат и офицеров были взяты в плен. Потери с русской стороны составили 18 человек убитыми и 67 ранеными⁷⁵.

В эти дни отличились многие, но более других – капитан-бригадир Алексиано, капитаны 1 ранга Винтер, Ахматов, Киленин, лейтенанты Перский, Тимченко, Караяни, Лелли, Сорокин⁷⁶. Командуя правым флангом эскадры, в очередной раз продемонстрировал свою необузданную храбрость и флотоводческий талант капитана бригадирского ранга П.П. Алексиано. Подводя итоги двух победоносных сражений на Днепровском лимане, А.В. Суворов в письме генерал-майору И.М. де Рибасу от 26 июня (7 июля) 1788 года, со свойственной ему иронией, дал исчерпывающую характеристику и оценку участвовавших в них главных действующих лиц – принца Нассау-Зигена, графа Войновича, контр-адмирала Джонса и бригадира Алексиано: «Принц наш очень очарователен, и все его люди также. Ему оказали почести. Войнович храбрец, ему под стать, он

Сражение под Очаковым 17–18 (28–29) июня 1788 года

маневрировал, но слишком поздно. У турок храбрость без удержу, да ни осторожности, ни умения. Поль Джонс храбрый моряк, прибыл, когда уже садились за стол, не знал, по какому случаю пир, верно, думал тут найти англичан. Узнав сотрапезников, он отомстит, если его хоть мало-мальски проняло. Пылкий герой Лимана, среди здешних тюрбанов самый просвещенный, воспел новую Чесму, столь же полезную, что и первую, а следствиями возможными ея превосходящую; сравнение основательное, а для визави наших блистательное, но неисчислимы преграды сломить не помогает: тут все дело в отваге и умении. Алексиано начертил параллель»⁷⁷. По авторитетному мнению Суворова, план сражения 17–18 (28–29) июня принадлежал Панайоту Павловичу Алексиано, чья роль и заслуга в победах на Днепровском лимане была велика.

За проявленные отличие и храбрость, П.П. Алексиано был произведен в чин контр-адмирала⁷⁸, о чем уведомил его князь Г.А. Потемкин, любезно приглашая приехать к нему в лагерь. «Ми-

⁷⁷ Письмо А.В. Суворова И.М. де Рибасу. 26 июля (6 августа) 1788 года. В кн.: Лопатин В.С. А.В. Суворов. Письма. С. 160.

⁷⁸ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 422.

Йозеф Крейцингер. Портрет фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова. 1799 г.

лости, оказываемая Вашей Светлостью мне, очень велики; – отвечал ему 5 (16) июля Алексиано, – вы желаете [видеть] меня на берегу, в том смею донести, что г-н Тиман (врач, лечивший Алексиано. – И.М.) может вам объявить, в каком я теперь состоянии нахожусь, что едва еще жив, и ежели пушусь ехать, то может до половины дороги не доеду, разве тогда смогу иметь счастье [прибыть к вам], когда полегче немного будет, а теперь не в силах, и г-н Тиман доложит вам о моей болезни, какую я горячкою мечусь, для чего и прошу позволить остаться еще, пока немного оживлюсь»⁷⁹.

Это было последнее письмо П.П. Алексиано. Блестящая победа Черноморского флота на Днепровском лимане, которую современники сравнивали по своему значению с победой при Чесме, завершила непрерывную цепь подвигов в жизни ближайшего друга Ф.Ф. Ушакова, сподвижника А.В. Суворова, храброго моряка и талантливого офицера, которого, вне всякого сомнения, ожидала блестящая карьера в будущем: 8 (19) июля 1788 года, в возрасте 42 лет, Панайот Павлович Алексиано скоропостижно скончался, находясь в своей каюте на корабле «Св. Владимир».

Многие офицеры-греки, отличившиеся 17–18 (28–29) июня 1788 года в сражении на Днепровском лимане, были представлены к награждению орденами и досрочному повышению в чинах: капитан-лейтенант М.И. Чефалиано был произведен в капитаны 2 ранга, лейтенант Х.И. Клапакис произведен в капитан-лейтенанты, лейтенант Ф.П. Лелли награжден орденом Св. Георгия 4 степени с производством в чин капитан-лейтенанта, лейтенант К.К. Константинов награжден орденом Св. Георгия 4 степени и золотой шпагой с производством в капитан-лейтенанты⁸⁰.

Греки внесли заметный вклад в победу России над Турцией в войне 1787–1791 гг. На них лежала вся тяжесть военных действий на Средиземном море, где с конца 1788 года с турецким флотом успешно сражалась Средиземноморская российская императорская флотилия под командованием полковника Л.Д. Качиони⁸¹. Греки –

⁷⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XV. – СПб., 1895. С. 157.

⁸⁰ Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 86–87, 123–124, 231–232; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. С. 334–336.

⁸¹ Подробнее о действиях Ламбро Качиони и Российской императорской средиземноморской флотилии в 1788–1791 гг. см.: Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освобо-

Фёдор Фёдорович Ушаков (1745–1817), – выдающийся русский флотоводец, командующий Черноморским флотом (1790–1798); командующий русско-турецкой эскадрой в Средиземном море (1798–1800), адмирал (1799). Не потерял в боях ни одного корабля, ни один его подчинённый не попал в плен. В 2001 году Русской православной церковью причислен к лику святых как праведный воин Феодор Ушаков

офицеры российской службы, вольнонаемные матросы и волонтеры – сыграли заметную роль в становлении и умножении славных боевых традиций Военно-морского флота России на Черном море. «Было бы несправедливо отрицать пользу греческого элемента в начале существования Черноморского флота, – отмечал адмирал И. А. Шестаков. – В подчиненном положении, как помощники русских, водивших эскадры, греки в ближайших сношениях с набранными от сохи матросами передавали им морскую бойкость и предприимчивость на стихии, для наших крестьян чуждой. В образовании и истории Черноморского флота им отходит важная доля»⁸².

Во всех четырех генеральных сражениях Севастопольской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова – у острова Фидониси, в Керченском проливе, при Тендре и Гаджибее, и у мыса Калиакрия – от 10 до 15% «штаб- и унтер-офицеров и прочих нижних чинов служителей» составляли греки – офицеры российской службы, вольнонаемные матросы и волонтеры. Так, 8 (19) июля 1790 года, в сражении в Керченском проливе, на 10 кораблях, 6 фрегатах, 1 репетичном судне, 13 крейсерских судах и 2 брандерах находилось 8 205 чел., из которых 977 чел. (или 12% личного состава) были греки⁸³. В сражении при Тендре и Гаджибее 28–29 августа (8–9 сентября) 1790 года на 10 кораблях, 6 фрегатах, 1 бомбардирском судне, 1 репетичном судне, 17 крейсерских судах и 2 брандерах находилось 8 307 чел., из которых 1 234 чел. (или 15%) были греки⁸⁴. В сражении у мыса Калиакрия 7 (19) июля 1791 года на 16 кораблях, 2 фрегатах, 1 бригантине, 1 бомбардирском судне, 1 репетичном судне, 17 крейсерских судах и 1 брандере находилось 11 528 чел., из которых греки составляли 1 090 чел. (или 9,5%)⁸⁵.

дительная борьба греческого народа в начале XIX века русско-греческие связи. – М.: Наука, 1970. С. 88–92.

⁸² М. П. Лазарев. Документы. / Под ред. К. И. Никульченкова. Т. III. – М.: Воениздат, 1961. С. 488.

⁸³ Новые документы А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, Г. А. Потемкина-Таврического и М. И. Кутузова. / Под ред. Ф. С. Загородских и А. Е. Соловьева. – Симферополь, 1947. С. 100–103.

⁸⁴ Там же, С. 105–108.

⁸⁵ Там же, С. 111–114.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

Ряд библиографических источников XIX – начала XX вв. указывает на 1789 год как на дату образования в Севастополе греческой колонии⁸⁶. В 1792 году служившие на Черноморском флоте и поселившиеся в городе греки построили церковь, освященную во имя свв. апостолов Петра и Павла⁸⁷. В качестве строительного материала ими был использован готовый тесаный камень, доставленный сюда с руин древнего Херсонеса. П. И. Сумароков, путешествовавший по Крыму и впервые посетивший Севастополь в 1799 году, сообщал, что видел «камень мраморный длиной 1½ аршин с древней греческой надписью», который «хранится в городской греческой церкви»⁸⁸.

Немногочисленный иллюстративный материал с видами Севастополя конца XVIII – начала XIX вв. наглядно показывает, что греческая Петропавловская церковь занимала господствующую высоту на Центральном городском холме. Своими размерами и высотой она заметно выделялась на общем фоне городской застройки и была видна с дальнего расстояния – как с суши, так и с моря.

Каменное здание церкви «форму имело продолговатую, длину относительно к ширине как 5:3»⁸⁹. На солее⁹⁰, возвышавшейся на несколько ступеней над полом, с правой и с левой стороны находился клирос, отделенный от внутреннего помещения церкви перегород-

⁸⁶ Скальский А. Указ. соч., С. 17–18; Арсений Лебединцев, протоиерей. Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883. С. 206; Исторический путеводитель по Севастополю. / Под ред. генерал-майора А. М. Зайончковского. – СПб., 1907. С. 154.

⁸⁷ Гавриил, архиепископ. Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. – Одесса, 1848. С. 204.

⁸⁸ Сумароков П. И. Указ. соч., С. 121.

⁸⁹ РГИА, ф. 1284, Оп. 188, д. 105, л. 3; Арсений Лебединцев, протоиерей. Указ. соч., С. 207–208.

⁹⁰ Солея (из греч. σόλιον = лат. solea, от solum – ровное место, основание; пол) – возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом в христианском храме. Кроме того, сам алтарь находится на возвышении, и таким образом солея является как бы продолжением алтаря наружу. Со стороны средней части храма солея обычно ограждена невысокой решеткой. Перед Царскими вратами она полукругом выдается вперед. В Русской Православной Церкви эта часть солеи называется «амвоном». На концах солеи располагаются клиросы.

ками в виде небольших двухъярусных иконостасов, на которых помещались иконы. От средней части церкви солею отделяла невысокая деревянная решетка. Главный трехъярусный церковный иконостас и Царские врата были сделаны из дерева. В северной и южной стене с каждой стороны имелись по пять высоких узких оконных проемов, завершавшихся арочными перекрытиями. Двускатная кровля была деревянной, стропильной, крытая черепицей, а выступавшую на улицу наружную часть полукруглой апсиды перекрывала кónха⁹¹. Завершал верх здания церкви высокий деревянный барабан со световыми окнами, увенчанный шлемовидным куполом с четырехконечным крестом.

Севастополь в начале XIX века. Неизв. худ. На рисунке изображена греческая петропавловская церковь, возвышающаяся на Центральном городском холме. Ниже слева – Адмиралтейская Николаевская церковь

⁹¹ Кónха (от греч. κόρυνη – раковина) – элемент древневизантийской храмовой архитектуры, представляющий собой перекрытие в форме полукупола над полуцилиндрическими частями зданий, такими как апсида или ниша.

Ограды вокруг церкви не было, а перед единственным в нее входом, располагавшимся с западной стороны, находился огромный пустырь (в настоящее время на этом месте находится сквер, в центре которого памятник свв. Кириллу и Мефодию).

Это была большая и вместительная церковь, в которой, по свидетельству архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Иова, «вполне могло помещаться более 1 500 человек»⁹². Богослужение в ней совершалось на греческом языке, вследствие чего приход был малочисленным, и состоял исключительно из греков⁹³. Согласно Клировой ведомости за 1794 год, «в Севастополе при Петропавловской церкви дворов 30. В них душ муж пола 62. Жен 42, обоего 104. Прихожане: штаб- и обер-офицеров 26, купцов 12»; сословие и гражданство остальных лиц не указаны⁹⁴. В Ведомости греческой Петропавловской церкви за 1803 год отмечено, что «руги⁹⁵ никакой не производится», земли при ней не имеется, «ризница хранится в церкви и вся в целости», а «церковные деньги хранятся у ктитора⁹⁶ отставного прапорщика Оркулова»⁹⁷.

К концу XVIII века Севастополь превратился в один из крупнейших городов Крыма. Большая часть его оседлого населения состояла из «морских офицеров и прочих флотских и артиллерийских чинов», купечества и их семейств. Вместе с тем, в 1792 году жителям малочисленного гражданского ведомства в городе принадлежало всего лишь 28 домов, в которых проживало 197 душ муж. и 49 жен. пола⁹⁸. Вице-адмирал Ушаков сообщал, что «по неимению покоев для жилья господ штаб- и обер-офицеров и некоторых разных чинов служителей при Севастополе сделаны многие собственные разные строения, а также купечество российское и иностранное, боль-

шей частью из греков, имеют дома и лавки для торговли и от времени до времени умножаются»⁹⁹.

Местом, где в Севастополе с конца XVIII века концентрировалось греческое население, были дома, расположенные по соседству с Петропавловской церковью, и два квартала, расположенные ниже нее, вдоль крутого восточного склона Центрального городского холма на Балаклавской дороге (Екатерининской улице). Ко времени завершения строительства греческой церкви относится и появление Греческой улицы (во второй половине XIX века ул. Таврическая, ныне Людмилы Павличенко).

Поселившиеся в Севастополе в конце XVIII века греки были морскими офицерами, чиновниками, купцами и представляли собой далеко не однородное сообщество. Так, из 14 проживавших в городе греков, о происхождении которых имеются достоверные сведения из церковных метрических книг и других архивных документов, 6 были турецкими подданными, 2 венецианскими подданными, 2 подданными Неаполитанского королевства, 2 подданными Австрии, 1 подданным Франции и 1 подданным Великобритании. По своему происхождению это были выходцы из Пелопоннеса, Эпира, острова Крит, Ионических островов и Греческого Архипелага.

В 1792–1794 годах в соседней с Севастополем Балаклаве (без находившейся в ее предместье деревни Кады-кой) насчитывалось 135 жилых домов, в которых проживало 1 283 душ муж. и 713 жен. пола. Поскольку возобновленная балаклавская Петропавловская полковая церковь была маловместительной, служащим Греческого пехотного полка хотелось иметь храм больших размеров. Средств для строительства новой церкви не было, поэтому в 1794 году в пустовавшей в Балаклаве мечети Кебир-джами «с небольшим пособием от казны» устроили временный храм и освятили престол в нем во имя св. Николая Чудотворца¹⁰⁰. Временному храму были выданы антиминос и метрическая тетрадь для записи сведений о родившихся и крестившихся, браком сочетавшихся и умерших. При этом

⁹² РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 5264, лл. 3–4.

⁹³ Там же, л. 4.

⁹⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 105, лл. 5–6; ГАРК, ф. 142, оп. 5, д. 7, л. 14; Там же, д. 10, л. 9.

⁹⁵ Руга (от греч. ρόγα, «жалование») — выплаты духовенству, выдаваемые в Российской империи обычно из государственной казны или из собственных средств попечителей и благотворителей. В отличие от десятины, размер руги назначался совершенно произвольно.

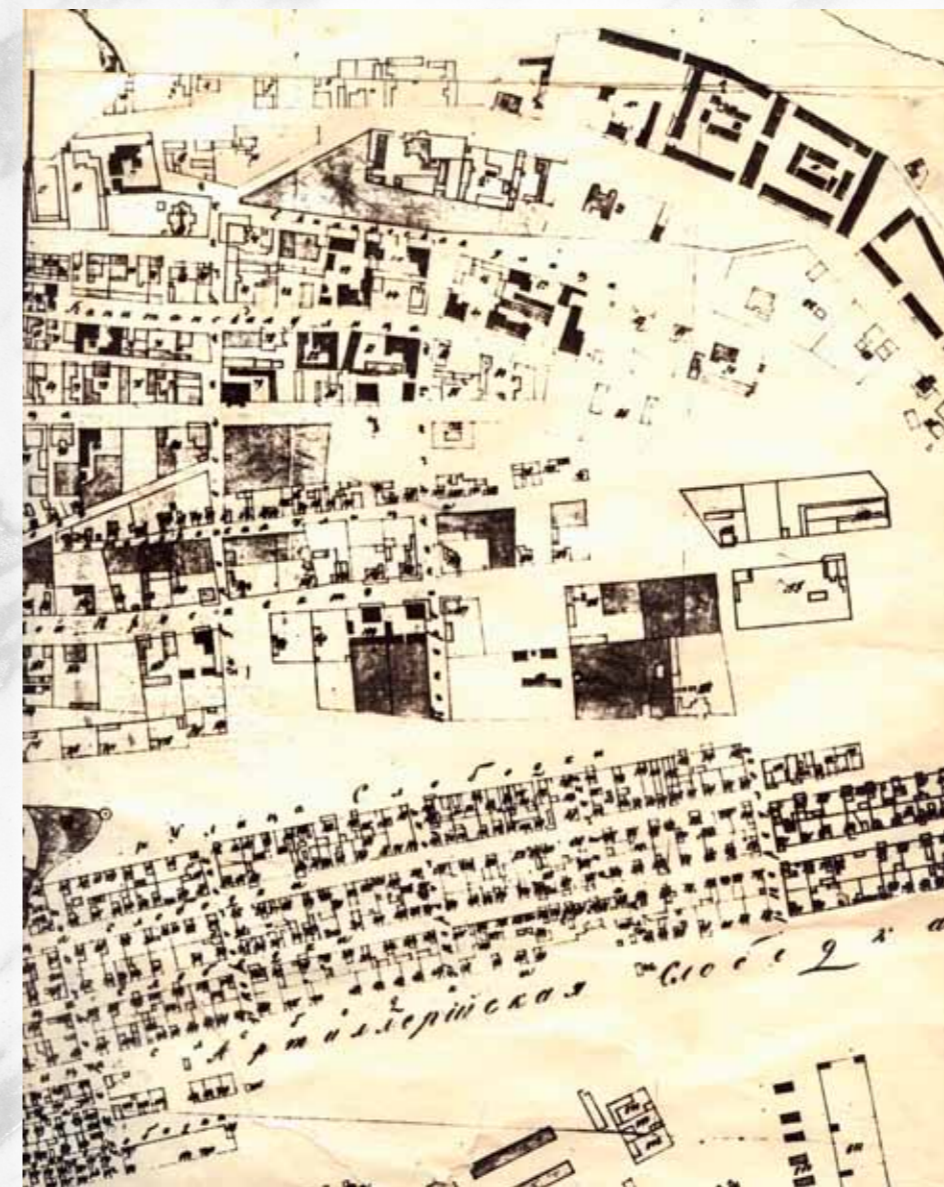
⁹⁶ В России с XVII или XVIII века ктиторами стали иногда называть церковных старост в приходских церквях (преимущественно в городах).

⁹⁷ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5436, л. 20.

⁹⁸ РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 59, лл. 17–18 об.

⁹⁹ Адмирал Ушаков. Т. I. С. 565.

¹⁰⁰ Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. / Составлено кафедральным протоиереем Михаилом Родионовым. — Симферополь, 1872. С. 111; Гермоген, епископ. Таврическая епархия. — Псков, 1887. С. 195.

План г. Севастополя с показанием его разделения на 4 части. (Фрагмент, на котором показана греческая Петропавловская церковь и улица Греческая). РГИА, ф. 846, оп. 16, д. 22576

возобновленная греками балаклавская Петропавловская церковь по-прежнему оставалась полковой, а с 1797 года оба храма находились в ведении обер-священника армии и флота.

В том же 1794 году «личным старанием» священника Кириака Трапезарова и жителей военного селения Камара была возобновлена древняя каменная церковь во имя св. вм. Марины, оставленная вышедшими в 1778 году из Крыма в Приазовье местными греками¹⁰¹.

Кириак Апостолович Трапезаров (1764–1836) происходил из «древнего греческого рода», представители которого в 1775 году переселились в Крым. Под руководством опытных учителей он получил прекрасное домашнее классическое образование, и с 1785 года уже самостоятельно преподавал «эллинско-греческий язык при Балаклавском греческом полку». В 1794 году Кириак Трапезаров был принят в духовное звание, 10 декабря того же года произведен в диакона, а 12 декабря епископом Феодосийским и Мариупольским Иовом рукоположен в священника с определением в военное селение Камары.

В церкви св. вм. Марины имелись «сосуды серебряные и вызолоченные». За неимением особого помещения, церковная ризница хранилась в доме местного жителя и прихожанина унтер-офицера Александра Валсамаки, а церковные деньги – в доме унтер-офицера Афанасия Буга¹⁰². К приходу деревни Камара относились жители соседних с Балаклавой военных селений Кады-кой, Карань и Алсу, не имевшие в то время своих церквей, а также владельцы расположенных в округе имений и жившие при них дворовые крестьяне. Прихожанами церкви св. вм. Марины, в частности, были представители знатной и влиятельной греческой семьи Мавромихали, имение которых находилось в деревне Чоргун (ныне с. Чернореченское Балаклавского района).

В 1806 году Кириака Трапезарова перевели в Евпаторию с определением в построенную греками новую соборную Свято-Николаевскую церковь, где при личном его участии был сооружен иконостас. За проявленное усердие и труды в 1808 году он был на-

¹⁰¹ Гавриил, архиепископ. Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. — Одесса, 1848. С. 63.

¹⁰² ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5436, л. 13 об.

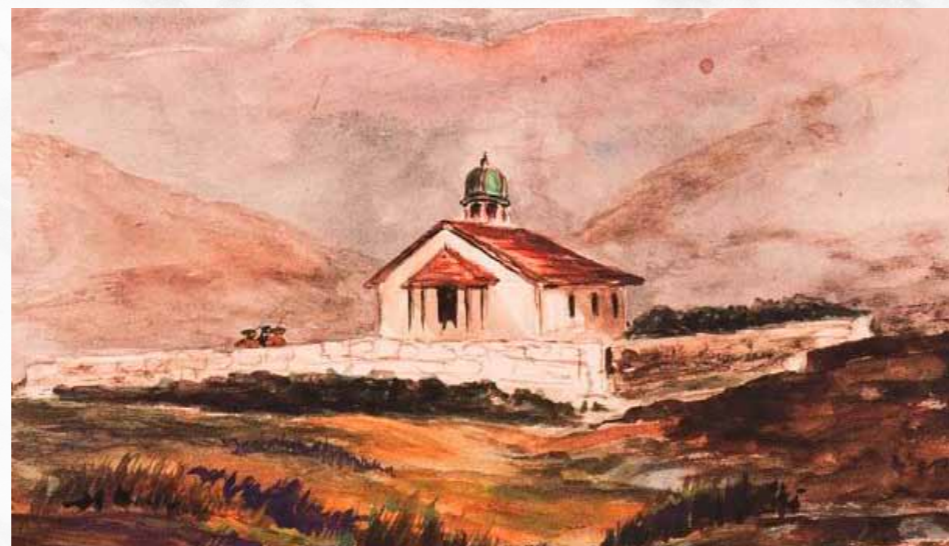
гражден скуфьей от епархиального ведомства, а в 1811 году произведен в протоиерея¹⁰³. Новым священником в церковь св. вм. Марины был определен Афанасий Николаев (род. в 1740 году) – «природный грек», происходивший из священнической семьи города Салоники¹⁰⁴.

После смерти Екатерины II, 6 ноября 1796 года на российский престол вступил ее сын, Павел Петрович. Новый император стремился искоренить все прогрессивное и передовое, созданное усилиями его матери и князя Г.А. Потемкина.

16 апреля 1797 года контр-адмирал П.К. Карцов доносил Павлу I о результатах инспекторского смотра Черноморского флота и Севастопольского порта: «Город Севастополь расположен на южном берегу залива по высокому скату вдавшейся в берег бухты, называемой Южной, в коей заключается гавань; в нем находятся две каменные церкви, одна созданная от казны, а другая греческая; дома в городе по большей части морских офицеров и прочих флотских и артиллерийских чинов, многие довольно хорошо выстроены, в числе коих есть 20 домов, принадлежащих казне, в которых помещаются флагманы, штаб- и обер-офицеры»¹⁰⁵.

Из более полных статистических сведений известно, что в 1798 году в Севастополе имелись «610 морских, 45 отставных штаб- и обер-офицерских, 68 купеческих, мещанских, поповских и 18 невольничьих домов, что всего составляет, не считая казарм, 741 дом»¹⁰⁶. При всем том, что общая численность населения (вместе с военными) составляла около 15 000 чел., городских «обывателей в нем [было] самое небольшое количество», и составляло 193 чел. обою пола, из них: купцов – 51, мещан – 124, помещиков – 15, священно- и церковнослужителей – 3¹⁰⁷.

В том же году, признав состояние Черноморского флота и Севастопольского порта удовлетворительным, Павел I Высочайше повелел «переименовать город Севастополь, и называть его впредь

*Церковь св. вм. Марины в селе Камара
(ныне с. Оборонное балаклавского района)*

Ахтиар»¹⁰⁸. Указом императора город был объявлен закрытым для въезда и проживания в нем греческих эмигрантов, что, впрочем, не касалось уже обосновавшихся здесь греков. В конце XVIII – начале XIX вв. в их руках была сосредоточена большая часть городской торговли, из их представителей преимущественно состояли городской магистрат и городская дума. В разное время в должность бургомистров избирались Синадин Кутров, Дмитрий Кази, Иван Ризаки, Паниоти Макри, ратманы Георгий Фристар (Фризин), Фоти Мазгана, Иван Кусурис, Христо Кокораки, Константин Аффинео, Михаил Петранди. Некоторые из них, например, Иван Кусурис и Георгий Фристар, избирались в магистрат несколько раз. Дмитрию Кази на момент его деятельности в должности бургомистра было всего 20 лет от роду. Одним из двух городских старост в конце XVIII века состоял «из иностранных» грек Яни Кокони¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. – Симферополь, 1951. С. 96.

¹⁰⁹ Терещук Н.М. Участие греков в севастопольском городском управлении (конец XVIII – начало XX вв.). // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей. / Отв. редактор О.В. Соколовская. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 229–230.

*Вид Севастополя в начале XIX века.
Гравюра с рисунка с натуры П.П. Свиньина*

В первые годы XIX века Севастополь все еще представлял собой большое «военное поселение», площадь городской застройки которого вместе с численностью населения неуклонно росли. Город строился исключительно на энтузиазме жителей и военных, не получая финансирования из государственной казны. Камень для строительства казенных зданий и частных домов добывался на руинах городища древнего Херсонеса, превратившегося на долгие десятилетия в общедоступные каменоломни. «Взгляните на сей обширный хороший град, на сии красивые здания, и на сей многочисленный молниеносный флот, взгляните и узнайте, что 18 лет назад дремучий лес покрывал всю эту поверхность, – писал изумленный П.И. Сумароков. – Севастополь, всем одолженный до последнего камушка древнему Херсонису, стоящий казне до 100 тысяч рублей, с надменностью вступил в соперничество с первейшими городами России»¹¹⁰.

В соседней с Севастополем Балаклаве и селах ее округа также благоустраивалась жизнь греков. В июне 1806 года 12 семейств штаб- и обер-офицеров и 50 семейств нижних чинов Балаклавско-

¹¹⁰ Там же, с. 194.

го греческого пехотного батальона, поселенные на отведенной им по Высочайшему повелению земле при деревне Кады-кой, обратились к архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому Платону с прошением о получении разрешения своим иждивением «возобновить церковь во имя Пресвятой Троицы» в здании пустовавшей каменной мечети, которая «как крымские греки называют, и сами татары свидетельствуют, также и план здания доказывает, что она непременно построена некогда христианами, а насильно потом превращена в мечеть»¹¹¹.

В 1808 году в военном селении Кады-кой насчитывалось 62 двора, в которых проживало 306 душ муж. и 148 жен. пола, всего 454 человека. Греки брали обязательство построить новую церковь «своим коштом», обещая, что «и всем нужным украсят и впредь в приличном благолепии содержать» будут. Для будущих священно- и церковнослужителей они выделили 60 дес. земли и прежде, чем была заложена церковь, построили дома для духовенства. В том же году жителями Кады-кой было собрано на строительство церкви 11 500 руб. серебром.

Два года спустя строительные работы завершились, и 30 октября 1810 года церковь была освящена во имя святой Троицы, а 11 ноября благочинный Севастопольского церковного округа протоиерей Павел Иваницкий рапортовал Екатеринославской духовной консистории о том, что в новой церкви установлен иконостас «с приличным во всем нужным украшением» и о «снабжении сей утварью, ризницею и греческими церковными книгами»¹¹².

Первым настоятелем в церковь деревни Кады-кой был определен священник Дмитрий Иванов (род. в 1762 году), происходивший из мариупольских поселенцев, выведенных в 1778 году из Крыма в Приазовье. С 1793 года он служил дьячком в греческой слободе Карань Мариупольского уезда, затем диаконом в слободе Чердакли того же уезда, после чего был рукоположен викарным епископом Феодосийским и Мариупольским Иовом в священника с определением для дальнейшего служения в Крыму¹¹³.

¹¹¹ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5468, л. 2 – 2 об.

¹¹² Там же, д. 5468, л. 38.

¹¹³ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5502, л. 28 об. – 29.

Самым многочисленным был приход при греческой церкви св. вм. Марины в деревне Камары. К нему относились соседние, не имевшие своих церквей, деревни, дворянские имения и дачи с многочисленным русским и малороссийским населением, в большинстве своем помещиков и крепостных крестьян, не знавших греческого языка. Это было учтено, и вторым священником в камарскую церковь назначили Иоанна Уземовича¹¹⁴.

В 1810 году жившие в Балаклаве греки получили разрешение архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Платона (1738–1811) на строительство новой полковой церкви, для которой выбрали место над жилыми домами между церковью свв. Петра и Павла и часовней св. Троицы. В ходе подготовительных работ на склоне горы была подготовлена терраса, ограниченная с запада высоким уступом, укрепленным стеной из бутового камня. Здесь был заложен новый храм, для постройки которого разобрали мечеть Кебир-джамии. 9 октября 1812 года к архиепископу Иову (Потемкину) обратился командир Балаклавского греческого пехотного батальона Феодосий Ревелиоти, сообщая, что заложенная «1810 года августа 3-го числа церковь Святаго Чудотворца Николая, которая строением окончена, во всем устроена и к должному благолепию приведена», и что «остается толико освятить оную»¹¹⁵.

18 октября 1812 года письмо Феодосия Ревелиоти было рассмотрено в Екатеринославской духовной консистории, после чего последовали необходимые распоряжения Симферопольскому духовному правлению и 16 декабря благочинный протоиерей Гавриил Шепляковский совершил обряд освящения новой гарнизонной церкви во имя св. Николая Чудотворца, куда был перенесен антиминс из устроенного в 1794 году временного храма.

Единственной действующей в Крыму обителью после его присоединения к России был Балаклавский Георгиевский монастырь. Побывавший здесь в 1802 году П.И. Сумароков¹¹⁶ застал его в пер-

возданном виде: «Отделившийся от утеса высокой горы уступ помещает на себе сию обитель, которая будучи закрыта от поверхности хребтом оной, висит на остальной крутизне, над самым морем. Весь тот ужасающий отрез до берега, разстоянием на версту, покрыт по низходящим ступеням фиговыми деревьями, дикими кедрами и виноградными кустами. Небольшой храм, униженные кельи, древность, простота, сокрытое убежище от света, рождает изображение жизни святых мужей, которые довольствовались одними плодами, во чистоте восторженного духа, слагали Гимны непостижимому повелителю Вселенной. Открытый и господствующий над бездной деревянный переход являет у подножия своего волнистую бесконечную степь...»¹¹⁷.

В первые полтора десятилетия после Георгиевский монастырь влачил жалкое существование. Небольшая каменная базилика во имя св. Георгия, кельи и контрфорс, укреплявший террасу, были на грани разрушения. Игумен Анфим отмечал, что церковь и строения «едва способны помещать живущих»¹¹⁸. Древний храм, по свидетельству князя А.Н. Голицына, адмирала Ф.Ф. Ушакова, контр-адмирала П.В. Пустошкина и приглашенного архитектора, «был все не способным к исправлению и близким к разрушению»¹¹⁹.

В 1793 году численность братии Георгиевского монастыря составляла 9 человек (игумен, три иеромонаха, один иеродиакон и четыре монаха), а в 1796 году – 5, причем все греки¹²⁰. Настоятелями обители в конце XVIII – первой половине XIX вв. были греки, имевшие в основном высокий церковный сан: игумен Никодим (упоминается в 1791 году), архиепископ Игнатий Реондажский (1794–1799), игумен Анфим (1792–1793; 1799–1806), архимандрит Дионисий Делограммати (1806–1808), архимандрит Евтахий (1808–1810), митрополит Хрисанф Новопатрский (с 1810 года), архиепископ Иаков Сидон и митрополит Агафангел Типальдо (1824–1854), управлявший монас-

¹¹⁷ Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. – СПб., 1803. С. 200–201.

¹¹⁸ Муравьев-Апостол И.М. Путешествие в Тавриду в 1820 году. – СПб., 1823. С. 35.

¹¹⁹ Никон, архимандрит. Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. С. 12.

¹²⁰ Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. – Одесса, 1907. С. 70, 78, 83.

тырем тридцать лет. Вследствие этого обитель часто именовали Балаклавским греческим Георгиевским монастырем.

На территории монастыря, расположенного на высоте около 200 м над уровнем моря, находился кордон Греческого пехотного полка (впоследствии Балаклавского греческого пехотного батальона). Здесь постоянно несли дозорную службу унтер-офицер и два рядовых, в обязанности которых входило наблюдение за проплывавшими в море кораблями и судами и своевременное извещение начальства в случае появления неприятеля. На них же возлагалась охрана монастыря.

После того, как здесь возобновились богослужения, древнюю обитель стали посещать офицеры Черноморского флота, военнослужащие Севастопольской крепости и чиновники. В 1794 году монастырь перешел в подчинение Святейшему правительствующему Синоду, который 23 марта 1806 года предложил императору Александру I сделать его местом пребывания флотских иеромонахов: «Севастопольский Георгиевский монастырь самое удобное место для определения им непрерывного пребывания, ибо оный состоит в десяти верстах от Севастополя, в месте изобилующем источниками хороших вод, виноградниками и фруктовыми садами и по этим отношениям весьма выгодным для монашества, в коем теперь находится один начальник и четыре монаха»¹²¹. Тогда же был утвержден штат монастыря: настоятель, 5 монашествующих и 13 иеромонахов Черноморского флота. В перерывах между плаваниями им предписывалось жить в монастыре, а сама обитель была взята на казенное содержание¹²².

В первые годы XIX века построенная еще в эпоху средневековья базилика во имя св. Георгия, представлявшая собой единственный храм в Балаклавском Георгиевском монастыре, пришла в совершенную ветхость, и монахи вынуждены были обратиться за помощью к мирянам. Сумму в 3 000 руб. пожертвовал на строительство нового храма адмирал Ф.Ф. Ушаков, по 100 руб. внесли севастопольский помещик Д.Д. Кази и великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I). Весной 1809 года был заключен контракт с

¹²¹ Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. – Симферополь: Таврия, 1997. С. 32.

¹²² Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887. С. 471.

турецко-подданным греком Иоакимом Панайоти, обязавшимся разобрать старую базилику и построить на ее месте новый храм. При подготовке площадки для строительства и расчистке обрыва скалы от насыпи, рабочие обнаружили пещерный храм еще более древнего происхождения, что послужило причиной для приостановления работ.

В 1810 году настоятелем монастыря был назначен 78-летний митрополит Хрисанф Новопатрский (1733–1824). С возобновлением строительных работ на территории монастыря еще сохранялась и древняя базилика, алтарная апсида которой была частично вырублена в скале. «Древняя церковь, посвященная св. Георгию, находящаяся во впадине горы, существует около 1 000 лет, и есть первый христианский храм, построенный греками в Крыму, – пишет В.Б. Броневский, посетивший обитель в 1815 году. – 23 апреля стекается сюда множество паломников из дальних мест; близость Севастополя и приношения молельщиков обеспечивают содержание монахов. Митрополит Хрисанф, выехавший из Греции и получающий

Свиньин П.П. Георгиевский монастырь. 1830-е годы

пансион, своим попечением собрал достаточную сумму и оканчивает теперь новую прекрасной архитектуры церковь. В старой церкви нет богатых украшений, образа вообще весьма грубой греческой живописи. В сем печальном уединении показывают одно дерево, на котором явился чудотворный образ Св. Георгия»¹²³.

В 1814 году новая церковь уже приняла верующих, а через два года были завершены отделочные работы¹²⁴. Мастерами Севастопольского адмиралтейства был изготовлен резной деревянный иконостас, покрытый позолотой, а образа для него за 350 рублей написал священник Никита Бурянов из Новомосковска. Все иконы для иконостаса были в серебряных вызолоченных окладах, обильно украшенных бирюзой, топазами, рубинами, бриллиантами и стразами. В алтаре хранился чтимый образ святой Марии Магдалины в деревянной раме с позолотой. На белой мраморной доске, помещенной справа от западных дверей, было написано: «Создан храм сей во имя великомученика и Победоносца Георгия проректорством и благодеяниями князя Александра Николаевича Голицына, помощью же адмирала Ушакова, иеромонаха Анания и многих православных христиан, трудами и стараниями митрополита Хрисанфа».

Напоминание о «священном городе Херсонесе, именуемом по истории Корсунем», в предместье которого находилась святая обитель, побудило высокопреосвященного настоятеля обновить не только главную церковь, но и ветхие, развалившиеся келии и пещеры иноков, на что было употреблено 40 000 руб., собранных от добровольных пожертвований. Работы по внутреннему убранству церкви закончили только в 1816 году, и тогда же был совершен чин ее освящения.

После открытия новой церкви древняя базилика была разобрана до основания, и даже срезана часть скалы, в которой находилась ее алтарная апсида¹²⁵. Посетивший в 1833 году святую обитель Фредерик Дюбуа де Монпере по этому поводу писал: «Недавно пере-

строенная церковь возбуждает сожаление о древней часовне, разрушенной для образования места новой»¹²⁶.

Для братии Георгиевского монастыря и балаклавских греков митрополит Хрисанф был подлинным зиждителем обители, принесшим в ее быт духовную мудрость и сердечный опыт, накопленные им за долгие годы странствий и служения Господу. «Весело было душе моей внимать словам старца, уже готового соединиться с перстием и духом возлететь к Несозданному, – писал в 1821 году русский писатель греческого происхождения Г.В. Гераков. – Он бодр еще, несмотря на то, что обтек Индостан, берега Малабарские и Коромандельские, Персию и Бухарию... все почти европейские государства видели у себя почтенного архипастыря»¹²⁷.

Митрополит Хрисанф Новопатрский мирно почил в 1824 году на 92-м году жизни. Помять о нем долго жила в сердцах людей, знавших и почитавших старца: в 1898 году над местом его погребения балаклавские греки возвели часовню, остатки которой сохранились до настоящего времени.

В отличие от Балаклавы, малочисленное греческое население Севастополя располагало намного меньшими материальными средствами и оттого с трудом могло поддерживать свой храм. Построенное в 1792 году здание севастопольской греческой Петропавловской церкви нуждалось в ремонте, средств на который из-за малочисленности прихода не имелось. После сильной бури, разразившейся на Крымском побережье в апреле 1812 года, стали протекать черепичная крыша и купол храма. По настоятельной просьбе священника Софрония Гаврилова и церковного старосты Эммануила Мартино были выделены деньги, на которые удалось починить кровлю¹²⁸.

С конца XVIII века состоявшим в службе на Черноморском флоте севастопольским грекам пришлось участвовать в следовавших один за другим морских походах и сражениях. В 1798–1800 годах морские офицеры-греки участвовали в Средиземноморском походе Ф.Ф. Ушакова по освобождению от французов Ионических островов, в кото-

¹²⁶ Там же, с. 97.

¹²⁷ Гераков Г.В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го / Соч. Гавриила Геракова. – СПб., 1830. С.

¹²⁸ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 105, л. 5.

ром флагманским кораблем «Св. Павел» командовал капитан 1 ранга Е.П. Сарандинаки, отличившийся при взятии острова Видо¹²⁹. В числе офицеров флота, отличившихся при взятии крепостей Корфу, Видо и Сальвадуро были капитан 1 ранга А.П. Алексиано, командир фрегата «Сошествие Святого Духа» капитан 2 ранга К.К. Константинов, лейтенант А.Е. Влиото, мичман корабля «Богоявление Господне» И.Г. Саранди, мичман П.С. Мавромихали, прапорщик морского батальона Арабелли. В одном ряду с русскими моряками сражались отставники российской службы, уроженцы острова Кефаллиния братья Андрей и Спиридон Ричардопуло, Антон Глези, арматолы с материка Христинис Калогерас, Дракос Гривас, Анастасий Диворас, Дмитрий Яницари, «вступивший по своей воле» на батарею лейтенанта Кривошапкина, и многие другие¹³⁰.

В Средиземноморском походе 1798–1800 годов адмирал Ф.Ф. Ушаков находился в постоянном сотрудничестве со своими сослуживцами – опытными и храбрыми офицерами. Одним из приближенных к адмиралу лиц был живший в Севастополе грек Х.И. Клапакис – капитан 1 ранга, участник русско-турецкой войны 1787–1791 годов, бывший на протяже-

¹²⁹ Список лиц, отличившихся при взятии крепостей Корфу, Видо и Сальвадора. [Конец марта 1799 года]. В кн.: Адмирал Ушаков. С. 469.

¹³⁰ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 29–30, 311–312; Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 86–87; Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. – С. 25–26; Адмирал Ушаков. Т. II. С. 469–476.

*Антон Павлович Алексиано (1752–1810).
Российский вице-адмирал, участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1778–1791 годов. и Средиземноморского похода Ф.Ф. Ушакова в 1798–1800 годов.*

*В 1810 году командир Севастопольского порта.
Портрет неизвестного художника.*

¹³¹ Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 86.

¹³² Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции в 1798–1800 гг. – М.: Наука, 1973. С. 121.

¹³³ Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 354–355; Адмирал Ушаков. Т. II. С. 296.

¹³⁴ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 261–262.

¹³⁵ Метакса Е. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. – Петербург, 1915.

го времени. Для ионических греков, для всей Греции, для балканских народов само существование Республики явилось важным фактором, стимулировавшим подъем национально-освободительного движения против турецкого господства. Впервые после падения в 1453 году Константинополя и долгих веков порабощения началось воссоздание греческой национальной государственности, и первый шаг на пути к этому был сделан при содействии России.

18 (30) декабря 1806 года Турция вновь объявила России войну, в которой союзниками последней выступили Англия и Ионическая республика. Боевые действия Черноморского флота в начавшейся войне носили ограниченный характер, и сводились, главным образом, к нанесению ударов по приморским крепостям и нарушению морских коммуникаций противника.

29 апреля (11 мая) высаженным на берег десантом была взята Анапская крепость. Город был разорен и сожжен дотла, а его комендант и местные жители бежали в горы. К сообщению маркиза де

Ковальчук Ю. Турецкая крепость Анапа

Траверсе о взятии и разрушении Анапской крепости Александр I отнесся самым благосклонным образом. Он приказал отслужить благодарственный молебен и утвердил все представления главного командира Черноморского флота и портов о награждении особо отличившихся.

31 мая (12 июня) 1807 года эскадра вновь вышла из Севастополя и отправилась к Трапезунду. Морякам предстояло овладеть этой крепостью «путем убеждения его жителей признать над собой власть Таяр-паши» – русского ставленника, попавшего в плен еще в 1791 году. Предполагалось, что овладев Трапезундом, Пустошкин войдет во взаимодействие с главнокомандующим Кавказской армией Гудовичем.

6 (18) июня флот стал на якоря на рейде города Платано, расположенного западнее Трапезунда. Среди местного греческого населения было распространено воззвание с призывом оказать содействие высадке русских войск, прибывших сюда с освободительной миссией. Однако попытка установить контакты с местным населением так и не удалась, а отправленный на берег турецкий чиновник назад не вернулся. Бесцельно простояв на рейде Платано в течение трех дней, Пустошкин отправил в Трапезунд бриг «Диана» под командованием лейтенанта Стожевского «с переводчиком Мавромихали и бакчесарайским жителем Паго» на борту, которым предписал «доставить письмо к правителю города и склонить его признать власть Таяр-паши». Высадив Мавромихали и Паго, бриг ожидал их возвращения на внешнем рейде. Как и в Платано, переговоры с городскими властями не принесли желаемых результатов.¹³⁶ Получив категорический отказ подчиниться воле русского правительства, 11 (23) июня Пустошкин приказал эскадре сняться с якорей, подошел к Трапезунду и подверг беспощадной бомбардировке город и крепость. Так и не выполнив поставленной задачи, эскадра вернулась в Севастополь.

25 июня (7 июля) 1807 году в Тильзите уполномоченные России и Франции подписали мирный и союзный договор. Вторая секретная и сепаратная статья Тильзитского мирного договора решила судь-

¹³⁶ Аркас З.А. Указ. соч., С. 447–448.

бу Ионической республики; она гласила: «Семь островов поступят в полную собственность и обладание его высочества императора Наполеона». Условия договора обязывали Россию заключить перемирие с Турцией и вывести войска из Молдавии и Валахии. Александр I открыто признал суверенитет Франции над Ионическими островами и согласился передать их вместе с бухтой Боки-Которо, занятой русским флотом, французским представителям¹³⁷.

В Тильзите пришел конец русско-английскому союзу. Россия соединилась с Францией и примкнула к континентальной блокаде, а русские военно-морские силы в Средиземном море оказались теперь между двух огней – враждебной Англией и находившейся в состоянии войны с Россией Турцией. Удержать позиции на Ионических островах было невозможно, и Сенявин получил предписание прекратить военные действия против Турции и сдать Котор и острова.

7 (19) августа в Корфу прибыл французский отряд численностью 15 000 человек, а спустя три дня сюда прибыл дивизионный генерал С. Бертье, назначенный Наполеоном главнокомандующим французскими войсками на Ионических островах. 14 (26) августа французы окончательно сменили русские войска на островах, подняли национальный флаг, и объявили Республику принадлежащей Франции.

В России Тильзитский мир был воспринят как неравноправный, унижавший достоинство государства. Он не мог разрешить противоречий между Россией и Францией, которые позднее привели к войне 1812 года. В соответствии с условиями Тильзитского мира, в августе 1807 года Россия заключила с Турцией Слободзейское перемирие. Военные действия на суше и на море практически приостановились, и русские войска стали покидать территорию Молдавии и Валахии.

Русским военно-морским силам в Средиземном море после оставления Ионических островов удалось вернуться на родину лишь три года спустя, после многих перенесенных лишений и больших испытаний. Утрата кораблей и малых судов, входивших в состав черноморского отряда второй Архипелагской экспедиции Д.Н. Сеня-

¹³⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. / В 4-х томах. Т. III. – М., 1963. С. 641, 648–649, 756, прим. 414.

вина и не сумевших вернуться в Черное море, уменьшила боеспособность флота. После заключения перемирия с Турцией командующим Черноморским корабельным флотом вместо вице-адмирала Пустошкина был назначен контр-адмирал Трескин.

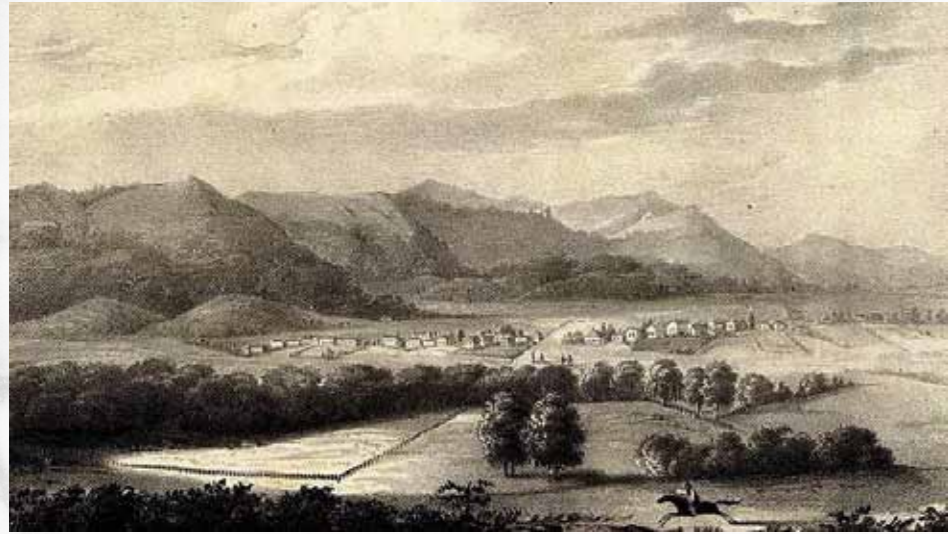
Весной 1809 года военные действия между Россией и Турцией возобновились, и Черноморский корабельный флот предпринял новую экспедицию к Анапе. 4 (16) июня отдельный отряд под командованием капитан-лейтенанта Петухова подошел к успевшей отстроиться за время перемирия крепости и приступил к ее ежедневной бомбардировке. Чтобы оттеснить от крепости черкесов, в долину был направлен майор М.Е. Карандино во главе роты морского батальона при двух артиллерийских орудиях. Город и крепость в ходе бомбардировки были до основания разрушены. 15 (27) июня на гребных судах высадились десантные войска в составе трех морских батальонов под командованием майора Карандино и заняли без сопротивления крепость¹³⁸.

Летом того же года главный командир Черноморского флота и портов адмирал маркиз И.И. де Траверсе получил назначение на должность морского министра и отбыл в Петербург, а на его место Александр I назначил вице-адмирал Н.Л. Языкова. На характере военных действий флота эта перемена никак не отразилась. Приступив к исполнению обязанностей, новый главный командир назначил на должность флотского начальника в Севастополе находившегося при берегу вице-адмирала А.П. Алексиано¹³⁹.

10 (21) июля 1810 года севастопольская эскадра с десантом, состоявшим из одного батальона 4-го морского полка, подошла к городу Сухум-кале, занятому неприятелем, и открыла огонь по крепости. К вечеру удалось разрушить часть приморских укреплений, сбить пушки и потопить 7 стоявших у крепости купеческих судов, но противник не сдавался. Утром 11 (22) июля с кораблей на берег высадились десант под командованием майора М.Е. Карандино. Против десантников выступили «конные и пешие горцы, которые были обстреляны ядрами, пущенными в них с эскадры». Майор Карандино,

¹³⁸ Аркас З.А. Указ. соч., С. 451; Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. – Петроград, 1914. С. 48.

¹³⁹ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 29.

Пассек. Байдарская долина в Крыму. 1838 год

одосии, также сообщали о фактах, не вызывавших сомнения в преступных намерениях татар. Однако де Ришелье оставлял эти сигналы без внимания, защищая «покорных властям татар, не подавших на себя никакого подозрения»¹⁴¹.

В июне 1810 года было получено известие о том, что находившаяся в Дарданеллах турецкая эскадра готовится выйти в Черное море с целью произвести бомбардировку Севастополя и высадить 20-тысячный десант. Для усиления Севастопольской крепости были направлены 7 пехотных батальонов и 4 артиллерийских роты, однако из-за нераспорядительности военного командования они попали в другие места. Турецкие агенты, воспользовавшись отсутствием в Севастополе флота, подняли восстание татар, намереваясь с их помощью нанести удар с тыла и оказать, таким образом, содействие готовившейся десантной высадке.

10 (22) июля 1810 года в Севастополь прибыл посыльный от командира Балаклавского греческого пехотного батальона майора Ф.Д. Ревелиоти с донесением о том, что в море близ Балаклавы появилась неприятельская эскадра в составе 13 вымпелов, а в Байдарской долине сосредоточились «татарские пешие и конные мятежники», численностью около 6 тысяч человек¹⁴². Получив это сообщение, севастопольские власти не приняли никаких мер к ликвидации мятежа. Не дожидаясь ответа, майор Ревелиоти собрал отряд

¹⁴¹ Неделин А.И. Указ. соч., С. 49; См. так же: Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны 1806–1812 гг. Ч. I. Гл. XVII; Там же, Ч. II. Гл. X. Дела на Черном море 1809–1810 гг.

¹⁴² Неделин А.И. Указ. соч., С. 50.

Ревелиоти
Феодосий Дмитриевич,
командир Балаклавского
греческого пехотного батальона
(1809–1831),
генерал-майор (1831)

находясь во главе морского батальона, «двинулся вперед, выгнал неприятеля из предместья, захватил 3 орудия и приблизился к крепости». После двухчасового штурма «неприятель был согнан с занимаемых им мест и побежал, а оставшиеся сдались в плен». Прекратив перестрелку, батальон вступил в крепость, от которой «в полном смысле слова не оставалось камня на камне». В числе трофеев десантникам достались 62 пушки, 2 фальконета, крепостной флаг и 1 080 пудов пороха. За отличие и храбрость, проявленные при взятии крепости Сухум-кале, капитан-лейтенант В.Х. Скуртулли был награжден орденом Св. Анны 3 степени¹⁴⁰.

В то время, когда Черноморский корабельный флот вел успешные боевые действия против неприятеля на Кавказском побережье, в Севастополе и его окрестностях произошли драматические события, которые едва не привели к самым непредсказуемым последствиям. Новороссийскому генерал-губернатору де Ришелье еще задолго до этого неоднократно доносили о готовившемся в Крыму восстании татар. Служащие Балаклавского греческого пехотного батальона, занимавшие кордонные посты от Севастополя до Фе-

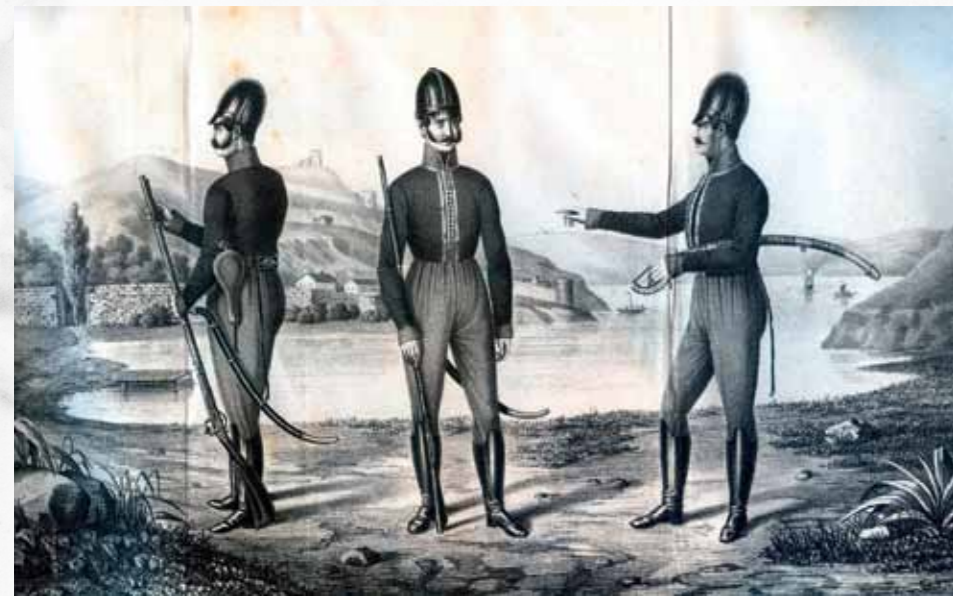
¹⁴⁰ Там же, С. 453; Общий морской список. Ч. V. 1890. С. 90.

Жак Мивиль. Балаклава. 1818 год

из 200 греческих солдат и офицеров, выступил с ними к Байдарам и занял все горные проходы из долины, по которым восставшие могли пройти к Севастополю. Неожиданное появление отряда Балаклавского греческого пехотного батальона ошеломило мятежников, которые, несмотря на свое численное превосходство и вооружение, не уступавшее балаклавцам, обратились в бегство. Ловким маневром, совершенным в ночь с 10 (22) на 11 (23) июля, солдатам греческого батальона удалось отрезать часть татар от горных проходов и взять в плен до 1 000 человек. Еще около 1.000 мятежников были арестованы ими в ходе преследования¹⁴³.

11 (23) июля из-за мыса Херсонес показалась турецкая эскадра, следовавшая к Севастополю. В городе были подняты по тревоге все находившиеся в нем войска, которых оказалось крайне мало для его обороны. На Александровской и 8-ой батареях, например, находились всего один офицер и несколько канониров. Тогда жившие в городе

Рядовой, унтер-офицер и офицер Балаклавского греческого пехотного батальона

¹⁴³ О замыслах крымских татар во время войны с Турками в 1810 году. // Морской сборник. № 4. – СПб., 1855. уч.-л., с. 139–149.

отставные офицеры и нижние чины вызвались добровольцами, и батареи были с избытком укомплектованы людьми.

Неприятель, так и не дождавшись предполагавшегося удара татарских повстанцев с тыла, не рискнул войти в Рейдовую бухту для атаки Севастополя и высадки десанта. Так и не сделав ни одного выстрела, турецкая эскадра направилась к Балаклаве, где 12 (24) июля ее видели из Георгиевского монастыря, после чего она удалась на север, захватив близ Севастополя русское купеческое судно¹⁴⁴. Так город был спасен от захвата неприятелем решительными действиями со стороны его малочисленного военного гарнизона, жителей-добровольцев и отряда Балаклавского греческого пехотного батальона.

В августе Черноморский флот стал готовиться к новой, разработанной в Петербурге, десантной операции по овладению Трапезундом. Для выполнения поставленной задачи из состава корабельного флота были выделены 7 кораблей, 5 фрегатов, 2 корвета, 1 бриг и десантные войска, численностью 3 899 человек (в их состав входила часть Балаклавского греческого пехотного батальона), под общим командованием контр-адмирала Г.А. Сарычева. 9 (31) октября 1810 года эскадра появилась на рейде Трапезунда. Не имея возможности начать бомбардировку крепости из-за штиля, длившегося в течение пяти последующих дней, Сарычев обнаружил полную готовность неприятеля к отражению нападения. Неожиданно поднявшийся на шестые сутки ветер вызвал сильное волнение на море, вынудившее эскадру укрыться на рейде Платано.

Не имея возможности из-за начавшегося шторма приблизиться к Трапезунду, Сарычев принял решение: не теряя времени создать плацдарм для дальнейших действий, овладев городом Платано. 17 (29) октября отряд в составе 1 корабля, 3 фрегатов и 1 брига атаковал город и шесть прикрывавших его береговых батарей. На берег высадился десант в 300 человек под командованием майора Ф.Д. Ревелиоти, изгнавший неприятеля из скрытых кустарником ложементов и поражавший его ружейным огнем, невзирая на его превосходство в силе, «коего было более 4 тысяч человек». Затем Ревелиоти напал

¹⁴⁴ История города-героя Севастополя. 1783–1917. – Киев: Наукова думка, 1960. С. 57–58; Неделин А.И. Указ. соч., с. 50.

на неприятельскую батарею из трех артиллерийских орудий, выбил из нее неприятеля и, «овладевши оной, заклепал пушки». При взятии батареи майор Ревелиоти был ранен «двумя пулями в правый бок и одной в правую руку». Появившиеся в большом количестве турецкие солдаты окружили русский десант, отрезав его от берега.

На выручку окруженному отряду был отправлен второй, численностью в 400 человек. При приближении к берегу, он попал под сильный ружейный огонь противника, потеряв более 100 человек убитыми. Во время прорыва из окружения десантники первого отряда также понесли большие потери. Майор Ревелиоти был тяжело ранен, но «презирая болезнь, и всю опасность сражался с отличной храбростью и неустрашимостью». Он «лично спас мичмана Ольховского от занесенного было неприятельского удара, который отклонил, а нападавшего пересек пополам»¹⁴⁵. Общие потери со стороны эскадры в этом бою составили 268 человек убитыми и ранеными. Кроме того, неприятелем были потоплены 2 русских гребных судна¹⁴⁶.

После неудачной десантной высадки при Платано, контр-адмирал Сарычев решил не предпринимать никаких дальнейших действий против Трапезунда. 18 (30) октября 1810 года эскадра удалась и, следуя при сильных встречных ветрах, лишь 30 октября (11 ноября) вернулась в Севастополь.

После заключения Тильзитского мира распался англо-русский союз. Средиземноморская эскадра вице-адмирала Сенявина получила приказ о возвращении в Кронштадт и перешла в Лиссабон, где ее блокировали англичане. Из-за нарушения турецким правительством договора о свободном проходе русских судов через проливы, остававшийся в Корфу отряд Черноморского флота под командованием контр-адмирала Ф.Д. Лелли, также не имел возможности вернуться в Севастополь. В сложившейся ситуации вице-адмирал Д.Н. Сенявин проявил завидные дипломатические способности, и сумел добиться от британской стороны сохранения кораблей за Россией путем их интернирования до окончания войны.

¹⁴⁵ Андрейко Е. Указ. соч., с. 58.

¹⁴⁶ Аркас З.А. Указ. соч., с. 453.

Вид Трапезунда. Гравюра 1718 года

В 1810 году, после сдачи кораблей и судов английским представителям, русские офицеры и матросы, принимавшие участие в войне 1806–1812 годов в составе Черноморского отряда кораблей второй Архипелагской экспедиции, возвращались берегом из Венеции, Неаполя и Триеста в Николаев и Херсон. В числе вернувшихся морских офицеров были: контр-адмирал Ф.П. Лелли, капитан 2 ранга Г.А. Папахристо, капитан-лейтенанты А.Э. Палеолог, Д.Е. Бальзам, Е.П. Метакса, К.Д. Сальти, Е.Д. Папаегоров, лейтенанты М.Н. Кумани, Н.Ю. Патаниоти, М.С. Цамутали, Н.Г. Сатири, Г.И. Калигас, А.С. Вангели, мичманы И.Е. Гунали, Х.А. Метакса, С.Е. Ризо, Г.А. Попандопуло и другие¹⁴⁷.

Между тем, русская армия добилась значительных успехов на Дунае, где главные силы турок попали в окружение в районе Слободзеи и 23 ноября (5 декабря) 1811 года капитулировали. Начатые еще в октябре 1811 года мирные переговоры между Россией и Тур-

¹⁴⁷ Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 160, 179, 354, 510, 644; Общий морской список. Ч. VIII. – СПб., 1894. С. 19; Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 103, 216; Общий морской список. Ч. VI. – СПб., 1892. С. 192, 237; Общий морской список. Ч. VII. – СПб., 1893. С. 206, 522.

цией, благодаря дипломатическому искусству генерала М.И. Кутузова, завершились подписанием 16 (28) мая 1812 года Бухарестского мирного договора.

Минувшая русско-турецкая война отрицательно сказалась на благосостоянии севастопольцев, а начавшаяся в 1812 году Отечественная война еще более усугубила положение городских обывателей. В 1810 году состоявший в должности городского головы И.Л. Ризаки сообщал, что «город Севастополь состоит из купечества 33-х и мещанства 185-и душ, но из числа последних большая часть вымерла, другие же в неизвестных отлучках и крайней бедности находятся»¹⁴⁸.

В Севастополе тем временем налаживалась повседневная жизнь. 28 декабря 1814 года архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический Иов в письме к обер-прокурору Священного Синода князю Галицину сообщал, что в городе имеются две церкви: «адмиралтейская Николаевская и греческая Петропавловская, при которой находится ныне прихожан мужеского пола только 246, а женского 270 душ, число коих, хотя бы было втрое больше, могло бы в ней по пространству ее вмещаться вполне удобно и свободно»¹⁴⁹. Численность прихожан греческой церкви, состоявшей в епархиальном ведомстве, в 1814 году составляла 612 душ обоего пола, или 4,2 % от общей численности населения города (включая в это число военных).

Дьячком, затем дьяконом при греческой Петропавловской церкви, а с 1804 года, после рукоположения в сан священника, ее настоятелем был Софроний Андреевич Гаврилов (род. в 1784 году), дворянин Таврической губернии, живший в Севастополе в собственном доме¹⁵⁰. Вторым священнослужителем в греческой Петропавловской церкви был иеромонах Григорий. Он родился в 1764 году в городе Фессалоники в Греции. В юном возрасте подвизался послушником в монастыре Пресвятой Богородицы на Святой горе Афон, где в 1780 году принял монашеский постриг, был произведен в иероди-

акона, а в 1784 году рукоположен в иеромонаха епископом Герасимом. В 1795 году отец Григорий покинул обитель и, получив благословение, выехал в Россию, где был принят и определен священнослужителем в греческую Петропавловскую церковь в Севастополе¹⁵¹.

В 1820 году на городском кладбище на средства флотского начальника Севастополя вице-адмирала Ф.Т. Быченского была построена и освящена каменная церковь во имя Всех Святых¹⁵². До 1840 года богослужение в ней поочередно совершалось духовенством адмиралтейской Николаевской и греческой Петропавловской церквей. Четыре священника первой служили в ней в течение четырех, а священники-греки – в течение двух недель. Однако после того как возникли споры и разногласия между русскими священниками военного ведомства и греческими священнослужителями, кладбищенскую церковь передали «исключительно в епархиальное ведомство», после чего в ней служили исключительно священники греческой Петропавловской церкви¹⁵³.

Открытие в 1820 году в Артиллерийской бухте порта для внутренней торговли несколько оживило экономику Севастополя, однако численность местного купечества оставалась по-прежнему незначительной. Если в 1819 году в городе было 33 купца различных гильдий, то к 1831 году их число сократилось до 20. Еще в 1818 году, в дни пребывания императора Александра I в Крыму, балаклавские греки обратились к нему с прошением о позволении им заниматься торговлей. 29 июля (10 августа) 1820 года было Высочайше утверждено постановление кабинета министров, которым разрешалось «не служащим чинам» Балаклавского греческого пехотного батальона «производить торговлю морем и сухим путем на общих основаниях». Балаклавским офицерам-грекам предоставлялось право приписываться к 1-ой и 2-ой гильдиям, а нижним чинам – торговать по общим установленным правилам. Каждый грек, желавший заниматься торговлей, должен был иметь «надлежащий вид своего на-

¹⁴⁸ Дьяконова И.А. Население Севастополя. / Достойный поклонения (Севастополь: страницы истории). / Сост. В.В. Крестьянников. – Симферополь. Таврия, 1996. С. 41.

¹⁴⁹ РГИА, ф. 797, Оп. 2, д. 5264, лл. 3–4.

¹⁵⁰ ГАРК, ф. 49, Оп. 1, д. 6597, лл. 57 об.–58.

¹⁵¹ ГАРК, ф. 118, Оп. 1, д. 5497, лл. 11 – 12 об.

¹⁵² Гавриил, архиепископ. Указ. соч., С. 68.

¹⁵³ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. С. 350–351.

Е.М. Корнеев. Вид Балаклавского залива

чальства об освобождении от службы» и «свидетельство о принятии присяги на верность подданства Российского»¹⁵⁴.

В первые два десятилетия XIX века греческую колонию Севастополя в городском магистрате представляли Анастасий и Пантелей Бурназовы и дважды избранный бургомистром Михаил Джина. На выборах в октябре 1817 года ратманом магистрата избрали Дмитрия Нисири, а кандидатом в члены магистрата – Ивана Симакопуло. Трижды, в 1806, 1810 и 1812 гг., на должность севастопольского городского головы при городском магистрате избирался Иван Ризаки (1765–1836) – уроженец острова Хиос, участник русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Время его пребывания в этой должности совпало с русско-турецкой войной 1806–1812 годов. За «усердную службу» на благо города, по представлению Николаевского и Севастопольского военного губернатора Л.Н. Языкова, он был награжден золотой медалью для ношения на шее на красной (по другим сведениям – голубой) ленте¹⁵⁵.

«Город Севастополь может почитаться исключительным от прочих внутренних городов, – отмечали в своем обращении в городской магистрат, составленном в ноябре 1822 года, севастопольские купцы и мещане, – он составляет число людей до 25 тысяч и все почти есть воинские команды; число купечества и мещанства включительно и отставных дворян и разночинцев не более 500 человек»¹⁵⁶. Не считая военнотружущих, здесь проживало около 3 000 отставных штаб- и обер-офицеров и значительное число отставных нижних чинов. Если в 1815 году в городе насчитывалось 1 106 домов¹⁵⁷, то к 1827 году их число увеличилось до 2 000 при населении в 41 155 чел. (вместе военнотружущими)¹⁵⁸.

Архивные документы свидетельствуют о крайне низком уровне развития культуры и образования в Севастополе: за 40 лет его существования здесь не было открыто ни одного учебного заведения.

¹⁵⁴ Сафонов С.В. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы: Исторический очерк. // ЗООИД. – Одесса, 1844. Т. I. С. 233.

¹⁵⁵ Терещук Н.М. Севастопольское городское управление. Конец XVIII – первая половина XIX в. Часть 1. – Севастополь: «Телескоп», 2019. С. 106.

¹⁵⁶ ГАО, ф. 230, оп. 1, д. 87, лл. 4–5.

¹⁵⁷ Неделин А.И. Указ. соч., С. 53.

¹⁵⁸ Семин Г.И. Севастополь: Исторический очерк. – М.: Воениздат, 1955. С. 39.

Из-за отсутствия казенных учебных заведений открывались частные школы, в которых обучались дети из привилегированных сословий. Одним из первых таких учебных заведений в Севастополе стало частное греческое училище Елакиади, открытое в 1822 году. В нем обучалось 11 учеников¹⁵⁹.

Важным событием в культурной жизни Севастополя стало открытие 21 июня (3 июля) 1822 года Севастопольской морской офицерской библиотеки. Она была основана на общественные деньги, собранные путем удержания по копейке с рубля при выдаче офицерам жалования, и первое время размещалась в небольшом казенном доме, принадлежавшем ранее капитану 1 ранга Тизделю, а затем занимала часть большого каменного дома, приобретенного комитетом библиотеки в казну у наследников контр-адмирала Снаксарева¹⁶⁰.

Первый Устав Севастопольской морской офицерской библиотеки, составленный лейтенантом В.И. Мелеховым, состоял из 15 статей, и в течение пяти последующих лет служил основным руководством по управлению библиотекой, которая, по словам современника, «чрезвычайно заинтересовала общество офицеров». Однако пожертвования на содержание библиотеки и приобретение книжного фонда согласно статье № 2 принимались только от флотских, морских артиллерийских офицеров и медиков. Штурманов в библиотеку не допускали, и в 1825 году директор Черноморского штурманского училища капитан 1 ранга П.А. Адамопуло обратился к вице-адмиралу А.С. Грейгу с просьбой об урегулировании этого недоразумения. В 1827 году последовало изменение Устава, сделанное по представлению комитета библиотеки и утвержденное главным командиром Черноморского флота и портов.

«Черноморский флот начал вновь возвышаться, когда во главе его стал адмирал Грейг», – отмечал А.М. Зайончковский¹⁶¹. Раз-

¹⁵⁹ Завгородняя О.А. Культурная столица Крыма. / Достойный поколения (Севастополь: страницы истории). / Сост. В.В. Крестьянников. – Симферополь. Таврия, 1996. С. 73.

¹⁶⁰ Завгородняя О.А. Морская библиотека. / Исторические улицы и памятники Севастополя (Севастополь: страницы истории). / Сост. В.В. Крестьянников. – Симферополь. Таврия, 1996. С. 14.

¹⁶¹ Зайончковский А.М. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. – СПб., 1903. С. 8.

Балаклавский Георгиевский монастырь. Неизвестный художник

витие кораблестроения, начало строительства в Севастополе сухих доков, повышение самообразования морских офицеров, практическое обучение моряков – все это было претворено в жизнь благодаря энергичной деятельности главного командира. Вместе с тем, современники упрекали А.С. Грейга в его «излишнем пристрастии к грекам», которые, по их мнению, «вошли в доверие к главному командиру и буквально заполнили собой весь флот».

В период командования Черноморским флотом А.С. Грейгом численность служивших на нем офицеров-греков, по сравнению с минувшими десятилетиями, возросла более чем в два раза. В 1821 году в составе черноморского офицерского корпуса и корпуса флотских штурманов было 62 офицера-грека (не считая офицеров морской артиллерии и штурманов), многие из которых имели высокие чины, занимали ответственные должности, командовали кораблями и флотскими экипажами¹⁶². Подобное преимущество возмущало сослуживцев и современников. «Архипелагские выходцы мало-помалу завладели всеми отраслями государственной службы, как своим достоинством. Балаклавская колония, имея

Алексей Самуилович Грейг (1775–1845), российский адмирал (1828), генерал, состоящий при Особе Его Величества (1829), в 1816–1833 годах командующий Черноморским флотом

¹⁶² Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890.; Ч. IV. – СПб., 1890; Ч. V. – СПб., 1890; Ч. VI. – СПб., 1892; Ч. VII. – СПб., 1893; Ч. VIII. – СПб., 1894; Ч. IX. – СПб., 1897; Ч. X – СПб., 1898; Ч. XI. – СПб., 1900; Ч. XII. – СПб., 1900.

под рукой целый флот, вползла в него со всей ловкостью и хитростью, свойственным племени, заняв все места», – негодовал по этому поводу адмирал И.А. Шестаков¹⁶³. «Доходило до того, – писал военный историк А.М. Зайончковский, – что в кают-компаниях русский язык был редкостью, и молодые люди, окончившие курс Морского корпуса, с большой неохотой шли в Черное море»¹⁶⁴.

Ко времени назначения вице-адмирала А.С. Грейга на должность главного командира Черноморского флота и портов, в Севастополе уже существовали греческие семейные династии, представители второго, и даже третьего поколения которых были профессиональными военными моряками. Следует напомнить и о том, что с первых же лет своего существования Севастополь обрел значение центра греческой диаспоры, откуда греки, полагаясь на военную мощь России, вели борьбу за освобождение своей родины от османского порабощения. Каждый из состоявших на российской службе офицеров-греков жил ожиданием часа «икс», – дня, когда возобновятся военные действия с Турцией, и русские корабли войдут с освободительной миссией в воды Средиземного моря.

¹⁶³ М.П. Лазарев. Документы. / Под. ред. К.И. Никульченкова. – М.: Воениздат, 1961. Т. III. С. 73–78. См. также: Военный сборник. 1867. Т. 88 С. 73–78.

¹⁶⁴ Зайончковский А.М. Указ. соч., С. 9.

ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1821–1827 годов И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 годов

17 марта 1821 года в Ареополи (область Мани) у церкви свв. Архангелов Михаила и Гавриила собралась Ассамблея (Γερουσία) старшин во главе с Петробеем Мавромихали. Там, после молебна и благословения начать вооруженную борьбу, собравшиеся произнесли слова присяги: «Я клянусь, во имя нашего Бога Всемогущего, во имя Господа нашего Иисуса Христа и Святой Троицы, до последней капли крови сражаться за Веру и Отечество». Там, под флагом восстания старшины и капитаны кланов маниотов объявили войну Османской империи. Революция, провозглашенная 17 марта 1821 года в Ареополи, была необходима грекам других областей, которые, поднявшись на борьбу, шли сражаться с турками, чтобы обрести свободу.

22 марта объединенные отряды маниотов прибыли в Каламату, и на следующий день комендант крепости и 150 турецких солдат без сопротивления сдались повстанцам. Об этом сообщает в своих записках о начале Революции 1821 года Иоаннис Колокотронис. Во второй половине марта народ Греции повсеместно поднялся на вооруженную борьбу против турецких поработителей. В течение трех месяцев восстание охватило всю Морею, часть континентальной Греции и некоторые острова в Эгейском море. 2 (14) апреля 1821 года великий русский поэт А.С. Пушкин записал в своем кишиневском дневнике: «Я твердо убежден, что Греция восторжествует, а 25 милли-

Петрос Мавромихалис, более известный как Петро-бей (1765–1848), – известный представитель семьи Мавромихалис, последний бей Мореи, член тайного общества «Филики Этерия», один из руководителей Греческой революции 1821 года, знаковая фигура Новой истории Греции. Председатель Временного правительства Греции (10 мая – 31 декабря 1823 года)

онов турок оставят цветущую Элладу наследникам Гомера и Фемистокла»¹⁶⁵.

28 марта 1821 года Петро-бей Мавромихали от имени Ассамблеи старшин Мани издал прокламацию о начавшейся революции к главам европейских государств, подписав ее как главнокомандующий всеми греческими повстанцами. Наряду с ним этот важный для истории Греции документ подписали члены Ассамблеи старшин Мани – И. и Г. Капетанакис, Н. Христеас, П. Кувелос, И. Мавромихалис, К. Кутракос, П. Муртзинос, П. Патриархеас, П. Пикулакис и П. Логофетис. Вскоре после этого из маниотов сформировали три фаланги, которые захватили Мистрас, Триполи и Корони, вступив затем в боевые действия с турками в Центральной Аркадии, спеша на помощь другим греческим повстанцам. 21 июля после осады сдался турецкий гарнизон крепости Монемвассия. Отряды мессиниотов в эти же дни осадили и захватили крепости Метони и Неокастрон. Так в 1821 году началась национально-освободительная революция в Греции.

Огромное воодушевление охватило весной 1821 года все слои греческого населения южных губерний России. «Греческая молодежь из всех сословий, полная энтузиазма и самопожертвования, устремилась под знамена Ипсиланти, – пишет греческий историк И. Филимонос. – Неспособные носить оружие вооружали тех, кто не имел средств, приказчики торговых контор оставляли

¹⁶⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 12. – М., 1949. С. 302.

Греческие повстанцы дают клятву сражаться до последней капли крови за Веру и Отечество

службу <...>, юноши из видных семейств, которым были доступны все виды наслаждений, и учащиеся превращались из последователей Афины в последователей Марса. Все они думали только об общем интересе отчизны, и борьба за освобождение почиталась ими единственным благом»¹⁶⁶. «Из Одессы шли и ехали толпы греков через Тирасполь, Бендеры и Кишинев в Молдавию, – писал в воспоминаниях А.Ф. Вельтман. – Везде снабжались они тайными агентами этерии средствами в пути, тогда уже они пели песню новых греков»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX века и русско-греческие связи. – М.: Наука, 1970. С. 302.

¹⁶⁷ Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. – М., 1958. С. 69.

Среди ехавших на подводах через Новороссийские степи в Одессу было много греков из Таганрога и Крыма. В фольклоре крымских греков до настоящего времени сохранилась песня о том, как 40 греков из Балаклавы отправились сражаться с турками за свободу Греции, все они погибли в боях и никто не вернулся домой. Даже из далекого Петербурга греки и гречанки отправлялись к Александру Ипсиланти для того, чтобы сражаться за освобождение Греции¹⁶⁸. Австрийский тайный агент сообщал, что в начале марта 1821 года из Одессы в Яссы выехало около 1 500 греков¹⁶⁹. Эти сведения подтверждал английский консул в Одессе в сообщении послу Англии в Константинополе¹⁷⁰.

Когда в 1821 году началось национально-освободительное восстание в Греции, Александр I отказался помочь единоверному греческому народу. В 1822 году на Веронском конгрессе император, вместе с другими участниками Священного союза, подписал специальную декларацию, осуждавшую греческое национально-освободительное восстание как революционное выступление. Там же, в Вероне, беседуя с французским министром-роялистом Шатобрианом, Александр I сказал: «Ничего, без сомнения, не казалось более отвечающим <...> общественному мнению страны, как религиозная война с Турцией, но в волнениях на Пелопоннесе я усмотрел признаки революции и поэтому воздержался»¹⁷¹. «Воздержанье» Александра I привело к тому, что уже в 1823 году английский министр иностранных дел Джордж Каннинг заявил: «Россия покидает свое передовое место на Востоке. Англия должна воспользоваться этим и занять его»¹⁷². Подходящий для этого случай представился Англии в 1824 году на Петербургской конференции, посвященной греческому вопросу, где Александр I предложил «образовать из Греции вассальное по отношению к Турции государство».

Всеобщий филэллизм русского общества с особой силой дал знать о себе во время восстания. Сочувствие мужествен-

¹⁶⁸ Арш Г.Л. Указ. соч., С. 301–302.

¹⁶⁹ Λαΐου Γ. Ανεκδοτес επιστολές καί έγγραφα του 1821. – Αθήνα, 1958. – Σ. 44–45.

¹⁷⁰ Арш Г.Л. Указ. соч., С. 301.

¹⁷¹ Там же, С. 181.

¹⁷² Там же, С. 181–182.

ным повстанцам получило глубокое отражение в произведениях А.С. Пушкина, К.Ф. Рыльева, В.К. Кюхельбекера, Е.А. Баратынского. Давление общественного мнения и образовавшиеся противоречия заставили правительства европейских государств вмешаться в греческие дела. Российская дипломатия, вследствие этого, оказалась перед реальной угрозой краха всей ее политики на Балканах. Однако до самой смерти Александр I так и не смог покончить с колебаниями в вопросе о том, какими же мерами ликвидировать затянувшийся восточный кризис.

Сменивший его на престоле Николай I, излагая свою политику на Востоке перед приехавшими его приветствовать высокосветскими особами, почти не упоминал о греках и не высказывал к ним ни малейшего сочувствия, в чем был, по-видимому, совершенно искренен. Новый император прекрасно понимал, что «свободная Греция не может быть другом самодержавной России»¹⁷³, где первый порыв к политической свободе – восстание декабристов – был только что подавлен. Николай I не хотел видеть греков свободными, а право заключать союзы и иметь своих дипломатических представителей он считал для них «опасной и слишком дорогой роскошью»¹⁷⁴.

¹⁷³ Покровский М.Н. Указ. соч., С. 574.

¹⁷⁴ Там же, С. 574.

Александр Ипсилантис (1792–1828) – один из руководителей Греческой революции. Член, а затем председатель тайного общества «Филики Этерия», национальный герой Греции. На российской службе состоял в чине генерал-майора (1817) под именем Александр Константинович Ипсиланти

Положение в Греции, между тем, становилось все более затруднительным. Исчерпав все возможности сопротивления турецко-египетским войскам Ибрагим-паши, греческие повстанцы перешли к партизанской войне. Борьба греков за свою независимость находила сочувствие и симпатию во всем мире. На помощь греческим повстанцам прибывали иностранные добровольцы. «Кровь будет литься как вода, а слезы как роса, но греки победят в конце концов», – писал лорд Джордж Байрон¹⁷⁵.

Понимая, что поражение греков может подорвать политический престиж России в глазах христианского населения Балкан, Николай I стал стремиться реализовать условие Петербургского протокола, позволявшее ему предпринять общие с Англией или самостоятельные действия против Турции.

Лишь летом 1827 года, после присоединения к Петербургскому протоколу Франции, три державы заключили между собой Лондонскую конвенцию, а в августе потребовали от Турции прекратить войну в Греции и предоставить ей автономию. После двух месяцев бесплодных переговоров с султаном союзники по коалиции решили провести *вооруженную демонстрацию*. С этой целью к берегам Греции отправились английская эскадра под командованием вице-адмирала Кондрингтона, французская эскадра под командованием контр-адмирала де Риньи и русская эскадра Балтийского флота (под командованием контр-адмирала Гейдена¹⁷⁶, соединение которых состоялось 1(13) октября 1827 года у острова Закинф.

¹⁷⁵ Байрон Джордж-Ноэль Гордон (1788–1824) – английский поэт-романтик; пэр Англии; с 1809 года глава английской палаты лордов. Когда началось восстание в Греции, Байрон, после предварительных сношений с образованным в Англии комитетом помощи восставшим грекам, собрал деньги, на которые купил английский бриг, и, забрав припасы, оружие и людей, 14 (26) июля 1824 года отплыл в Грецию. Вскоре Байрон распорядился в продаже своего недвижимого имущества в Англии, и передал вырученные деньги в фонд освобождения Греции. Находясь в Мессолонгионе, он простудился и 19 апреля (1 мая) 1824 года скончался. Тело Байрона было перевезено в Англию и погребено в семейном склепе Байронов.

¹⁷⁶ Гейден Логин Петрович (1772–1850) – граф, адмирал (1833), голландец на русской службе. Служил в нидерландском флоте; в 1795 году перешел на русскую службу. Участвовал в Средиземноморском походе Ф.Ф. Ушакова в 1798–1800 гг., русско-шведской войне 1808–1809 гг. и в военных действиях под Данцигом в 1813 году. В 1827 году, командуя эскадрой Балтийского флота, совершил переход в Средиземное море, и участвовал в Наваринском сражении, затем руководил блокадой Дарданелл. За Наваринскую победу граф Гейден был произведен в чин вице-адмирала, награжден орденом Св. Георгия 3-го степени и

Александр I (1777–1825), – Император и самодержец Всероссийский (1801–1825), протектор Мальтийского ордена, великий князь Финляндский, царь Польский, старший сын императора Павла I и Марии Фёдоровны

В начале октября объединенный англо-франко-русский флот, командование которым, как старший по чину, принял вице-адмирал Эдвард Кондрингтон, подошел к юго-западному побережью полуострова Пелопоннес и блокировал турецко-египетский флот в бухте Наварина. Союзники направили ультиматум о прекращении военных действий в Греции, на который Ибрагим-паша ответил отказом. Чтобы заставить Турцию пойти на уступки, 8 (20) октября 1827 года объединенный флот союзников вошел в Наваринскую бухту. После убийства турками английского парламентаря и обстрела кораблей турецкими береговыми батареями, союзники открыли огонь по неприятелю. В ходе четырехчасового боя турецко-египетский флот, имевший в своем составе более 70 кораблей и судов, был почти полностью уничтожен. Турки потеряли в этом сражении до 7 000 человек, потери союзников составляли 800 человек убитыми и ранеными¹⁷⁷.

После разгрома турецко-египетского флота в Наваринском сражении отношения европейских держав с Турцией осложнились. Это создавало тактическую выгоду для России, которая могла теперь более решительно действовать против своего извечного противника. 18 (30) декабря 1827 года султан Махмуд II официально объявил об одностороннем расторжении Аккерманской конвенции и всех ранее заключенных с Россией договоров, призвав мусульман к джихаду (священной войне). Российские подданные в Турции подверглись преследованиям, многих из них были арестованы и брошены в тюрьмы, лишившись права защиты имущества, разграбленного и конфискованного во время начавшегося беспредела.

Международная обстановка благоприятствовала России: из всех великих держав только Австрия оказывала Турции материальную поддержку. Англия и Франция, в силу конвенции 1827 года и своего

пожалован арендой в 3.000 рублей серебром на 12 лет. Союзные монархи почтили его заслуги французским орденом Св. Людовика 1-й степени и английским орденом Бани 2-й степени Большого креста. В декабре 1827 года граф Гейден получил указ о даровании ему власти как отдельному корпусному командиру. Во время наступившей затем войны с Турцией 1828–1829 гг. он оставался главнокомандующим русским флотом в Средиземном море. По заключении мира, Гейден удостоился Высочайшей монаршей признательности за заслуги перед отечеством. С 1830 года – начальник 1-ой дивизии Балтийского флота; с 1834 года – Ревельский военный губернатор; в 1838 году – главный командир Ревельского порта.

¹⁷⁷ Каллистов Н.Д. Наваринское сражение. // История русской армии и флота. Ч. 5. – М., 1913. С. 190–193.

Наваринское сражение 8 (20) октября 1827 года

участия в Наваринском сражении, вынуждены были соблюдать нейтралитет. Благожелательную по отношению к планам России позицию занимала и Пруссия. Успешное завершение войны с Ираном и подписание Туркменчайского мира позволили, наконец, Николаю I бросить вызов султану, и 2 (14) апреля 1828 года появился манифест о начале военных действий с Турцией. В манифесте, опять-таки, ни слова не говорилось о греках, благодаря чему «причины войны оказывались чисто экономическими» и сводились к «разного рода стеснениям русской торговли и торговцев», чинимых турками.

В соответствии с утвержденным планом военных действий, на Дунай была направлена 95-тысячная армия генерал-фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна, с задачей занять Молдову, Валахию, Добруджу и овладеть Шумлой и Варной. Ей противостояла 150-тысячная турецкая армия Хусейн-паши. На Кавказе 25-тысячный корпус генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича должен был занять Карский и Ахалцихский пашалыки. Перед Черноморским флотом в начавшейся войне ставилась задача: имея господство на море, не допускать выхода турецкого флота из Босфора, уничтожить все имевшиеся военно-морские силы турок и пресекать любые попытки их воссоздания на всем протяжении побережья Румелии, Анатолии и Кавказа. На Дунайскую флотилию возлагалось оказание содействия русской армии, наступавшей на Балканском театре военных действий. Эскадре Балтийского флота, находившейся у берегов Греции, предписывалось блокировать Дарданеллы¹⁷⁸. Наступил час «икс», которого так ждали служившие на Черноморском флоте и в русской Императорской армии греки.

В числе наиболее отличившихся во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов морских офицеров был Михаил Николаевич Кумани¹⁷⁹. Ему принадлежала блестящая идея разработки и осуществления плана по овладению Сизополем с удобным закрытым рейдом. Эта дерзкая по замыслу операция убедительно продемон-

стрировала не только возможность захвата важного стратегического пункта в глубоком тылу противника, но и удержания его малыми силами в течение длительного времени до прибытия основных сил армии и флота. Впоследствии она нашла широкое применение в доктринах тактики ведения боевых действий по захвату плацдарма морской пехотой.

Турция вынуждена была признать поражение. 2 (14) сентября 1829 года, стремясь предотвратить захват Константинополя, султан Махмуд II подписал с Россией Адрианопольский мирный договор. 15 февраля 1830, года по решению Лондонской конференции трех держав – России, Англии и Франции, Греция стала официально независимым государством, и Николай I, «без особенно горячего желания» со своей стороны, сделался ее освободителем. В состав независимой Греции не вошли часть Эпира, Фессалия, Македония, Фракия, остров Крит и многие другие территории и острова, населенные греками. После длительных переговоров между Англией, Францией и Россией относительно устройства Греции была образована монархия во главе с немецким принцем Оттоном.

Михаил Николаевич Кумани (1770–1865), – русский адмирал (1855) греческого происхождения. Сын контр-адмирала Николая Петровича Кумани (1747–1809), отец генерала флота Николая Михайловича Кумани (1793–1869). Известен разработкой и осуществлением плана по овладению Сизополем – приморской крепостью с удобным закрытым рейдом (1828).

¹⁷⁸ Лебедев А.И. Военные действия на Черном море в войну с Турцией в 1828–1829 гг. // История русской армии и флота. – М., 1913. Ч. 5. С. 202.

¹⁷⁹ Кумани Михаил Николаевич (1775–1865), известный деятель российского флота, адмирал (1855), уроженец Севастополя, сын контр-адмирала Н.П. Кумани. В 1828 году – капитан 1 ранга, командир корабля «Пимен»; за отличие при взятии крепостей Анапа и Варна был досрочно произведен в контр-адмиралы.

ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Во второй четверти XIX века расположенная по соседству с Севастополем Балаклава представляла собой типичный приморский греческий городок со всей свойственной ему инфраструктурой и патриархальным укладом жизни. Здесь говорили по-гречески и прямо на улице, в открытых лавках готовили пищу и продавали нехитрую снедь. «При въезде в Балаклаву, встретив несколько хорошеньких женщин и мужчин воинственного вида с длинными густыми усами, при взгляде на высокие горы, ее окружающие, и на бедные строения нового расположения, мне показалось, будто я из прекрасного города, каков Севастополь, перенесен на ковче-самолете в Грецию, на один из Архипелажских островов», – отмечает военный писатель В.Б. Броневский.

Карло Босолли. Балаклава. 1840 год

Исключительно греческое, в отличие от Севастополя, население Балаклавы наряду с несением службы по охране порядка и надзором за побережьем занималось рыбным промыслом и отчасти земледелием. В боевой летописи Балаклавского греческого батальона было шесть военных кампаний, в которых участвовала Россия в конце XVIII–XIX в. О подвигах балаклавских греков были сложены легенды.

Город состоял «из 60 домов, расположенных в одну линию по пологому берегу моря» и был «обитаем одним Греческим батальоном». Балаклава и расположенные в ее округе греческие села управлялись батальонным командиром, в должности которого в рассматриваемое время состоял Ф.Д. Ревелиоти, отличавшийся гостеприимством. «Вот и теперь я нахожусь у заслуженного, израненного начальника Балаклавы и Греческого батальона Ревелиотиса, как у себя дома; и точно так, сказывают, он всех заезжающих у себя принимает; рад служить всем, что имеет; и вся семья его старается, как бы лучше угодить и чем бы лучше угостить, – пишет И.М. Муравьев-Апостол. – Чистенький веселый домик его стоит на конце города, на восточном берегу узкоустьной гавани, которая будучи стеснена между двух высоких гор, сходствует более с рекою, чем с заливом морским».

В 1825 году Балаклаву посетил император Александр I. Осмотрев батальон, он остался доволен дисциплиной и порядком, и Всемилостивейше пожаловал строевым штаб- и обер-офицерам и нижним чинам годовое жалование «не в зачет»¹⁸⁰.

В русско-турецкой войне 1828–1829 годов Балаклавский греческий пехотный батальон официально не участвовал, однако отдельные его служащие принимались добровольцами. Так, например, за участие в успешном выполнении операции по уничтожению Инады 17 (29) августа 1828 года отрядом судов Черноморского флота и де-

¹⁸⁰ Сафронов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклав. Исторический очерк. // ЗООИД, Т. I. – Одесса, 1844. С. 234.

санта под командой капитана 1 ранга Н.Д. Критского, подпоручик Балаклавского греческого пехотного батальона М. Стерио был награжден орденом Св. Анны 3 степени¹⁸¹.

После того, как в 1834 году в должность главного командира Черноморского флота и портов вступил вице-адмирал М.П. Лазарев, стали возникать проекты удаления с территории Крыма балаклавских греков. В сентябре 1836 года Лазарев имел личную встречу с Николаем I в Чембаре, во время которой «при случившемся разговоре с государем» он доложил «о Балаклавском батальоне и балаклавских греках». «Они имеют большие связи и родство со служащими во флоте греками и как вообще склонны к интересу и воровству, то смежность их с Севастополем очень вредна», – убеждал Михаил Петрович императора, прося «приказать дать» балаклавским грекам «другие места около Кубани, или где Его Величеству заблагорассудится, а места, принадлежащие балаклавцам, как тоже дарованные, отдать под германские колонии или отставным матросам, дети коих могли бы поступать на службу во флот. Ныне же, поскольку греки занимаются одним только дурным виноделием и контрабандной торговлей, то Севастополь ни малейшей пользы от них не имеет»¹⁸². Николай I ответил: «Я знаю, что они совершенно бесполезны», и предложил переговорить по этому вопросу с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором М.С. Воронцовым, с которым Михаил Петрович встретился на обратном пути из Чембара. Выслушав доводы Лазарева, граф Воронцов, являвшийся «неусыпным попечителем и предстателем о нуждах и благосостоянии» Балаклавского греческого пехотного батальона¹⁸³, отклонил его предложение, но «обещал что-нибудь придумать». Не достигнув желаемого, Лазарев стал настойчиво взывать к содействию князя Меншикова: «Ваша светлость, сдѣлаете величайшее для Севастополя благодеяние, ежели примете в сем участие и обратите полугреческий Крым (в особенности Севастополь) в страну русскую»¹⁸⁴.

¹⁸¹ Морской сборник. № 3. – СПб., 1850. С. 198.

¹⁸² Там же, С. 331.

¹⁸³ Сафонов С.В. Указ соч., С. 235.

¹⁸⁴ Из письма вице-адмирала М.П. Лазарева князю А.С. Меншикову о назначении молодых офицеров командирами судов и о целесообразности установления ограничений при

Огюст Раффе. Вид Балаклавы. Литография

В 1837 году, во время пребывания на отдыхе в Крыму императора Николая I и императрицы с семьей, Балаклавский греческий пехотный батальон содержал внутренние и внешние посты на Южном берегу и нес караульную службу в царском имении в Ливадии. Государь остался доволен греческим батальоном и неоднократно изъявлял ему свое монаршее благоволение: многим из офицеров Высочайшим повелением пожаловал чины и ордена, из казны было одновременно отпущено 20 000 руб. на обмундирование нижним чинам¹⁸⁵, а с 1 (13) января 1838 года все служащие батальона стали получать жалование по окладам войск, состоявших на полевом гарнизонном положении.

Предложение М.П. Лазарева, касавшееся переселения балаклавских греков на Кубань, было реализовано лишь отчасти: в 1842 году Николай I утвердил представление графа М.С. Воронцова об отправке отряда балаклавцев на восточное побережье Черного моря,

определении в гардемарини. 8 (20) декабря 1836 года. – В кн.: М.П. Лазарев. Документы. – Т. III. – С. 332.

¹⁸⁵ Сафонов С.В. Указ. соч., С. 236.

и в мае того же года две роты Балаклавского греческого батальона отправились в Новороссийское укрепление, назначенное местом их постоянного пребывания. В обязанность командира батальона, среди прочего, входило постоянное содержание этих двух рот в комплекте. «Всегда любимые начальством за быстрые и разумные действия», балаклавцы «никогда не утрачивали численности врагов» и проявляли завидное мужество «при нападении неприятельских скопищ на наши крепости», что служило хорошим уроком для молодых русских солдат. Более других ненавидистые черкесам, называвших их «крымскими казаками», балаклавские греки на протяжении всей 12-летней службы на Кавказе потеряли убитыми не более 20 человек¹⁸⁶.

Иной была жизнь греков в многонациональном Севастополе. В начале 1830-х годов территория города, расположенного на четырех холмах и по их склонам, значительно расширилась за счет слободок. Особенно разрослась Корабельная сторона, жилые кварталы и казенные строения которой подступали уже к Малахову кургану. Центральная часть города находилась на среднем, Центральном городском холме, охваченном с востока Южной, а с запада частью Артиллерийской бухты и начинающейся от нее глубокой балкой. Его северная оконечность, названная с легкой руки контр-адмирала Ф.Т. Быченского «хребтом беззакония», отлого спускалась к Рейдовой бухте, южная – ограничивалась господствующей над Севастопо-

¹⁸⁶ Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – 121–122; Сафонов С.В. Указ. соч., С. 236.

Огюст Раффе. Береговые патрульные-арнауты. Балаклава (Крым). 25 августа 1837 год. Литография

лем возвышенностью, на которой находился городской (ныне Исторический) бульвар.

Главной площадью города была Екатерининская (ныне Нахимова), единственным украшением которой в то время был Екатерининский дворец – большой одноэтажный каменный дом с застекленной верандой и ведущими к ней с двух сторон каменными лестницами, принадлежавший ранее контр-адмиралу Ф.Ф. Мекензи¹⁸⁷. От Екатерининского дворца к морю спускались ступени Графской пристани, в то время еще не имевшей портика с колоннами. Слева от Екатерининского дворца находился казенный дом в пять окон по фасаду, в котором жил начальник артиллерии Севастопольского порта полковник Е.И. Бефани¹⁸⁸. У подножия северной оконечности Центрального городского холма стояло здание гарнизонной гауптвахты, а на месте современного Приморского бульвара «скучно тянулась огромная Николаевская батарея», еще не перестроенная в трехъярусный каменный форт.

Центральный городской холм с возвышавшейся над его постройками греческой Петропавловской церковью окружали две широкие дугообразные улицы, протяженностью около 650 саженей каждая; обе они начинались от Екатерининской площади и сходились на Бульварной (ныне площадь Ушакова), образуя собой продолговатый эллипсоид. Улица Большая Морская в то время «выглядела уже действительно большой». По обеим ее сторонам стояли как добротные двухэтажные дома, так и маленькие, почти вросшие в землю домики. Здесь находились дома начальника артиллерии Черноморского флота генерал-майора Примо, морских офицеров Деантуани¹⁸⁹, Цамутали, Вергопуло. В 1827 году на Большой Морской открылась первая в городе аптека, принадлежавшая И.Я. Тхароревскому. Здесь же располагались «пивоваренный завод и винный подвал княгини Шиховской, портовый воловий двор, на котором содержались несколько волов для перевозки грузов»¹⁹⁰. Огибая Централь-

¹⁸⁷ Венিকেев Е.В. Архитектура Севастополя: Путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 13.

¹⁸⁸ Закревский Н.И. Севастополь 1830-1831 год. // Морской сборник. № 9. – СПб., 1861. С. 15.

¹⁸⁹ Там же, С. 18.

¹⁹⁰ Там же, С. 20.

ный городской холм с западной стороны, Большая Морская улица проходила мимо пустырей и хуторов, принадлежавших крупным чинам морского ведомства, и заканчивалась на Бульварной площади.

Самой добротной и красивой по эстетическим и строительным нормам того времени была главная улица Севастополя – Екатерининская¹⁹¹ (ныне Ленина), начинавшаяся от одноименной площади¹⁹². Здесь стояла небольшая каменная адмиралтейская церковь св. Николая Чудотворца, перестроенная из часовни в 1795 году по распоряжению Ф.Ф. Ушакова. По левую сторону улицы тянулась каменная стена севастопольского адмиралтейства, над воротами в которое возвышалась Минная башня с городскими часами. Напротив адмиралтейских ворот находился дом, построенный когда-то для Ф.Ф. Ушакова. Дом этот в описываемое время никто не занимал; лишь во время своих приездов в Севастополь в нем останавливался главный командир Черноморского флота и портов адмирал А.С. Грейг. За адмиралтейством находилось несколько добротных частных домов, принадлежавших семье убитого во время «чумного бунта» военного генерал-губернатора Н.А. Столыпина, севастопольскому городскому голове купцу 1-ой гильдии В.М. Носову и другим известным в городе купцам и чиновникам. За ними находилось здание, в котором размещалось девичье училище, казармы 28-го, 29-го, 30-го, и 31-го флотских и 16-го рабочего экипажей, Севастопольское училище флотских юнг¹⁹³.

Далее, начиная от Ушакова проулка (ныне часть улицы Марата), по обеим сторонам тянулись дома двух греческих кварталов. В конструктивном и эстетическом отношении вся застройка этой части улицы имела ярко выраженные черты национального архитек-

¹⁹¹ Известная с конца XVIII века как Балаклавская дорога, в начале второй четверти XIX века она получила официальное название – Адмиралтейский проспект. Однако севастопольцы, храня память о том, что в 1787 году по ней проследовала в Балаклаву Екатерина II, называли ее «Екатерининской». В топонимике Севастополя существует немало примеров существования наряду с официальными местными названий. Так, например, Екатерининская пристань, строительство которой начал контр-адмирал Ф.Ф. Мекензи, а завершил контр-адмирал граф М.И. Войнович, в народе называлась «Графской», и последнее, в конечном счете, стало официальным. Улица Большая Морская на карте Севастополя 1834 года также имела другое, официальное название – Артиллерийский проспект.

¹⁹² Закревский Н.И. Указ. соч., С. 21.

¹⁹³ Закревский Н.И. Севастополь 1831 год. // Морской сборник. № 3. – СПб., 1862. С. 53.

турного стиля и разительно отличалась от предыдущей. Дома здесь были каменные, двухэтажные, под двухскатными и четырехскатными крышами, крытыми черепицей, с нависающими над улицей верхними этажами или закрытыми балконами-эркерами, укрепленными на деревянных подпорках-кронштейнах. Здесь строились греки, поселившиеся в Севастополе вскоре после присоединения Крыма к России и во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Несмотря на то, что во второй четверти XIX века некоторые из греческих домов были проданы и «перешли в руки русских и евреев», греки численно преобладали в этой части Екатерининской улицы. Здесь же стояли дома, принадлежавшие помещице М.А. Сарандинаки и вице-адмиралу К.Ю. Патаниоти¹⁹⁴.

С востока на запад Центральный городской холм пересекала небольшая по протяженности Греческая улица (ныне Людмилы Павличенко). С Екатерининской улицы она начиналась крутым подъемом, огибавшим с южной стороны здание греческой Петропавловской церкви, и далее тянулась через холм, спускаясь вниз в его западной оконечности, и, пересекая Большую Морскую улицу, заканчивалась в городской части. На Греческой улице, делившейся на «нагорную» и «городскую» части, жили некоторые из морских офицеров и представители торгово-ремесленного сословия – владельцы лавок и винных погребов, пекари, ремесленники и другие городские обыватели. В городской части этой улицы преобладали дома, принадлежавшие купцам, мелким торговцам, мещанам и чиновникам. В них снимали квартиры молодые офицеры флота.

С Бульварной площади на Центральный городской холм поднималась широкая, прямая улица (ныне Советская), не имевшая названия, и примечательная лишь тем, что на ней стояли три каменных дома, «из которых один совсем развалился, другой требовал исправлений», а в третьем жил командир 30-го флотского экипажа и корабля «Императрица Мария» капитан 1 ранга Г.А. Папахристо. С правой стороны улицы, на обращенной к Бульварной площади южной части холма, находилось уездное училище – первое учебное за-

¹⁹⁴ Там же, С. 63.

ведение в Севастополе, открытое гражданским ведомством. В нем обучались дети «недостаточных купцов, мещан и разночинцев».

От дома контр-адмирала Снаксарева, в котором размещалась Морская офицерская библиотека, начиналась Капитанская улица, ограниченная до и после своего пересечения с Греческой улицей двумя кварталами. Правая ее сторона в начале XIX века была застроена «низенькими одноэтажными домиками в три, в четыре и даже в пять окошек» по фасаду; лишь один из них принадлежал морскому офицеру, остальные – «каким-то грекам». На левой стороне Капитанской улицы «красовалось несколько полуторазэтажных домов в пять окон по фасаду». Первый из них, угловой, принадлежал командиру рабочего экипажа полковнику П.П. Кумелласу. За ним следовали дома капитана 2 ранга Костенича, контр-адмирала М.Н. Кумани, братьев Хомутовых, наследников генерал-майора С.А. Велизари и контр-адмирала И.С. Скаловского¹⁹⁵.

В 1830-е годы «Севастополь населен был выходцами разных стран и прозелитами многих рас»¹⁹⁶. Значительную часть оседлого городского населения составляли евреи, имевшие «свои дома и по их численности опрятную и даже богатую синагогу» на Еврейской улице (бывш. Петропавловская, ныне Луначарского). Лишь немногие из оседлых евреев были купцами; большинство из них составляли «цеховые ремесленники: портные, сапожники, шапошники, шмуклера»¹⁹⁷, серебряники и прочие». В 1832 году по Высочайшему повелению было объявлено о выселении евреев из Севастополя и Николаева: на сборы и переезд оседлым жителям предоставлялось время до весны, а временно пребывающим – не более месяца. Выселенные евреи расселились отчасти в Симферополе, отчасти в Херсоне и Одессе.

Русское оседлое население относилось к политически господствующему этносу, но было отнюдь не самой многочисленной этнической группой в городе: «Об русских оседлых жителях, гражданах Севастополя православного вероисповедания, сказать нечего, – писал в 1831 году Н.И. Закревский, – их было мало, да и те, за исклю-

¹⁹⁵ Закревский Н.И. Указ. соч., С. 53–54, 61–63.

¹⁹⁶ Закревский Н.И. Указ. соч., С. 53–54.

¹⁹⁷ Шмуkler – бахромщик, мастер, изготавливающий кисти, бахрому, шнуры.

Айвазовский И.К.

Русская эскадра на Севастопольском рейде. Фрагмент картины

чением В.М. Носова – городского головы, купца 1-ой гильдии – все были мелочные торговцы». Большую часть русского оседлого населения составляли отставные нижние чины, «годные к черным поленным работам и к поддержанию благосостояния кабаков и винных лавочек»¹⁹⁸.

В Севастополе жило много иностранцев – англичан, голландцев, шотландцев, французов, немцев, швейцарцев, итальянцев. Среди англичан был большой процент высококвалифицированных строителей, механиков, слесарей, кузнецов, столяров, гранильщиков, каменщиков, производителей извести и цемента. Французы занимались, главным образом, педагогической деятельностью. Немцы и швейцарцы были известными в городе «производителями колбас,

¹⁹⁸ Закревский Н.И. Указ. соч., С. 62–63.

сосисок и сольтисонов». В этом деле преуспевали Ветцель, Кист и Шнейдер; они же содержали недорогие и посещаемые рестораны, в которых молодые офицеры могли довольствоваться ежедневной закуской, завтраками и обедами в кредит до получения ими жалования¹⁹⁹.

Мусульманского населения в описываемое время в Севастополе еще не было. «Странно, при том утешительно, видеть в таком отдалении, посреди мусульманской страны, город европейского вкуса», – отмечал современник²⁰⁰. «В Севастополе нет ни одного татарского дома; равным образом мы не видели татарских жилищ и в деревне, лежащей около так называемой Северной гавани, в которой останавливаются каботажные суда», – писал в 1837 году А.Н. Демидов, указывая, что «татары не въезжают в город, а располагаются со своими телегами на берегу Северной гавани»²⁰¹.

Полицейская часть в Севастополе следила за соблюдением «тишины и спокойствия», «боролась с пожарами и осуществляла надзор за трактирами и ресторанами». Полицмейстером «севастопольской градской полиции и города» в 1830-е годы был И.Ф. Соловьев, в подчинении которого состояли частный пристав П.А. Бурназов²⁰² и квартальный надзиратель Г.Г. Юргаки²⁰³ – «оба греки»²⁰⁴. Бурназов и Юргаки, по свидетельству современника, были необходимы Соловьеву своими «лингвистическими способностями, важными по этнографическому состоянию Севастополя». И это не случайно: в 1830–1836 годах город был «переполнен выходцами из разных наций», устремившимися сюда по окончании русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Считалось, что $\frac{2}{3}$ обосновавшихся здесь эмигран-

тов составляли греки, которые, по словам современника, «делились на российскоподданных, английско-, французско-, австрийско-, турецко- и греческоподданных греков». Все они проживали в Севастополе на основании имевшихся у них консульских свидетельств, выданных им «на неопределенное время пребывания по собственным делам», и заверенных в одесской или керченской полиции. «При таком вавилонском смешении языков в Севастополе, по справедливости сказать, только и могли управляться Бурназов да Юргака, – отмечает Закревский. – Они при 18-и человеках хромых, кривых и одноглазых штатных полицейских служителей, управлялись недурно»²⁰⁵.

Греки по-прежнему активно участвовали в деятельности городской думы, выборы назывались «купеческо-мещанскими», и избирались только два гласных от гражданского населения. В 1830 году избрали третьего гласного, представлявшего еще одно сословие. Им был керчь-еникальский житель греческо-подданный Леонтий Кукули, состоявший впоследствии агентом Эллинского королевства, а затем греческим вице-консулом в Севастополе. В 1832 году было избрано уже четыре гласных, двое из которых были греки – Христофор Константинов и Полихрон Неофит²⁰⁶.

Во второй четверти XIX века севастопольские купцы-греки, как и прежде, держали в своих руках всю внутригородскую торговлю вином и бакалейными товарами. В 1831 году в Севастополе насчитывалось всего 20 купцов²⁰⁷, из которых 16 были греки: купец 2-ой гильдии Леонтий Кукули, купцы 3-ей гильдии Анастасий и Павел Тацци, Эммануил Критико, Дмитрий Нисирио, Иоанн Ризаки, Христофор Арванити, Николай Псимо, Федор Симакопуло, Иоанн Афинае, Георгий Сарацопуло, Эммануил Зотов, Марк Велиндзаки, Константин Асланов, Христофор Константинопуло, Николай Мустаки²⁰⁸. В 1833 году численность севастопольского купечества возросла до 73 человек, из которых 36 были греки²⁰⁹.

¹⁹⁹ Там же, С. 62–63.

²⁰⁰ Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. – СПб., 1803. С. 193–194.

²⁰¹ Демидов А.Н. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. – М., 1853. С. 360.

²⁰² Бурназов Пантелей Антонович (1770–1839), уроженец Ени-Кале, отставной лейтенант, коллежский секретарь. В 1830 году – частный пристав севастопольской городской полиции.

²⁰³ Юргаки Георгий Георгиевич, уроженец Ени-Кале, турецкоподданный житель Севастополя, в 1830–1838 гг. квартальный надзиратель. См.: Закревский Н.И. Севастополь, 1831 год. // Морской сборник. № 3. – СПб., 1862. – С. 46–53, 65.

²⁰⁴ Закревский Н.И. Указ. соч., С. 53.

Главную статью дохода севастопольских купцов-греков составляла торговля вином и бакалейными товарами, которую они с конца XVIII века прочно удерживали в своих руках. По свидетельству квартального надзирателя Юргаки, «всех погребков и винных лавочек в самом городе и его слободках» было около 160. С октября, вскоре после окончания уборки винограда, численность погребков и винных лавочек в Севастополе увеличивалась до 240. В них продавались как привозные, так и дешевые виноградные вина, производившиеся в Качинской и Бельбекской долинах. Местное русскоязычное население подразделяло их на «рейнский крымчак» (вино местного производства в бутылках) и «самотек» (вино, продававшееся на разлив из бочек). Виноградного вина, по словам Юргаки, в Севастополь ввозилось до 100 тысяч ведер, и «все это количество распивалось в городе и слободках» по цене 30 коп. за кварту. В греческих бакалейных лавках, наряду с тем же местным и привозным вином, торговали апельсинами, лимонами, изюмом, финиками, инжиром, маслинами, оливковым маслом, сыром, соленой и копченой рыбой, рисом, фасолью, орехами, кофе, сахаром, медом, всевозможными сладостями, солью, перцем.

Не меньшую по численности, чем купцы, прослойку оседлого греческого составляли мещане, многие из которых приписывались к этому сословию вследствие расстройств финансовых дел и невозможности объявить гильдейский капитал. Вследствие этого среди них было много мелких торговцев. Имена мещан-греков довольно часто встречаются на страницах метрических книг греческой Петропавловской церкви: Афанасий Клонари, Параскева Кацари, Григорий Бурназов, Федор Христофоров, Георгий Визири, Христофор Кацяни, Христофор и Спиридон Энглезии, Иоанн Симакопуло, Панайот Тацци, Христофор Анатоли, Стамати Енакиди и другие²¹⁰.

Среди севастопольских обывателей-греков было много переводчиков с турецкого языка. «Каждый грек знает 7 языков и имеет 77 натур», – гласила поговорка того времени²¹¹. Флот нуждался в переводчиках во время войн с Турцией и плавания военных кораблей для

²¹⁰ Там же, лл. 49–93.

²¹¹ Аркас З.А. Продолжение действий Черноморского флота с 1798 по 1806 год. // 300-Ид. Т. V. – Одесса, 1864. С. 507.

Карло Босолли. Вид Севастополя со стороны северных фортов. 1842 год

опросов встречавшихся в море купеческих судов, шкиперами которых были исключительно иностранцы – «греки и славуны, плававшие под русским торговым флагом, но русского языка совершенно не знавшие». Переводчики были крайне необходимы «при посылках на берег в турецких портах для закупки провизии» и других припасов. На каждое судно назначалось по одному, а на линейные корабли – по два переводчика. В течение всего срока пребывания в море, им выплачивалось ежемесячное жалование, равное офицерскому порциону. Так, например, жалование балаклавского жителя Федора Папнута, бывшего во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов переводчиком на бриге «Меркурий», согласно контракта, заключенного с конторой Севастопольского порта, составляло 60 руб. в месяц. Для сравнения, жалование канонира составляло 30 руб. в месяц²¹². По возвращении флота в порт и спуска карантинных флагов выплата жалования прекращалась, и с «этого дня переводчики становились

²¹² РГА ВМФ, ф. 283, д. 1275, л. 25.

Крымский грек. Рисовал с натуры
П.П. Свинин. 1838 год

людьми ни к чему не способными, празднующимися по городу, но гордо носящими медаль за турецкую войну 1828 и 1829 года». Лишь некоторых из них оставляли для службы на крейсерах, отправлявшихся в крейсерство у побережья Кавказа.

Пожалуй, самой заметной на севастопольских улицах того времени была фигура грека-пекаря. Выпекаемый ими хлеб, по свидетельству современника, продавался «на рынках и на всех возможных пересечениях улиц». Огромные куши наживали пекари в

канун праздников Рождества, Крещения, в дни Масленицы, перед Пасхой, а также в дни поминовения усопших и родительских суббот. Представление о том, насколько важное значение имела эта профессия в жизни населения города, можно составить из того, что севастопольцы считали пекарей «полезными», виноторговцев «вредными», а переводчиков – «бесполезными греками».

В 1830-е годы «моряки, составлявшие тогда Черноморский флот, делились на две <...> заметно между собой не дружелюбные, но открыто не враждебные партии – греческую и русскую». Офицеры-греки, «казалось, достигли своего апогея, – они первенствовали над русскими и первенствовали безукоризненно». Многие из греков, окончившие курс обучения в Греческой гимназии, Корпусе чужестранных единоверцев или Морском кадетском корпусе, имели

возможность затем «практически дополнить свое образование» во время Средиземноморского похода Ф.Ф. Ушакова и второй Архипелагской экспедиции Д.Н. Сенявина, а впоследствии «специальность свою довершить практикою и эволюциями на Черном море» под руководством адмирала А.С. Грейга. «И теперь эти самые греки были флагманами и старыми капитанами, и вообще по службе занимали места первого плана». Причиной первенства офицеров-греков над офицерами-русскими, по мнению современника, являлось то, что «многие из тех греков знали русский язык и грамотность, а также и науки вообще, необходимые для моря, едва ли не лучше, чем многие тогдашние их русские сослуживцы. Кроме того, плавание по Средиземному морю дало им возможность восполнить изучение языков французского и итальянского; русские же флагманы и капитаны сим не отличались». Вследствие этого адмирал Грейг, известный современникам своим «излишним пристрастием к грекам», отдавал им предпочтение при назначении на ответственные должности²¹³.

Достаточно просмотреть Общий морской список за период царствования императоров Александра I и Николая I, чтобы убедиться, насколько основательно утвердились служившие на флоте греки. Вице-адмирал К.Ю. Патаниоти в 1830–1832 гг. состоял в должности флотского начальника в Севастополе, командующего Черноморским корабельным флотом и временного севастопольского военного губернатора. Контр-адмирал Н.Д. Критский в 1828–1833 годах состоял в должности обер-интенданта Черноморского флота и портов. Старшим флагманом в 1830–1833 годах был контр-адмирал М.Н. Кумани, отличившийся в минувшую войну с Турцией взятием Сизополя. Капитан 1 ранга Х.А. Метакса с 1831 года состоял членом временного распорядительного комитета по главному управлению Черноморского флота и портов, а 1832 году получил назначение на должность управляющего кораблестроительной экспедицией Черноморского интендантства. Начальником артиллерии Севастопольского порта с 1831 года был полковник Е.И. Бефани. В должности директора Черноморского штурманского училища Николаева в 1823–1833 годах состоял генерал-майор П.А. Адамопуло, а начальником Севастопо-

²¹³ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 180.

польского флотского училища в 1828–1833 годах был генерал-майор Е.П. Псомас. Одно из важнейших поручений адмирала А.С. Грейга – опись берегов Черного и Азовского морей, астрономические определения многих географических пунктов, составление карт и лоций – также выполняли офицеры-греки: подполковник Н.М. Кумани²¹⁴, назначенный в 1832 году начальником Черноморского гидрографического депо, и капитан-лейтенант Е.П. Манганари²¹⁵.

При таком первенстве греков над русскими морскими офицерами, «без пристрастия и лицепрятия признаваемого главным командиром», севастопольское благородное общество, в свою очередь, также делилось на отдельные круги. В начале 1830-х годов в Севастополе существовало три главных круга – греческий, русский и итальянский. «Греческий круг был самым большим, русский – наполовину меньше греческого, а итальянский – почти на половину меньше русского». Круги эти «в отношении дам и домашнего быта» не были между собой открыто враждебны, но, по словами современника, «как-то искоса один на другой взглядывали и не сближались». Каждый круг строго придерживался свойственных ему национальных традиций и обычаев, вследствие чего не только между офицерами, но и «между семействами севастопольского благородного общества служащих не было еще единства»²¹⁶.

Главной причиной разделения благородного общества на круги было «различие национального происхождения» и «несходство нравов и обычаев». Сближению кругов и установлению между ними культурных взаимосвязей в немалой степени препятствовало незнание языков, – «гречанка не могла объясниться с русскою, русская с итальянкою, итальянка с гречанкою». Французский же язык «не был еще доступен благородным севастопольским дамам и девицам, он только что начинал возникать тогда в подросточках нового дамско-

²¹⁴ Кумани Николай Михайлович (1793–1869), известный деятель российского флота, гидрограф, генерал, сын адмирала М.Н. Кумани (1793–1869), внук контр-адмирала Н.П. Кумани (ок. 1730–1809); в 1831 году – подполковник.

²¹⁵ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 15; Общий морской список. Ч. IV. – СПб., 1890. С. 184, 187, 154, 620; Общий морской список. Ч. VI. – СПб., 1892. С. 360; Общий морской список. Ч. VII. – СПб., 1893. С. 472; Общий морской список. Ч. VIII. – СПб., 1894. С. 522; Общий морской список. Ч. IX. – СПб., 1897. С. 228.

²¹⁶ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 180–181.

го поколения, выступившего на арену танцевальных вечеров в доме благородного собрания».

В 1830-е годы греческий круг, при первенстве своем, был настолько значителен, что «Севастополь, казалось, состоит из одних только греков»²¹⁷. Танцевальные вечера в доме благородного собрания в описываемое время «чинно открывались церемониально-великолепным польским, а потом следовали обще-европейские танцы». Однако за несколько лет до этого «здесь исполнялись греческие анахорéпси». Такие традиционные танцы, как «фанданго и тарантэлла, хоть также были употребительны в Севастополе, но исполнялись только в частных семейных кругах»²¹⁸.

С 1830 года в городе преобладал круг дам-гречанок, так как «флотской начальницей» была Мария Анастасьевна Патаниоти, – гречанка, жена вице-адмирала Константина Юрьевича Патаниоти²¹⁹. Незадолго перед этим преобладал круг дам-русских, поскольку жена покойного контр-адмирала Филиппа Тимофеевича Быченского, состоявшего в должности флотского начальника в Севастополе, была русской. При этом «русский круг», в отличие от греческого, «ограничивался восемью или десятью домами»²²⁰.

²¹⁷ Там же, С. 181.

²¹⁸ Там же, С. 177.

²¹⁹ Там же, С. 185.

²²⁰ Там же, С. 184.

Теодор Раллис. Образы старой Греции

Теодор Раллис. Юная гречанка

Итальянский круг образовался в Севастополе в 1810 году, после возвращения из второй Архипелагской экспедиции Д.Н. Сенявина офицеров «с женами и детьми, приобретенными в Корфу, Палермо и прочих прибрежьях Адриатики». На итальянках были жены как греки, так и русские. По существу существовавшей и строго соблюдавшейся тогда традиции, принадлежность мужчины, а с ним и его семейства к тому или иному кругу определяла женщина, с которой он состоял в законном браке. Следовательно, мужья итальянок, кто бы они ни были по национальному происхождению, и их дети, принадлежали к итальянскому кругу.

Точно также русский, женатый на гречанке, относился к греческому кругу, а грек, женатый на русской – к русскому.

В греческих кварталах Севастополя существовала традиционная для Балканского полуострова застройка уличного типа. Знакомая с городом, и впервые оказавшись на заселенной греками части Екатерининской улицы, Н.И. Закревский сразу же обратил внимание на «разительную разницу в архитектуре домов». «Мы прошли два квартала от гауптвахты до Ушакова проулка, – писал он, – там везде дома как дома, правильной архитектуры и красивы, а здесь, по обеим сторонам улицы, ни дать, ни взять, как будто в Сизополе или Бургасе, дома скученные, опершиеся боками один на другой, а спереди подпертые тоненькими жиденькими подставочками»²²¹. Характеризуя застройку греческих кварталов на Екатерининской улице, Закревский отметил, что «она напоминает Румелию».

²²¹ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 182–183.

На верхних этажах домов греков находились жилые комнаты, нижние использовались под кладовые, торговые лавки или мастерские. Непременным атрибутом парадных комнат являлись камин, нередко украшенные деревянной резьбой, лепкой или расписанные незамысловатым растительным орнаментом. Камин в доме грека являлся символом респектабельности, служил показателем состояния и положения его семьи. Ковры не представляли собой предметов роскоши, – они являлись простой необходимостью в этих плохо обогреваемых каминами и специальными мангалами с древесными углями домах, особенно в холодное, влажное время года. Даже в самых скромных жилищах пол в парадных

Шевченко Т.Г. Портрет Елены Павловны Бларамберг, урожд. Мавромихали (1816–1876). Акварель

комнатах и спальнях покрывали ковровыми изделиями или войлоками. Это было вызвано так же повсеместно распространенной среди греков традицией – сидеть и спать на полу. Для этого использовались специальные тюфяки и широкие подушки, набитые овечьей шерстью. Ели также усевшись на полу за низеньким круглым столиком (софрас), поджав под себя ноги. Дома греков были вполне совершенными и довольно комфортабельными по балканским меркам и, что особенно важно для горной части Юго-Западного Крыма, имели достаточно высокую сейсмоустойчивость²²².

Во второй четверти XIX века в бытовой культуре севастопольских греков устойчиво сохранялись все присущие ей элементы. «Ни

²²² В настоящее время на территории Крыма сохранились три дома ориентального типа, построенных греками не позднее второй четверти XIX века. Два из них находятся в старой части Балаклавы (их можно видеть практически на всех видовых фотографиях, сделанных после Крымской войны), и один – в городе Белогорске (бывш. Карасубазар).

Теодор Раллис. Образы старой Греции

орехового дерева в мастерских севастопольского адмиралтейства и приобреталась, как правило, по самым низким ценам.

В домашнем обиходе даже служившие на флоте и в армии греки отдавали предпочтение ношению традиционной одежды. Исходными цветами как мужского, так и женского костюма являлись белый, черный (цвета некрашеной шерсти), красный и синий. Среди потомков – выходцев из Мореи (Пелопоннеса), Центральной Греции и, особенно, Эпира была распространена фустанелла: нижний, очень широкий край длинной белой туникообразной рубахи, видневшийся из-под жилета или короткой куртки с прорезными рукавами, собирался во множество складок и подпоясывался поясом. Обычно же костюм мужчины состоял из широких, зауженных ниже колена черных или темно-синих штанов с широким шагом (очень часто по незнанию их называют шароварами), белой туникообразной рубахи, жилета с множеством пуговиц, пояса-кушака, красной или черной фески с кисточкой и шерстяного плаща, который носили в холодное время года. Такую одежду носили выходцы из области

во всяком еще греческом доме можно было найти что-нибудь полное, похожее на европейское или русское, – писал в 1831 году Закревский, – но в некоторых уже вводились, например, мебель, простенькие зеркала, диваны, креслы, стулья, обитые парусиной, подкрашенной под зеленый сафьян, ломберные столики, раздвижные столы и укладистые буфеты». Буфет в доме грека считался такой необходимой принадлежностью, что «обладание им довершало всю полноту домашней обстановки». Вся эта мебель изготавливалась по частным заказам из дуба, ясеня, ольхи, реже из

Мани, Ионических островов и Греческого Архипелага. Повсеместно распространенной обувью были кожаные башмаки.

Традиционный костюм гречанки того времени «был прост и изящен». Он состоял из туникообразной нижней рубахи, сшитой из фабричной или домотканой белой матери, приталенного платья или сарафана с распашным вырезом на груди, сшитого из «темного цвета шерстяной или шелковой материи», и короткой куртки с узкими рукавами. В холодное время года сверху надевался длинный распашной кафтан. На голове, вместо модных в то время в России «чепчика или куафюра», повязывался «пестрый легонький платочек, обхватывающий верхнюю часть лба и основание косы, которая вместе с концами платка, скрученная валиком, обводилась вокруг головы в виде тюрбана»²²³. Такая традиция ношения платка была повсеместно распространена в семьях потомков переселенцев из Мореи. На ногах носили туфли на невысоком каблуке, обычно черного цвета, или шлепанцы (сартупапуща) с загнутыми вверх мысками. В отдельных торжественных случаях женский костюм дополняли браслеты и ожерелья из монет или бисера. По свидетельству современника, гречанки сохраняли «свой народный облик, отличную правильность и благородство в чертах, отлично черные глаза и даже древнее обыкновение красить шафраном черные кудри свои»²²⁴.

²²³ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 182–183.

²²⁴ Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов. Ч. 1. – СПб., 1839. С. 375–376.

Крымская гречанка. Рисовал с натуры П.П. Свинин. 1838 год

во всяком еще греческом доме можно было найти что-нибудь полное, похожее на европейское или русское, – писал в 1831 году Закревский, – но в некоторых уже вводились, например, мебель, простенькие зеркала, диваны, креслы, стулья, обитые парусиной, подкрашенной под зеленый сафьян, ломберные столики, раздвижные столы и укладистые буфеты». Буфет в доме грека считался такой необходимой принадлежностью, что «обладание им довершало всю полноту домашней обстановки». Вся эта мебель изготавливалась по частным заказам из дуба, ясеня, ольхи, реже из

²²³ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 182–183.

²²⁴ Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов. Ч. 1. – СПб., 1839. С. 375–376.

Пища греков отличалась простотой: ее основу составляли разнообразные блюда из овощей, фрукты, оливки, считавшиеся «вторым хлебом». На первом месте была фасоль, приправленная соком лимона, чесноком и петрушкой, а также блюда из сладкого перца, баклажан, помидоров, сыр. Излюбленной приправой была «скордоля» – соус из толченых грецких орехов и мякоти булки, приправленный уксусом и чесноком. Бытовавшая в то время в Севастополе поговорка гласила: «Не кушал бы скордоли – не пахло бы чесноком». Завтрак был обыкновенно рано утром и состоял только из чашечки кофе. В обед, который начинался в полдень, к столу подавали овощные салаты и тушеные блюда, среди которых на первом месте были фаршированные овощи. В зимнее время и в праздничные дни для угощения гостей готовили блюда из мяса и птицы, запеченных большими кусками над углями на решетке в печи.

Особенно любили греки блюда из рыбы и морепродуктов. И.М. Муравьев-Апостол в дни своего пребывания в Севастополе жил в доме капитана 1 ранга М.И. Стулли (грека, уроженца сицилийской Рагузы), находившемся «на прекрасном месте, на самом углу залива Артиллерийской бухты». Здесь на завтрак ему «посылали устрицы, крабы, креветы, мулы и множество родов рыб самых вкусных, между которыми кефала, сгомбрия (макро) и морская иглы должны почитаться превосходнейшими»²²⁵. Хлеб являлся важной составной частью в рационе повседневного питания греков, придававший большое значение его свежести и предпочитавших употреблять в пищу только что выпеченный (не случайно в Севастополе существовало так много греческих пекарен).

Семейная жизнь греков при тех обычаях, которые «успел еще застать не извращенными и имел возможность разглядеть» Н.И. Закревский, была скромна. В ней отсутствовали «неизбежные потребности приличий, чтобы жить так, как живут другие: иметь зал, гостиную, столовую, спальню, дамскую и службы, громоздить все это приличную обстановкою, иметь мебель, зеркала, чай, сахар, кофе, заморские вина, дрессированную прислугу, принимать гостей, приглашать на обеды, делать вечера и самому бывать в гостях». Поч-

²²⁵ Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб, 1823. – С. 59.

Теодор Раллис. Образы старой Греции

ти все, за редким исключением, греческие семьи «при малых средствах жили безбедно», и даже из тех «малых средств» могли выделить суммы, необходимые для обучения и воспитания своих детей «в пользу их будущности».

Севастопольские «греки равнодушно, можно даже сказать без интереса, относились к общественным увеселениям, – отмечал современник. – Взаимного хлебосольства, подобного русскому, у них в обыкновение еще не вводилось». Флотский начальник в Севастополе вице-адмирал К.Ю. Патаниоти, по словам автора «Записок», «считался хлебосолом и имел для этого достаточные средства; но хлебосольство его в глазах русских казалось ничем другим, как застегнутою на все крючки официальностью». Частные вечера, общественные пикники и другие увеселительные мероприятия, организация и проведение которых были связаны с вложением денег или внесением пожертвований, считались у греков «несообразностью». Греки собирались исключительно в семейном кругу, и только «сре-

ди белого дня, а никак не вечером, поскольку трата на лишнюю сальную свечу входила уже в расчет». В дни больших религиозных праздников или «при редких каких-нибудь торжественных случаях, греки любили на открытом воздухе, под тенью дерева, скушать барашка, особенным, им только известным способом, приготовленным на вертеле». При этом к мясу обычно подавался какой-нибудь овощной салат и «стакан доброго, непременно санторинского красного вина».

Если встречались несколько гречанок, то также в светлое время дня. Обычно они уединялись в одной из комнат дома, «установленной по стенам низенькими широкими диванами или же просто застланной войлоками или тюфяками, набитыми овечьей шерстью, на которых гости и хозяйка, сбросив долой широкие башмаки или шлепанцы, поджав под себя ноги, усаживались в кружок». Во время

Теодор Раллис. Образы старой Греции

таких посиделок, главной целью которых было общение, «ни одна не оставалась праздной», – каждая из гречанок приносила с собой какое-нибудь рукоделие: пряжу, вышивку, шнурок или колпак, завязавшийся ею для мужа (без ночного колпака даже самый беднейший грек не ложился спать). Традиционным угощением гостей являлись чашечка кофе, стакан воды, блюдечко с домашним вареньем и немного фруктов.

Вследствие отсутствия у греков разделения на сословия, чиновничества при обращении друг к другу между замужними гречанками не существовало. Любая «адмиралиса ке кавалериса» (жена адмирала и кавалера) или «капитаниса ке камандориса каравио ке экипази» (жена капитан-командора и командира корабля и экипажа) была просто «кириа (госпожа) Хиромана, Николетта, Катерины или Ставра, и в повседневной жизни наравне с другими «пользовалась одинаковыми правами трактатов о хозяйстве, о ценах на прованское масло, на маслины, сарачинскую крупу, рыбу, хавьяри, устрицы, ракушки, сальные свечи и прочие жизненные припасы и продукты». Вечерние светские собрания с их участием, политика, салонные новости, будуарные тайны, последняя мода и наряды в то время «еще не были доступны их обычаям, вынесенным из-под ига турецкого»²²⁶.

Из бытовавших в то время у севастопольских греков обычаев, Закревскому «особенно нравились их приветствия при встречах». «Дама или девица, у себя ли дома или в гостях, при встрече с мужчиной старших по сравнению с нею лет, одинаковых состояний, приветствовали его целованием у него руки». «Деспотизм ли это? – размышляет Закревский. – Или логичное сознание женщины к правам и преимуществам мужчины? Обычай этот мне приятно было встретить даже и 1856 году, когда одна почтенная дама-гречанка, супруга контр-адмирала, женщина с отличным современным образованием, приветствовала старика целованием у него руки»²²⁷.

Единственным местом в городе, где постоянно собирались севастопольские греки, была греческая Петропавловская церковь, богослужение в которой, по свидетельству современника, «совершалось

²²⁶ Закревский Н.И. Севастополь 1831. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 181–182.

²²⁷ Там же, С. 182.

Теодор Раллис. В церкви

ак Трапезаров, назначенный настоятелем после смерти своего предшественника, иерея Иоанна Анжуло²³⁰, иерей Михаил Сименопуло, «командированный при севастопольской греческой Петропавловской церкви», и иерей Константин Попандопуло²³¹, рукоположенный в 1833 году из диакона в священника. Обязанности диакона при церковном причте до 1837 года исполнял турецкоподданный грек Николай Иванович Паксимади²³².

Несмотря на то, что приход Петропавловской церкви «состоял исключительно из греков», требы (крещение, венчание, отпевание умерших) совершались в ней для всех жителей города православного вероисповедания независимо от их этнической и социальной принадлежности.

Среди выдающихся личностей, которыми так богата история греческой колонии Севастополя, в 1830-е годы выделялись участники минувшей войны с Турцией. Почтенный, пользовавшийся всеобщим уважением К.Ю. Патаниоти и его младший брат Н.Ю. Патаниоти, герой Сизополя М.Н. Кумани и спаситель императора Г.А. Папахристо, добродушный, отважный Д.Е. Бальзам и обладатель золотой шпаги К.Д. Сальти, покоритель крепостей Е.Д. Папаегоров и смелый, решительный Н.Д. Критский, – их имена, в числе многих других героев минувшей войны, были хорошо известны севастопольцами.

17 (29) ноября 1823 года назначение на должность директора Черноморского штурманского училища в Николаеве получил П.А. Адамопуло. В 1824 году он был произведен в генерал-майоры и, находясь на этой должности до 1835 года, внес значительный вклад в дело подготовки квалифицированных штурманов для Черноморского флота²³³. Его сын, Леонид Пантелеевич, по окончании в 1833 году Харьковского Императорского университета вступил в службу

²³⁰ Анжуло Иоанн (1772–1828), житель Керчи, иерей. В 1814 году принят из дворян Таврической губернии в духовное звание и определен священником греческой Успенской церкви в Ени-Кале; с 1818 года по день смерти был священником в греческой Петропавловской церкви города Севастополя.

²³¹ Попандопуло Константин Николаевич (1802–1851), житель деревни Кады-кой, протоиерей.

²³² Паксимади Николай Иванович, протоиерей. В 1826–1834 гг. – диакон греческой Петропавловской церкви в Севастополе, в 1835 году – иерей, в 1846 году – протоиерей, священник греческой Свято-Троицкой церкви в Симферополе.

²³³ Общий морской список. Ч. III. – СПб., 1890. С. 15.

на греческом языке с неприятным для слуха носальным пением»²²⁸. «Я не знаю, как пели певцы древней Эллады, – писал об этом В.Г. Короленько. – Знаю только, что нет ничего ужаснее современного греческого пения. Образчики этой новогреческой гармонии перешли в некоторые наши монастыри в виде афонского столпового напева. Это хоровой крик в унисон, несладкий и дикий, устраняющий всякую греховную прелесть мелодии и рождающий суровую идею о воплях грешников в аду»²²⁹. (Рис. 18)

Церковь имела важное значение для севастопольских греков. В ней совершались такие знаменательные события в их жизни, как крещение детей, бракосочетание, отпевание умерших. Сюда приходили, чтобы помолиться за моряков, находившихся в плавании и боевых походах, их матери, жены, дети. В 1830-е годы в греческой Петропавловской церкви служили три священника: протоиерей Кири-

²²⁸ Носальное пение – традиционное церковнопение в восточной православной церкви.

²²⁹ Короленько В.Г. Наши на Дунае. / Собрание сочинений. Т. 4. – М.: Молодая гвардия, 1988. С. 239.

на Черноморский флот гардемарин, в 1836 году был произведен в мичмана с переводом на Балтийский флот, где очень скоро на молодого, образованного офицера обратило внимание командование. В 1840 году Л. П. Адамопуло поступил в распоряжение талантливейшего военного инженера генерал-адъютанта К.А. Шильдера²³⁴, под руководством которого принимал участие в секретных испытаниях первой в мире цельнометаллической подводной лодки, единственный опытный образец которой был построен еще в 1834 году²³⁵.

В начале 30-х годов XIX века после многолетней волокиты с утверждением документации была, наконец, одобрена идея сооружения в Севастополе пятикамерного докового комплекса по проекту военного инженера Д. Уптона с разводным бассейном и трехкамерным шлюзом. 16 (28) марта 1830 года был образован специальный Комитет для руководства этими крупномасштабными работами, а в 1831 году началось строительство водопроводящего канала²³⁶. В 1833 году на должность председателя Комитета по строительству в Севастополе сухих доков был назначен генерал-майор Е.П. Псомас – участник русско-турецких войн 1787–1791 и 1806–1812 годов и Средиземноморской экспедиции Ф.Ф. Ушакова 1800–1800 годов.

В период командования Черноморским флотом адмиралом А.С. Грейгом, греческое население Севастополя достигло своего апогея. Значительная часть городской торговли была сосредоточена в руках купцов-греков, число которых из года в год увеличивалась.

²³⁴ Шильдер Карл Андреевич (1785–1854) – выдающийся русский военный инженер, многие изобретения которого значительно опережали время и состояние техники той эпохи, инженер-генерал (1852), генерал-адъютант. Участвовал в Аустерлицком сражении 1805 года, обороне Бобруйска в 1812 году, русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. Отличился при осаде крепостей Варна (1828), Силистрии и Шумлы (1829), при форсировании Дуная (1854). Умер в 1854 году от тяжелых ранений, полученных под Силистрией. Разработал новую более эффективную систему контрминной борьбы, противопехотные мины, камнеметные и картечные фугасы, изобрел оригинальную конструкцию висячего моста (1828) и средств переправы (1836). Совместно с П.Л. Шиллингом разработал электрический способ воспламенения пороховых зарядов (1832–1836). В 1834 году по проектам Шильдера была построена первая в мире цельнометаллическая подводная лодка, а в 1846 году вооруженный артиллерией и ракетами пароход, явившийся образцом эсминца.

²³⁵ Общий морской список. Ч. IX. – СПб., 1897. С. 37; Греки в истории Крыма. Краткий биографический словарь. С. 108.

²³⁶ Зубов Б.Н. Указ. соч., С. 148–149.

Теодор Раллис. В церкви

Обширные земельные участки в ближайших окрестностях Севастополя и прилегающей к нему территории Симферопольского уезда, принадлежали помещикам-грекам, а специальные указы правительства «О льготах для лиц, занимающихся разведением садов» и предписание Морского министерства «отдавать под садоводство все земли, в которых севастопольское адмиралтейство не представляет нужды», привели к увеличению удельного веса землевладельцев-греков. Служившие на Черноморском флоте офицеры-греки первенствовали над офицерами-русскими. Значительную часть старших офицеров – командиров кораблей и флотских экипажей – в этот период представляли греки, состоявшие на российской императорской службе. Многие из них дослужились до высоких чинов и занимали ответственные должности, имея влиятельных покровителей в высшем командном составе Черноморского флота.

Вместе с тем, 1833 год имел особое, символическое значение в истории греческой колонии Севастополя. В этот год для греков наступил период коренных перемен, которые не только положили

конец их первенствующему положению на флоте, но и привели к утрате ими преобладающего положения в городе и городском обществе, которое они устойчиво занимали на протяжении последних десятилетий.

С именем М.П. Лазарева связана «эпоха бурного строительства» в Севастополе, начавшаяся в конце 1830-х годов²³⁷. Во время посещения в 1837 году города Николаем I, главному командиру флота и портов удалось ознакомить Государя со своим планом благоустройства Севастополя и, прежде всего, его центральной части. План был одобрен и утвержден императором в январе 1838 года. В нем предусматривалось строительство дома главного командира и разведение общественного сада на территории Центрального городского холма, сооружение моста и насыпи для сообщения между городской частью и Корабельной слободкой, проведение нового спуска от Екатерининской улицы к Южной бухте, застройка новых улиц и кварталов в южной части города²³⁸.

Топогеодезические изыскания и составление проекта реконструкции центральной части города были поручены английскому подданному военному инженеру-полковнику Джону Уптону²³⁹. 3 мая 1839 года Николай I утвердил «План проектируемых улучшений Севастополя». Вскоре после этого, по распоряжению М.П. Лазарева, все ветхие одноэтажные здания на Центральном городском холме были снесены, а в 1840 году был разработан и утвержден первый генеральный план города²⁴⁰. Благоустройство центра и застройка новыми общественными и частными зданиями Центрального городского холма самым непосредственным образом коснулась живших в Севастополе греков.

К 1837 году здание греческой Петропавловской церкви изрядно обветшало. Средств на ремонт храма было собрано недостаточно,

вследствие чего греки решили заменить лишь прежний, деревянный барабан купола на новый, каменный. В конце августа 1837 года эти работы были почти завершены, но в ночь с 5 на 6 сентября разразилась страшная буря, и каменный барабан развалился, обрушив под собой часть стен и колонны²⁴¹.

Разрушения были настолько велики, что не оставалось никакой надежды на скорое восстановление храма. 10 сентября настоятель греческой церкви протоиерей Алексей Компанийцев и состоявший церковным старостой греческий вице-консул в Севастополе Л.И. Кукули²⁴² обратились к исполнявшему обязанности командира Севастопольского порта контр-адмиралу Ф.Г. Артюкову с просьбой выделить подходящее помещение для временного проведения богослужений: «Постройки и починки сего года за всеми нашими неусыпными стараниями окончить невозможно, – писал протоиерей Алексей Компанийцев в прошении. – Люди, живущие в окрестностях, принадлежащих церкви, остаются без служения Слова Божия, а паче в Господские Годовые праздники и Святую Четыредесятницу. Они просят меня для временной церкви назначить какой-либо казенный дом, а более способным находят залу, находящуюся в первом этаже под телеграфом»²⁴³.

Для временного размещения церкви было подобрано подходящее помещение, но не в здании телеграфа, а в старой библиотеке, где богослужения и требы совершались в течение всего времени, пока на месте разрушенной строилось новое здание Петропавловской церкви²⁴⁴.

12 сентября 1837 года контр-адмирал Ф.Г. Артюков доложил о создавшейся ситуации главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу М.П. Лазареву, который, в свою очередь,

²³⁷ Веникеев Е.В. Указ. соч., С. 15.

²³⁸ Семин Г.И. Севастополь: Исторический очерк. – М.: Воениздат, 1955. С. 80.

²³⁹ Уптон Джон (ок. 1774–1853) – английский инженер-полковник, жил в Севастополе примерно с 1830 по 1853 год. Проектировал и строил сухие доки, водопровод на Корабельной стороне, провел изыскания и выполнил проект планировки Центральной части города, построил Графскую пристань. В работе ему помогали его сыновья Джон, Уильям, Томас и Самуил, ставший впоследствии архитектором и академиком.

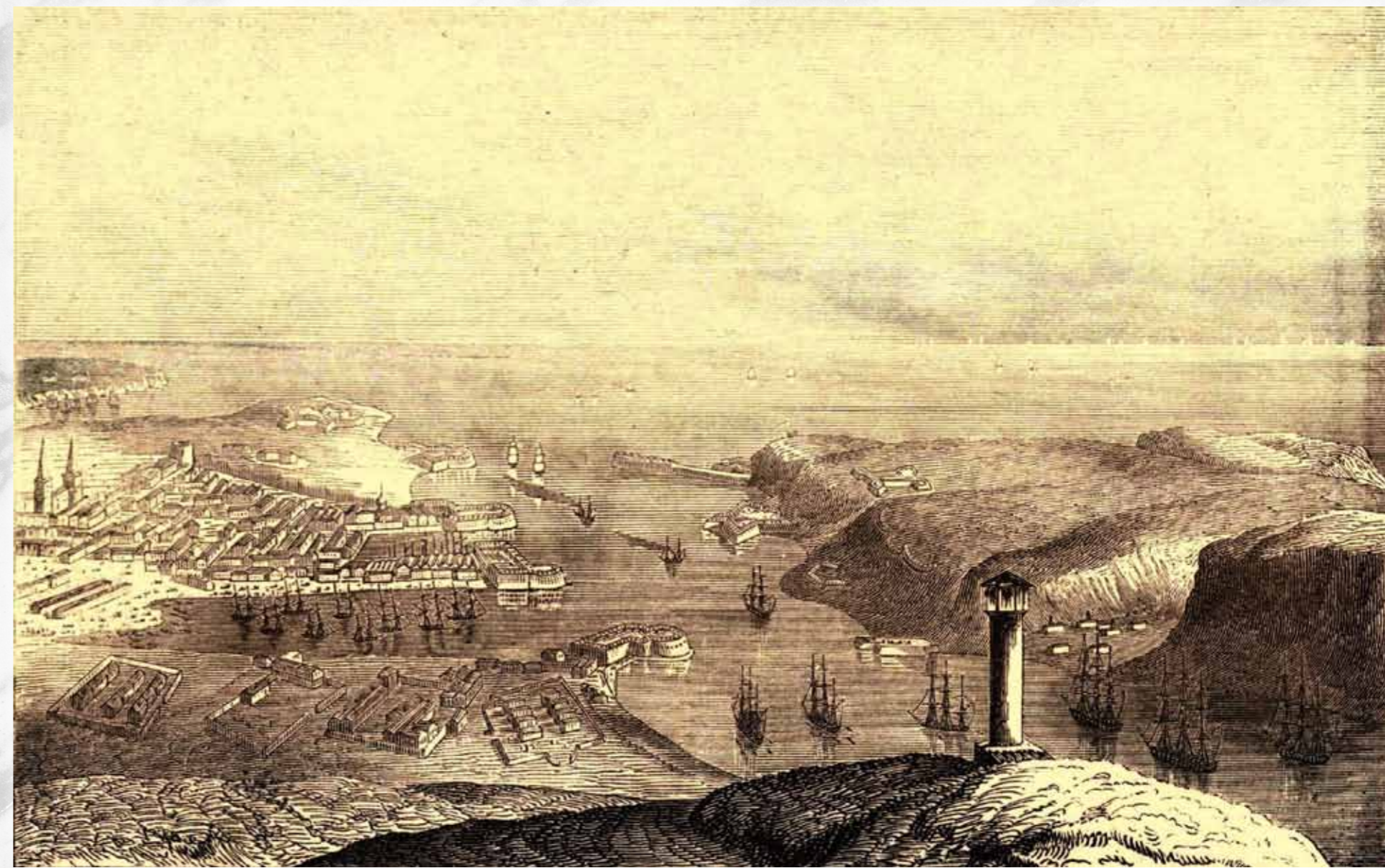
²⁴⁰ Генеральный план города Севастополя. 25 октября 1840 года. Фонды Музея КЧФ РФ.

²⁴¹ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4611, л. 1.

²⁴² Кукули Леонтий Иванович – в 1831 году феодосийский и севастопольский 2-ой гильдии купец консульский агент Эллинского королевства, в 1833 году греческий вице-консул в Севастополе; с 1835 года староста греческой Петропавловской церкви, в 1845 году бердянский 1-ой гильдии купец, греческий вице-консул в Севастополе.

²⁴³ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 1.

²⁴⁴ Там же, лл. 1–1 об.

Серяков Л.А. Вид Севастополя. Гравюра из издания: Крым, с Севастополем, Балаклавой и другими его городами. С описанием рек, озер, гор и долин; с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. – СПб., 1855. С. 99

поручил городскому архитектору инженеру-поручику В.А. Рулеву²⁴⁵ осмотреть поврежденное здание церкви и дать свои заключения. В результате осмотра выяснилось, что возобновление церкви невозможно. Рулевым была составлена смета на строительство здания нового храма из расчета «за работу 20 000 руб. и за материалы 20 547 руб. 40 коп.», при условии вторичного использования части материалов от старого здания церкви²⁴⁶.

После того, как проектные чертежи нового здания Петропавловской церкви были удостоены Высочайшего утверждения, началась разборка развалин старого здания храма, сортировка камня, строительных материалов и, одновременно, разработка детальных чертежей. Однако реальное состояние старой церкви оказалось значительно хуже, чем это предполагалось. Большая часть материалов, отобранных в процессе сортировки, оказалась не пригодной для их вторичного использования, вследствие чего встал вопрос о приобретении новых²⁴⁷. Детальные чертежи и смета были вновь представлены на Высочайшее рассмотрение, и 9 марта 1838 года были утверждены Николаем I²⁴⁸. Необходимая сумма в 66 956 руб. 31¹/₂ коп. (19 130 руб. 37 коп. в переводе на серебро) была отпущена из средств Государственного казначейства в два срока – в 1839 и 1840 году.²⁴⁹

Работы по строительству здания нового храма были возложены на специально учрежденный Временный комитет по строительству Петропавловской церкви, в состав которого вошли сам вице-адмирал Лазарев, городской голова Красильников, командир севастопольской инженерной команды морской строительной части инженер-полковник Сморгчов и титулярный советник Залесский. Руководителем строительства был назначен севастопольский городской архитектор Рулев, а позднее – военный инженер-полковник

²⁴⁵ Рулев Василий Александрович (1811–1881), выпускник Императорской Академии художеств, академик архитектуры (1857 год); в конце 30-х – 50-х годов XIX века – инженер Морской строительной части Южного округа, автор проектов и строитель здания Морского ведомства, казарм на Корабельной стороне, Девичьего училища, дома в севастопольском адмиралтействе, Свято-Воздвиженской церкви в Балаклавском Георгиевском монастыре.

²⁴⁶ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 1.

²⁴⁷ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 14.

²⁴⁸ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 8.

²⁴⁹ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 2.

Уптон. Таким образом, греки с самого начала были отстранены от участия в восстановительных работах.

24 июня 1839 года, в день памяти свв. апостолов Петра и Павла настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря митрополит Агафангел (Типальдо) совершил торжественную закладку фундамента нового здания церкви. До конца года матросскими арестантскими командами были вырыты рвы под фундамент²⁵⁰. В качестве «каменных дел мастера» работы по возведению фундамента выполнял, предложивший свои безвозмездные услуги керченский житель Илья Протасов, известный строительством Белосарайского и Бердянского маяков, различных общественных и казенных зданий в Керчи, церкви в Ялте и, наконец, нового здания Морской офицерской библиотеки в Севастополе.

Строительные работы начались в 1840 году и продвигались довольно быстро. Уже 1 декабря 1842 года М.П. Лазарев писал своему другу А.А. Шестакову, что «церковь Петропавловская снаружи почти окончена, купол и крест поставлены на место, в будущем лете надемся освятить ее. Смотрит чрезвычайно хорошо»²⁵¹.

В мае 1843 года в Севастополь были доставлены заказанные в Карраре (Италия) скульптору Фердинанду Пелличчио мраморные статуи святых Апостолов Петра и Павла – копии известных работ знаменитого датского художника и скульптора Бертеля Торвальдсена (1770–1844), которые установили в нишах при входе.

30 августа того же года почти законченный храм посетил архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил. Осмотрев его, он высказал некоторые пожелания относительно внутреннего устройства. Одним из важнейших вопросов, решавшихся при участии владыки, было решение о языке богослужения в новом храме – оставить его по-прежнему греческим или служить на русском. Узнав об этом, 2 сентября того же года вице-адмирал Лазарев писал архиепископу Гавриилу: «Из письма ко мне командира Севастопольского порта узнал я, что Ваше Высокопреосвященство имели с ним разговор о том, на греческом или на русском языке должно быть богослужение в Петропавловской церкви. По этому предмету я позволю себе

²⁵⁰ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 57.

²⁵¹ Морской сборник. № 9. – СПб., 1918. С. 102–103.

привести Вам мою покорнейшую просьбу о приказании, чтобы литургия в храме сем совершаема была на русском языке в том убеждении, что Севастополь населен большею частью русскими, не понимающими греческого языка, между тем как самая незначительная часть греков состоит из лиц служащих и следовательно вполне понимающих по-русски. Прочим же грекам, по особому Высочайшему повелению [1836 года] воспрещено и жительство в Севастополе»²⁵².

Следуя пожеланию Лазарева, архиепископ Гавриил благословил совершать богослужения на русском языке, и 5 сентября того же года совершил торжественное освящение нового Петропавловского храма. С этого дня в нем стали регулярно отправляться требы, совершаться вечерние, утренние службы и литургии.

Обязанности настоятеля Петропавловской церкви с 1843 по 1848 год исполнял протоиерей Антоний Аргириди²⁵³. Ктиторм новой церкви назначили севастопольского купца 3-й гильдии А.Д. Телалова, попечителями были избраны: от гражданского ведомства – севастопольский купец 1-й гильдии И.Н. Ветчинкин, а от морского ведомства – капитан 2 ранга З.А. Аркас²⁵⁴.

8 января 1844 года Лазарев восторженно сообщал в письме Шестакову: «Петропавловская церковь, построенная в древнегреческом вкусе (афинского Парфенона) окончена и с окружающими ее колоннами красуется на высоте!»²⁵⁵ Новый храм получил высокую оценку современников. «Церковь эта перестроена в лучшем архитектурном виде», – отмечал архиепископ Гавриил²⁵⁶.

Здание церкви, напоминающее внешне античный храм, стоит на несколько приподнятой над землей площадке – крепидоме. Прямоугольное по форме здание окружают 44 колонны дорического

²⁵² РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, л. 420.

²⁵³ Антоний Аргириди (1812–1870) – уроженец острова Крит, племянник митрополита Адрианопольского Герасима (Аргириди); в 1843 году иерей, священник Петропавловской церкви в Севастополе, с 1848 года протоиерей, настоятель гарнизонной Свято-Николаевской церкви в Балаклаве; вскоре после окончания Восточной (Крымской) войны был переведен настоятелем в греческую Свято-Троицкую церковь в Одессе. Умер 9 января 1870 года. Похоронен в Одессе, в ограде греческой Свято-Троицкой церкви.

²⁵⁴ РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3808, лл. 420, 424, 427.

²⁵⁵ М.П. Лазарев. Документы. Т. III. С. 63.

²⁵⁶ Гавриил, архиепископ. Хронологико-историческое описание церквей епархий Херсонской и Таврической. – Одесса, 1848. Т. II. С. 204.

ордера, расположенные по всему периметру фасада, которые несут на себе антаблемент – гладкую полосу архитрава, метопы, триглыфы и лежащий на них карниз. Главный (западный) и задний (восточный) фасады храма завершены треугольными фронтонами, верхние углы которых венчают кресты²⁵⁷. Для нового здания церкви, видимо не случайно, был выбран отличающийся строгостью пропорций дорический ордер. Каждая из 8-метровых колон, выполненных из сарматского известняка, имеет по 19 вертикальных каннелюр. Эта деталь существенна: гладкие колонны воспринимались бы иначе, и храм не имел бы тогда столь свойственного ему «воинского» облика. Несмотря на небольшие, в сущности, размеры – 18 x 37 м (с колоннадой) при высоте 12 м – вид его производил величественное впечатление.

Вместе с тем это были трагические годы в яркой истории греческой колонии Севастополя. В соответствии с данным в 1836 году Высочайшим повелением Николая I все жившие в Севастополе и не связанные со службой на Черноморском флоте иностранноподанные греки подлежали выселению, затянувшимся на долгие годы. Лишь в 1840 году последние из них были «высланы военным начальством»²⁵⁸. Построенные им еще в конце XVIII века дома и торговые лавки в связи с выселением были проданы и перешли в руки новых владельцев. В 1851–1852 гг. была составлена опись с оценкой принадлежавших прежде грекам домов и торговых лавок на Екатерининской улице, «назначенных по ветхости и безобразию к перестройке или сломке»²⁵⁹. К началу первой обороны Севастополя место, где с 1787 по 1840 год компактно проживали греки, до неузнаваемости изменилось и утратило присущий ему ранее типично средиземноморский колорит.

В течение пяти последующих лет новая Петропавловская церковь формально все еще считалась греческой. В октябре 1848 года она была передана в ведение епархиального ведомства, а ее настоятелем, вместо переведенного в Балаклаву протоиерея Антония Аргириди, назначили протоиерея Арсения Лебединцева. С этого

²⁵⁷ Веникеев Е.В. Указ соч., С. 69–70.

²⁵⁸ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5139, л. 7, 7 об.

²⁵⁹ РГИА, ф. 1287, оп. 39, д. 1170, лл. 1–38.

времени храм уже не принадлежал грекам, на что прямо указывает Н.И. Закревский: «При адмирале М.П. Лазареве, церковь эта <...> была перестроена с фундамента; ей дан был вид и размеры афинского Парфенона, и от названия отнято слово «греческая», а дано просто – Петропавловская церковь»²⁶⁰.

Трагедия греческой колонии Севастополя не коснулась соседней Балаклавы и ее округа. В 1841 году в греческом военном поселении Карань после полученного разрешения была возобновлена и освящена во имя свв. равноапостольных Константина и Елены древняя церковь, стоявшая более 60 лет в запустении²⁶¹. За неимением своего штатного священнослужителя церковь свв. Константина и Елены была приписана к церкви св. Троицы в соседнем военном селении Кады-кой, где до Крымской войны служил священник Георгий Минтилини. Богослужения в Карани совершались каждую третью неделю месяца²⁶².

К 1851 году Севастополь совершенно преобразился: в городе было 43 улицы и переулка, 2 102 дома, 7 православных церквей и 1 часовня, 188 торговых лавок и 40 винных погребов. Общая численность населения достигла 45 046 человек, из них: военного ведомства (вместе с детьми) – 1 452, гражданского ведомства – 540, отставных военного ведомства – 129, отставных гражданского ведомства – 68, почетных граждан – 2, купечества различных гильдий – 182, мещан – 579, цеховых – 5, иностранцев – 21, служащих нижних чинов (вместе с детьми) – 32 693, кантонистов – 290, отставных нижних чинов – 600, вольноотпущенных и не приписанных ни к какому званию – 19, дворовых – 362, казенных крестьян – 3 106, удельных крестьян – 500, помещичьих крестьян – 2 173, колонистов – 82, священно- и церковнослужителей – 36²⁶³.

В Севастополе открылся театр, в штате которого числилось 13 актеров и театральных служителей. В городе имелись четыре училища: казенное, уездное и два приходских, в которых на 500

²⁶⁰ Закревский Н.И. Севастополь 1831 год. // Морской сборник. № 10. – СПб., 1861. С. 182. Петропавловская церковь, вопреки сложившемуся убеждению, не является копией Парфенона.

²⁶¹ ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 6102, л. 13 об.

²⁶² ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 5812, лл. 8 об., 9 об.

²⁶³ ГАНО, ф. 230, оп. 1, д. 424, лл. 4–5. Подлинник.

Карло Босолли. Вид Севастополя. 1842 год

учащихся приходилось 11 учителей. Надзирателем основанного в 1833 году греками приходского училища был И.А. Киркопуло, учителем – С.И. Колпакчиев, законоучителем – священник Александр Демьянович²⁶⁴.

«Мы в России не имеем ничего похожего на Севастополь, и русского в нем ничего, кроме флага, – писал Е.Л. Марков. – Это не столица, не губернский город, и даже не уездный, а между тем он приличен как сама столица. <...> В нем все хорошо, ему нечего прятать в закоулках и задворьях <...>. В нем нет ни одного деревянного домика, ни одного дощатого забора; все или прекрасные большие дома из белого инкерманского камня, не нуждающегося в штукатурке, или небольшие чистенькие домики с черепичными кровлями, тоже каменные. Улицы широкие, хорошо мощеные, прямые и правильно разбитые, церквей мало, но какие есть, те изящны.

По улицам деревья, во дворах сады; сады эти – персик, миндаль, черешня; они цветут так нежно и благоуханно, что приезжают лечиться их запахом и видом. Но самое европейское в этом европейском городе – это море», которое «делает Севастополь каким-то не русским городом, как оно делает, например, Петербург»²⁶⁵.

²⁶⁴ Новороссийский календарь на 1852 год. – Одесса, 1851. С. 312.

²⁶⁵ Марков Е.Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. / Изд. 3-е. – М., 1912. С. 91–92.

ВОСТОЧНАЯ (КРЫМСКАЯ) ВОЙНА И ПЕРВАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 годов

20 октября (1 ноября) 1853 года был обнародован манифест о начале военных действий с Турцией, в котором Николай I торжественно засвидетельствовал свое миролюбие, указав на нападение турок, как на свершившийся факт²⁶⁶. Война началась, и вскоре открылись первые военные действия на море. 11 (23) октября 1853 года эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова²⁶⁷, в составе 3 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 парохода, вышла из Севастополя и отправилась в крейсерство к азиатским берегам. Получив официальное уведомление о разрыве отношений с Турцией и объявлении войны, Нахимов зачитал лично составу приказ о начале военных действий.

Утром 18 (30) ноября 1853 года эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова, лежавшая в дрейфе перед Синопом, двумя кильватерными колоннами вошла в Синопскую бухту. В 12 часов 28 минут раздался выстрел с турецкого флагманского фрегата «Авни-Аллах». Вслед за ним все неприятельские суда и батареи открыли ураганный артиллерийский огонь по приближавшейся эскадре. Им ответили пушки с русских кораблей.

Сблизившись под плотным огнем противника с флагманским фрегатом Османа-паши, флагман Нахимова «Императрица Мария» стал на якорь, стреляя по неприятелю правым бортом. Старший адъютант П.С. Нахимова лейтенант Ф.Х. Острено во время боя находился при вице-адмирале и наблюдал за исполнением всех его распоряжений. «Видя в нем положительную решительность, мужественное хладнокровие и храбрость, – писал впоследствии о своем адъютанте Нахимов, – я передал ему мой план сражения и уверен, если

²⁶⁶ Там же, С. 30.

²⁶⁷ Нахимов Павел Степанович (1802–1855) – выдающийся деятель русского флота, в 1852 г. начальник 5-ой флотской дивизии; в 1854–1855 гг. помощник начальника Севастопольского гарнизона, командир Севастопольского порта и временный военный губернатор Севастополя; герой Севастопольской обороны, смертельно ранен в висок 28 июня, умер 30 июня (12 июля) 1855 года.

А.С. Тербушев. Синопское сражение

бы меня не стало, то он окончил бы его также успешно»²⁶⁸. Через 30 минут корабль Османа-паши загорелся, отклепал якорную цепь и, пытаясь спастись, направился на мелководье. Огонь «Императрицы Марии» был перенесен на другой турецкий фрегат, который вскоре загорелся и выбросился на мель вслед за своим флагманом.

²⁶⁸ Список офицеров, отличившихся в Синопском сражении и представленных П.С. Нахимовым к награждению. 29 ноября (11 декабря) 1853 года. – В кн.: П.С. Нахимов. Документы и материалы. / Под ред. А.А. Самарова. – М.: Воениздат, 1954. – С. 328.

Линейные корабли «Париж» и «Ростислав», следовавшие первыми в левой кильватерной колонне, вели бой одновременно с несколькими турецкими судами и береговыми батареями. В ходе сражения отличился лейтенант А.Д. Палеолог, командовавший деками на «Ростиславе». Личная храбрость и распорядительность этого офицера во время боя, при метком и быстром действии находившихся под его командой деков, способствовали ведению кораблем непрерывного огня по противнику²⁶⁹. «Способствовал делу по своей части» цейхрахтер 9-го класса Н.Е. Солтояни, находившийся в течение всего сражения при раненых и в кюйт-камере²⁷⁰. Российскими кораблями был взорван 22-пушечный турецкий корвет и подбиты 2 фрегата, которые, загоревшись, выбросились на берег.

«Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж», – писал в рапорте П.С. Нахимов. В самый разгар сражения он приказал передать экипажу «Парижа» благодарность, но на «Императрице Марии» были перебиты все фалы, и сигнал было не на чем поднять. Тогда Нахимов под огнем противника отправил туда на шлюпке старшего адъютанта лейтенанта Ф.Х. Острено²⁷¹. В вахтенном журнале корабля «Париж» было записано: «От вице-адмирала Нахимова приехал на наш корабль старший адъютант его Феофан Острено и от адмирала передал нашему кораблю благодарность за хорошую пальбу»²⁷².

Следовавший в кильватере за «Императрицей Марией» линейный корабль «Великий князь Константин» в течение пяти минут подавил неприятельскую береговую батарею, сосредоточив затем огонь бомбических орудий нижнего дека по стоявшему возле нее турецкому фрегату, который вскоре взлетел на воздух от взрыва в кюйт-камере. При действиях этого корабля отличился «примерной храбростью и точным исполнением возложенных обязанностей» мичман Н.М. Кумани²⁷³.

²⁶⁹ Там же, С. 342.

²⁷⁰ Там же, С. 344.

²⁷¹ Зайончковский А.М. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. – СПб., 1903. С. 89.

²⁷² Зверев Б.И. Страницы морской летописи России. – М., 1960. С. 224.

²⁷³ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 338.

Линейный корабль «Три Святителя» под командой капитана 1 ранга К.С. Кутрова вел огонь по фрегатам «Кади-Зефир» и «Низамие», но в самом начале сражения получил серьезное повреждение: у него перебили шпринг, вследствие чего корабль развернуло по ветру. Этим незамедлительно воспользовался неприятель на береговой батарее № 6, продольный огонь который сильно повредил рангоут и такелаж. Под несмолкаемые залпы артиллерии противника мичман Варницкий с несколькими матросами завел с баркаса верп и поставил корабль на шпринг. Развернувшись на месте, корабль «Три Святителя» открыл огонь по 54-пушечному турецкому фрегату «Кади-Зефир», который загорелся и выбросился на берег. При этом отличился «храбростью и распорядительностью по всем частям управления кораблем» старший офицер лейтенант И.Н. Кондогури²⁷⁴.

Примерно через 2 часа после начала сражения подошли к Синопу и немедленно вступили в бой пароходофрегат «Одесса» и пароходы «Крым» и «Херсонес» под флагом вице-адмирала В.А. Корнилова²⁷⁵. Постепенно были уничтожены остававшиеся неприятельские суда и береговые батареи. Лишь две из них держались до 16 часов, изредка посылая в корабли эскадры каленые ядра. Но и они вскоре были подавлены залпом с корабля «Париж».

К 16 часам дня вице-адмирал П.С. Нахимов сигналом с флагманского корабля приказал прекратить бой. Турецкая эскадра была уничтожена: противник потерял в Синопском сражении все суда, «из них которые не были взорваны нашими бомбами во время сражения или сожжены самими турками, были впоследствии сожжены нашими фрегатами и пароходами по свозе пленных и раненых, и по отведении в места, отдаленные от города». Все укрепления неприятеля были срыты. Каменная батарея возле верфи и батарея в стенах крепости, окружавших мусульманский квартал, были также уничтожены. Потери со стороны эскадры составляли 35 убитыми и 235 ранен-

²⁷⁴ Там же, С. 324, 336, 413–417.

²⁷⁵ Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854) – вице-адмирал, выдающийся деятель русского флота; в 1854–1855 гг. начальник Черноморского флота и портов, руководил обороной Севастополя, погиб 5 (17) октября 1854 года.

ными. Турки же потеряли до 3 000 человек убитыми и утонувшими. В числе 200 000 пленных был командующий эскадрой Осман-паша.

Сразу же после сражения на берег отправили парламентаром мичмана И.М. Манто²⁷⁶ с группой матросов для уведомления местных властей о том, что «если с батареей или берега будет сделано хотя бы один выстрел», эскадра «разрушит и выжжет город до основания»²⁷⁷. Пробыв на берегу более часа, парламентар так и не смог отыскать ни синопского пашу, ни вообще кого-либо из турок, – все они, охваченные паническим страхом, разбежались по окрестным горным деревням.

Последующие двое суток ушли на устранение повреждений, полученных кораблями во время сражения, после чего эскадра покинула Синопскую бухту, и в середине дня 22 ноября (4 декабря) 1853 года при огромном скоплении народа и всеобщем ликовании вошла на Севастопольский рейд. Встреча моряков была торжественной и радостной, а известие о победе при Синопе праздновалось в России повсеместно. Газеты Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и других городов публиковали пространные статьи, констатируя, что «Синопская победа стоит Наваринской»²⁷⁸.

29 ноября (11 декабря) 1853 года вице-адмиралом П.С. Нахимовым был составлен список офицеров, отличившихся в Синопском сражении и представленных к награждению. Среди удостоенных наград и повышения в чинах было немало греков. Капитан 1 ранга К.С. Кутров был награ-

²⁷⁶ РГА ВМФ, ф. 13, д. 3, лл. 325 – 326. Копия.

²⁷⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. – СПб., 1871. Вып. 1. С. 181.

²⁷⁸ Горев Л. Указ. соч., С. 149.

ден орденом Св. Владимира 3 степени и годовым окладом жалования, старший адъютант штаба командующего эскадрой лейтенант Ф.Х. Острено произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом, мичман И.М. Манто «за быстрое выполнение обязанностей и присутствие духа» награжден ор-

Адмирал П.С. Нахимов (1802–1855), русский флотоводец, адмирал (1855), один из руководителей обороны Севастополя 1854–1855 годов

деном Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», лейтенант И.Н. Кондогури произведен за отличие в капитан-лейтенанты, мичман Н.М. Кумани награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом, мичманы М.Д. Палеолог и Ф.Н. Кумани – орденами Св. Анны 4 степени «за храбрость», лейтенант Д.С. Стамати-Михайли – орденом Св. Анны 3 степени, старший офицер парохода «Крым» лейтенант О.Н. Пузино – орденом Св. Владимира 4 степени с бантом, цейхрахтер 9-го класса Н.Е. Солтояни – годовым жалованием²⁷⁹.

23 декабря 1853 года (4 января 1854 года) объединенная англо-французская эскадра вошла в Черное море с целью парализовать действия русского Черноморского флота, безраздельно господствовавшего в этих водах после Синопской победы. Единственными союзниками России в начавшейся войне снова оказались единоверные греки. В это время в Акарнании, Македонии, Эпире, Фессалии и других, остававшихся под властью Турции исконно греческих областях, начались массовые выступления за воссоединение этих территорий с Грецией, а греческий народ открыто потребовал выступления Эллинского королевства на стороне России. В январе 1854 году греческие войска под командованием Каратасоса заняли Эпир и вступили в долины Фессалии. В ответ на эти действия Турция объявила Греции войну.

²⁷⁹ РГА ВМФ, ф. 283, 1853 год, 2-е отд., 2-ой ст., д. 602, л. 506.

В Афинах действовал Комитет по сбору средств для освобождения от турецких поработителей Эпира и Фессалии, который в самом начале Восточной войны предлагал организовать восстание греков, остававшихся под турецким владычеством, но при условии «щедрой поддержки со стороны России оружием и деньгами». В 1853 году это предложение было отклонено. Теперь же, после вступления в войну Англии и Франции, специальный агент, по личному указанию государя, доставил в распоряжение Комитета значительную по тому времени сумму – 300 000 рублей²⁸⁰.

9 (21) февраля 1854 года Николай I подписал манифест о войне с Англией и Францией, и вскоре корабли союзников стали появляться у берегов Крыма. Туманным утром 26 апреля (6 мая) к входу в Балаклавскую бухту подошел французский пароход, с борта которого производили съемку побережья и промеры глубин. Второй пароход, под английским флагом, держался на некотором расстоянии от первого. На горах, расположенных по обе стороны от входа в бухту, заняли боевую позицию поднятые по тревоге стрелки Балаклавского греческого пехотного батальона. Прицельным огнем они «легко могли снять всех с палубы» неприятельского парохода, однако их командир полковник М.А. Манто не решился открыть стрельбу, «не имея на то приказания». К полудню пароходы ушли.

Получив сообщение об этом, главнокомандующий сухопутными и военно-морскими силами в Крыму князь А.С. Меншиков отправил в Балаклаву адъютанта полковника А.А. Панаева с предписанием «установить перед входом в бухту пять одноподовых единорогов и сторожевой пикет на горах»²⁸¹. М.А. Манто предложил А.А. Панаеву осмотреть позицию на Крепостной горе, избранную им для устройства артиллерийской батареи. «Манто карабкался легче меня на скалу и вместе со мной достиг площадки, на которой были поставлены часовые, – вспоминал адъютант. – Указав мне места, на которых он предлагал расставить мортирки, мой спутник не только с прежней ловкостью спустился со скалы, но еще мне подсоблял».

В последовавшей затем беседе, полковник Манто отстаивал возможность захода в Балаклавскую бухту военных кораблей против-

ника, выстраивая свои доводы на достаточной глубине здешнего рейда, и потому просил выделить в его распоряжение артиллерийские орудия. Князь А.С. Меншиков удовлетворил его просьбу и распорядился доставить в Балаклаву четыре медные полупудовые мортиры для отражения возможного вторжения, а в горах – выставить пикеты для наблюдения за действиями кораблей противника на море²⁸².

В конце августа 1854 года союзники приступили к началу основных действий на суше и на море, главным объектом которых был Севастополь – крупнейший военный порт России на Черном море с его верфями и доками, важный жизненный центр, удар по которому должен был парализовать всю существовавшую систему, с помощью которой Николай I намеревался держать в своих руках Турцию²⁸³.

«Семьдесят лет прошло всего лишь со времени присоединения Крыма к России и введения в нем русской гражданственности, как ему пришлось быть ареной великой войны, потребовавшей напряжения всех сил края, как нравственных, так и материальных, – писал А.И. Маркевич. – Крымская война должна была, прежде всего, отразиться на жизни местного населения, разнородного по происхождению, языку и вере; она затмила и поглотила все другие его интересы, потребовала от него страшных жертв и лишений. Населению здешней окраины России нужно было – и это самое главное – доказать свою тесную связь с великим русским государством»²⁸⁴.

1 (13) сентября 1854 года объединенный флот союзников появился у крымских берегов. Неприятельскую армаду заметили из Севастополя, а вечером того же дня стало известно о том, что флот противника становится на якоря у Евпатории. Русские войска получили приказ быть готовыми к выступлению по тревоге. В течение 2–4 (14–16) сентября в районе Евпатории была произведена высадка крупнейшего десанта англо-французских и турецких войска, численностью свыше 60 000 человек. Отсюда вражеские армии, построив-

²⁸² Ивицкая О.Е. Указ. соч., С. 155.

²⁸³ Дубровин Н.П. История Крымской войны и обороны Севастополя. – СПб., 1903. Т. I. С. 123; Покровский М.Н. Указ. соч., С. 46.

²⁸⁴ Маркевич А.И. Таврическая Губерния во время Крымской войны. (По архивным материалам). – Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. С. 4.

²⁸⁰ Там же, С. 36.

²⁸¹ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 500.

шись в походные колонны, начали марш к Севастополю.

Если бы 7 (19) сентября князь А.С. Меншиков двинул свою многочисленную кавалерию, а вслед за ней и все вверенные ему войска по направлению к реке Булганак и далее, он мог бы нанести неожиданный удар во фланг неприятелю, совершавшему в это время трудный переход вдоль морского побережья. Вместо этого он сосредоточил войска на давно избранной им позиции по дороге из Евпатории в Севастополь, на высоком левом берегу реки Альмы близ деревни Бурлюк, где 8 (20) сентября 1854 года предпринял отчаянную попытку задержать союзников.

В распоряжении князя Меншикова находилось до 35 000 солдат и офицеров при 84 полевых орудиях (против 62 000 солдат и офицеров союзников, имевших 134 полевых орудия). Позиция при реке Альме, бесспорно, могла бы способствовать устойчивой обороне занимавших ее войск, но при двух обязательных условиях: укреплении ее средствами инженерного искусства и правильном использовании. Имея выгодную, заранее избранную позицию, князю Меншикову не удалось в полной мере воспользоваться ею. Расположенные на левом фланге русских войск высоты, господствующие над окружающей местностью и спускающиеся к реке крутыми обрывами, заранее были признаны главнокомандующим неприступными и не были заняты. На них было трудно взобраться, и две роты стрелков при нескольких орудиях могли бы задержать здесь целую армию. Когда солдаты дивизии П. Боске, находившейся на крайнем правом фланге французского корпуса, перешли в этом месте реку и стали карабкаться по откосу, они не встретили на своем пути ни одного русского солдата. Обходным движением

Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869), светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи в 1836–1855 годах, генерал-губернатор Финляндии в 1831–1854 годах. Правнук фаворита Петра I.

да», – сообщал 10 (22) сентября А.С. Меншиков Николаю I. Его предположение о переходе в наступление было настолько нелепым, что на полях письма, напротив этого места, государь в недоумении написал: «Не понимаю, как это будет возможно»²⁸⁵.

Впрочем, вскоре князь Меншиков сообразил, что совершил большую глупость, и 12 (24) сентября, пытаясь как можно скорее исправить положение, он произвел знаменитое фланговое движение к Бахчисараю, чтобы лишить союзников возможности отрезать

²⁸⁵ Горев Л. Указ. соч., С. 247.

Эжен-Луи Лами. Битва при Альме

русские войска от сообщения со страной и в то же время постоянно угрожать им нападением во фланг и тыл.

Немногочисленный гарнизон Севастополя готовился к обороне. На подступах к городу велись широкомасштабные работы по строительству укреплений. Утром 11 (23) сентября 1854 года по приказу главнокомандующего между Александровской и Константиновской батареями для преграждения входа кораблей противника на рейд затопили 5 линейных кораблей – «Три Святителя», «Уранию», «Селафаил», «Варну», «Силистрию», и 2 фрегата – «Флору» и «Сизополь». Из флотских экипажей затопленных кораблей сформировали 7 морских батальонов общей численностью до 18 000 человек. Впоследствии пушки с кораблей перед затоплением стали снимать.

13 (25) сентября 1854 года приказом начальника гарнизона Севастополь был объявлен на осадном положении. В лице вице-адмирала В.А. Корнилова, проявившего себя еще под Силистрией Э.И. Тотлебена²⁸⁶, недавнего победителя при Синопе П.С. Нахимова

²⁸⁶ Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) – генерал; в 1854–1855 гг. подполковник, полковник, начальник инженеров Севастопольского гарнизона, строитель многих укреплений Севастополя.

город имел целый ряд способных и энергичных руководителей обороны, сумевших гораздо лучше, чем главнокомандующий военными и морскими силами в Крыму князь А.С. Меншиков, использовать положение. К тому же союзники предоставили им для этого достаточно времени.

Так и не решившись на штурм укреплений северной стороны, англо-французские войска, одновременно с фланговым движением Меншикова, совершили обходной маневр, намереваясь атаковать Севастополь с южной, слабо укрепленной, по их сведениям, стороны. Простояв два дня на Альме, они весьма нерешительно двинулись к Каче, а откуда направились к Бельбеку. Из-за недостатка перевозных средств, связанные массой больных холерой (от нее умер главнокомандующий французского экспедиционного корпуса маршал А.Ж. Сент-Арно), союзники двигались очень медленно.

Утром 13 (25) сентября англичане направились через Инкерманскую долину к Балаклаве. Во второй половине дня по городку разнеслась весть о приближении неприятельской армии к Черной речке. Посыльный, отправленный в Севастополь с донесением о приближении неприятеля, вернулся вечером с приказом генерала Моллера: «Иметь строгое наблюдение и осторожность». Союзники, тем временем, сделали привал и стали устраиваться на ночлег. Большинство балаклавцев полагало, что, отдохнув, неприятель двинется на Севастополь, и до той поры, пока город держится, им ничего не угрожает.

Ранним утром 14 (26) сентября в лагере противника царило спокойствие. В 7 часов в море показались два английских военных парохода, следовавших полным ходом со стороны Севастополя по направлению к Балаклаве. Поравнявшись с входом в бухту, они стали под парами на расстоянии примерно одной мили от берега.

По сигналу о приближении неприятельских пароходов, поступившему с мортирной батареи на Крепостной горе, были подняты по тревоге все силы малочисленного гарнизона Балаклавы – 80 строевых солдат и офицеров, к которым присоединились около 30 отставных служителей. Городок был практически не защищен. Две роты Балаклавского греческого батальона попали в плен, возвращаясь из

Новороссийска, третья была отозвана в Бахчисарай, и лишь четвертая, за исключением нескольких десятков человек, отсутствовавших по служебным делам, находилась на месте. Командир батальона полковник Манто призвал к себе майора Маландраки и известного своей храбростью капитана Стамати, чтобы решить, что предпринять в сложившейся ситуации: сопротивляться до последнего заряда или уйти из города без напрасной потери людей. Командир роты капитан С.М. Стамати предложил принять неравный бой²⁸⁷.

Едва греческие стрелки расположились на указанных командиром позициях, прискакал верховой с известием, что неприятельский «лагерь поднялся». Следом прибыл другой, доложивший о движении английской кавалерии по шоссе к Сапун-горе, а за ним третий, с сообщением о том, что кавалерия свернула с шоссе и рысью понеслась по направлению к даче покойного генерал-майора С.А. Антипы, а головы пехотных колонн выходят на бахчисарайскую дорогу. Наконец, вернулся офицер, отправленный с донесением в Севастополь, чудом спасшийся от плена, и сообщивший, что «необозримые толпы уже на бахчисарайской дороге и спускаются мимо деревни Камары через Кадыкойскую долину прямо к Балаклаве».

В тот день был праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, столь чтимый всеми греками, и население Балаклавы, ничего не знававшее о приближении вражеской армии, «толпилось в церковной ограде». Узнав о грозившей опасности, мирные жители побросали свои дома, имущество, и спешно стали переправляться на лодках на западный берег Балаклавской бухты в надежде пройти горной дорогой через сады и виноградники к Караньским высотам, а оттуда добраться до Севастополя. Не поддаваясь ни на какие уговоры, настоятель гарнизонной Свято-Николаевской церкви протоиерей Антоний Аргириди продолжал литургию даже тогда, когда пономарь сообщил ему о появлении авангарда неприятеля, занявшего деревню Кадыкой и следовавшего к Балаклаве.

Передовой отряд англичан, численностью около 4 000 человек, походным строем медленно приближался к городку. Рассчитывая на радушную встречу местным греческим населением, англичане не

²⁸⁷ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 125.

были готовы к отражению нападения. При приближении к шлагбауму неприятельская колонна была остановлена несколькими ружейными залпами скрывавшихся в засаде греческих солдат. Не ожидавшие нападения англичане остановилась, но замешательство вскоре прошло, и завязалась отчаянная перестрелка. Греческие стрелки, заняв оборону, рассыпались и метко поражали неприятеля из-за камней и других укрытий. Поединок длился около часа, после чего англичане перешли в решительную атаку, тесня балаклавцев, которые, отстреливаясь, отступили сначала к городу, а затем к развалинам генуэзской крепости на господствующей над местностью высокой, крутой горе. Как только греческие солдаты отступили в город, а авангард неприятеля миновал шлагбаум, раздался залп с молчавшей до этого времени мортирной батареи. Метко пущенная граната разорвалась в самом центре вражеской колонны, убив и ранив осколками до 30 человек. Англичане снова вынуждены были остановиться, чтобы выстроить у шлагбаума свою полевую артиллерию.

В это время на склоне горы Спилия у начала балки Кефаловрисы показалась голова другой неприятельской колонны, численностью до 5 000 человек, следовавшей к Балаклаве с северо-востока от деревни Камары. Остановившись, противник также приступил к устройству артиллерийской батареи. Пока нападавшие готовились к бомбардировке генуэзской крепости, к стоявшим у входа в бухту пароходам подошло до 20 английских кораблей и судов всех рангов. Батарее балаклавцев, состоявшей всего из четырех полупудовых мортир, приходилось действовать одновременно в двух направлениях – по шлагбауму и по балке Кефаловрисы. С открытием огня с неприятельских батарей «все ядра, направляемые на крепость, перелетали через нее» и падали в море рядом английской эскадрой, скрытой за Крепостной горой. Не разобравшись, кто по ним стреляет, от флота отделился трехдечный винтовой корабль и бортовыми залпами стал вести огонь в том направлении, откуда летели ядра, нанося урон в живой силе своим же войскам, не причиняя при этом ни малейшего вреда защитникам.

Командир мортирной батареи поручик И.К. Марков вел неравную артиллерийскую дуэль до тех пор, пока у него не закончились

снаряды. Видя, что батарея смолкла, осмелевшие англичане бросились на штурм. На вершине Крепостной горы завязался рукопашный бой, стоивший жизни многим нападавшим. В 14 часов 30 минут над гегуэзской крепостью был поднят английский флаг. В плен попали раненый полковник Манто, 6 офицеров и около 60 нижних чинов. Остальные служители во главе с майором Маландраки ушли горными тропами. Некоторые из них пали от рук подстерегавших их в Байдарской долине татар, оставшиеся же в живых добрались до деревни Аутка, где впоследствии из них составили летучий отряд, содержащий пикеты на Южном берегу. «Присутствие этой горсти людей важно было в том отношении, что татарам, преданные нам только до удобного случая, хотя и подготавливались к чему-то серьезному, но не смели ни единым словом оказывать сопротивление местным властям, – писал современник. – Грозное имя арнаута, так хорошо памятного им беспощадным обращением при малейшем волнении, положительно парализовало в них всякого рода желание взяться за оружие, даже и в то время, когда английская эскадра высадилась в Ялте и пропировала в ней и окрестных виноградниках три дня»²⁸⁸.

После поднятия флага над гегуэзской крепостью, колонны английских войск вступили в Балаклаву. В это же время в бухту вошел маленький пароходик: неистово дымя, он обошел ее западное и восточное побережье, измерил глубину, снова вышел в море и вскоре вернулся, ведя за собой эскадру.

Англичане были поражены стойкостью и мужеством балаклавцев. Собрав пленных и допросив полковника Манто, лорд Роглан обратился к нему с упреком: «Безумец! Неужели думали вы с горстью своих солдат остановить целую армию?» Оправдывая сопротивление роты греческих стрелков, капитан Стамати произнес: «Безусловно, сдачею [своей] я навлек бы на себя и гнев моего начальства и ваше презрение; теперь совесть моя спокойна, потому что я исполнил свой долг»²⁸⁹.

²⁸⁸ Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 8. – СПб., 1875. С. 126–127.

²⁸⁹ Зеленкевич В. Нападение на Балаклаву. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под. ред. Н. Дубровина. – СПб., 1872. Вып. 3. С. 131.

*Высадка английских войск в Балаклаве 14 (26) сентября 1854 года.
Неизвестный художник*

Когда в Балаклаве шел неравный бой, многочисленная колонна английской армии следовала по Караньской дороге; поднявшись на гору, она повернула направо, к садам, и медленно стала спускаться к бухте. Заметив в виноградниках группу прятывшихся людей, англичане приняли их за ретирующийся отряд греческого батальона, и открыли по ним штуцерный огонь. Балаклавцы, к счастью, успели залечь, и никто из них не пострадал от пролетавших над ними с визгом пуль. Безоружных людей окружили и взяли в плен, а затем, отделив мужчин от женщин и детей, всех их вернули обратно в Балаклаву. В дороге английские офицеры осыпали гречанок комплементами. Союзники обещали всем жителям Балаклавы «полную свободу, целостность и неприкосновенность их имущества и защиту от всех возможных притеснений и оскорблений». Впрочем, на деле это обещание так и осталось не исполненным.

Сразу же после занятия Балаклавой начались повальные грабежи. Солдаты и сошедшие на берег матросы разбрелись по домам, унося из них все, что попадалось под руку. Верхняя одежда и цен-

Балаклава. Фотография Джеймса Робертсона, 1855 год

ные вещи присваивались теми, кто их находил; мебель безжалостно ломали на дрова, а лучшую уносили на корабли. Со стен в комнатах срывали обои, вспарывали матрацы, тюфяки и выбрасывали из них шерсть, в которой «искали скрытых сокровищ». Все, что не нравилось, выбрасывали на двор; к концу дня в разграбленных греческих домах погибли все зеркала и посуда. Взятых в плен близ деревни Карань и доставленных в Балаклаву жителей не сразу впускали в их дома: каждый из хозяев должен был предоставить доказательства на право владения недвижимой собственностью, и только тогда, после многочисленных формальностей, свидетельств и уверений, им позволяли войти, не смея при этом мешать грабить и бес-

чинствовать. В то время как одни грабили дома, другие опустошали погреба и кладовые, ловили во дворах и на улицах домашнюю птицу, уводили скот, причем все это делалось на глазах у офицеров.

После того как в городе все было разграблено и истреблено, англичане принялись разорять окрестные дачи, имения и хутора, опустошать фруктовые сады и виноградники, огороды и пчелиные пасеки. Виноград и осенние фрукты исчезли в первый же день. К вечеру в городке были разобраны на дрова все плетневые ограды, заборы и стены домов, выходившие на набережную, вырублены расположенные в черте города сады и деревья.

Гарнизонная Николаевская церковь в Балаклаве оставалась неприкосновенной, и ее настоятелю протоиерею Антонию Аргириди было приказано проводить в ней службы. Спустя несколько дней после окончания грабежей, английские солдаты стали разбрасывать по улицам и дворам иконы. Английские офицеры, видя, что это производит не лучшее впечатление на местное население, решительно пресекли это кощунство. Подчиняясь приказу, солдаты принялись собирать разбросанные ими накануне по всему городу иконы и продавать на пароходы маркитантам, приобретавшим их по цене от 30 до 40 копеек серебром и продававшим затем в Константинополе от 3 до 5 рублей²⁹⁰.

В один день с Балаклавой англичане заняли деревню Кадыкой, где имущество греков также перешло в руки захватчиков. Турки неистово стреляли в наружные образы греческой Свято-Троицкой церкви, но вскоре это было им строжайше воспрещено.

15 (27) сентября англичане вошли в деревню Камары. Жившие в ней греки долгое время скрывались в горных лесах, но осенние холода и наступивший затем голод заставили некоторых из них вернуться. Свои дома, имущество и церковь св. Марины они застали на чисто разграбленными.

Более других повезло деревне Карань, куда лишь изредка наведывались за провизией небольшие отряды английских матросов или солдат, забиравших все, что попадалось под руку, и практически никогда не плативших за это обещанных денег. В дерев-

²⁹⁰ Мосхури И.В. Восемьдесят солдат не смогли остановить вражескую армию, зато совесть их осталась чиста. // Крымское время. 2000. 8 сентября.

не Карань жила вдова, майорша Ф.М. Сарачан²⁹¹, при которой находились пять дочерей взятого в плен ее брата, капитана С.М. Стамати. Старшей из них, Екатерине, в то время было 14 лет. Их дом часто посещали два французских офицера и один поляк, ругавший при любом удобном случае российское правительство. Майорше это не нравилось, и она отказалась принимать его в своем доме. Спустя два дня ее арестовали по сфальсифицированному поляком обвинению в связях с князем Меншиковым, и по приказу лорда Роглана доставили под конвоем в Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь, где вместе с пленными она как арестантка содержалась до окончания Крымской войны²⁹².

После занятия англичанами Балаклавы, а французами Камышовой бухты, союзники получили прекрасные стратегические пункты для размещения войск и базирования флотов, что дало им возможность основательно закрепиться под Севастополем и приступить к его осаде. К концу сентября стала вырисовываться линия осадных работ неприятеля. Круглосуточно работая на сооружении оборонительных укреплений, защитники Севастополя постоянно беспокоили противника, выдвигаясь за оборонительную линию и мешая ему огнем своих штуцерников. Для противодействия русским стрелкам французы создали команды из лучших охотников зуавских и егерских полков, и вскоре на позициях защитников появились первые жертвы, в числе которых был смертельно раненный 3 (15) октября капитан-лейтенант 41-го флотского экипажа П.Н. Кондогури, находившийся на 5-ом бастионе; он скончался в госпитале 26 октября (7 ноября)²⁹³.

В 6 часов утра 5 (17) октября союзники произвели первую бомбардировку: 126 осадных орудий открыли огонь по укреплениям Севастополя, выпустив около 59 000 снарядов. Град ядер и бомб обрушился на только что построенные укрепления; насыпанные из перемешанной с камнем земли брустверы не успели еще улежаться, и

²⁹¹ Сарачан Фотиния Михайловна, урожденная Стамати, дочь майора Балаклавского греческого батальона Стефана Константиновича Стамати, сестра капитана Стефана Михайловича Стамати.

²⁹² Зеленкевич В. Указ. соч., С. 128–135.

²⁹³ Общий морской список. Ч. X. – СПб., 1898. С. 380.

Вид из города Севастополя на Южную бухту и Корабельную сторону. Русский художественный листок В. Тимма. № 30. 1855 год

легко рассыпались при попадании неприятельских снарядов. Артиллерия защитников ответила на это из 118 орудий.

В ходе бомбардировки англичане сосредоточили огонь осадных орудий большого калибра с батареями, расположенных на Зеленой и Воронцовской горах, против 3-го бастиона. Героически сопротивлявшийся бастион понес большие потери: к 15 часам дня здесь была повреждена 1/3 всего артиллерийского вооружения, а потери в личном составе были настолько значительны, что дважды менялась прислуга у оставшихся орудий. Командира бастиона капитана 2 ранга К.Е. Попандопуло ранило осколком бомбы в щеку. Несмотря на настоячивые просьбы офицеров отойти для перевязки, он не покинул своего места, хладнокровно заявив, что пока его ноги целы, он не спустится за бруствер и умрет на нем.

От попадания вражеской бомбы на 3-м бастионе взорвался пороховой погреб. Взрыв огромной силы принес ужасные разрушения: из 22 орудий уцелело только 2. Получил серьезную контузию начальник артиллерии бастиона капитан 1 ранга Л.А. Егорышев. В общей сложности при взрыве погибло более 100 человек, в том чис-

ле командир батареи бастиона капитан-лейтенант Лесли, лейтенант Рачинский и другие²⁹⁴.

В то время, когда «совершенно уничтоженный бастион из последних сил боролся с неприятелем», смертельно ранило ядром мичмана Х.К. Попандопуло²⁹⁵. Истекающий кровью, он из последних сил ободрял своих матросов: «Держитесь, братцы!». Над ним склонился капитан 2 ранга К.Е. Попандопуло, оставивший лишь на минуту свое место у бруствера. Трижды осенив крестным знаменем умиравшего юношу, с полными покорности словами он произнес: «Богу, Царю и Отечеству отдаю тебя...»²⁹⁶. Это было прощание отца с сыном. Поручив его заботам одного из младших офицеров, командир бастиона снова занял свое место у бруствера.

Воспользовавшись возникшим после взрыва замешательством, англичане предприняли решительную атаку прекратившего стрельбу 3-го бастиона, но моряки стоявшего рядом 41-го флотского экипажа бросились к оставшимся орудиям и, открыв огонь, остановили натиск неприятеля. Во время возобновившегося обстрела контузило ядром «в левый бок, спину и левое плечо» командира бастиона капитана 2 ранга Е.К. Попандопуло²⁹⁷.

С наступлением глубокой осени в Крыму сильные ветры чередовались холодными дождями. Страшная буря, разыгравшаяся 2 (14) ноября нанесла значительный ущерб защитникам, но еще больший – союзникам. 6 (18) декабря в Севастопольском гарнизоне был объявлен Высочайший указ, в котором, в частности, указывалось, что каждый месяц службы защитников будет считаться за год «по всем правам и преимуществам»²⁹⁸.

²⁹⁴ Шавшин В.Г. Бастионы Севастополя. / Серия: Памятники и поля сражений Крымской войны. – Симферополь. Таврия-Плюс, 2000. С. 93–94; Горев Л. Указ. соч., С. 323.

²⁹⁵ Попандопуло Харлампий Константинович (1833–1854) – в 1853 году произведен из гардемарин в мичманы; в 1854 году находился в гарнизоне Севастополя на 3-ем бастионе, командуя шестью орудиями; 5 (17) октября был тяжело ранен ядром в левую руку «с повреждением всей ее внутренности и контужен в живот»; 16 (28) октября 1854 г. скончался от ран в симферопольском госпитале.

²⁹⁶ Зайончковский А.М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий очерк с иллюстрациями. – СПб., 1904. С. 34.

²⁹⁷ Общий морской список. Ч. XI. – СПб., 1900. С. 34.

²⁹⁸ Ванеев Г.И. Указ. соч., С. 30; Семин Г.И. Севастополь: Исторический очерк. – Симферополь: Крымиздат, 1958. С. 147.

Александр II (1818–1881), Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 года императорской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны

²⁹⁹ Мосхури И.В. Греческий императора Николая I легион в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. / Материалы научно-практической конференции, посвященной 145-летию окончания первой героической обороны Севастополя. – Симферополь. Таврия-Плюс, 2001. С. 79.

В феврале 1855 года умер Николай I, и на российский престол вступил его сын Александр II. Принимая в Зимнем дворце приехавших к нему с поздравлениями послов и великосветских особ, новый император заявил о своем намерении придерживаться начал, руководивших внешней политикой Александра I и Николая I. Отдав на словах дань традиции, Александр II не предпринял никаких действий для ее поддержания, и продолжал начатую отцом войну, стремясь добиться более выгодного соотношения сил, чем ранее существовало.

15 (27) февраля 1855 года из Одессы в Севастополь прибыл Греческий Императора Николая I легион, состоявший из 5 рот греческих волонтеров под командой князя Панайоти Мурузи²⁹⁹. Этот легион был сформи-

рован в 1853 году во время занятия русскими войсками Молдовы и Валахии из греков, «в высшей степени ожесточенных против турецкого правительства». Каждый из них имел на то свои личные основания: «у одного был убит турками дед, у другого повешен отец, у третьего силою взяты сестры в гарем, у четвертого все братья посажены на кол». Командирами рот были известные борцы греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. Некоторые из них формировали и вооружали добровольцев на свои деньги «внутри турецких владений», откуда с боями продвигались для соединения с армией князя М.Д. Горчакова на Дунае³⁰⁰. «Ни слава, ни деньги и ни награда руководили этими людьми: одна лишь мысль содействовать единоверному народу <...> служила им основанием к отважным предприятиям»³⁰¹. Их ненависть к туркам была так велика, что, несмотря на настойчивые требования русского командования «переменить свои национальные костюмы, чтоб оставаться не узанными», греческие волонтеры отказывались подчиняться этому. «Мы, напротив, желаем, чтобы варвары узнали в нас мстителей», – говорили они³⁰². До окончания Крымской войны греческие волонтеры «не снимали свои фустанелы и не переменили наследственного оружия: винтовки, ятагана, кривой сабли и пары пистолетов в дорогах оправах». Их боевые действия в европейской Турции «до того были отважны и решительны, что казались невероятными». В одном из сражений группа их «паликариев», численностью в 53 человека, попала в плен, и была подвергнута жестокой казни: турки всех их посадили на кол и подожгли. Записав имена этих мучеников, каждый из волонтеров во время утренней и вечерней молитвы поочередно молился по списку «об убиенных сослуживцах своих».

На Дунайском театре военных действий на стороне русских войск участвовало не пять, а более рот греческих волонтеров общей численностью свыше 2 000 человек³⁰³, но при отступлении армии князя Горчакова лишь части из них посчастливилось переправить-

³⁰⁰ Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. История Крымской войны с частными эпизодами (портретами и видами). Эпизоды и рассказы из Крымской войны. – СПб., 1884. С. 51

³⁰¹ Там же, С. 52.

³⁰² Там же, С. 53.

³⁰³ Диаманди Н.И. Воспоминания о Крымской кампании и Севастопольской обороне. – Керчь, 1904. С. 29–30.

*Отряд греческих волонтеров.
Русский художественный листок В. Тимма. № 113. 1855 год*

ся вслед за последними русскими полками на левый берег Дуная. Остальные остались на правом берегу реки, поскольку понтонный мост по приказу командующего был спешно разведен. Их настигла турецкая кавалерия и, после отчаянного сопротивления, вырезала вместе с оставшимися там силистрийскими болгарскими, которым отказали в переправе с русскими войсками³⁰⁴.

1 (13) февраля 1855 года в Перекоп прибыл батальон, состоявший из пяти рот греческих волонтеров общей численностью в 750 человек³⁰⁵. Несмотря на холодную зиму, греки «в своих легких национальных костюмах» совершили изнурительный пеший переход и без потерь дошли до Симферополя, где были «разобраны на квартиры городскими обывателями из одного сострадания к их усталости и неимению заранее предназначенного приюта». Один из греческих волонтеров, Димитрий Политис, был принят на отдых и ночлег в дом известного крымского писателя, ученого и краеведа В.Х. Кон-

³⁰⁴ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 29–30.

³⁰⁵ Мосхури И.В. Указ. соч., С. 79–80.

В. Ростовский. Штурм Евпатории во время Крымской войны в 1855 году

дараки. По воспоминаниям последнего, Димитрий Политис был родом из Константинополя, где оставил жену и двух дочерей. Все его ближайшие родственники были казнены турками в 1825 году за сочувствие к национально-освободительному восстанию³⁰⁶.

После кратковременного отдыха, батальон греческих волонтеров должен был следовать в осажденный Севастополь, но по распоряжению генерал-лейтенанта Богушевского их отправили в расположение генерал-лейтенанта Хрулева, готовившегося к штурму Евпатории. Появление отряда греческих волонтеров численностью в 634 человека очень обрадовало Хрулева, так как 8-я пехотная дивизия из-за дождей и грязи на дорогах не прибыла к месту назначения.

³⁰⁶ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 52–53.

Ранним утром 4 (16) февраля все части, предназначенные к штурму Евпатории – пехота, драгуны, артиллерийская батарея, казаки и волонтеры – сосредоточились в районе деревни Хаджи-Тархан. Русские солдаты и офицеры «с любопытством и вниманием» встретили прибывших сюда волонтеров. Греки, назначенные в голову левой колонны, просили «выдать им для рукопашного боя русские ружья со штыками».

5 (17) февраля 1855 года в 6 часов утра неприятель произвел первый выстрел, вслед за которым обе стороны открыли друг по другу огонь. Греческие волонтеры, согласно диспозиции, начали наступление с первыми же выстрелами из орудий. «Волонтеры – народ храбрый, но их вели бестолково, как на убой», – писал о сражении под Евпаторией известный русский ученый и литератор М.М. Филиппов³⁰⁷. Впереди каждой роты верхом на коне ехал капитан, и эти «пять капитанов точно соревновались между собой в храбрости»³⁰⁸. Идя на позиции неприятеля «греки быстро рассыпались, размыкая ряды, и шли вперед, совсем оторвавшись от локтей товарищей, широким и свободным шагом», и изготовили ружья к стрельбе лишь подойдя на пистолетный выстрел к валу, где их стали доставать «и орудийная картечь с неприятельского укрепления, и круглые турецкие пули». Тогда передовые части рот греческих волонтеров «вдруг попадали на землю, как подстреленные», и укрываясь за выступами и камнями, открыли прицельный ружейный огонь по неприятелю, в то время как другая часть рот «быстро бежала вперед, чтобы также упасть всем сразу и открыть огонь, когда начнут, в свою очередь, перебежать первые». Это была тактика рассыпного строя, введенная в русской армии лишь во второй половине XIX века³⁰⁹.

Казаки, принимавшие участие в Крымской войне, были незаменимы. Их многие недолюбливали, да и сами они не ко всем относились с симпатией: высокомерно и презрительно относясь к пехоте, они охотно шли в дело с греческими волонтерами, которые «по сво-

³⁰⁷ Филиппов М.М. Осажденный Севастополь. Исторический роман. – Симферополь: Таврия, 1986. С. 464.

³⁰⁸ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 55.

³⁰⁹ Диаманди Н.И. Воспоминания о Крымской кампании и Севастопольской обороне. – Керчь, 1904. С. 29; Мосхури И.В. Указ. соч., С. 81–82.

ей необузданной храбрости отчасти напоминали казаков»³¹⁰. К 8 часам утра четыре сотни спешенных казаков и батальон греческих волонтеров подошли к Евпатории со стороны Гнилого озера. Скрываясь за стенками кладбища и в каменоломенных ямах, они приблизились к вражеским укреплениям на расстояние до ста метров и открыли прицельный ружейный огонь³¹¹. Грекам, вызвавшимся идти на неприятеля впереди атакующих войск, вручили штурмовые лестницы. «Точно, как на веселый пир, бросились они вперед, и в несколько минут добежали до рва». Однако изготовленные из шестиаршинных брусьев лестницы оказались короткими и не доставали до противоположного края рва, и после открытия неприятелем шлюзов и заполнения его водой – поплыли³¹².

Наступление под Евпаторией было отбито союзниками. Потеряв в этом бою 769 человек убитыми и ранеными, русские отступили. Со стороны греческих волонтеров были ранены 2 ротных командира (капитаны Хрисовери и Стамати) и 30 рядовых. Капитан Стамати умер от ран в 10 часов утра 13 (25) февраля, и в 23 часа 14 (26) февраля был отпет в греческой Свято-Троицкой церкви в Симферополе. По словам участника этих событий, «в городе не осталось ни одного грека, который не спешил бы в церковь, чтобы отдать последний долг герою, павшему на поле брани за Веру Православную»³¹³.

Вместе с отступившими от Евпатории русскими войсками на северную сторону осажденного Севастополя прибыли греки. Н. Берг писал: «Я <...> сидел под окном и смотрел на греческих волонтеров, которые только что прибыли из-под Евпатории. Говорят, они дрались там хорошо, и многие получили кресты. Костюм их был обыкновенный клефтский: шитая куртка, какого случится цвета, под нею белая фустанела (коротенькая юбка) и широкий пояс, из-за которого торчал целый арсенал оружия: чуть не десяток разных дреколей, пистолетов и кинжалов. Обувь была своя, из особенных перевязей, а у иных русские сапоги. Одни имели свою коротенькую овчинную шубу

Франц Рубо. Греческий легион Императора Николая I, присягающий в Севастополе на верную службу Его Величеству Императору Александру II в присутствии храброго своего начальника полковника князя Урусова и контр-адмирала Истомина

с прорезными рукавами, другие были одеты в русские полушубки. У боку мотались ятаганы, а также наши кортики, шпаги и сабли. На головах были фески с нашитыми спереди медными крестами»³¹⁴.

В ожидании своего распределения на бастионы и укрепления, «волонтеры часто толпились у квартиры своего начальника, сидя на его крыльце и куря трубки». «Их разослали по разным бастионам, в ложементы. Все просились на 4-й бастион. В тот же день на желанном 4-ом бастионе ранили одного пулей, <...> но не достали носилок: один грек понес товарища на плечах к перевязочному пункту. Несколько других пошли за ним, повесив головы. Это была трогательная картина, как товарищ товарища нес, не утомляясь, с лишком версту, и донес до конца»³¹⁵.

³¹⁴ Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Т. I. – М., 1858. С. 56.

³¹⁵ Там же, С. 57.

Дом подполковника Н.А. Алексиано в деревне Бельбек, в котором жил генерал-майор Э.И. Тотлебен во время лечения раны, полученной при обороне Севастополя. В.Ф. Тимм. Литография. Русский Художественный листок. 1857 год

С целью овладения двумя неприятельскими артиллерийскими орудиями, которые «продольно обстреливали линию наших ложементов впереди Камчатского редута», в ночь с 10 (22) на 11 (23) марта была предпринята крупная вылазка с 3-го отделения оборонительной линии, в которой участвовали прибывшие в Севастополь греки. В 2 часа ночи четыре роты греческих волонтеров под командой князя Панайоти Мурузи скрытно подошли к середине 3-й параллели, овладели неприятельской батареей № 8 и ворвались в траншею противника, «переколов значительное число англичан, составлявших траншейный караул, <...> заклепали 2 мортиры большого калибра, разорили неприятельские ложементы и взяли в плен командира 34-го полка подполковника Келли и 6 рядовых». По донесе-

нию генерал-адъютанта Д.Е. Остен-Сакена, «в течение этой кровопролитной ночи <...> потеря наша состоит: убитыми: 1 офицер и 7 рядовых, ранеными: 4 офицера и 60 рядовых. Греческого батальона волонтеров убиты: 1 офицер и 3 рядовых»³¹⁶.

Волонтеры, назначенные в «летучий отряд» Балаклавского греческого батальона, содержащий пикеты на южном побережье Крыма, не имели возможности проявить свою храбрость в боях с противником: они участвовали в ликвидации неприятельских пикетов и препятствовали союзникам «переходить ранее занятую ими оборонительную линию». Ведя наблюдение за кораблями и пароходами противника у Форосского мыса, они часто подвергались обстрелам с моря, но ни разу не оставили занимаемых позиций³¹⁷.

28 марта (9 апреля) 1855 года союзники предприняли вторую бомбардировку Севастополя, продолжавшуюся до 6 (18) апреля. Участник обороны Севастополя 1854–1855 годов Н. Горбунов писал: «Ужасную бурю с градом разве можно сравнить с тем неистовым, учащенным артиллерийским огнем, которым неприятель буквально мел ядрами бастионы». В числе раненных и контуженных в дни второй бомбардировки города союзниками были капитан-лейтенант Н.П. Драгопуло и лейтенант Н.М. Кумани, скончавшийся в госпитале от ран 11 (23) апреля³¹⁸. Укрепления Малахова кургана, 3-го, 4-го, 5-го бастионов и передовых редутов ежедневно разрушались, но по ночам снова восстанавливались защитниками.

За отличие, оказанное в дни второй бомбардировки Севастополя, были награждены: прапорщик корпуса флотских штурманов Ф.Е. Папа-Федоров – орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость»; старший адъютант штаба 5-ой флотской дивизии капитан-лейтенант Ф.Х. Острено и командир 18-го рабочего экипажа полковник Д.А. Моцениго – орденами Св. Анны 2 степени; капитан-лейтенант 38-го флотского экипажа Н.К. Христофоров, капитан-лейтенант 37-го флотского экипажа Д.Е. Папаегоров – орденами Св. Владимира 4 степени с бантом; смотритель экипажных мага-

³¹⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 5694, лл. 22–23.

³¹⁷ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 53; Мосхури И.В. Указ. соч., С. 81–82.

³¹⁸ Общий морской список. Ч. VI. – СПб., 1892. С. 526–527; Общий Морской список. Ч. X. – СПб., 1898. С. 63, 499.

Красовский Н. Бомбардировка Севастополя англо-французским флотом. 1905 год

зинов Севастопольского порта майор С.И. Вергопуло за «отличную, усердную службу» – орденом Св. Анны 3 степени.

Еще в 1854 году под госпитали для размещения раненых были отведены дома со службами в имениях капитана 1 ранга А.И. Бардаки и подполковника Н.А. Алексиано при реке Бельбек. В мае 1855 года все строения в усадьбах этих помещиков занимали больные и раненые. Вследствие этого А.И. Бардаки просил, чтобы его людям «хоть магазин (сарай) оставили, как единственное их убежище». Подполковник Н.А. Алексиано также обращался с просьбой, чтобы для его людей «оставили жилище при мельнице»³¹⁹.

25 мая (5 июня) началась третья бомбардировка Севастополя союзниками. Сосредоточив всю мощь огня осадной артиллерии против Селенгинского, Волынского редутов и Камчатского люнета,

³¹⁹ Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. / Серия: Страницы истории Крыма. – Симферополь. Бизнес-Информ, 1994. С. 50.

французы буквально срыли эти укрепления. В отчаянный поединок с ними вступили батареи 3-го бастиона, которыми командовал лейтенант Г.П. Бефани. При подавлении французских осадных укреплений тяжело ранило и контузило помощника батарейного командира лейтенанта И.С. Антипа. Много раненых во время третьей бомбардировки Севастополя оказалось среди находившихся на 3-м бастионе офицеров и матросов 38-го флотского экипажа, в числе которых были капитан-лейтенант К.П. Драгопуло и лейтенант Н.И. Манганари. Последнего ранило штуцерной пулей в правую руку, но он не покинул своего места и оставался при артиллерийских орудиях вверенной ему батареи.

26 мая (7 июня) четыре французские дивизии атаковали Забалканскую батарею, Камчатский люнет, Селенгинский и Волынский редуты. Силы были неравными, и после кровопролитной схватки русские войска оставили передовые укрепления. Одновременно с этим англичане атаковали и захватили ложементы перед 3-м бастионом. Во время отражения атаки неприятеля был ранен осколком гранаты лейтенант М.Н. Кумани³²⁰. В схватке за передовые укрепления защитники потеряли убитыми и ранеными до 5 000 человек, союзники – 6 247³²¹. Захватив укрепления, противник начал срочно их перестраивать, открыв сильный артиллерийский и ружейный огонь по всей оборонительной линии. На месте бывших прежде русских укреплений союзниками было возведено 7 артиллерийских батарей, вооруженных 24 орудиями.

Утром 5 (17) июня 1855 года 548 осадных орудий союзников вновь открыли огонь по Севастополю. Началась четвертая бомбардировка города, к которой подключились подошедшие к концу дня корабли противника. За сутки на позиции защитников было выпущено 62 000 снарядов. Большие повреждения получили укрепления Малахова кургана, 2-й и 3-й бастионы. На рассвете 6 (18) июня 1855 года союзники предприняли штурм укреплений Корабельной стороны. Невероятным напряжением физических и моральных сил, ценой больших человеческих потерь защитникам удалось отразить наступление. За двое суток их потери убитыми и ранеными составили

³²⁰ Общий морской список. Ч. X. – СПб., 1898. С. 496.

³²¹ Ванев Г.И. Указ. соч., С. 33.

5 445 человек. Союзники во время штурма потеряли 7 000 человек (в их числе были убиты 3 и ранены 5 генералов).

Один за другим выбывали из строя руководители обороны Севастополя: 7 (19) марта 1855 года был убит контр-адмирал В.И. Истомин, 8 (20) июня тяжело ранен Э.И. Тотлебен, 28 июня (10 июля) смертельно ранен адмирал П.С. Нахимов.

В июне 1855 года, «ввиду опасности быть подверженным бомбардировкам», госпиталь, находившийся на северной стороне Севастополя, был переведен в деревню Бельбек (ныне с. Фруктовое), где под него заняли часть сада помещика Н.А. Алексиано, которому «за место и фрукты выдано 1 000 рублей». В августе 1855 года, по уведомлению Главного штаба, дом, оранжерея и другие строения в поместьях отставных капитана 1 ранга А.И. Бардаки и подполковника Н.А. Алексиано были «совершенно разорены и бесполезны для владельцев». Главный штаб разрешил исправить их и использовать в зимнее время под госпиталь на 420 человек³²².

Все «страшнее и страшнее становилось в Севастополе, – писал один из участников событий. – Екатерининская улица опустела совсем. Это была в ту пору дорога бомб и ядер, которые неслись вдоль нее, как бы из невидимой пасти»³²³. Севастополь, сильно пострадавший от бомбардировок, уже не был похож на прежний мирный, живописный город. Екатерининская улица и городские бульвары опустели, всюду царил разруха. С падением передовых укреплений Корабельной стороны в городе не оставалось безопасного места, и потому многие жители покидали его. До последнего дня обороны не закрывалась маленькая кондитерская лавка в безымянном переулке в конце Екатерининской улицы. Ее владельцем, по свидетельству Н. Берга, был «какой-то довольно пожилой грек», продававший «свои крендели в высшей степени добросовестно: самые лучшие, называемые сахарными, стоили 25 копеек фунт, что мы платили за них потом в Бахчесарае. Пряники были по десять копеек штука: опять же бахчесарайская цена. Вспомните только, что в Бахчесарае не было никаких бомб и выстрелов»³²⁴.

³²² Маркевич А.И. Указ соч., С. 50.

³²³ Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Т. II. – СПб, 1858. С. 2–4.

³²⁴ Там же, С. 140–141.

К.Н. Филиппов. В осаждённом Севастополе. 1862 год

По настоянию Александра II, требовавшего «предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне» в Севастополе, 4 (16) августа русская армия перешла в наступление в районе Черной речки. Рано утром отряды генералов Липранди и Реада, численностью до 28 500 человек (в их числе были и греческие волонтеры) при 132 полевых орудиях, атаковали хорошо укрепленные позиции неприятеля, на которых находилось до 40 000 сардинских и французских солдат и офицеров. В ходе сражения блестяще действовала русская артиллерия, однако наступление закончилось неудачей: потеряв свыше 8 000 человек, войска защитников вынуждены были отступить. Потери союзников в Чернореченском сражении составили 1 747 человек.

5 (17) августа неприятель начал пятую бомбардировку Севастополя, длившуюся в течение четырех дней. По городу и укреплениям было выпущено 34 000 снарядов. Из-за острого недостатка поро-

Вильям Симпсон.

Союзники в Севастополе после его оставления русским гарнизоном

ха оборонявшиеся смогли ответить на это только 15 000 выстрелами. Ежедневные потери защитников составляли от 500 до 1 500 человек убитыми и ранеными.

15 (27) августа был построен плавучий понтонный мост через Рейдовую бухту от Николаевской до Михайловской батареи на северной стороне. Он возводился по приказу генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, который постепенно внушал Александру II мысль о неизбежности сдачи города союзникам, донося ему, что «дело натянuto до крайности».

24 августа (5 сентября) союзники предприняли шестую, последнюю бомбардировку Севастополя, длившуюся в течение трех дней. Основной огонь противника был сосредоточен по Корабельной стороне. За время бомбардировки на позиции защитников было выпущено 150 000 снарядов. Из-за отсутствия пороха защитники не смог-

ли ответить интенсивным огнем³²⁵. В 12 часов дня 27 августа (8 сентября) 1855 года войска союзников начали штурм Корабельной и городской стороны. Были успешно отбиты одиннадцать из двенадцати атак, но, несмотря на это противнику удалось взять Малахов курган. С потерей господствующей высоты дальнейшая защита Севастополя становилась невозможной. С наступлением темноты начался отход войск гарнизона по понтонному мосту на северную сторону Рейдовой бухты, завершившийся к 8 часам утра следующего дня. Одновременно с переправой были затоплены оставшиеся в строю 6 линейных кораблей, 1 фрегат, 1 корвет и 5 бригов, а 30 августа (11 сентября) – пароходы³²⁶.

Союзники вошли в Севастополь только 30 августа (11 сентября), но не остались в нем, – жить среди этих «окровавленных развалин», как называл в своих донесениях остатки города князь М.Д. Горчаков, было невозможно. Обе стороны, расположившись в своих лагерях, стали возводить новые укрепления, изредка перестреливаясь через Рейдовую бухту. Падение Севастополя лишало всякого смысла дальнейшее продолжение Крымской кампании, и в течение осени 1855 – зимы 1856 гг. боевые действия прекратились без всякого формального перемирия. Об отсутствии этой формальности русским передовым отрядам изредка напоминали набег неприятельской кавалерии, не имевшие, впрочем, никаких стратегических последствий.

349-дневная оборона Севастополя хорошо изучена: описания подвигов его защитников, деятельность ее организаторов и руководителей, действия русской армии и Черноморского флота широко освещались в отечественной дореволюционной и советской исторической литературе. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»³²⁷. Эти слова Л.Н. Толстого, являвшегося одним из участников обороны, часто цитировали советские историки и краеведы, считая при этом «русскими» генерала от кавалерии Н.А. Реада, командира 2-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майора А.Я. Адленбер-

³²⁵ Ванев Г.И. Указ. соч., С. 35–36.

³²⁶ Исторический путеводитель по Севастополю. – СПб., 1907. С. 118.

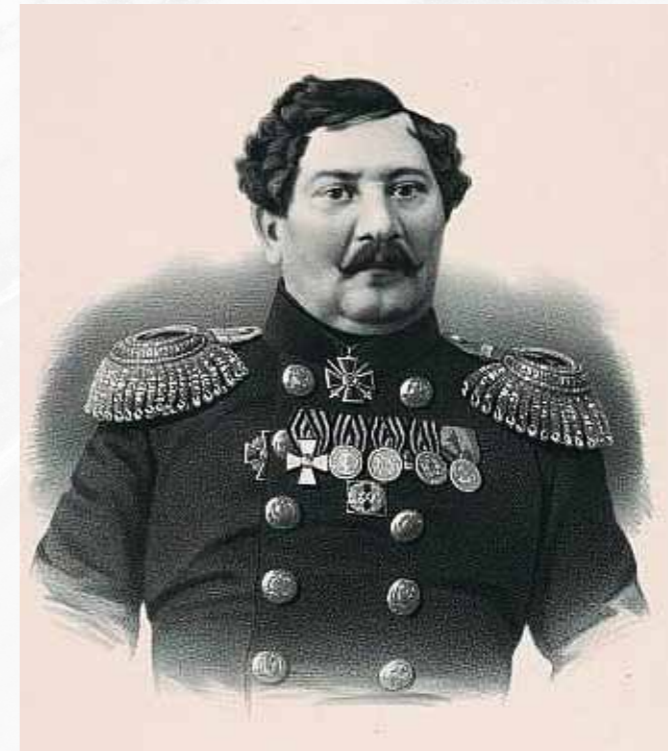
³²⁷ Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. – Симферополь: Таврия, 1974. С. 32.

га, полковника Э.И. Тотлебена, его помощника по артиллерийской части подполковника Н.И. Розенталя, штабс-капитана А.Ф. Бейтнера, капитана 2 ранга М.И. Ставраки, лейтенантов флота М.И. Швенднера, Ф.Ф. Нарбута, И.М. Манто, Н.С. Эсмонда, М.Н. Кумани, подпоручика Франца Деливорна, корнета С.А. фон Риттера и многих других участников обороны, этническая принадлежность которых без труда угадывается в их фамилиях.

Думается, трудно найти человека, который не слышал бы известный романс «Утро туманное», автором слов которого является И.С. Тургенев, а автор музыки – Э.А. Абаза.

Эраст Аггеевич Абаза – одаренный музыкант-любитель, суеверный и религиозный гусар. Когда началась Крымская война, многие офицеры гвардейского гусарского полка стали переходить в пехотные армейские полки для того, чтобы попасть на фронт. Среди них был и майор Абаза, назначенный командиром находившегося в Севастополе батальона Житомирского полка. Боевая деятельность Эраста Аггеевича в осажденном городе продолжалась недолго. В ночь на 10 мая 1855 года разгорелись ожесточенные бои на 5-м бастионе. Он скончался от раны, полученной в бою с англо-французами в ночь с 10 на 11 мая 1855 года. Фамилия Абаза возглавляет список погибших офицеров Житомирского полка, высеченный на стене мемориального храма св. Николая на Северной стороне Севастополя.

Нельзя с полной уверенностью назвать точное число греков, принимавших участие в обороне Севастополя. По мнению севастопольского историка П.М. Ляшука в составе офицерского корпуса россий-

Константин Синадинович Кутров (1802–1869), вице-адмирал (1860), герой Синопского сражения и первой обороны Севастополя. С 5 (17) ноября 1854 года в чине капитана 1 ранга в течение восьми месяцев командовал всей артиллерией 2-го отделения оборонительной линии

находилось более 100 морских и полевых орудий, огнем которых нужно было управлять, которые надо было постоянно обеспечивать снарядами, порохом, станками и другим необходимым для поддержания их в постоянной боеготовности». 3 (15) апреля 1855 года его во второй раз контузило, а

³²⁸ Ляшук П.М. Герои четвертого Бастиона. // Вдохновенный Крымом: Полуденный альманах. Симферополь – Москва, 1998. С. 143.

³²⁹ Диаманди Н.И. Воспоминания о Крымской кампании и обороне Севастополя. – Керчь, 1904. С. 29–30.

³³⁰ Ляшук П.М. Указ. соч., С. 144.

ской армии и Черноморского флота, Балаклавского греческого пехотного батальона и Греческого Императора Николая I легиона волонтеров, защищавших в 1854–1855 годах Севастополь, принимало участие около 1 000 греков³²⁸. Иную цифру называет Н.И. Диаманди, указывая, что численность одних только греческих волонтеров, участвовавших в Крымской кампании, превышала 2 000 человек³²⁹.

Среди наиболее отличившихся в годы Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов и обороны Севастополя офицеров-греков был капитан 1 ранга Константин Синадинович Кутров (1802–1869), командовавший в течение восьми месяцев всей артиллерией 2-го отделения оборонительной линии.

«Постоянно живший на 4-м бастионе», 12 (24) октября он «едва не погиб при разрыве неприятельской бомбы, получив сильную контузию в голову и правое плечо»³³⁰. 5 (17) ноября 1854 года капитан 1 ранга Кутров был назначен начальником артиллерии 2-го отделения оборонительной линии вместо заболевшего контр-адмирала Юхарины. «С этого момента в ведении Кутрова

апреля (1 мая) «придавило большой глыбой земли», но «в обоих случаях начальник артиллерии не оставлял своего поста». 15 (27) июня 1855 года К.С. Кутров был произведен в контр-адмиралы, 16 (28) июля того же года назначен командиром 2-й бригады 4-й флотской дивизии и поднял флаг на корабле «Чесма», а спустя неделю принял под свое командование сводные морские батальоны на случай штурма города союзниками.

Вместе с Константином Синадиновичем в составе гарнизона осажденного Севастополя находились его младшие братья, капитан-лейтенанты Иван Синадинович и Афанасий Синадинович Кутровы, и племянник Андрей Кутров, бывший в то время юнкером.

Одним из ярчайших эпизодов обороны Севастополя стал подвиг командира 3-го бастиона капитана 2 ранга Константина Егоровича Попандопуло (1806–1858) и его сына, мичмана Харлампия Константиновича Попандопуло (1836–1854), смертельно раненого в день первой бомбардировки Севастополя союзниками 5 (17) октября 1854 года. Трогательная сцена прощания отца с умирающим сыном впервые была описана военным историком А.М. Зайончковским³³¹, а в 1911 году вышел первый в России полнометражный фильм «Оборона Севастополя», снятый режиссерами А.А. Ханжонковым и В.М. Гончаровым³³². В одном из трагических сюжетов фильма запечатлена сцена прощания капитана 2 ранга К.Е. Попандопуло с умирающим на его руках сыном, мичманом Х.К. Попандопуло³³³.

³³¹ Зайончковский А.М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий очерк с иллюстрациями. – СПб., 1904. С. 33–34.

³³² Владимирский А. Творец Невеликого немого». Александр Ханжонков – первый русский кинопромышленник. // Родина. № 9. 2003. С. 79.

³³³ Мосхури И.В. «Богу, Царю и Отечеству отдаю тебя...». // Крымская Правда. № 165 (22658). 9 сентября 2000 года. С. 2.

Константин Егорович Попандопуло (1806–1858), капитан 1 ранга (1866), начальник 3-го бастиона

бря по 6 (18) декабря находился на лечении в Симферополе. Там, в одном из госпиталей, доживал свои последние дни его сын, мичман Х.К. Попандопуло, скончавшийся 16 (28) октября от полученных ранений.

Не долечившись до конца, Константин Егорович вернулся в осажденный Севастополь. 16 (28) декабря 1854 года за отличие, проявленное при отражении первой бомбардировки города союзниками, он был произведен в капитаны 1 ранга и награжден орденом Св. Анны 2-й степени с Императорской короной, после чего уволен в шестимесячный отпуск для окончательного «излечения болезни от контузии», во время которого находился дома в Карасубазаре. В 1856 году К.Е. Попандопуло получил назначение на должность презуса комиссии военного суда при Николаевском порте, а 24 мар-

та (5 апреля) 1858 года вышел приказ о производстве его в контр-адмиралы с увольнением от службы и правом ношения мундира. Однако порадоваться этому герою севастопольской обороны не довелось: 2 (14) марта 1858 года, за двенадцать дней до производства в чин, Константин Егорович Попандопуло скоропостижно «скончался от ран»³³⁴.

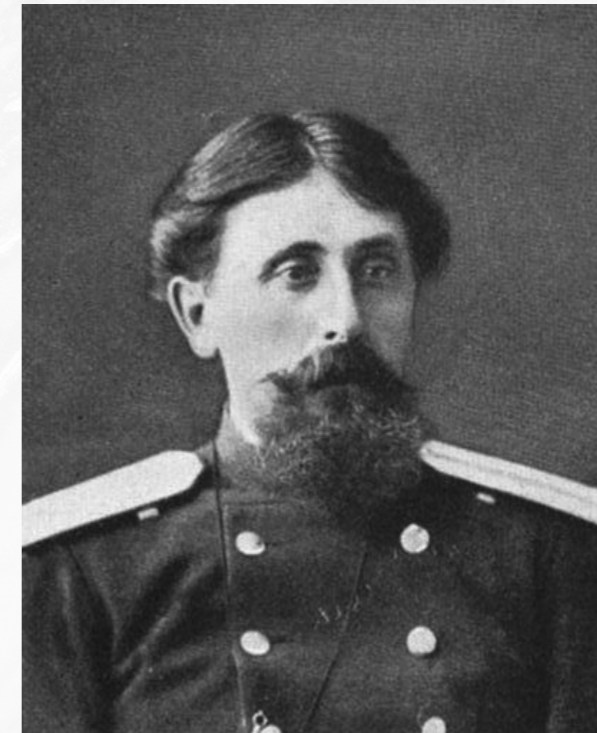
Вместе с ним защищали Севастополь его сыновья. Старший, Харлампий Константинович Попандопуло (1833–1854), в 1850 году вступил в службу на Черноморский флот гардемаринном, в 1853 году был произведен в мичманы и с 13 (26) сентября по 5 (17) октября 1854 года находился в гарнизоне осажденного Севастополя, командуя батареей из шести артиллерийских орудий на 3-м бастионе. Во время отражения первой бомбардировки города союзниками 5 (17) октября Х.К. Попандопуло был смертельно ранен ядром в левую руку «с повреждением всей ее внутренности и контужен в живот» и 16 (28) октября 1854 года скончался от ран в госпитале Симферополя³³⁵.

Младший сын Константина Егоровича, Митрофан Константинович Попандопуло (род. в 1837 году), в 1854 году поступил на службу в 6-й резервный батальон Литовского пехотного полка унтер-офицером, и с 13 (25) сентября 1854 по 27 августа (8 сентября) 1855 г. находился в составе Севастопольского гарнизона. За отличие, проявленное в дни обороны, он был награжден чином прапорщика и орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость»³³⁶. В 1858 году, вскоре по-

³³⁴ Общий морской список. Ч. XI. – СПб., 1900. С. 49; Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 1. – СПб., 1903. С. 37; Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 224–225; Мосхури И.В. «Богу, Царю и Отечеству отдаю тебя...». // Крымская Правда. № 165 (22658). 9 сентября 2000 года. С. 2.

³³⁵ Общий морской список. Ч. XI. – СПб., 1900. С. 50; Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 227.

³³⁶ Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 2. – СПб., 1903. С. 51.

Митрофан Константинович Попандопуло, прапорщик, участник первой обороны Севастополя. Младший сын контр-адмирала К.Е. Попандопуло.

С фотографии А. Лухтерганда

сле скоропостижной смерти отца, Митрофан Константинович оставил службу, и находясь в отставке, жил с семьей в Карасубазаре. «Безумно храбрый, обладающий благороднейшим сердцем, строгий в обращении с подчиненными», – таким знали соотечественники и современники командира роты Балаклавского греческого батальона капитана Стефана Михайловича Стамати (1800–1871), отличившегося 14 (26) сентября 1854 года в бою при занятии англичанами Балаклавы. Стефан Михайлович родился в деревне Карань (ныне с. Флотское) в семье обер-офицера Балаклавского греческого пехотного батальона Михаила Константиновича Стамати. Получив домашнее образование «при родителях», он поступил в школу унтер-офицеров, по окончании которой 3 (15) апреля 1817 года поступил на службу в Пензенский пехотный полк в чине подпрапорщика, 6 (18) апреля 1820 года был произведен в портупей-прапорщики, 17 (29) июля 1823 года – в прапорщики «имея от роду 23 года», а 4 (16) июля 1825 года – в поручики. В мае 1828 года, во время смотра 3-го пехотного корпуса, стоявшего лагерем под Белгородом, поручик С.М. Стамати, в числе некоторых других своих сослуживцев удостоился Высочайшего благоволения государя императора. 6 (18) апреля 1828 года Стефан Михайлович был переведен из Пензенского пехотного полка в Балаклавский греческий пехотный батальон. В августе 1829 года он получил Высочайшее благоволение «за труды по исполнению возложенных на него обязанностей во время нахождения его в карантинной цепи у Севастополя», а в конце ноября, по повелению государя императора, был команди-

рован «для образцового обмундирования и для узнания фронтовой службы в образцовый полк».

В 1842 году штабс-капитан С.М. Стамати прибыл в составе двух рот Балаклавского греческого пехотного батальона на Северный Кавказ для несения службы по охране Новороссийского укрепления. В июне того же года он принимал участие «при поражении шеститысячного скопища горцев в ходе дела, длившегося 10 часов, и в разорении 15 аулов в районе 17 верст к северу от Гостагаевского укрепления», а за отличие «при истреблении отрядом двух контрабандных судов в ущелье Дерзуа» был награжден орденом св. Анны 3 степени с бантом.

В течение 1843–1845 годов штабс-капитан Стамати участвовал в занятии укрепления на Варениковской пристани, «движении колонны под командованием контр-адмирала Серебрякова из Новороссийска в ущелье Неберджай для наказания жителей за неприязненные <...> действия», в спасении «азовской ладьи», выброшенной бурей на берег в долине Сукко, в перестрелке с нутхайцами в долине Дакас. «В воздание отличного мужества и храбрости», оказанных 31 октября (12 ноября) 1846 года в бою с горцами в ущелье Куматыр, Стефан Михайлович был награжден орденом св. Владимира 4 степени с бантом, а «за отличную храбрость», оказанную им в деле при уничтожении неприятеля в долине реки Адагум – золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1848 году С.М. Стамати был произведен в капитаны, а в 1851 году, за 25-летнюю безупречную службу в офицерских чинах, награжден орденом св. Георгия 4 класса.³³⁷

Сослуживцы и современники отзывались о Стефане Михайловиче как о честнейшем, в высшей степени порядочном человеке, строгом и исполнительном офицере, являвшимся «неумолимым карателем за малейший проступок подчиненного». За свою «необузданную храбрость» и справедливость он пользовался заслуженным уважением среди балаклавцев и служащих Балаклавского греческого батальона³³⁸.

Стефан Михайлович был женат на дочери капитана Балаклавского греческого батальона Елене Михайловне Мавромихали, от которой

имел шестерых детей: сына Михаила (род. в 1833 году) и пятерых дочерей – Екатерину (род. в 1839 году), Захарию (род. в 1842 году), Фотинию (род. в 1848 году), Александру (род. в 1848 году) и Анну (род. в 1850 году). Его сын окончил Одесский Ришельевский лицей, и накануне Крымской войны преподавал в Симферопольской мужской гимназии. 13 (25) октября 1852 года «происходивший из турецкоподданных греческой нации чиновник российской службы капитан Балаклавского греческого пехотного батальона Стефан Стамати с семейством своим» принял присягу на верноподданство России³³⁹.

Для лейтенанта Михаила Николаевича Кумани (1831–1889) война началась 22 сентября (4 октября) 1854 года, когда, командуя канонерской лодкой № 2 в составе отряда гребной флотилии, прикрывавшей Очаков с моря, он принял участие в деле против четырех англо-французских пароходов, бомбардировавших крепость Св. Николая. За отличие, проявленное в этом бою, лейтенант Кумани был награжден орденом Св. Анны 3 степени с мечами. С начала апреля 1855 года он состоял в гарнизоне осажденного Севастополя, командуя батареей № 3 на 3-м бастионе, где был ранен и контужен осколком бомбы. По выздоровлении он снова вернулся в строй и принял под свою команду батарею № 16 на северной стороне Рейдовой бухты³⁴⁰.

Его старший брат, Феодосий Николаевич Кумани, начал службу в 1848 году юнкером Черноморского флота. В 1852 году он был произведен в мичманы с переводом на Балтийский флот, а с началом Восточной (Крымской) войны вернулся на Черное море. В 1853 году, находясь на корабле «Чесма», он участвовал в Синопском сражении и «за быстрое исполнение обязанностей и присутствие духа» был награжден орденом Св. Анны 4 степени с бантом и произведен в лейтенанты. С 13 (25) сентября 1854 года по 20 мая (1 июня) 1855 года Феодосий Николаевич находился в составе Севастопольского гарнизона на 1-ом отделении оборонительной линии. За «храбрость и распорядительность», проявленные во время первой бомбардировки города союзниками, он был награжден орденом Св. Анны 3 степени с надписью «За храбрость», а за отличие в дни второй бомбардировки, продолжавшейся с 28 марта (9 апреля) по 8 (20) апреля

³³⁷ ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 6098, лл. 4–12.

³³⁸ Кондараки В.Х. указ. соч., С. 89.

³³⁹ ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 6098, лл. 13, 16.

³⁴⁰ Общий морской список. – СПб., 1898. Ч. X. С. 496.

1855 года, – орденом Св. Владимира 4 степени с бантом. 20 мая (1 июня) 1855 года лейтенант Ф.Н. Кумани был ранен и выбыл из состава Севастопольского гарнизона³⁴¹.

Их близкий родственник, Николай Михайлович Кумани, начал службу в 1842 году, поступив кадетом в Черноморскую штурманскую роту. В 1851 году он был произведен в прапорщики корпуса флотских штурманов, а год спустя переименован в мичманы и, находясь на фрегате «Кагул», крейсировал у побережья Кавказа. В 1853 году за «примерную храбрость и точное исполнение возложенных обязанностей», проявленные в Синопском сражении, мичман 41-го флотского экипажа Н.М. Кумани был награжден орденом Св. Анны 4 степени с бантом и произведен в лейтенанты. С 13 (25) сентября 1854 года Николай Михайлович находился на 3-м бастионе и за отличие при отражении первой бомбардировки Севастополя 5 (17) октября 1854 года был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом. В первый день второй бомбардировки города союзниками 28 марта (9 апреля) 1855 года он получил тяжелые ранения: осколком бомбы ему оторвало кисть правой руки, раздробило плечо, ключицу, сильно повредило голову и «вылущило руку». 11 (23) апреля 1855 года лейтенант Н.М. Кумани скончался в госпитале от полученных ран, и 18 (30) мая 1855 года был исключен из списков умершим³⁴². Его похоронили на Михайловском кладбище (могила и кладбище не сохранились) на Северной сто-

³⁴¹ Общий морской список. – СПб., 1898. Ч. X. С. 500; РГА ВМФ, ф. 283, 1853 год, 2-е отд., 2-ой ст., д. 602, л. 506.

³⁴² Общий морской список. – СПб., 1898. Ч. X. С. 499; РГА ВМФ, ф. 283, 1853 год, 2-е отд., 2-ой ст., д. 602, л. 518.

Иван Николаевич Кондогури (1820–1881), русский контр-адмирал (1873), герой первой обороны Севастополя. «В воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных во время бомбардирования города Севастополя англо-французскими войсками и флотом», награждён орденом Св. Георгия 4-й степени

роне Севастополя³⁴³. Имя Николая Михайловича Кумани увековечено на одной из мраморных мемориальных досок в храме-часовне св. Николая на братском кладбище, где покоятся воины и моряки, павшие при обороне Севастополя.

В рядах защитников находились представители еще одной известной греческой морской династии – братья Пантелей Николаевич, Иван Николаевич и Дмитрий Николаевич Кондогури. Старший из них, Пантелей Николаевич, в 1834 году вступил в службу на Черноморский флот гардемаринном. После производства в мичманы, а затем в лейтенанты, он прошел морскую школу в суровых условиях крейсерства у берегов Кавказа. 3 (15) октября 1854 года, накануне первой бомбардировки Севастополя союзниками, он был смертельно ранен штуцерной пулей на 5-м бастионе и на следующий день скончался³⁴⁴.

Находились в рядах защитников Севастополя и братья Спиридон Дмитриевич Бальзам (ум. в 1867 году) и Иван Дмитриевич Бальзам (1826–1891) – представители еще одной известной на флоте греческой морской династии, родоначальником которой являлся контр-адмирал Дмитрий Егоро-

вич Бальзам (ум. 18.08.1831 года) – один из старожилов Севастополя, участник русско-турецких войн 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 годов и Средиземноморского похода адмирала Ф.Ф. Ушакова 1798–1800 годов.

³⁴³ Кладбище находилось за Михайловской береговой батареей на Северной стороне Севастополя. В настоящее время на его месте построены частные и многоэтажные жилые дома микрорайона Радиогорка.

³⁴⁴ Общий морской список. – СПб., 1897. Ч. IX. С. 229; РГА ВМФ, ф. 283, 1853 год, 2-е отд., 2-ой ст., д. 602, л. 502.

В рядах севастопольцев, защищавших родной город, был унтер-офицер Томского егерского полка Иван Константинович Трапезаров (род. в 1836 году) – внук протоиерея Кириака Трапезарова (1761–1836). Оборона Севастополя, в которой с 6 (18) ноября 1854 года по 27 августа (8 сентября) 1855 года участвовал Томский егерский полк, предоставила Ивану Константиновичу возможность производства в младший офицерский чин, не дожидаясь обычной выслуги лет и без сдачи соответствующего экзамена, что являлось известным по тем временам достижением для сына коллежского регистратора. Он находился на самых опасных пунктах оборонительной линии – 4-м бастионе и Камчатском люнете, был трижды контужен, но не покинул своего места. За отличие, проявленное в дни обороны Севастополя, И.К. Трапезаров был досрочно произведен в прапорщики³⁴⁵. После окончания Крымской войны он остался в армии, в 1861 году был произведен в подпоручики, и в дальнейшем дослужился до чина штабс-капитана. После увольнения в 1882 году от службы по болезни с причислением к 3-му классу раненых, он жил в Севастополе³⁴⁶.

В дни обороны Севастополя защищали свой город представители практически всех севастопольских греческих семей. Лейтенант Афанасий Константинович Иеромузо в 1854 году командовал бастионом Северной батареи, а затем, последовательно, редутами № 2, № 4 и батареями № 22, и за отличие был награжден орденом Св. Станислава 3 степени.

³⁴⁵ Венিকেев Е.В. Родина – сыновьям. Мемориал «Братское кладбище». (Информационно-методический материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры). – Севастополь, 1990. С. 56.

³⁴⁶ Рерберг П.Ф. Севастопольцы. – СПб., 1903. Ч. 1. С. 105.

Иван Дмитриевич Бальзам (1826–1891) русский контр-адмирал греческого происхождения, участник первой обороны Севастополя

Капитан-лейтенант Иван Семенович Антипа состоял в должности помощника батарейного командира на 3-м бастионе. За отличие при обороне Севастополя он был награжден орденами Св. Георгия 4 класса, Св. Владимира 4 степени с бантом и Св. Анны 2 степени с мечами³⁴⁷.

Лейтенант Иван Матвеевич Манто командовал сначала батареей № 35, затем батареей № 120 на 4-м бастионе. 28 июня (10) июля 1855 года он был ранен в руку, а 12 (24) июля контужен в голову, но оба раза не оставил своего места. За проявленное отличие лейтенант И.М. Манто был награжден орденами Св. Анны 3 степени с мечами и Св. Станислава 2 степени с мечами³⁴⁸.

Мичман 35-го флотского экипажа Александр Григорьевич Бардаки за отличие при обороне Севастополя был досрочно произведен в лейтенанты. 27 апреля (8 мая) 1855 года он был контужен в голову, а 2 (14) мая ранен в ногу на Волынском редуте, после чего был отправлен для лечения в Николаев. За отличие и героизм, проявленные в дни обороны, лейтенант А.Г. Бардаки был награжден орденом Св.

Анны 3 степени с мечами³⁴⁹.

Участник Синопского сражения лейтенант 44-го флотского экипажа Дмитрий Стефанович Стамати-Михайли командовал батареей на 3-м отделении оборонительной линии, и был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом³⁵⁰.

Унтер-офицер Тобольского пехотного полка Андрей Ильич Казис 4 (16) января по 27 августа (8 сентября) 1855 года состоял в гарни-

³⁴⁷ Общий морской список. – СПб., 1898. Ч. X. С. 637.

³⁴⁸ Там же, С. 360.

³⁴⁹ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 128.

³⁵⁰ Там же, С. 245.

зоне осажденного Севастополя, находясь на 4-м бастионе. За проявленное отличие он был произведен в прапорщики³⁵¹.

Лейтенант 38-го флотского экипажа Николай Иванович Манганари с 23 декабря 1854 года (4 января 1855 года) по 26 мая (7 мая) 1855 года находился на 3-м бастионе, и за отличие в вылазке в ночь с 10 на 11 (с 22 на 23) марта 1855 года он был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом³⁵².

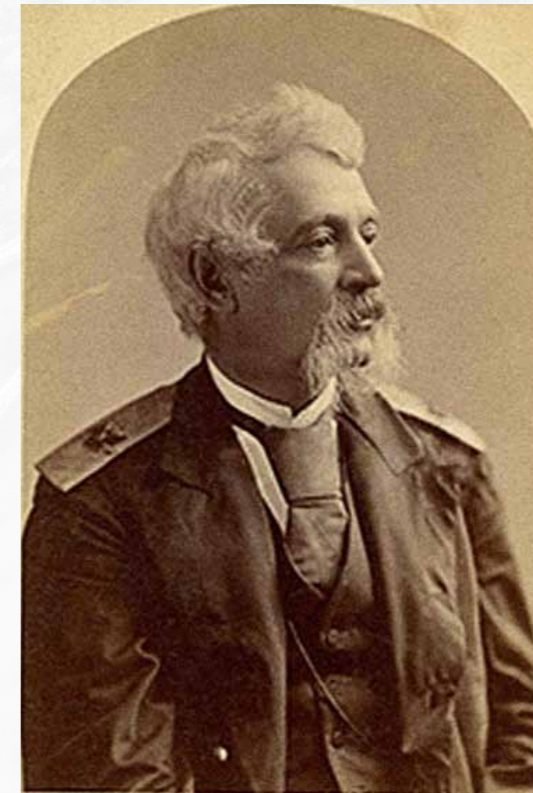
Перечень греков, участвовавших в обороне Севастополя, можно продолжить. С 8 (20) октября 1854 года по 18 (30) августа 1855 года в составе Севастопольского гарнизона находился капитан-лейтенант Ксенофонт Дмитриевич Коломотьяно. Во время первой бомбардировки города союзниками 5 (17) октября 1854 года он состоял в должности начальника Александровской батареи, а с мая по август 1855 года – начальника внутренних батарей Севастополя. 18 (30) августа К.Д. Коломотьяно «был контужен камнями в голову и грудь». За отличие награжден орденом Св. Анны 2 степени с мечами, а 26 августа (7 сентября) 1856 года «за отличие по службе»³⁵³.

Участник Синопского сражения капитан-лейтенант Феофан Христофорович Острено с 13 (25 сентября) 1854 года по 27 августа (8 сентября) 1855 года состоял в должности адъютанта штаба 5-й флотской дивизии и дежурного штаб-офицера по эскадре на Севастопольском рейде. За отличие, проявленное во время второй бомбардировки города союзниками он был награжден орденом Св. Анны 2 степени с Императорской короной, а за поддержание порядка на понтонном мосту через Рейдовую бухту при

³⁵¹ Там же, С. 160.

³⁵² Там же, С. 199.

³⁵³ Общий морской список. – СПб., 1900. Ч. XII. С. 197.

Орест Поликарпович Пузырно (1819 – 1891), русский вице-адмирал (1882) греческого происхождения, участник Синопского сражения и первой обороны Севастополя

отходе гарнизона на северную сторону в ночь с 27 на 28 августа (с 7 на 8 сентября) 1855 года – золотой полусаблей с надписью «За храбрость»³⁵⁴.

Лейтенант Константин Матвеевич Минчаки находился в составе гарнизона Севастополя с 13 (25) сентября 1855 года и выбыл из строя вследствие тяжелого ранения. За отличие, проявленное в дни героической обороны, он был награжден орденами Св. Анны 3 степени с бантом и Св. Владимира 4 степени с бантом.

В числе отличившихся служащих Балаклавского греческого пехотного батальона был унтер-офицер Георгий Иванович Бамбука. Георгий Иванович родился в 1836 году в деревне Карань в семье унтер-офицера. По достижении 18 лет был зачислен рядовым в батальон. Во время обороны Севастополя Г.И. Бамбука участвовал в бою с англичанами 14 (27) сентября 1854 года, в сражении при деревне Кады-кой 13 (25) октября 1854 года, в наступлении отряда князя Горчакова на правый фланг противника 24 октября (6 ноября) 1854 года и в Чернореченском сражении 4 (16) августа 1855 года, во время которого получил контузию. За отличие при обороне Севастополя он был награжден знаками отличия Военного Ордена 4-й, 3-й и 2-й степеней³⁵⁵.

С 5 (17) октября 1854 года по 27 августа (8 августа) 1855 года проводником гарнизона на северной стороне Севастополя состоял рядовой Балаклавского греческого пехотного батальона Дмитрий Иванович Пасхали³⁵⁶.

Среди отличившихся в дни обороны защитников города был прапорщик 5-ой артиллерийской бригады Федор Федорович Гиргас (род. в 1834 году). Прапорщик Гиргас вызвался охотником на усиле-

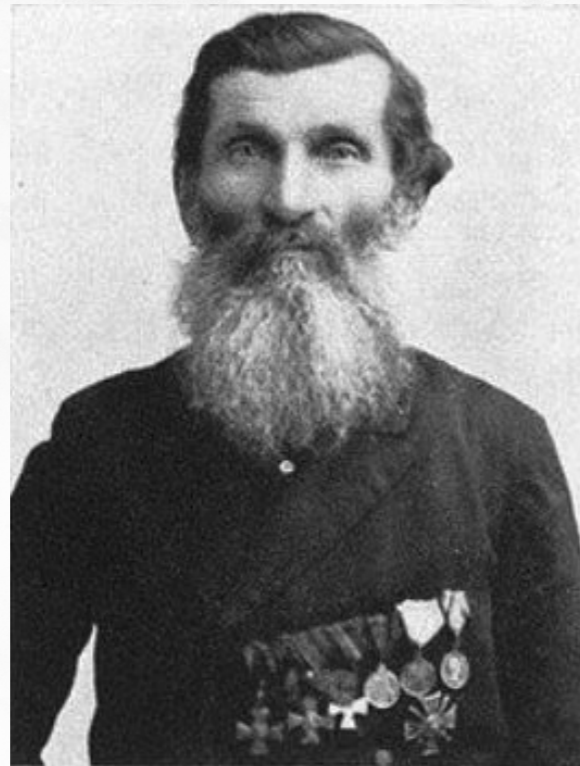
³⁵⁴ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 209.

³⁵⁵ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 126.

³⁵⁶ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 217.

ние личного состава моряков-артиллеристов севастопольской оборонительной линии. 21 июля (2 августа) 1855 года он был назначен на 12-ти пушечную батарею капитан-лейтенанта Курганова, расположенную на восточном склоне Малахова кургана, где находился до 27 августа (8 сентября). В тот день, во время штурма укреплений союзниками, Ф.Ф. Гиргас успел произвести по одному выстрелу из 6 орудий батареи Никифорова по ближайшей траншее противника. Сделав еще 2 выстрела из двух орудий, снятых с батареи как подбитых, по штурмующему неприятелю, он успел заклепать их, и, забрав принадлежности к ним, стал отходить с 16 человек прислуги к проходу на Малахов курган, чтобы пробраться на 2-ю оборонительную линию. В это время шедшая с кургана группа французских солдат взяла его в плен, где в течение 7 месяцев прапорщик Гиргас находился на Принцевых островах. После освобождения и возвращения из плена он продолжал служить в составе российской армии, и в 1889 году вышел в отставку в чине генерал-майора³⁵⁷.

В годы Крымской войны отличился капитан греческой службы Аристид Хрисовери, прибывший в осажденный Севастополь во главе роты волонтеров Греческого Императора Николая I легиона волонтеров. Аристид Хрисовери родился в городе Месембрия (Болгария). Его родители были «людьми ограниченного состояния, но богатые своим благочестием, чистотою нравов и уважением своих сограждан». После переезда семьи в Одессу он поступил в Греческое коммерческое училище, где «врожденные его способности резко отличали его в толпе

Георгий Иванович Бамбука – отставной унтер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона, участник боя в Балаклаве 14 (26) сентября 1854 года. За храбрость в сражениях награжден Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия 2-й, 3-й и 4-й степени. Фотография 1901 года

товарищей». Когда весной 1821 года в Греции началось национально-освободительное восстание, Хрисовери отправился «сражаться за Веру и Отечество, отличился во многих битвах против турок и был награжден чином капитана и орденом», а с 1830 года состоял на службе в греческой армии.

В 1854 году, когда Турция объявила войну России, «Хрисовери, как грек, как христианин, как человек, долгом своим счел отдаться правому делу». Перейдя в Бесарабию и собрав там отряд волонтеров из местных греков, он продемонстрировал «первый опыт своей храбрости», оказав сопротивление при высадке англо-французского десанта у Сулинского устья. За этот бой с численно превосходившим противником Аристид Хрисовери был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом.³⁵⁸ В январе 1855 года, накануне перехода легиона в Крым, Хрисовери с многочисленным отрядом греческих волонтеров прибыл в Одессу. По словам современника, «все греки и жители Одессы спешили приветствовать его и от души желали ему новых побед над врагами»³⁵⁹.

В 1855 году Хрисовери участвовал в вылазке с 3-го бастиона на Зеленую гору в ночь с 10 на 11 (с 22 на 23) марта, в бою перед 5-м бастионом 10 (22) мая, а с 1 (13) июня по 3 (15) августа «начальствовал над передовыми постами перед Малаховым курганом и батареей Жерве»³⁶⁰. За отличие, проявленное во время обороны Севастополя, он был произведен в майоры. После Крымской войны Аристид Хрисовери поселился в Киеве, и продолжал служить в российской армии, командуя Азовским

³⁵⁸ Тимм В. Русский художественный листок. № 29. 10 октября 1855 года.

³⁵⁹ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 51-52.

³⁶⁰ Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 1. – СПб., 1903. С. 49.

³⁵⁷ Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 1. – СПб., 1903. С. 62.

казачьим полком, и в 1861 году был произведен в чин подполковника.

По прибытии в Крым легион греческих волонтеров насчитывал в своих рядах более 2 000 человек, которые «прошли несколько сот верст с единственным намерением оказать какую-либо помощь единоверной нации». Этот легион, носивший имя императора Николая I, являлся живым воплощением признательности греков русскому государю за помощь, оказанную Греции в обретении ею независимости в 1830 году.

Наиболее отличившиеся волонтеры Греческого Императора Николая I легиона были представлены к наградам. Инженер-капитан греческой службы Николаидис, состоявший при главнокомандующем Южной армией и военными сухопутными и морскими силами в Крыму князе М.Д. Горчакове, за храбрость в действиях против англичан и французов – орденом Св. Станислава 2 степени с мечами³⁶¹. За отличие, проявленное при обороне Севастополя и отражении штурма города 27 августа (8 сентября) 1855 года, унтер-офицер Николай Кираско был награжден орденом Св. Станислава 2 степени с мечами, унтер-офицер Пасхали – орденом Св. Станислава 3 степени с мечами, унтер-офицеры Афанасий Цирио и Эммануил Ноно – орденами Св. Анны 3 степени с надписью «За храбрость»³⁶². Последний после войны жил в Севастополе.

В числе севастопольских купцов, остававшихся в осажденном городе, был Христофор Иванович Симакопуло. В продолжение всей обороны не прекращала работу его пекарня на улице Большой Морской³⁶³.

³⁶¹ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 208.

³⁶² Там же, С. 170, 216, 273.

³⁶³ Берг Н. Указ. соч., С. 238.

Аристид Хрисовери (1812–1867), подполковник российской службы (1861), инициатор создания и один из командиров Греческого легиона императора Николая I в годы Крымской войны

Сестрой милосердия была Екатерина Павловна Бларамберг, урожденная Мавромихали, уехавшая после Крымской войны в Грецию³⁶⁴. Среди прибывших в июле 1855 года в Севастополь сестер милосердия Крестовоздвиженской общины известна гречанка Стратопуло³⁶⁵. Сестрой милосердия была жительница Севастополя Александра Сергеевна Толузакова, награжденная золотой медалью. Один из ее сыновей, 16-летний Дионисий Толузаков, был убит 29 марта (10 апреля) 1855 года на 5-ом бастионе³⁶⁶. Он считается самым молодым защитником, похороненным на Братском кладбище на Северной стороне Севастополя.

18 (30) марта 1856 года воюющие стороны заключили в Париже мирный договор, по условиям которого Россия лишалась островов в дельте Дуная и прилегающего к ней участка Южной Бесарабии, а также обязывалась вернуть Турции Карскую область и отказывалась от своих прав в покровительстве христианам, бывших подданными султана. Однако территориальные потери России не были так тяжелы, как предусмотренный договором запрет дер-

жать военный флот на Черном море, иметь арсеналы на его берегах и создавать военно-морские базы. Проход военных судов через Дарданеллы и Босфор для всех государств был закрыт.

26 июня (8 июля) 1856 года состоялась сдача и принятие Севастополя: в 7 часов утра началась амбаркация войск французского экспедиционного корпуса на корабли, пароходы и транспортные суда, которые к 15 часам покинули Камышовую бухту. «Торжественно

³⁶⁴ Сапожников С.А. Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. – Москва–Оренбург, 1999. С. 15.

³⁶⁵ Берг Н. Указ соч., С. 231.

³⁶⁶ Веникеев Е.В. Родина – сыновьям: Мемориал Братское кладбище. / Информационно-методический материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры. – Севастополь, 1990. С. 19.

ности не было никакой: российского флага не нашлось, и потому он не был поднят над Севастополем», – вспоминал современник. В 14 часов дня 30 июня (12 июля) капитан С.М. Стамати принял у лорда Раглана Балаклаву, после чего в 19 часов все английские корабли и пароходы с находившимися на них войсками покинули бухту.

По окончании Крымской войны русское правительство занималось вопросом «вознаграждения населения Новороссийского края и Таврической губернии за понесенные убытки путем выяснения принесенных обывателям жертв и отбытых повинностей». В особенно бедственном положении находились балаклавские греки, лишившиеся всего своего имущества. В Симферополе, Бахчисарае, в деревнях Лаки и Ашага-Керменчик ютились 627 балаклавских беженцев, живших на пособие от казны. Наряду с ними из плена вернулись 309 жителей Балаклавы и греческих деревень Камары, Карань и Кады-кой, также не имевших средств к существованию. По Высочайшему повелению Александра II семьям чинов Балаклавского греческого пехотного батальона, пострадавшим от разорения неприятелем, было всемилостивейше пожаловано 15 000 рублей³⁶⁷.

«Много возни было с греческими волонтерами», которые после окончания войны разбрелись по городам Таврической губернии. Некоторые из них увольнялись от службы «за дурное поведение» и высылались в Симферополь для отправления на родину. В начале 1856 года 80 волонтеров Греческого Императора Николая I легиона были отправлены в Кишинев; по прибытию в Сарабуз они «пытались произвести возмущение, но, испугавшись угроз, успокоились». В начале февраля туда же отправили еще 38 волонтеров, не желавших оставаться на российской службе, а в апреле 1856 года было предложено «возвратиться на родину или принять русское подданство и причислиться к городским сословиям или обществам» волонтерам, находившимся в Бердянске. Всем, желавшим выехать за границу, выдавали годовое жалование и, сверх того, «кормовых по 15 копеек в сутки до перехода за границу или передачи на судно за условленную плату». Тем же из них, кто изъявил желание остаться в России, были назначены «полугодовое жалование, льгота на 10 лет

от платежа повинностей и кормовые деньги до прибытия в избранные места жительства»³⁶⁸.

Вскоре после окончания Крымской войны и заключения Парижского мира Александр II посетил Севастополь, где ему представили греческих волонтеров (в 1856 году командиром легиона был полковник Г.И. Папа-Афанасопуло). Государь поблагодарил их за честную службу и спросил, «какую награду хотели бы они получить за понесенные труды и лишения во время Крымской кампании». Волонтеры изъявили желание остаться в России, и Александр II удовлетворил их просьбу. В июне 1856 года Греческий Императора Николая I легион был расформирован, а служившие в нем греки были наделены «достаточным количеством земли» в Мариупольском уезде³⁶⁹. До настоящего времени один из пригородов города Мариуполя, бывший ранее отдельным селом на его окраине, называется Волонтеровкой.

9 (21) августа 1856 года над Северным укреплением Севастополя был поднят крепостной флаг, и вскоре последовало Высочайшее повеление Александра II, «чтоб Севастополь оставался по-прежнему военным портом и в ведении морского начальства»³⁷⁰. Одним из первоочередных стал вопрос о восстановлении морских транспортных путей, возобновления связи города с другими причерноморскими портами и обеспечении охраны морской границы на юге Российской империи.

Условия Парижского мирного договора, запрещавшие России иметь военный флот на Черном море, отразились на дальнейшей судьбе моряков-черноморцев. Согласно второй конвенции, прилагаемой к Парижскому договору, Россия могла иметь на Черном море лишь небольшую флотилию для поддержания коммуникаций, осуществления таможенной охраны и обеспечения маячной службы. Состав флотилии ограничивался шестью небольшими парусно-винтовыми корветами водоизмещением около 800 тонн каждый и четырьмя 200-тонными пароходами. Кроме того, разрешалось иметь девять транспортов.

³⁶⁸ Там же, С. 222–223.

³⁶⁹ Диаманди Н.И. Указ. соч., С. 30; Маркевич А.И. Указ. соч., С. 223.

³⁷⁰ ГАНУ, ф. 230, оп. 1, д. 2424, лл. 29–29 об.

³⁶⁷ Маркевич А.И. Указ соч., С. 237.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ЭПОХУ РЕФОРМ

В 1859 году последовал Высочайший указ Александра II об упразднении Балаклавского греческого пехотного батальона. Состоявшие в нем на службе нижние чины были обращены в податное сословие с предоставлением им льгот сроком на 10 лет, с правом приписаться к купеческому или мещанскому обществу, а офицерам предложено в течение двух лет определиться для службы в других частях российской армии или уйти в отставку.

Упразднение греческого батальона положило конец существованию в Балаклаве греческого военного поселения, что привело в уныние балаклавцев, которые, «создав о себе в России лестную репутацию, гордились царскими грамотами и заслугами отцов и дедов»³⁷¹. В Балаклаве остались лишь те из служивших в батальоне греков, кто имел здесь дома и наследственные земли; прочие же разъехались по разным городам Таврической губернии. Земли, в разное время Высочайше дарованные грекам, были переданы им в полную собственность с правом продажи. С этого времени в Балаклаве стали приобретать земельные участки и селиться «лица без различия наций»³⁷².

В отличие от разоренной англичанами Балаклавы, Севастополь после Крымской войны представлял собой сплошные развалины: после принятия его в 1856 году у союзников, в городе оставались целыми только 14 домов³⁷³. «Разрушение Севастополя было полным, потому что не было примера такой обороны с тех пор, как понятие о нападении и защите возникло в умах человеческих», – писал участник обороны А.А. Вязьмитинов³⁷⁴. «Был в несчастном Севастополе. Без слез этого города видеть нельзя, в нем положительно не осталось камня на камне. Когда вы подъезжаете с моря, вам представля-

³⁷¹ Кондараки В.Х. Указ. соч., С. 127.

³⁷² Из Балаклавы. // Севастопольский справочный листок. 21 июля 1885.

³⁷³ История города-героя Севастополя. 1783–1917. – Киев: Изд-во АН, УССР, 1960. С. 214.

³⁷⁴ Вязьмитинов А.А. Севастополь с 21-го марта по 28-е августа 1855 года. // Русская старина. 1882. № 4.

Вид кварталов Центрального городского холма, разрушенных во время Крымской войны. Слева на втором плане – Петропавловская церковь. Фотография 1875 года

ется большой каменный город в превосходной местности, подъезжаете ближе – и видите труп без всякой жизни», – сообщал в одном из своих писем друзьям великий русский драматург А.Н. Островский³⁷⁵.

«Как только наш пароход повернул за Херсонесский маяк, – писал примерно в те же годы В.Х. Кондараки, – передо мною начали мелькать так недавно еще цветущие окрестности Севастополя, но увы, чем ближе мы подходили к ним, тем рельефнее обозначались

³⁷⁵ Письмо А.Н. Островского друзьям П.М. Садовскому и С.С. Кошеверову о разрушении Севастополя в Крымскую войну. Цит. по: Островский А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 14. Письма 1840–1872 гг. – М., 1953. С. 80.

груды камней и едва приметные следы прошлого величия и прелести загородной жизни. Дальше я видел изрытые холмы, потом юго-западную часть города, всю в развалинах, и, наконец, мы начали входить в Северную бухту. Перед нами еще выглядывали мачты потопленных кораблей, на которых я не раз бывал с теми друзьями, которые покоятся вечным сном невдали от них. Несколько минут спустя пароход наш подошел к убогой деревянной пристани воздвигнутой в соседстве с Графской, составлявшей некогда гордость севастопольских жителей»³⁷⁶.

Восстановление Севастополя в послевоенные десятилетия шло медленно. Возвращавшиеся на свои пепелища севастопольцы торопились обустроить свой быт, и те из них, кто решался остаться среди мрачных развалин, «строились уже прочно и капитально»³⁷⁷. В течение 1859–1861 годов в городе открылись приходское и уездное училища, две «вольные аптеки» и «множество магазинов красовались снаружи вывесками, а внутри – товарами». Первыми восстановленными в центре зданиями стали гостиницы, появление которых было вызвано тем, что с первых же месяцев после окончания войны в Севастополь, ставший всемирно известным благодаря своей обороне, устремился нескончаемый поток туристов. Это были не только представители российской аристократической знати и купеческо-промышленного сословия, но и зарубежные гости, в том числе родственники погибших и похороненных здесь английских, французских и сардинских офицеров³⁷⁸. Вернувшиеся в Севастополь жители первые годы существовали исключительно на доходы, получаемые от туристов. Те из них, кто не успел обустроиться и построить себе хоть какое-нибудь временное жилье, вынуждены были потом сами платить за аренду квартиры от 250 до 500 рублей серебром в год.

Лето и осень 1861 года в Крыму выпали очень благоприятными. С началом сбора винограда цена свежавыжатого виноградного сока колебалась от 70 копеек до 1 рубля 10 копеек за ведро. Однако состояние послевоенного Севастополя уже не представляло былых вы-

год ни владельцам виноградников, ни виноторговцам³⁷⁹. Большинство помещичьих имений и частновладельческих садов в окрестностях города было разорено и уничтожено в дни его обороны. Имение «Карловка» при деревне Чоргун, принадлежавшее до войны наследникам К.Э. Мавромихали, было полностью разрушено. «От прекрасного имения осталась лишь голая земля, обильно пропитанная кровью, так как здесь 4 августа 1855 года произошло сражение, – писал в своих воспоминаниях И.Ф. Бларамберг. – После воцарения мира Его Императорское Величество предоставил нам средства, чтобы восстановить имение. Однако столетние ореховые деревья и тысячи фруктовых деревьев, как и большая часть дубовой рощи, вырубленной для лагерных костров, погибли. Деревья пришлось сажать заново»³⁸⁰. Два других имения – Бурлюк и Альма-Тамак – также принадлежавшие К.Э. Мавромихали, были сожжены и разорены во время сражения при реке Альме 8 (20) сентября 1854 года³⁸¹.

К. Жуков, посетивший Севастополь в 1864 году, увидел на Большой Морской улице лишь «ряд деревянных барачков, купленных от французов», в которых размещались питейные заведения и торговые лавки по продаже сельтерской и содовой воды, кондитерская, фотография, модистка из Одессы³⁸². Е.Л. Марков, приехавший в Севастополь в 1866 году, оставил романтическое описание его развалин: «Прекрасные здания с рядами светлых окон, с величественными колоннадами стоят теперь раскрытые, избитые, обгорелые, со слепыми глазами, с пустой внутренностью. Целые улицы этих каменных остовов, целые кварталы развалин, один за одним, один возле других, на огромном пространстве стоят, в гробовом молчании и будто ждут чего-то... Обитаемые дома разбросаны кое-где среди развалин и мало нарушают впечатление; иногда только несколько комнат, иногда этаж, иногда флигелек разбитого большого дома приспособлены к жилью; главные улицы особенно пусты; несколько возродилась та часть города, которая лежала на южной покатости хол-

³⁷⁹ Закревский Н.И. Указ. соч., С. 20.

³⁸⁰ Сапожников С.А. Указ. соч., С. 36.

³⁸¹ Там же, С. 36.

³⁸² Жуков К. Заметки в пути на Южный берег Крыма. – СПб., 1865. С. 34; Дьяконова И.А. Большая Морская улица. / Севастополь: страницы истории. / Исторические улицы и памятники Севастополя. – Симферополь. Таврия, 1996. С. 38.

Прибрежная часть города у Артиллерийской бухты.
Фотография 1875 года

ма, ближе к базару; она была не так доступна ядрам и потому легче отстроилась. Теперешнее скудное население городка без труда размещается в этом уголке и кое-где среди развалин больших улиц»³⁸³.

Между тем, жизнь в разоренном городе шла своим чередом: работали городская дума, городской магистрат и сиротский суд. Активное участие в деятельности органов городского управления, наряду с другими севастопольцами, принимали и греки. В 1865–1868 гг. членами квартирной комиссии состояли: от купечества – Д.В. Силистрари, от мещан – В.Х. Кутрояни. Надзор за порядком в Севастополе осуществляла полиция, и 20 сентября (2 октября) 1866 года в должность севастопольского полицмейстера вступил капитан 2 ранга Е.Н. Сатири³⁸⁴.

³⁸³ Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины Крымской жизни, истории и природы. – М., 1902. С. 95.

³⁸⁴ Новороссийский адрес-календарь на 1868 год. – Одесса, 1867. С. 40.

В числе немногих вернувшихся в Севастополь греков был генерал-майор З.А. Аркас – известный деятель русского военного флота, историк и археолог. Он «был сердцем привязан» к этому городу, «которому посвятил лучшую часть своей жизни», и принимал активное участие в его восстановлении. В 1858 году, на основании Высочайшего указа, Аркас получил назначение на должность председателя комиссии по сооружению храма св. Владимира и, наряду с этим, принял на себя обязанность председателя комиссии по устройству Херсонесской обители с домом для инвалидов, а в 1860 году был произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы. Находясь в отставке, Захарий Андреевич, «устраняясь от общественной деятельности, мирно и скромно проводил светлые дни в кругу своих почитателей и друзей». Вспоминая о великолепии довоенного Севастополя и «скорбя о его настоящем положении», он «стал заметно дряхлеть», и 21 марта (2 апреля) 1866 года скончался на 74-м году «безукоризненной полезной жизни». Генерал-лейтенант З.А. Аркас был похоронен на севастопольском городском кладбище, рядом с матерью, А.И. Аркас, и младшим братом И.А. Аркасом³⁸⁵.

В 1864 году, накануне 10-летней годовщины начала героической обороны Севастополя, в Военное министерство обратился отставной подполковник Аристид Хрисовери с предложением о сооружении «за счет добровольных пожертвований» на Братском кладбище Северной стороны Севастополя памятника волонтерам Греческого Императора Николая I легиона, павшим при защите города. Кроме Хрисовери поданное прошение подписали жена действительного статского советника Ангелика Кобылина и Санкт-Петербургские 1-ой гильдии купцы Стамати Родоканакис и Пантелеймон Скарамангас, также разделявшие желание почтить память павших греков сооружением в Севастополе памятника³⁸⁶.

В соответствии с проектом, памятник представлял собой чугунную, увенчанную четырехконечным крестом на ядре тумбу на гранитном постаменте, на лицевой стороне которой располагалось ре-

³⁸⁵ Мосхури И.В. Греческий некрополь Крымского полуострова. / Материалы полевых исследований 1997–1999 гг. Ч. 1. – Севастополь. С. 3.

³⁸⁶ РГИА, ф. 1284, Оп. 55. д. 42, лл. 1–4.

льефное изображение ядер, двух скрещенных стволов пушек, развевающихся над ними знамен и лаврового венка. В основании памятника было оставлено место для цифр, соответствующих числу убитых, на левой стороне предполагалось разместить список имен погибших нижних чинов, а на правой – имен офицеров Греческого легиона, погибших в дни обороны Севастополя.

Препятствий и возражений на открытие подписки для сбора пожертвований со стороны военного министра не было. Поддержал инициативу Аристид Хрисовери и Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, подписав и направив по данному вопросу письмо за № 7483 на имя министра внутренних дел. Однако департамент искусственных дел главного Управления путей сообщения и публичных зданий признал чертеж памятника греческим волонтерам как «совершенно неудовлетворительный»³⁸⁷.

8 (20) мая 1865 года А. Хрисовери писал в своей докладной записке на имя министра внутренних дел статс-секретаря П.А. Валуева, что «памятник предполагается устроить чугунный и сумма имеется в виду 3 000 рублей серебром»³⁸⁸. 27 августа (8 сентября) того

Аристид Хрисовери (1812–1867), подполковник российской службы (1861), один командиров Греческого легиона императора Николая I в годы Крымской войны. Инициатор сооружения памятника волонтерам Греческого Императора Николая I легиона, павшим при защите города в 1855 году

же года, в Царском селе, проект памятника был рассмотрен и одобрен императором Александром II, который разрешил организовать «негласную подписку» добровольных пожертвований³⁸⁹. Но после неожиданной смерти Хрисовери это благородное начинание так и осталось незавершенным. Ничего не зная об этом, 16 (28) сентября 1868 года Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор Козебу уведомлял министра внутренних дел, что «со времени начала означенного сбора по настоящее время пожертвовано разными лицами <...> всего только 31 рубль 88 копеек», и что «по недостаточности этих денег не могло быть сделано распоряжения к устройству памятника в Севастополе, а ходатайствовавший об этом подполковник Хрисовери никакого участия в сем деле не принимал и неизвестно где теперь находится»³⁹⁰. 11 (23) октября 1868 года император повелел 31 рубль 82 ³/₄ копейки, числившиеся в Одесском казначействе раздать «нуждающимся в помощи грекам из числа проживающих в России». В 1874 году указанная сумма все еще не была израсходована, и Министерство финансов перевело ее в Симферопольское губернское казначейство, так как «сумма эта была образована из пожертвований, сделанных жителями Таврической губернии»³⁹¹.

5 (17) апреля 1869 года по ходатайству жителей города и морских офицеров в Петербурге был образован особый комитет по организации в Севастополе военного музея, осуществлявший сбор пожертвований в фонд музея по всем губерниям России. В Севастополе с этой же целью была учрежден местный комитет, председателем которого назначили участника севастопольской обороны капитана 1 ранга И.Г. Попандополо, благодаря энергичной деятельности которого в кратчайшие сроки было собрано «множество драгоценнейших исторических материалов»³⁹². Севастопольский военный музей торжественно открылся 2 (14) сентября 1869 года. Его экспози-

³⁸⁹ Там же, лл. 17–18.

³⁹⁰ Там же, л. 41.

³⁹¹ Там же, лл. 21–23, 25, 35.

³⁹² Ванев Г.И. Севастополь: Страницы истории. 1783 – 1983. Справочник. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 42–43; Русский биографический словарь. / Павел, преподобный – Петр (Шейка). – СПб., 1902. С. 300–301; О деятельности И.Г. Попандопола в должности председателя севастопольского комитета по организации военного музея см.: Крымский вестник. 1891. №№ 273, 240 (некролог).

Иван Григорьевич Попандополо (1823–1891), вице-адмирал, герой первой обороны Севастополя, Георгиевский кавалер (1856). В 1878 году состоял в должности командира Севастопольского порта. Неоднократно исполнял должность Севастопольского градоначальника. Был кавалером многих российских, греческих, австрийских и неаполитанских орденов. С фотографии В. Чаховского (Одесса)

ное время грузовые и пассажирские перевозки, а в случае войны ее суда могли бы использоваться в составе военного флота для боевых и транспортных операций. Последнее обстоятельство имело особое значение для Черноморского флота, численность кораблей которого ограничивалось условиями только что заключенного Парижского мира. Во главе Общества стояло правление из пяти директоров, трое из которых избирались акционерами, а два назначались пра-

ция первое время размещалась в нижнем этаже дома Э.И. Тотлебена на Екатерининской улице (ныне ул. Ленина, 18).

Важную роль в восстановлении Севастополя и Черноморского флота в послевоенные годы сыграло Русское Общество пароходства и торговли (РОПиТ), сосредоточившее в своих руках почти всю торговлю на Черном и Азовском морях. История его создания началась в январе 1856 года, когда в Морское министерство обратились флигель-адъютант капитан 1 ранга Н.А. Аркас и известный предприниматель Н.А. Новосильский с предложением организовать на Черном море коммерческую судоходную компанию на акционерных началах, которая, обладая большим количеством современных пароходов, могла бы осуществлять в мир-

ное время грузы и пассажирские перевозки, а в случае войны ее суда могли бы использоваться в составе военного флота для боевых и транспортных операций. Последнее обстоятельство имело особое значение для Черноморского флота, численность кораблей которого ограничивалось условиями только что заключенного Парижского мира. Во главе Общества стояло правление из пяти директоров, трое из которых избирались акционерами, а два назначались пра-

вительством. Председателем и первым директором РОПиТ стал хорошо известный в правительственных кругах капитан 1 ранга Николай Андреевич Аркас. 1 (13) октября 1871 года по Высочайшему указу Александра II Главным командиром Черноморского флота и портов был назначен вице-адмирал Николай Андреевич Аркас (1816–1881) – видный деятель российского флота, основатель пароходного дела на юге России. С отменой запретных статей Парижского договора вновь возросло значение Севастополя как будущего места базирования кораблей. В конце 1871 года вице-адмирал Н.А. Аркас на заседании Государственного совета впервые за послевоенные годы поднял вопрос о создании в Севастополе военной базы. Это нашло поддержку и одобрение со стороны великого князя Константина Николаевича. Вся ответственность за возрождение Севастополя возлагалась на Н.А. Аркаса, с именем которого связано последующее его строительство.

Николай Андреевич Аркас (1816–1881), российский военно-морской и государственный деятель греческого происхождения, адмирал (1878), генерал-адъютант (1873). Возглавил работу по воссозданию российского военно-морского могущества на южном стратегическом направлении после отмены запретительных статей Парижского договора, в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов состоял в должности главного командира Черноморского флота и портов Чёрного моря. Фотография А. Лухтергандта (Севастополь)

*Иван Семёнович Антипа
(род. в 1820 году),
контр-адмирал греческого
происхождения (1875),
герой первой обороны Севастополя,
Георгиевский кавалер*

польского градоначальника. Иван Григорьевич состоял также председателем комиссии по устройству в Севастополе музея, который, «благодаря его энергичной деятельности» стал со временем обладать «массою драгоценнейших исторических материалов»³⁹³.

В 1871–1886 годах в службе на Черноморском флоте состояли офицеры-греки, участвовавшие в обороне Севастополя: капитаны 1 ранга И.С. Антипа, И.Д. Бальзам, А.К. Иеромузо, Ф.Д. Карказ, капитаны 2 ранга И.М. Манто, А.Г. Попандополо.

³⁹³ Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 2. – СПб., 1903. С. 13; Общий морской список. – СПб., 1900. Ч. XI. С. 232–233; Сборник известий, относящихся до настоящей (Севастопольской) войны. // Издание Н. Путилова. – СПб., 1854. Кн. 1. Отд. IV. С. 20, 22–23; Сборник известий, относящихся до настоящей (Севастопольской) войны. // Издание Н. Путилова. – СПб., 1856. Кн. 29. С. 360; Русский биографический словарь. // Павел, преподобный – Петр (Шейка). – СПб., 1902. С. 300–301.

Верными и ближайшими помощниками вице-адмирала Н.А. Аркаса в деле воссоздания Черноморского флота стали его давние сослуживцы – бывший главный командир Николаевского и Севастопольского портов контр-адмирал М.П. Манганари и участник обороны Севастополя капитан 1 ранга И.Г. Попандополо, назначенный 8 (20) октября 1871 года заведующим морской частью в Севастополе. Независимо от занимаемого поста в морском ведомстве, И.Г. Попандополо часто совмещал свою деятельность с административными должностями. Будучи, например, командиром над Севастопольским портом, он не раз временно исполнял должность севастопольского градоначальника.

В административном отношении после Крымской войны Севастополь представлял собой заштатный город Ялтинского уезда. В 1870 году была избрана городская дума, а с принятием решения о восстановлении города как главной базы Черноморского флота и строительства Лозово-Севастопольской железной дороги в 1873 году образовалось отдельное Севастопольское градоначальство, в состав которого вошли близлежащие окрестности и город Балаклава. Градоначальник пользовался правами губернатора и назначался правительством только из лиц морского ведомства. Одновременно градоначальник являлся командиром Севастопольского порта и военным комендантом города. Первым севастопольским градоначальником был назначен участник обороны контр-адмирал П.А. Перелешин.

Среди выдающихся личностей, которыми так богата история Севастополя, во второй половине XIX века едва ли не самой наибольшей популярностью пользовался Михаил Ильич Кази (1839–1896), обладавший высокими нравственными и незаурядными административными качествами. Его бурная «кипучая деятельность» способствовала возрождению города из руин и пепла и его дальнейшему экономическому и культурному развитию. «Это был человек по своим способностям выдающийся», – писал о нем С.Ю. Витте, и он был в этом не одинок. Современники еще при жизни Михаила Ильича оценили его заслуги перед Севастополем. В 1874 году

*Александр Григорьевич Попандопуло
(род. в 1836 году),
генерал-майор по флоту греческого
происхождения (1848),
член Аудиториата штаба
Черноморского флота и портов*

*Михаил Ильич Кази (1839–1896),
организатор российского судостроения,
видный общественный деятель,
капитан 2 ранга. В 1867 году
был назначен управляющим
Севастопольского адмиралтейского
общества, а в 1870 году помощником
директора. В 1874–1876 состоял
в должности севастопольского
городского головы*

лей, любезный, приветливый он пользовался огромной популярностью у севастопольцев. Большое внимание Михаил Ильич уделял развитию образования, благотворительности, торговли и ремесел.

Одним из первых шагов в деятельности М.И. Кази на посту городского головы было обращение к правительству с ходатайством «о предоставлении городу Южной бухты для иностранного торго-

³⁹⁴ Военная энциклопедия. – СПб., 1913. Т. 11. С. 296.

Михаил Ильич был избран на должность севастопольского городского головы, в связи с чем в 1875 году он оставил службу в РОПиТ, сосредоточив все свои силы и энергию на решении проблем, стоявших перед городом.

Его деятельность оставила «глубокий след в общественной жизни Севастополя» и «ознаменовалась целым рядом выдающихся событий». М.И. Кази «быстро охватил все проблемы городской жизни и с юношеским пылом принялся за созидание города Севастополя, способствуя его возрождению из развалин и пепла», – писал современник. «В начале развития города, то есть в 70-х годах, только такой мощный человек, как Михаил Ильич, мог провести в жизнь целый ряд насущных вопросов»³⁹⁴. Отзывчивый на всякое доброе дело, доступный для всех посетите-

вого судоходства», которое увенчалось успехом. В марте 1875 года последовал Высочайший указ об открытии в Севастополе коммерческого порта для русских и иностранных судов. Это способствовало не только возобновлению торговли, экономическому развитию и процветанию города, но и увеличению численности его населения. В том же году из Севастопольского коммерческого порта было вывезено за границу 514 000 пудов грузов, а таможенный доход составил 16 000 рублей³⁹⁵. Обороты порта возрастали из года в год. Если в 1874 году в Севастополе проживало 11 000 человек, – в четыре раза меньше, чем до войны, – то с открытием и началом деятельности коммерческого порта численность его населения возросла и к 1876 году составила уже 19 000 человек³⁹⁶.

В городе не было ни одного среднего учебного заведения. Благодаря лишь «личным, особенным ходатайствам Кази», 10 (22) июня 1875 года департамент государственной экономики принял решение об открытии в Севастополе шестиклассного реального училища с основным и коммерческим отделениями³⁹⁷, «принятого под благосклонное покровительство его императорского высочества великого князя Константина Николаевича»³⁹⁸.

Мореходный класс в Севастополе и Ремесленная школа при Севастопольском адмиралтействе Русского Общества пароходства и торговли, подготовившие не одну сотню механиков и машинистов для флота, «своим устройством и процветанием обязаны исключительно М.И. Кази, который на собственные средства содержал Мореходный класс в первые годы» его существования³⁹⁹.

С открытием коммерческого порта появилась потребность в значительных кредитах. Михаил Ильич «тотчас же явился инициатором ходатайства об открытии в Севастополе отделения государственного банка», которое было удовлетворено в 1875 году⁴⁰⁰.

³⁹⁵ Михаил Ильич Кази. Биографический очерк. – СПб., 1897. С. 3–4.

³⁹⁶ Ванев Г.И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983: Справочник. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 39.

³⁹⁷ Михаил Ильич Кази. Биографический очерк. – СПб., 1897. С. 39.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же, С. 39.

⁴⁰⁰ Там же, С. 39–40.

С именем М.И. Кази связано появление в Севастополе Исторического бульвара. В своем выступлении на заседании городской Думы, состоявшемся 19 июня (1 июля) 1875 года, он обратил внимание на то, что проведение Лозово-Севастопольской железной дороги и открытие в Южной бухте коммерческого порта приведет к интенсивной застройке этой части города и исчезновению сохранившихся укреплений российских войск, возведенных в дни героической обороны Севастополя. Михаил Ильич предложил «никогда не застраивать места бывших укреплений и устроить по линии бастионов Исторический бульвар. Для сохранения памяти о событиях обороны на бульваре простые камни с надписями указывали бы места и время выдающихся эпизодов осады и названий частей войск и имен, особенно отличившихся лиц, грудью отстаивавших Севастополь».

Городская дума единодушно приняла предложение Михаила Ильича, но для его осуществления требовались значительные денежные средства, которых в бюджете города не было. Тогда М.И. Кази возбудил ходатайство перед правительством об открытии всероссийской подписки на устройство Исторического бульвара в Севастополе. С предложением городской думы в Министерство внутренних дел обратился севастопольский градоначальник контр-адмирал П.А. Перелешин, и 28 ноября (10 декабря) 1875 года было получено разрешение императора Александра II на открытие всероссийской подписки для сбора денежных средств. В том же месяце были разосланы соответствующие инструкции всем губернаторам и градоначальникам, а казенные палаты получили циркуляры об отправлении денег, поступавших на устройство бульвара, в распоряжение севастопольского градоначальника.

В феврале 1876 года было издано обращение ко всем гражданам Российской империи об открытии подписки, в котором отмечалось, что события, подобные обороне Севастополя, «не умирают в памяти народов; они должны быть переданы потомству во всем их простом величии». В том же году начались реставрация и отделка укреплений 4-го бастиона, как «самого достопамятного боевого пункта» обороны, а в 1881 году закончили посадку деревьев и при-

Константиновское реальное училище в Севастополе

ступили к установке памятника. К 1884 году сумма пожертвований составила 14 000 рублей. Так, по инициативе М.И. Кази была увековечена память об одном из ярчайших эпизодов российской военной истории – первой героической обороне Севастополя.

После Крымской войны в городе имелась лишь одна маленькая больница на 12 коек, открытая в 1868 году. Она размещалась «в небольшом ветхом домике, буквально зажатом со всех сторон частными постройками», а ее обслуживающий персонал состоял из одного врача и двух фельдшеров, один из которых одновременно исполнял обязанности смотрителя⁴⁰¹. Михаилу Ильичу удалось добиться от правительства выделения крупной денежной ссуды, необходимой для строительства нового здания больницы в Севастополе, начатого и завершеного в рекордно короткий срок. Новая больница, вместимостью до 100 человек, имела хирургическое, родильное, инфекционное и другие отделения.

⁴⁰¹ Ванев Г.И. Севастополь. Страницы истории: 1783–1983. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 42.

Одной из злободневных проблем, стоявшей перед многими поколениями севастопольцев, был недостаток питьевой воды. «Наиболее выдающееся участие в ходатайстве перед правительством о сооружении в городе Севастополе водопровода принадлежит также Кази в период 1875 года». Кроме этого, «усилиями, стараниями» и «по инициативе» М.И. Кази было «отпущено городу 300 000 рублей на устройство хлебных магазинов», а также получено 50 000 рублей «за отошедшую от города под железную дорогу землю». По его же инициативе и личному ходатайству перед Морским министерством в 1875 году была учреждена и открыта линия пароходного сообщения между Севастополем и Константинополем.

В декабре 1875 года, с одобрения городской думы, Михаил Ильич возбудил ходатайство перед правительством об отмене действий Русского Общества пароходства и торговли, которым произвольно, в ущерб интересам города, были повышены тарифы на перевозку грузов, следовавших из Севастополя. Эти меры имели огромное значение для городского купечества и предпринимателей.

Насколько севастопольцы ценили заслуги Михаила Ильича, видно из того, что городское общественное управление в лице городской Думы, несмотря на кратковременный период его деятельности в должности городского головы, еще в 1875 году выступило перед правительством с ходатайством о присвоении ему звания Почетного гражданина города Севастополя.

Принимая во внимание «бесчисленные заслуги», оказанные М.И. Кази Севастополю, и «принесенную им громадную пользу по всем вопросам в течение 20 лет», севастопольская городская Дума единогласно приняла решение о ходатайстве перед правительством о присвоении Михаилу Ильичу звания Почетного гражданина города Севастополя, которое было Высочайше утверждено 21 декабря 1895 (2 января 1896 года).

Узнав об этом, Михаил Ильич направил в адрес севастопольской городской Думы телеграмму следующего содержания: «От всей души благодарю за поздравление с дорогим для меня отличием, которое доставил мне родной Севастополь». Городское общественное управление подарило ему на память роскошный альбом

с фотографиями видов Севастополя и надписью: «Признательные граждане – глубокоуважаемому Почетному Гражданину города Севастополя Михаилу Ильичу Кази»⁴⁰².

Заслуги и отличия М.И. Кази перед Отечеством были отмечены следующими наградами: в 1869 году – орденом Св. Владимира 4 степени; в 1871 году – орденом Св. Станислава 2 степени; в 1872 году – орденом Св. Анны 2 степени с Императорской короной; в 1874 году, по особому представлению генерал-адъютанта А.А. Попова Александру II, за содействие при подъеме затопленных в годы Крымской войны судов большого водоизмещения – орденом Св. Владимира 3 степени⁴⁰³.

М.И. Кази являлся одним из организаторов и устроителей знаменитой Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. 31 марта (12 апреля) 1895 года он был назначен ее генеральным комиссаром, но отказался от столь почетного назначения, оставив за собой руководство двумя важнейшими отделами выставки – фабрично-заводским и машинным. Михаил Ильич Кази скоропостижно скончался 24 июня (6 июля) 1896 года в Нижнем Новгороде, в номере гостиницы, куда вернулся с обеда у генерал-губернатора. «Ничего, казалось, не могло привести к такому печальному исходу – ни возраст, ни состояние здоровья. Он умер в постели, читая книгу...».

Благодаря бурной деятельности севастопольского градоначальника контр-адмирала П.А. Перелешина и севастопольского городского головы М.И. Кази разоренный войной город стал восстанавливаться из пепла.

Однако мирное развитие города продолжалось недолго. К середине 1870-х годов вновь накалилась обстановка на Балканском полуострове. В 1875 году вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, а в следующем году восстали болгары и черногорцы, началась сербско-турецкая война. Российское правительство вмешалось в конфликт, потребовав от Турции прекращения военных действий и заключения перемирия с Сербией. 12 (24) апреля 1877 года началась русско-турецкая война, а в мае на стороне России выступила Румыния.

⁴⁰² Михаил Ильич Кази. Биографический очерк. – СПб., 1897. С. 40.

⁴⁰³ Там же, С. 42.

К началу войны с Турцией Россия имела на Черном море 2 броненосца береговой обороны, не обладавших необходимыми мореходными качествами, 5 пароходофрегатов и корветов и 33 вспомогательных судна. Кроме того, для действий на море было зафрахтовано и вооружено 6 быстроходных пароходов и 4 паровые шхуны, принадлежавшие РОПит. Турецкий же флот располагал 13 броненосными кораблями, 15 пароходофрегатами и корветами и 30 вспомогательными судами новейшей по тем временам конструкции. На турецких военных кораблях находилось немало английских специалистов. Правящие круги Великобритании, поддерживавшие в этой войне Турцию, готовились к отправке британского военного флота к Дарданеллам. Западноевропейские военные специалисты предсказывали полную свободу действий и господство турецкого флота на Черном море. Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Н.А. Аркас, умело используя в этой войне зафрахтованные у РОПитА пароходы и паровые шхуны, применил в борьбе с судами неприятеля минные катера⁴⁰⁴.

В этой войне отличились многие моряки-греки. За отличие при устройстве минных заграждений и при занятии Мачина 11 (23) июня 1877 года были награждены: мичман парохода «Заграждение» К.Н. Аркас – орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, правитель канцелярии главного командира Черноморского флота и портов С.М. Кумани и смотритель стрельничного дворца Д.С. Ханджогло – орденами Св. Владимира 3 степени⁴⁰⁵. За храбрость

Дмитрий Спиридонович Ханджогло (1829–1878), капитан 1 ранга греческого происхождения (1876), участник Альминского сражения и первой обороны Севастополя

и распорядительность, оказанные 30 ноября (12 декабря) 1878 года при устройстве минных заграждений во время двухдневной бомбардировки турецкой броненосной эскадры под Сулином, капитан 1 ранга В.Д. Палеолог был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, а капитан 2 ранга И.Н. Диков – орденом Св. Георгия 4 класса⁴⁰⁶.

В годы войны «на долю командира Черноморского флота выпало немало трудов по вооружению береговых батарей, в особенности в Очакове и Одессе. Вице-адмирал Аркас являлся главным руководителем по изготовлению всех судов к активной обороне и наставником их командиров». Русско-турецкая война 1877–1878 годов была начата и велась при таких неравных силах на море, «какого не представляет <...> ни одна военная эпоха истории»⁴⁰⁷. Подводя итоги этой войны, А.И. Денисов писал: «У турок был хорошо выстроенный и организованный флот, обученный, руководимый, а отчасти и укомплектованный английскими офицерами, а у нас <...> были: славные традиции былых эскадр грозного Черноморского флота и разумная энергическая деятельность адмирала Аркаса. На всем Черном море не было ни одной мачты, на вершине которой можно было бы с достоинством поднять флаг русского адмирала, однако же, несмотря на это, Н.А. Аркас сумел устроить так, что честь национального нашего флага была не только не уронена, но еще на страницы истории записалось несколько эпизодов, достоинство которых не сотрут ни клевета, ни время»⁴⁰⁸.

и распорядительность, оказанные 30 ноября (12 декабря) 1878 года при устройстве минных заграждений во время двухдневной бомбардировки турецкой броненосной эскадры под Сулином, капитан 1 ранга В.Д. Палеолог был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, а капитан 2 ранга И.Н. Диков – орденом Св. Георгия 4 класса⁴⁰⁶.

В годы войны «на долю командира Черноморского флота выпало немало трудов по вооружению береговых батарей, в особенности в Очакове и Одессе. Вице-адмирал Аркас являлся главным руководителем по изготовлению всех судов к активной обороне и наставником их командиров». Русско-турецкая война 1877–1878 годов была начата и велась при таких неравных силах на море, «какого не представляет <...> ни одна военная эпоха истории»⁴⁰⁷. Подводя итоги этой войны, А.И. Денисов писал: «У турок был хорошо выстроенный и организованный флот, обученный, руководимый, а отчасти и укомплектованный английскими офицерами, а у нас <...> были: славные традиции былых эскадр грозного Черноморского

⁴⁰⁴ Зубов Б.Н. Указ. соч., С. 172–174.

⁴⁰⁵ Морской сборник. № 9. – СПб., 1877. С. 4–6.

⁴⁰⁶ Морской сборник. № 1. – СПб., 1878. С. 8.

⁴⁰⁷ Денисов А.И. Указ. соч., С. 198–199.

⁴⁰⁸ Там же, С. 199.

Сергей Ильич Казы (1845–1917), один из основоположников Добровольного флота, учреждённого на добровольные пожертвования в конце 1870-х годов и просуществовавшего затем на протяжении сорока лет, генерал-майор по флоту. Установил на поле Альминского сражения обелиски на братских могилах российских солдат. Младший брат Михаила Ильича Казы

⁴⁰⁹ Морской сборник. № 2. – СПб., 1878. С. 11. Знак ордена Св. Александра Невского (деви́з – «За труды и Отечество», алая лента, серебряная звезда) являлся высшей наградой Российской империи вплоть до падения дома Романовых. Им удостоивали исключительно представителей дворянства и высших государственных чиновников.

19 февраля (3 марта) 1878 года в Сан-Стефано был заключен мирный договор, по условиям которого Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию, а Румыния, Сербия и Черногория стали независимыми государствами. К России отошли Южная Бессарабия и крепости Батум, Ардаган, Карс и Баязет с их областями.

За умелое руководство Черноморским флотом в русско-турецкой войне 1877–1878 годов вице-адмирал Н.А. Аркас был награжден орденом Св. Александра Невского⁴⁰⁹ и произведен в полные адмиралы. В 1878 году он был назначен заведующим судами учрежденного добровольного флота, но в том же году вынужден был оставить службу и отправиться

для лечения тяжело больной дочери за границу, откуда вернулся в 1879 году.

Смерть дочери и изнурительная болезнь расшатали здоровье Николая Андреевича: в 1881 году он вышел в отставку в чине адмирала и генерал-адъютанта и 8 (20) июня того же года скончался. Н.А. Аркас являлся членом Одесского Императорского общества истории и древностей, которому на протяжении многих лет оказывал «свое содействие в трудах по тем вопросам, которые касались морского дела или требовали покровительства лица, власть имеющего, или, наконец, своими пожертвованиями». Незадолго до смерти, будучи в Одессе, он заходил к секретарю Общества, чтобы узнать, доставлена ли в музей коронационная медаль императора Александра III, и узнав, что ее нет, обещал выслать в дар Обществу свой личный экземпляр, но смерть воспрепятствовала исполнить это благое намерение⁴¹⁰.

Приемником Н.А. Аркаса, после выхода его в отставку, стал адмирал М.П. Манганари, назначенный в 1881 году на должность главного командира Черноморского флота и портов и Николаевского военного губернатора. Известный специалистам морского дела своими трудами в области гидрографии, Михаил Павлович более двадцати лет состоял членом Одесского Императорского общества истории и древностей. (Рис. 5) Изданная им «Лоция Черного моря» оказала неоценимую научную услугу археологам, проводившим научные изыскания в Северном Причерноморье, и послужила основанием для работ по исторической географии Новороссийского края. М.П. Манганари был известен своей чуткостью и проницательностью, глубоким сочувствием, проявляемым к нуждам окружающих, и благотворительностью. На протяжении многих лет он помогал сиротам и убогим. «Его богато одаренное доброе сердце решительно ни перед чем не останавливалось, – отмечал современник, – и там, где сталкивалось с нуждой и несчастьем, там изливалась его любовь к людям». «Русский флот многим [ему] обязан, а мореплаватели Черного и Азовского морей еще долго будут вспоминать его гидрографические труды». Адмирал М.П. Манганари скончался 6 (18)

⁴¹⁰ Яковлев В. Николай Андреевич Аркас. // ЗООИД. – Одесса, 1889. Т. XV, отд. 3: Некрологи членов Общества. С. 864–865.

февраля 1887 года на 74-ом году жизни «имея все русские ордена до Св. Александра Невского включительно»⁴¹¹.

Большой известностью среди севастопольских моряков в последней четверти XIX века пользовался Сергей Ильич Кази (1845–1917), – один из основоположников Добровольного флота, учрежденного на добровольные пожертвования в конце 70-х годов и просуществовавшего затем на протяжении сорока лет, генерал-майор по флоту, младший брат Михаила Ильича Кази.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов строительные работы в Севастополе приостановились и возобновились лишь с ее окончанием. «С проведением к нам железной дороги, Севастополь было оживился, воспрянул, – писала в 1883 году местная газета. – Наплыв приезжающих увеличивался с каждым днем так, что в гостиницах не доставало номеров для прибывающих, как морем, так и по железной дороге. Севастопольские купцы ожили, зашевелилась торговля, начали строиться один за другим, преимущественно на Большой Морской улице, хорошие дома с приличными помещениями для магазинов»⁴¹².

Приезжих привлекал не только благоприятный климат, морские купания и лечебный виноград, но и вид многочисленных развалин, бывших живым свидетельством тех колоссальных разрушений, понесенных городом в дни минувшей обороны. Пассажирские и курьерские поезда, следовавшие по Лозово-Севастопольской железной дороге, ежегодно доставляли сюда десятки тысяч туристов и курортников. Прибыв на конечную станцию, расположенную «почти в самом городе», они без труда могли добраться на извозчике или на ялик до ближайших гостиниц, причем вариант передвижения по Южной бухте в весенне-осенний период был особенно популярен у приезжей публики.

К тому времени на Екатерининской улице были полностью или частично восстановлены на прежних пепелищах несколько десятков домов, и в некоторых из них разместились торгово-закупочные и подрядные конторы, магазины и частные учебные заведения.

⁴¹¹ Там же, с. 864–865.

⁴¹² Хроника. // Севастопольский справочный листок. 14 апреля 1883.

Вид на прибрежную часть Севастополя. Фотография 1875 года

Городские улицы являли собой удручающее зрелище: «дома без крыш, с пробитыми стенками, и кое-где торчат одни трубы, как после пожара». Кварталы Центрального городского холма также представляли собой сплошные развалины, среди которых выделялись стены Владимирского собора, соорудившегося над местом погребения М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и В.И. Истомина. «Здесь же, неподалеку» стояла «разрушенная Петропавловская церковь, уже поросшая травой»⁴¹³.

Более других была заселена и обжита Артиллерийская слободка, где вокруг базара уцелело больше, чем в центре, жилых домов, поскольку эта часть города менее других пострадала от разрушительных неприятельских бомбардировок. Были построены здесь и несколько новых домов, за которыми снова начинались ряды развалин⁴¹⁴.

⁴¹³ Путеводитель по Крыму М. Сосногорской, с. 220, 221.

⁴¹⁴ Там же, с. 221.

Заметный след в истории Севастополя оставил Михаил Николаевич Кумани (1831–1889), – известный деятель российского флота и мореплаватель, участник Восточной (Крымской) войны 1853 – 1856 гг. и обороны Севастополя, контр-адмирал, представитель четвертого поколения знаменитой севастопольской династии морских офицеров-греков, занимавший, по мнению современников, «выдающееся положение во флоте, как по способностям, так и по образованию своему»⁴¹⁵. Вернувшись в 1883 году в Севастополь уже в чине контр-адмирала, в течение последующих лет Михаил Николаевич командовал отрядом морского училища, состоял председателем комиссии по приведению Севастополя в оборонительное положение и членом комиссии по пересмотру Морского устава, а 1 (13) июля 1885 года получил назначение на должность Севастопольского градоначальника.

Жители Корабельной слободки страдали от постоянного недостатка воды. Еще при прежнем градоначальнике вице-адмирале И.Г. Рудневе инженерное ведомство развернуло работы по проведению водопровода из Мирюковой балки к сухим докам адмиралтейства через территорию Корабельной слободки с тем, чтобы водой из него могли пользоваться здешние обыватели. Сменив Руднева на посту градоначальника и вступив в управление городом, Кумани сразу же обратил свое внимание на бедственное положение населения этой удаленной от центра части города. Он ускорил завершение работ по проведению водопровода, вступившего в строй 8 (20) сентября 1885 года. С этого времени жители слободки стали пользоваться «прекрасною, чистою водою, тогда как прежде они покупали ее у водовозов»⁴¹⁶.

1 (13) января 1886 года, наряду с должностью градоначальника, Михаил Николаевич получил назначение на «трудную и ответственную должность командира вновь устраивающегося порта в Севастополе»⁴¹⁷. С присущей ему энергией и знанием дела, он «дейтельно трудился на пользу возрождающегося Черноморского флота», сумев в короткий срок привести Севастопольский порт «в со-

⁴¹⁵ М.Н. Кумани. Некролог. // Крымский вестник. 20 декабря 1889.

⁴¹⁶ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 9 сентября 1885.

⁴¹⁷ М.Н. Кумани. Некролог. // Крымский вестник. 20 декабря 1889.

стояние, соответствующее нуждам возникающего флота». Состоя в должности севастопольского градоначальника, М.Н. Кумани «чрезвычайно близко принимал к сердцу нужды города Севастополя и по всем вопросам городского благоустройства энергично поддерживал городское общественное самоуправление, являясь перед высшим правительством убежденным ходатаем о нуждах населения»⁴¹⁸.

Интенсивное строительство жилых зданий, развернувшаяся кораблестроительная программа в адмиралтействе РОПТ, деятельность фабрик и заводов города привлекли сюда только в 1886 году до 2 000 рабочих из внутренних губерний России. Такой приток людей, нуждавшихся в местах для ночлега, требовал от городских властей скорейшего принятия мер по их приему и временному обустройству. Михаил Николаевич «безотлагательно» занялся «изысканием денежных средств для устройства в Севастополе ночлежного дома». При участии городского общественного управления и содействии местного купечества ему удалось в кратчайшие сроки собрать 7 000 рублей, разработать и утвердить устав Общества по устройству ночлежных домов. В 1887 году М.Н. Кумани сообщал Александру III: «Общественное управление приняло на себя устройство этих домов и содержание их на счет города, так что [вскоре] бесприютные рабочие будут обеспечены кровом, в котором они крайне нуждались»⁴¹⁹. Открытие первого ночлежного дома в Севастополе состоялось 14 (26) июля 1888 года. Торжество по случаю открытия этого «полезнейшего и необходимого учреждения» было намеренно приурочено ко дню празднования 900-летия Крещения Руси⁴²⁰.

Между тем, в Севастополь прибывали не только рабочие, но и бродяги, воры и мошенники всех мастей. Газетные сообщения тех лет наглядно отражают царившую в городе криминальную обстановку: ежедневные грабежи на улицах, кражи со взломом, вымогательства денег у прохожих в вечернее время. Чтобы пресечь разгулявшуюся преступность, с 1 (13) января 1887 года М.Н. Кумани ввел новый, увеличенный по сравнению с прежним, штат Севастопольской городской полиции, увеличив ежегодный расход на ее содер-

⁴¹⁸ М.Н. Кумани. Некролог. // Крымский вестник. 20 декабря 1889.

⁴¹⁹ Там же, л. 26.

⁴²⁰ Хроника. // Крымский вестник. 15 июля 1888.

жание до 43 000 руб.⁴²¹ Благодаря этим своевременным мерам уже к концу 1888 года полиции удалось добиться значительного снижения преступности в городе.

Михаил Николаевич был известен современникам как «человек добрый и в высшей степени гуманный», отличавшийся постоянной готовностью прийти на помощь всякому, кто к нему обращался. Он «высоко ценил печатное слово» и оказал большую поддержку в ходатайстве о разрешении издания в Севастополе газеты «Крымский вестник». Кумани активно участвовал в общественной деятельности города: до 1888 года он являлся председателем севастопольского отделения Общества Красного Креста и «привел в порядок все его дела, которые застал в крайнем запущении». Отказавшись впоследствии «по сложности своих прямых обязанностей» от должности председателя этого Общества, он по-прежнему оставался его членом, принимая деятельное участие в работе.

Многочисленные заслуги М.Н. Кумани перед Отечеством были отмечены следующими наградами: в 1854 году – орденом Св. Анны 3 степени с мечами; в 1858 году – орденом Св. Станислава 2 степени; в 1864 году – орденом Св. Анны 2 степени с мечами и орденом Меджидие 2 степени от турецкого султана; в 1866 году – серебряной медалью на георгиевской ленте «За покорение Кавказа» и крестом «За службу на Кавказе»; в 1874 году – орденом Св. Владимира 4 степени с бантом; в 1877 году – орденом Св. Владимира 3 степени; в 1881 году – датским орденом Данеборга командорского креста; в 1855 году – орденом Св. Станисла-

Михаил Николаевич Кумани (1831–1889), потомственный российский военный моряк, контр-адмирал (1882). Сын генерала флота Николая Михайловича Кумани (1793–1869); внук адмирала Михаила Николаевича Кумани (1770–1865); правнук контр-адмирала Николая Петровича Кумани (1747–1809).

ва 1 степени; в 1887 году – орденом Св. Анны 1 степени; в 1889 году – французским орденом Почетного Легиона командирского креста⁴²².

Супруга Михаила Николаевича, Елизавета Ивановна Кумани, с 1885 года была председателем севастопольского благотворительного общества⁴²³. 21 января (2 февраля) 1886 года в зале городского собрания состоялся подготовленный ею «музыкально-драматический вечер с живыми картинками», который, говоря словами его участника, «удался как по сборам, так и по художественному исполнению программы». «Честь и слава устроительнице за ее горячую деятельность на помощь нашим бедным сиротам и судьбою обиженным старикам! – восторженно отзывалась о Елизавете Ивановне пресса. – Сбор от проведения вечера доходил до 600 рублей, а билеты были распроданы задолго до его начала, и до 50 человек платили только за право стоять в проходах и дверях»⁴²⁴.

В Севастополе не было здания для приюта, содержащегося на средства Благотворительного общества. С октября 1884 года приют перешел в дом Кокораки⁴²⁵, который, по инициативе и при активном участии мадам Кумани, был выкуплен благотворитель-

ным обществом, что «обеспечило прочность существования этого

⁴²² Общий морской список. – СПб., 1898. Ч. X. С. 496; М.Н. Кумани. Некролог. // Крымский вестник. 20 декабря 1889.

⁴²³ По существовавшим правилам, супруга севастопольского градоначальника принимала дела у предшественницы и брала под свое управление Севастопольское благотворительное общество, становясь, по сути, первой дамой в градоначальстве.

⁴²⁴ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 24 января 1886.

⁴²⁵ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 14 октября 1884.

учреждения». В 1887 году на содержание приюта, в котором находились на попечении 23 девочки и 4 старухи, Севастопольское благотворительное общество израсходовало 2 500 рублей, «в короткое время успело выплатить почти полную стоимость этого дома», и к марту 1888 года остаток долга по выплате за него владельцу не превышал 1 700 рублей. Городское общественное управление неоднократно выражало благодарность Елизавете Ивановне за ее «неутомимую и благотворную деятельность на пользу общества»⁴²⁶.

Наряду с Севастополем шло восстановление разоренной англичанами в годы Крымской войны Балаклавы и расположенных в ее ближайшей округе греческих селений. В 1856 году на средства прихожан были отремонтированы церкви во имя св. Живоначальной Троицы в предместье Кады-кой и свв. Константина и Елены в деревне Карань⁴²⁷. В следующем, 1857 году, были восстановлены гарнизонная соборная церковь св. Николая Чудотворца и приходская церковь свв. Петра и Павла в Балаклаве, а также церковь во имя св. вм. Марины в деревне Камары⁴²⁸.

В 1859 году бывшая гарнизонная церковь св. Николая была передана в ведение сначала Херсонской и Таврической, а затем Таврической епархии. Как реликвия, в церкви хранились шесть зачехленных знамен упраздненного Балаклавского греческого батальона, напоминая о былых временах. Большая часть греческого населения Балаклавы приписалась к купеческому или мещанскому сословию и занималась рыбным промыслом, садоводством и виноградарством. Жизнь в разоренном городке долгое время находилась в полном упадке; в 1860 году в нем проживало 405 человек обоего пола⁴²⁹.

В отличие от Севастополя, где неизбежность постоянных контактов с представителями других этнических групп способствовала развитию среди греков процесса ассимиляции, население Балакла-

⁴²⁶ Хроника. // Крымский вестник. 11 марта 1888.

⁴²⁷ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887. С. 385; ГАГС, ф. 11, оп. 1, д. 3, л. 14 об.

⁴²⁸ Гермоген, епископ. Указ. соч., С. 10; Иванов А.В. О греческом храме Петра и Павла в Балаклаве. // Проблемы религии стран Черноморско-Средиземноморского региона. – Севастополь – Краков, 2001; ГАГС, ф. 4, Оп. 1, д. 2, л. 211.

⁴²⁹ Путеводитель по Севастополю и его окрестностям. / Под ред. Протопопова. – Севастополь, 1914. С. 112.

Юлий Брендт. Балаклава. Альбом всех лучших и достопримечательнейших видов южного берега Крыма, 1869 год

вы жило в естественной изоляции, благодаря чему длительное время устойчиво сохраняло свою обособленность. В «Обзоре Севастопольского градоначальства за 1879 год» отмечается, что «население Балаклавы составляют исключительно бывшие служители Греческого батальона» и их семьи. Они «занимаются огородничеством, виноделием, весьма искусны в рыбном промысле и имеют от него значительный доход»⁴³⁰. «Балаклава – прескучный и прегрязный городишко, теперь даже просто местечко, битком набитое горбоносими, черноволосыми и черноглазыми греками, – писал побывавший здесь 1864 году Е.Л. Марков. – Это чисто племя коршунов, приютившееся на пустынных скалах уединенного рыбообильного залива. Они ловят эту рыбу, едят эту рыбу, продают эту рыбу и, кажется, больше ничего не знают, и знать не хотят»⁴³¹.

⁴³⁰ Обзор Севастопольского градоначальства за 1879 год. – ГАГС, ф. 15, оп. 1, д. 2, л. 4.

⁴³¹ Марков Е.Л. Указ. соч., С. 317.

⁴²¹ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 20 апреля 1886.

Набережная Балаклавы. 1892 год. Слева – гостиница «Гранд-отель», перед которой – одноимённый ресторан-поплавок; трёхэтажное здание на дальнем плане – гостиница «Россия»

Состоятельные греки много жертвовали для церквей. В 1866 году дочь генерал-майора Екатерина Псомас завещала денежные суммы Петропавловской и Всехсвятской кладбищенской церкви города Севастополя. В следующем, 1867 году, в балаклавской Николаевской соборной церкви на средства прихожан были устроены два киота с иконами. В 1879 году вдова унтер-офицера упраздненного Балаклавского греческого пехотного батальона София Петри отписала в дар церкви свв. Константина и Елены в деревне Карань 2 десятины земли. Еще 2 десятины земли были подарены той же церкви балаклавским мещанином Петром Бамбука⁴³².

«Приходится удивляться, чем поддерживают свое прозябание здешние жители – потомки балаклавских легионеров, унаследовавшие тощие карманы и сильный аппетит, – писал в 1883 году корре-

⁴³² Шевякова Д.П. Роль греков Севастополя в истории православия Крыма (конец XVIII – начало XX века). / В поисках утраченного единства: Сборник научных статей. – Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 232–240.

спондент газеты «Крымский вестник». – Балаклава только тогда начнет развиваться, когда ее коренное население поймет, что ему давно уже пора очистить места для свежего пришлого (в данном случае русского) элемента»⁴³³.

В последней четверти XIX века эта «маленькая греческая деревушка, заштатный город», вошедший в состав Севастопольского градоначальства, неожиданно получил признание одного из первых климатолечебных курортов на юге России⁴³⁴. Это послужило толчком к благоустройству Балаклавы. Усилиями балаклавского городского головы Ф.К. Гинали «город обсадили деревьями». По его же указанию на средства, собранные жителями, был выстроен «прекрасный фонтан в Кадыковке, водою которого пользуется и безводная Карань, и хутора, и табаководы». В это же время приступили к строительству каменной набережной, которое продолжил и завершил сменивший его в должности городского головы И.Д. Серафимов. По распоряжению последнего были очищены от мусора все улицы и дворы городка, отремонтированы некоторые общественные здания, построен новый колодец с водосборным бассейном, обильно снабжавший балаклавцев питьевой водой, а в Кадыковке устроены «новая кухня» и мост для расквартированного здесь Крымского дивизиона пограничной стражи.

В июле 1883 года на должность балаклавского городского головы был избран отставной майор П.М. Ксирихи. Состоя до выхода в отставку на службе в армейской пехотной части, расквартированной в одном из крупных городов Новороссийского края, он «присмотрелся к современным порядкам и ведению городского хозяйства», и теперь вознамерился утвердить их в родном городе. По его распоряжению были установлены 14 осветительных фонарей в Балаклаве и 2 в Кадыковке. «Стараниями и экономией» Ксирихи удалось погасить 2 000 руб. из городского долга, а в кассе Городской управы насчитывалось «не 3 руб., а далеко за 1 000, – цифру для Балаклавы не шуточную». Наряду с этим, по его указанию были «зашоссирован-

⁴³³ Из Балаклавы. // Севастопольский справочный листок. 16 января 1883.

⁴³⁴ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 13 января 1883.

ны» две улицы города, очищен один, засыпанный в 1854 году, колодец, и выкопан один новый⁴³⁵.

Благоустраиваясь, Балаклава развивалась как курорт. В 1887 году в доме К.С. Гинали на набережной открылась первая в городе гостиница «Гранд-Отель» на 45 номеров, напротив которой, у самого берега, построили ресторан-поплавок. Вскоре на другом конце набережной появилась гостиница «Россия», владельцем которой был греческо-подданный Л.Г. Бисти. а в следующем году в конце Балаклавской бухты началось строительство грязелечебницы и купален⁴³⁶.

К концу последней четверти XIX века в Севастополе были восстановлены или отстроены заново многие разрушенные во время Крымской войны общественные и культовые здания. В 1887 году на месте разрушенного Дома общего собрания флагманов и капитанов завершилось строительство нового здания Морского собрания, которое соединялось крытой галереей со зданием Морской библиотеки. Здесь устраивались публичные лекции, концерты, литературно-музыкальные вечера. Постоянными гостями Морского собрания могли быть военные, а также гражданские лица дворянского происхождения или купцы 1-ой гильдии. В 1888 году председателем Морского собрания являлся севастопольский градоначальник и командир севастопольского порта контр-адмирал М.Н. Кумани. В числе старшин и кандидатов в старшины собрания также были офицеры-греки: капитан 1 ранга Л.К. Кологерас, лейтенант А.А. Ревелиоти и врач военного ведомства Д.А. Аргириди⁴³⁷.

Важным событием в культурной жизни греческой колонии Севастополя стало открытие 11 (23) декабря 1884 года греческого училища (в некоторых документах того времени его называют греческой общественной школой)⁴³⁸. Его основателем был потомственный почетный гражданин и старожил Севастополя, купец 1-ой гильдии Василий Иванович Феолого (1792–1890). Образованное по положению

⁴³⁵ Из Балаклавы. // Крымский вестник. 26 июля 1885; Из Балаклавы. // Крымский вестник. 14 августа 1885.

⁴³⁶ Шавшин В.Г. Балаклава. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 47–48.

⁴³⁷ Иванов Е.Э. Путеводитель по Севастополю и его окрестностям. – Севастополь: Типия Спиро, 1894. С. 40–41.

⁴³⁸ ГАОО, ф. 42, оп. 35, ед. хр. 2404, л. 6 об.

Воспитанницы севастопольского Греческого училища. Фотография 1898 года

1874 года, училище состояло из трех классов. До 1890 года оно размещалось в помещениях первого этажа дома Феолого на Екатерининской улице. На содержание училища ежегодно выделялось 2 000 рублей, а первыми его учениками в 1885/86 учебном году стали 34 мальчика и 27 девочек⁴³⁹.

Попечителем и казначеем училища с первых дней его основания являлся Николай Петрович Грипари – купец 1-ой гильдии, греческий вице-консул в Севастополе. Семья Грипари на протяжении многих лет оказывала действенную поддержку училищу. Так, например, 19 ноября (1 декабря) 1885 года в зале городского собрания состоялся «семейно-драматический вечер, устроенный любителями в пользу русской народной и недавно открытой в Севастополе грече-

⁴³⁹ Обзор Севастопольского градоначальства за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Севастополь, 1884 год.

Греческая Трёхсвятительская церковь в Севастополе

ской школ», к которому «весьма сочувственно» отнеслась местная публика. Постановку музыкальной части подготовил и осуществил Д.П. Грипари, а М.Н. Грипари участвовала в сценах. Попечителю и кассиру училища Н.П. Грипари были переданы 132 рубля, вырученные от проведения вечера⁴⁴⁰.

В 1890 году произошло еще одно «знаменательное событие в жизни греческой колонии Севастополя»: 17 (29) июля 1890 года состоялось освящение новой греческой церкви во имя Трех Святителей – Св. Василия Великого, Св. Григория Богослова и Св. Иоанна Златоуста. Церковь была построена на пожертвования почетного гражданина города Севастополя купца 1-ой гильдии Василия Ивановича Феолого. Сооружение храма обошлось в 75 000 рублей. Газета «Крымский вестник» отмечала, что «несмотря на незначительную сумму, затраченную непосредственно на его строительство (50 000 рублей), все работы по внешней и внутренней отделке храма были выполнены великолепно». Освящение здания греческой церкви со-

⁴⁴⁰ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 22 ноября 1885.

вершил преосвященный епископ Мартин в сослужении с городским духовенством и в присутствии севастопольского градоначальника, представителей местной греческой колонии и многочисленных гостей⁴⁴¹.

Обязанности настоятеля первое время исполнял протоиерей Иоанн Назаров. В течение первых пяти месяцев со дня освящения в церкви было совершено 10 обрядов крещения, 6 обрядов бракосочетания и отслужено 7 заупокойных литургий⁴⁴².

29 октября (10 ноября) 1890 года греческое население Севастополя с прискорбием узнало о кончине Василия Ивановича Феолого – одного из выдающихся представителей греческой колонии и старожилы города, крупного домовладельца, купца 1-ой гильдии, почетного потомственного гражданина города Севастополя. Панихиды по усопшему проходили ежедневно в 12 часов дня и в 19 часов вечера в доме Феолого на Екатерининской улице. 31 октября (12 ноября) тело усопшего с большими почестями перенесли в греческую церковь, где в присутствии греческого вице-консула и многочисленных представителей греческой колонии Севастополя была совершена заупокойная литургия⁴⁴³. 4 (16) ноября 1890 года гроб с телом благотворителя и мецената был погребен «под полом Греческой церкви с правой стороны при входе в нее»⁴⁴⁴.

Часть своего капитала умерший В.И. Феолого завещал на учреждение стипендий в различных высших учебных заведениях России. В 1898 году первую такую стипендию имени Феолого, составлявшую 500 рублей, учредила Московская духовная академия. Ею был разработан проект «Положения о стипендии», высланный затем на рассмотрение Севастопольскому градоначальнику, «одобренному ему по всем пунктам». В соответствии с проектом, правом получения стипендии могли пользоваться «лица православно-го вероисповедания всех сословий греческого, русского и малороссийского наций, обучавшиеся в средних учебных заведениях Таври-

⁴⁴¹ Хроника. // Крымский вестник. 19 июля 1890.

⁴⁴² ГАГС, ф. 35, Оп. 1, д. 23, лл. 2 об.–139.

⁴⁴³ Хроника. // Крымский вестник. 1–2 ноября 1890.

⁴⁴⁴ ГАГС, ф. 35, Оп. 1, д. 23, лл. 127 об.–128.

ческой губернии», и поступавшие впоследствии для обучения в Московскую духовную академию⁴⁴⁵.

В феврале 1891 года настоятелем греческой Трёхсвятительской церкви был назначен иеромонах Геннадий Константиныди, внесший значительный вклад в духовное воспитание учащихся греческого училища.

Иеромонах Геннадий родился 20 августа (1 сентября) 1875 года в городе Коландро в Македонии (Греция). По окончании богословского факультета Афинского университета он служил в сане иеродиакона сначала у Каторосского епископа Николая, затем при Константинопольском патриархе Иоакиме III, после чего, по распоряжению Эллинского Синода, был назначен священником в греческую церковь при греческом посольстве в Петербурге. Однако суровый климат российской столицы отрицательно сказался на его здоровье, вследствие чего, с согласия опять же Эллинского Синода, иеродиакон Геннадий получил назначение на должность настоятеля новой греческой Трёхсвятительской церкви в Севастополе, и был рукоположен в иеромонаха бывшим ректором Петербургской академии высокопреосвященнейшим Антонием, в то время митрополитом Петербургским⁴⁴⁶.

В 1890 году Греческое училище переместилось из дома Феолого на Екатерининской улице в двухэтажное здание, находившееся на Артиллерийской улице напротив греческой Трёхсвятительской церкви (здание училища с большим, окружавшим его двором, находилось на месте современного «Пассажа» центрального рынка). В первом его этаже располагались вместительный актов зал и две классные комнаты. Еще пять классных комнат, библиотека, приемная и кабинет заведующего училищем находились на втором этаже. Две жилые комнаты первого этажа, имевшие отдельный вход со двора, занимали настоятель греческой церкви и постоянно находившийся при училище сторож. В осенне-зимний период школьные помещения и классы отапливались печками-голландками⁴⁴⁷.

⁴⁴⁵ Хроника. // Крымский вестник. 12 октября 1898.

⁴⁴⁶ Хроника. // Крымский вестник. 21 октября 1900.

⁴⁴⁷ Папаниколаки В.К. Воспоминания о старом Севастополе. / В 3-х тетрадях. Тетрадь 1-ая. – Севастополь 1880–1890 гг. Л. 27 об.

В 1895 году, как следует из отчетов севастопольского градоначальника министерству внутренних дел, частное греческое 3-х классное училище было преобразовано в 6-классное частное училище 3-го разряда Греческого благотворительного общества, которое ежегодно выделяло 2 502 руб. на его содержание⁴⁴⁸. Обучение в училище было платным, но возможность получить в нем образование имели и дети из малообеспеченных греческих семей, поскольку плату за них вносило благотворительное общество, осуществлявшее контроль над училищем и нуждами его воспитанников через специально назначавшихся попечителей, входивших в состав его правления.

Наряду с Греческим училищем, в последней четверти XIX века в Севастополе открылась и действовала частная школа А.С. Бальзам, находившаяся в первом этаже дома Лашевича на Малой Морской улице⁴⁴⁹.

В последней четверти XIX века произошли крупные изменения в кругах местной греческой элиты, представители которой, внедряясь в высшие слои администрации, сближались с русской дворянской аристократией, нередко вступая в родственные отношения с ее представителями. Сословные перегородки, отделявшие теперь зажиточных греков от их менее состоятельных соотечественников, также играли определенную роль в сближении с иноэтничным населением внутри своего сословия. Проявление этой тенденции прослеживается в знании представителями этой группы греков русского и французского языков. Это неизбежно вело к утрате национальных корней и унификации их культурного облика с представителями русской аристократии и буржуазии. Среди старожилов-греков было немало выдающихся людей, чьи имена пользовались всеобщим признанием и заслуженным уважением. Вместе с тем их деятельность теперь не ограничивалась интересами греческой колонии, а исходила из нужд всего городского общества и Российского государства, интересам которого они служили.

⁴⁴⁸ Обзор Севастопольского градоначальства за 1895 год. Приложение к всеподданнейшему отчету. – Севастополь, 1896.

⁴⁴⁹ Объявление. // Севастопольский справочный листок. 10 марта 1883.

Балаклава. 1869 год

Ярким примером такого служения является биография Ивана Матвеевича Манто (1830–1902), видного общественного деятеля Севастополя конца XIX века, контр-адмирала. И.М. Манто родился 31 декабря 1830 года (по старому стилю) в Балаклаве в семье дворян Таврической губернии. Его дед по линии отца, отставной майор Балаклавского греческого пехотного батальона Афанасий Матвеевич Манто (род. в 1744 году), участвовал в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг. Отец Ивана Матвеевича, Матвей Афанасьевич Манто, с семнадцати лет начал службу в Севастопольском мушкетерском полку, продолжив ее в Балаклавском греческом пехотном батальоне. Став с 1849 года его командиром, он отличился в бою с англичанами в Балаклаве 12 (26) сентября 1854 года, и вышел в отставку с производством в чин генерал-майора⁴⁵⁰.

Военная карьера Ивана Матвеевича «началась и проходила в боях и защите отечества». По окончании в 1849 году гимназии он поступил на службу юнкером 38-го флотского экипажа, а три года спустя – в школу флотских юнкеров в Николаеве. В мае 1853 года И.М. Манто был произведен в мичманы, а уже в ноябре, «в воздание примерного мужества и отличной распорядительности при истреблении турецкой эскадры на Синопском рейде», произведен в лейтенанты и «за храбрость» награжден орденом Св. Анны 4 степени⁴⁵¹.

В дни обороны Севастополя лейтенант Манто командовал батареей 4-го бастиона, получил ранение в руку и был контужен в голову. В 1855 году Иван Матвеевич был награжден: орденом Св. Анны 3 степени с мечами «за отличную храбрость и мужество, оказанные при защите Севастополя», орденом Св. Станислава 2 степени с ме-

⁴⁵⁰ ГААРК, ф. 18, оп. 1, д. 9, л. 29.

⁴⁵¹ РГА ВМФ, ф. 283, 1853 год, 2-е отд., 2-ой ст., д. 602, л. 506.

Иван Матвеевич Манто (1830–1902) – контр-адмирал греческого происхождения (1885), участник Синопского сражения, первой обороны Севастополя и взятия укреплений Новороссийска. Видный общественный деятель Севастополя конца XIX века

чами «за особенно полезную деятельность и мужество при защите Севастополя и отбитии штурма», орденом Св. Станислава с Императорской короной и мечами «в воздаяние отличного мужества и храбрости во время последнего боя при бомбардировании Северной стороны Севастополя», серебряной медалью на Георгиевской ленте «за защиту города Севастополя» и бронзовой медалью на такой же ленте «в память войны 1853–1856 гг.».

После окончания войны И.М. Манто, командуя различными кораблями и судами, продолжал служить на Черноморском флоте и в 1864 году был награжден орденом Св. Анны 2 степени с мечами «за труды, оказанные при перевозке морем Кавказской армии и при высадке у мыса Адлер», в 1866 году – серебряной медалью «За покорение Западного Кавказа» и крестом «За службу на Кавказе», а в 1867 году – орденом Св. Анны с Императорской короной. За участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. И.М. Манто был награжден орденом Св. Владимира 3 степени и бронзовой медалью «в память турецкой войны 1877–1878 годов». В 1885 году он был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

Выйдя в отставку, Иван Матвеевич жил в Севастополе, и, несмотря на возраст и слабое здоровье, полностью отдавал себя общественной жизни. Контр-адмирал Манто долгое время был гласным городской думы и состоял вице-командором Севастопольского яхт-клуба, который многим был ему обязан. Общительный, отзывчивый, он пользовался всеобщей любовью севастопольцев. «Выдающийся воин и честный гражданин», – так отзывались о нем современники. Иван Матвеевич долгое время являлся членом попечительного совета севастопольской женской казенной гимназии и был севастопольским уполномоченным Николаевского окружного прав-

ления общества спасения на водах. В 1889 году при личном участии И.М. Манто в Артиллерийской бухте открылся «образцовый спасательный приют для приведения в чувство утопающих». Иван Матвеевич являлся одним из инициаторов открытия всероссийской подписки по сбору средств на сооружение в Севастополе памятника-монумента адмиралу П.С. Нахимову.

Он поддерживал тесную связь с оставшимися в живых участниками Синопского сражения. Его старейшим другом был севастопольский градоначальник контр-адмирал М.Н. Кумани. Крепкая давняя дружба связывала И.М. Манто с контр-адмиралом Ф.Ф. Нарбутом⁴⁵² – одним из участников Синопа, жившим после отставки в Севастополе. В сентябре 1888 года, в ознаменованте 35-летия Синопского сражения, И.М. Манто, Ф.Ф. Нарбут и Н.И. Макухин обратились к своим бывшим сослуживцам с предложением «собраться в Севастополе и отслужить панихиду в воздвигнутом храме Св. Владимира по в Бозе почившем и незабвенном Государе Императоре Николае Павловиче, а также по павшим героям-адмиралам и сложившим свои головы боевым товарищам в Синопе и на бастионах Севастополя». Их обращение было опубликовано во многих известных российских газетах.

Контр-адмирал И.М. Манто умер после продолжительной тяжелой болезни 30 марта (11 апреля) 1902 года и, с разрешения императора Николая II, был похоронен на Братском кладбище Севастополя рядом со своим другом контр-адмиралом Ф.Ф. Нарбутом⁴⁵³.

В последней четверти XIX века греческую колонию Севастополя пополнили новые переселенцы, обосновавшиеся здесь после открытия в 1875 году коммерческого порта. Среди них преобладали комиссионеры, торговцы, владельцы фирм и магазинов, содержатели ресторанов, садоводы и виноградари. Будучи носителями языка и культурных традиций, представители этой группы греков в большей степени, чем греки-старожилы, сохранили свою национальную самоидентичность. Они были билингвичны и, наряду греческим,

⁴⁵² И.М. Манто завещал похоронить его на Братском кладбище рядом с покойным контр-адмиралом Ф.Ф. Нарбутом.

⁴⁵³ Манто Иван Матвеевич. Словарь биографический морской. – СПб., 1993. С. 249; Общий морской список. Ч. X. – СПб., 1898. С. 638–639.

пользовались в повседневном обиходе турецким и русским языками; последний выполнял функцию языка общения с представителями других этнических групп.

Еще одну значительную по численности группу греческого населения Севастополя последней четверти XIX века представляли выходцы из Малой Азии, главным образом из приморских городов Трапезунд, Самсун, Керасунд, Триполи, горных селений Трапезундского вилайета, из Карской области и, частично, из Ирана. Нередко в архивных документах содержатся сведения о том, откуда были родом поселившиеся в Севастополе малоазийские греки: уроженец города Ангора Илия Парасси Савиди, уроженец Трапезунда Анастас Харлампиевич Каракаван, уроженец Триполи Николай Харлампиевич Сабун-оглу, уроженец города Аргируполиса Георгий Николаевич Иоарданов, уроженец деревни Есели Трапезундского вилайета Дмитрий Федорович Сихиди⁴⁵⁴.

Выходцы из Малой Азии, бывшие потомками издревле проживавшего на южном побережье Черного моря греческого населения, являлись носителями языка в его архаической форме и имели свои собственные им культурные и хозяйственно-бытовые особенности, сложившиеся в течение двух с половиной тысячелетий проживания их предков в Малой Азии. В конце XIX века большинство из них либо совсем не знало русского языка, либо владело им очень плохо в форме разговорной речи.

В профессиональной сфере у представителей этой группы преобладали каменщики, строители, ремесленники, мелкие торговцы. Были среди них и лица, не приписавшиеся еще к какому-либо из городских сословий, а также люди, временно прибывшие в Севастополь на заработки. Строители считались людьми денежными, и многие из них со временем приобретали в собственность земельные участки в Севастополе, возводили на них дома и становились городскими обывателями.

В 1886 году население Севастопольского градоначальства составляло 26 890 чел. об. пола (28 065 чел. вместе с военными),

⁴⁵⁴ ГАГС, Ф. 35, оп. 1, д. 24, 65, 67, 74, 79, 84, 85, 89, 90, 92, 97, 101.

из них 2 048 чел. (или 7,3% от общей численности) были греки⁴⁵⁵. Численность греков по местам проживания была следующей: в Балаклаве – 459 чел. об. пола, в Кадыковке – 134 чел. об. пола, в дер. Алсу – 112 чел. об. пола, в дер. Камара – 272 чел. об. пола, в дер. Карань – 219 чел. об. пола⁴⁵⁶. По данным городской переписи населения, в 1886 году непосредственно в Севастополе проживало: греческоподданных христиан – 93 м. пола и 65 ж. пола (158 об. пола), турецкоподданных христиан – 332 м. пола и 171 ж. пола (503 об. пола)⁴⁵⁷. При сопоставлении данных Статистического бюро губернского земства о численности населения Севастопольского градоначальства с данными городской переписи населения мы узнаем, что общая численность греческого населения Севастополя в 1886 году составляла 852 чел. об. пола.

В последующие десятилетия численность греческого населения в Севастополе и Севастопольском градоначальстве возросла. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 год в Севастополе проживало 53 595 чел. (об. пола), из них по национальности: русских – 34 014 чел., малоросов – 7 322 чел., евреев (в том числе караимов и крымчаков) – 3 679 чел., поляков – 2 753 чел., крымских татар – 1 817 чел., греков – 1 533 чел., немцев – 907 чел., армян – 493 чел., турок – 209 чел., белорусов – 182 чел., эстонцев – 131 чел., болгар – 58 чел., чехов – 41 чел., финнов – 36 человек, молдаван – 34 чел., прочих народностей – 420 чел. В 1897 году в Севастополе было 174 греческих подданных (125 м. пола и 49 ж. пола).

В 1897 году в Балаклаве проживало 672 грека (об. пола), из которых 3 были греческими подданными. Кроме этого, на территории Севастопольского градоначальства и в сельской местности, выделенной из состава Симферопольского уезда и вошедшей в состав Севастопольского градоначальства – 667 греков (об. пола), 9 из которых – греческие подданные. Таким образом, в 1897 году общая численность греческого населения, проживавшего в Севастополе и на

⁴⁵⁵ Памятная книжка Таврической губернии. / Сост. Статистическим бюро Губернского земства под ред. К.А. Вернера. Отдел II. Население. – Симферополь, 1889.

⁴⁵⁶ Там же. Отд. VII. Алфавитный список селений и поселков Таврической губернии и градоначальств. С. 26; Отд. II. Гл. II. Численность и состав населения Таврической губернии на 1886 год. Севастопольское градоначальство. С. 22.

⁴⁵⁷ Севастополь по переписи 1886–1887 гг. Севастополь, 1888. С. 11, табл. 5.

Нахимовский проспект. Открытка начала XX века

территории Севастопольского градоначальства (57 455 чел. об. пола или 100%), составляла 2 872 чел. об. пола (5,0% по отношению к общей численности населения), а жившие в городе греки занимали шестое место в списке наиболее многочисленных этнических групп оседлого населения⁴⁵⁸.

К концу XIX века завершился процесс интеграции греков Севастополя: старожильческое греческое население, представители которого относились, главным образом, к городской элите, греческие эмигранты из балканской Греции и Малой Азии совместными усилиями создали необходимые условия для сохранения своей культуры и языка: была построена и освящена новая греческая церковь, было открыто греческое шестиклассное училище, а в 1893 году Министерством внутренних дел был утвержден устав Севастопольского гре-

⁴⁵⁸ Шубаев В.П. Этнический состав населения европейской части Союза ССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 98–99.

ческого благотворительного общества. В городе имелось греческое консульство, представлявшее интересы Эллинского королевства и защищавшее правовые, экономические и духовные интересы греческоподданных граждан, постоянно проживающих в Севастополе.

Греческие эмигранты, и в первую очередь греческо-подданные предприниматели и купцы, в немалой степени способствовали накоплению капитала в Севастополе, что имело важное значение для быстро развивавшейся экономики города. В 1890 году Севастополь вновь был объявлен главной базой Черноморского флота и военной крепостью 3-го класса. Из Николаева сюда были переведены все основные флотские учреждения, школы учебного отряда и флотские экипажи.

Главной и самой красивой улицей Севастополя в конце XIX века был Нахимовский проспект, имевший около 20 метров ширины и двухстороннюю застройку. Это была благоустроенная улица города. На Нахимовском проспекте были «сосредоточены лучшие магазины, рестораны», гостиницы и всегда царил оживление. Здесь жили и работали крупные чиновники, банкиры, купцы, врачи, среди которых было немало греков.

В доме № 20 с 1894 года находилось отделение Государственного банка, директором которого с 1894 по 1908 гг. был Федор Анастасьевич Тацци (1842–1909), – крупный домовладелец и видный общественный деятель конца XIX – начала XX вв., потомственный почетный гражданин, севастопольский купец 2-ой гильдии. Ф.А. Тацци владел доходным домом № 35 на Нахимовском проспекте⁴⁵⁹. Он происходил из известной в Севастополе греческой купеческой династии, родоначальником которой являлся его прадед, купец Анастасий Тацци (1711–1810) – один из первых греков, поселившихся в Севастополе, и долгожитель. Начатое им дело продолжал его сын, Павел Анастасьевич, а затем внуки. Отец Федора Анастасьевича, севастопольский 3-й гильдии купец Анастасий Павлович Тацци (ум. в 1851 году), был одним из наиболее удачливых среди представителей третьего поколения этой семейной династии. Его, «имевшего винную лав-

⁴⁵⁹ Спиридонова И.К. Нахимова проспект. // Исторические улицы и памятники Севастополя. (Севастополь, достойный поклонения). / Сост. В.В. Крестьянников. Симферополь: Таврия, 1996. С. 25.

ку», упоминает в своих записках о Севастополе 1834 года Н.И. За-кревский.

В доме Эрикса на Нахимовском проспекте жил Дмитрий Антонович Аргириди, коллежский советник, врач военно-морского ведомства, в то время известный не только севастопольцам, но и многочисленным гостям города. Дмитрий Антонович родился в 1849 году в Севастополе в семье участника Крымской войны и обороны Севастополя, священника Антония Аргириди (1812–1870). Мать Дмитрия Антоновича, Николетта Эммануиловна, урожденная Критико, происходила из старожильческой греческой семьи, давшей многих купцов и военных. По окончании обучения на медицинском факультете Новороссийского университета в Одессе, Д.А. Аргириди в начале 1880-х годов был определен на службу в должность старшего врача 29-го флотского экипажа. В 1897 году его избрали «председателем лечебницы для взрослых в Севастополе», а в 1901 году – «руководителем собрания врачей лечебницы для бедных больных» и библиотекарем Общества севастопольских врачей. В течение многих лет Дмитрий Антонович являлся председателем правления севастопольского отделения Крымского горного клуба. «Путеводитель по Севастополю и его окрестностям», изданный в 1894 году, настоятельно рекомендовал гостям города «по делам экскурсий обращаться к врачу Аргириди», который «всегда снабжает необходимыми советами и сведениями»⁴⁶⁰.

На Нахимовском проспекте находились: склад льда А.Г. Караянопуло, винный склад, принадлежавший крупным севастопольским виноторговцам – братьям Г.Ф. и Н.Ф. Арони, кондитерская С.Е. Газо⁴⁶¹.

«Лучшие шашлыки в городе» можно было отвесть в греческом кафе-ресторане «Босфор», содержателем которого был константинопольский грек Христо Аргирипуло. Кафе-ресторан находился в доме Кашина на Большой Морской улице⁴⁶², а с 1889 года пере-

⁴⁶⁰ Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. С. 118; Новороссийский календарь на 1893 год. – Одесса, 1892. С. 74; Крымский вестник. 5 августа 1897; Крымский вестник. 6 февраля 1901; Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 40.

⁴⁶¹ Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. // Адрес-календарь Российской империи. / Изд-ие А.В. Суворина. – СПб., 1900. С. 1894; Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 35

⁴⁶² Объявление. // Севастопольский справочный листок. 18 апреля 1886.

местился на Нахимовский проспект⁴⁶³. Шашлыки (сувлаки) готовились здесь только из молодой баранины и имелись в ассортименте с марта по июль по цене 25 копеек за порцию. Греческие шашлыки отличались от приготовлявшихся из говяжьего филе кавказских шашлыков способом приготовления (сухое маринование). Их «пекли на шпильках на голом огне» и подавали «с мелко изрубленным луком и петрушкой, и куском лимона, соком которого поливается каждый кусочек». «Можно иметь шашлыки и в ресторанах «Бель-вю» и «Полтава», там тоже 25 копеек порция, можно иметь шашлыки и в ресторанах гостиниц, но здесь не выходят так вкусно и порции 50–60 копеек», – отмечал Е.Э. Иванов. Для искавших уединения в греческом ресторане «Босфор» имелся отдельный кабинет⁴⁶⁴. Современник отмечал, что «мелкий чиновный люд охотно посещает и хвалит греческий ресторан «Босфор»⁴⁶⁵. Частыми посетителями ресторана были и моряки с приходивших сюда греческих коммерческих пароходов, становившихся под разгрузку и погрузку в севастопольском порту⁴⁶⁶.

В доме Руденко на Нахимовском проспекте находилась гостиница Иванова, перешедшая в 1898 году под управление известного в Севастополе ресторатора Мины Панайотовича Ксеняки, владевшего до этого рестораном «Бель-вю». Гостиница была заново отремонтирована, и 15 (27) июля того же года открыта для приезжей публики. Расположенная в лучшей части города, вблизи купален, паромных пристаней, банков, Приморского и Мичманского бульваров, гостиница очень скоро обрела известность у многочисленных гостей. Ресторан гостиницы имел отдельные кабинеты, бильярдные комнаты и был «снабжен лучшими русскими водками и иностранными винами». Здесь принимались заказы на завтраки, обеды и ужины, имелся отдельный салон для проведения свадеб, банкетов и вечеров. Рекламные объявления того времени утверждали, что обеды в ресто-

⁴⁶³ Объявление. // Крымский вестник. 22 марта 1889.

⁴⁶⁴ Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 29.

⁴⁶⁵ Там же, С. 29.

⁴⁶⁶ Папаниколаки В.К. Воспоминания о старом Севастополе. / В 3-х тетрадях. Тетрадь 2-ая. – Севастополь 1880–1890 гг. ЛЛ. 23 об.–24.

Доходный дом севастопольского купца 1-ой гильдии С.Х. Гавалова

ране гостиницы «удовлетворяют самым изысканным требованиям господ посетителей. Цены умеренные»⁴⁶⁷.

На Нахимовском проспекте при одноименной гостинице находился ресторан «Бель-вю». С 1889 года его содержателем стала греческая фирма «Вриони и К^о», глава которой в течение многих лет являлся содержателем одного из первоклассных ресторанов в Одессе⁴⁶⁸.

В 1899 году на Нахимовском проспекте завершилось строительство четырехэтажного здания доходного дома (№ 33), о чем свидетельствует дата на его фасаде. Владелец дома был Семен Христофорвич Гавалов – купец 1-й гильдии, потомственный почетный граж-

⁴⁶⁷ Рекламное объявление. // Крымский вестник. 16–17 июля 1898.

⁴⁶⁸ Рекламное объявление. // Крымский вестник. 16 февраля 1889.

данин, видный общественный деятель конца XIX – начала XX вв. Среди севастопольских старожилков бытовало предание, что когда архитектор спросил Гавалова: «В каком архитектурном стиле проектировать здание?», тот задумываясь ответил: «Используйте все стили». Здание являет собой редкий пример разных, зачастую противоречащих друг другу архитектурных форм, и привлекает внимание своим видом. Его фасад украшен огромным количеством декора, перегружен деталями из разных эпох и стилей: здесь и атланты, и колонны всех ордоров, маскароны, элементы барокко. Здание нарочно асимметрично: с одной стороны фонарь, с другой – открытые балконы. Четвертый этаж стилизован под мансарды. Обилие украшений дробит фасад, создавая ощущение, будто его лепили десять архитекторов, причем каждый – свою любимую деталь⁴⁶⁹.

В доходном доме С.Х. Гавалова размещались: отделение Московского международного банка (в первые годы XX века – Севастопольское отделение Объединенного банка), один из самых крупных промтоварных магазинов белья, полотен и приданного московских фабрикантов А. и Я. Альшванг и обувной магазин С.М. Каракоза. Квартиры третьего и четвертого этажей сдавались внаем.

В конце XIX века Семен Христофорович Гавалов являлся директором севастопольского Общества взаимного кредита⁴⁷⁰, членом учетного и ссудного комитетов Севастопольского отделения Государственного банка, агентом страховых обществ «Надежда» и «Эквитебль»⁴⁷¹, а в начале XX века был агентом второго Российского страхового общества и неоднократно избирался гласным Севастопольской городской думы. Семен Христофорович много занимался благотворительной деятельностью, являлся членом попечительного совета женской казенной гимназии и попечителем приюта для престарелых. В 1894 году на средства, выделенные Гаваловым, была построена колокольня над епархиальной церковью св. Александра Невского при Константиновском реальном училище.

Двухэтажный дом № 5 на площади с часовней принадлежал Д.Н. Неофиту – севастопольскому купцу 2-ой гильдии, крупному мя-

Севастополь. Здание паровой мельницы Родоканани в Южной бухте

соторговцу и промышленнику. Жившие в Севастополе братья Александр Николаевич и Дионисий Николаевич Неофит являлись совладельцами семейной колбасной фабрики в Одессе, делами которой управляли их братья Христофор Николаевич и Евангелий Николаевич Неофит. В ноябре 1889 года «для удобства потребителей и торговцев» ими было открыто отделение одесской фабрики в Севастополе, временно находившееся в доме Кальфа на Базарной улице. В 1890-е годы колбасно-гастрономический магазин братьев Неофит разместился в помещении первого этажа дома № 5 на площади с часовней. Здесь в ассортименте всегда имелись разнообразные колбасные изделия и «большой выбор окороков копченых и вяленых собственного одесского приготовления», за качество которых ручались владельцы магазина. Здесь можно было купить «всевозможные сорта сыра и нежинское соленье». К Рождественским праздникам ассортимент магазина пополнялся «всевозможными фаршированными птицами, поросятами и окороками». Цены на все товары в магазине были одесские, а торговля ими производилась оптом и в розницу.

⁴⁶⁹ Веникеев Е.В. Указ. соч., С. 62.

⁴⁷⁰ Севастопольский справочный листок. 7 ноября 1882.

⁴⁷¹ Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 41.

Вид на Херсонесскую улицу. Фотография А.Д. Ермакова

Братьям А.Н. и Д.Н. Неофит принадлежал также магазин колониальных товаров на 2-й Продольной улице в Артиллерийской слободке⁴⁷². В нем торговали чаем, кофе, какао, разнообразными специями, цитрусовыми.

В конце XIX века в Севастополе имелось много крупных и мелких мастерских различного профиля, владельцами некоторых из них были греки. На углу площади с часовней, слева от начала примыкавшего к ней Мучного переуллка, находилась слесарно-механическая мастерская А.К. Косты – севастопольского купца 2-й гильдии, одного из старожилков города. Мастерская принимала заказы на «всевозможные слесарно-механические и гнутые изделия», производила починку ружей и револьверов⁴⁷³. На Херсонесской улице была «Мраморная мастерская Скачдопуло». Здесь принимали заказы на

⁴⁷² Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. // Адрес-календарь Российской империи. / Изд-ие А.В. Суворина. – СПб., 1900. С. 1894.

⁴⁷³ Частное объявление. // Крымский вестник. 21 октября 1903.

изготовление надгробных памятников из черного, белого мрамора и гранита⁴⁷⁴.

На углу улиц Артиллерийской и Херсонесской (ныне улица Адмирала Октябрьского) в доме Харламова № 81 с конца XIX века находилась известная в городе механическая литейная мастерская, принадлежавшая Георгию Дмитриевичу Василюпуло. Георгий Дмитриевич родился в Греции в 1868 году. В середине 80-х годов он эмигрировал в Россию и поселился в Севастополе на 4-й Продольной (ныне Азовской) улице, где построил собственный дом (№ 91). В 1889 году Г.Д. Василюпуло открыл свою мастерскую по чугунному литью⁴⁷⁵. Изделия с клеймом «Литейная Василюпуло» до настоящего времени встречаются на улицах города.

С западной стороны Центральный городской холм опоясывала Большая Морская улица – вторая из трех главных улиц Севастополя. Здесь жили, сдавали и снимали квартиры представители самых различных сословий – дворяне, купцы, мещане, мелкие служащие. На Большой Морской находились дома, принадлежавшие Ф.Д. Ергопуло, Н.Е. Иорданову, генерал-майору И.Э. Вергопуло, садовладельцу К.Е. Солонику⁴⁷⁶. В доме Дергачевой долгое время жила А.П. Мавромихали, дочь крупного крымского помещика⁴⁷⁷. В доме Перламутра, рядом с временным зданием Петропавловской церкви, снимал квартиру известный в городе преподаватель классических языков Ф.Г. Тиктопуло⁴⁷⁸.

В самом начале улицы Большой Морской, рядом со зданием севастопольского отделения Государственного банка, находился двухэтажный доходный дом севастопольского купца 2-й гильдии Е.С. Селитрари. В первом его этаже размещался «Одесский магазин М. Камелети», а на втором находилась гостиница. Селистрари владел также несколькими кондитерскими в центре города, которые «со всей

⁴⁷⁴ Хроника. // Крымский вестник. 22 февраля 1889.

⁴⁷⁵ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2-л, ед. хр. 379, лл. 1 – 5 об.

⁴⁷⁶ Объявление. // Севастопольский справочный листок. 5 мая 1883; Объявление. // Севастопольский справочный листок. 18 апреля 1886; Объявление. // Севастопольский справочный листок. 12 августа 1884; Севастопольский справочный листок. 17 октября 1882.

⁴⁷⁷ Объявление. // Севастопольский справочный листок. 2 июня 1883.

⁴⁷⁸ Там же.

Екатерининская улица. Гостиница «Гранд-отель» Л.Д. Кидониса. Следующий за ней двухэтажный дом принадлежал вице-адмиралу И.Г. Попандопуло

здания Морского собрания, перешло к новому владельцу – севастопольскому купцу 2-й гильдии Леониду Дмитриевичу Кидонису. «Гранд-отель» относилась к числу лучших гостиниц города. Стоимость проживания в ней зависела от номера и предоставляемых удобств, составляла от 1 до 5 рублей. При гостинице имелись: первоклассный ресторан с русской и французской кухней, ванные комнаты. Комиссионеры встречали своих клиентов у поездов и пароходов. Обслуживающий персонал гостиницы владел иностранными языками⁴⁸¹. В здании «Гранд-Отеля» размещались аппортаменты Турецкого консульства, а должность турецкого вице-консула в Севастополе в 1880-е – 1890-е годы исполнял турецко-подданный грек Аристид Иосифович Икиадис⁴⁸².

На Екатерининской улице находились дома морских офицеров, купцов, чиновников. Дом № 3, располагавшийся сразу за гостиницей «Гранд-отель», принадлежал наследникам умершего в 1891 году вице-адмирала И.Г. Попандополо. Здесь же находился дом семьи В.И. Феолого. В помещениях первого этажа дома № 103, владельцем которого был И.П. Мартино, размещались классы частной школы грамоты. На Екатерининской улице находились: посудный магазин Ф.А. Тащи, бакалейный магазин Николая Васили, мебельная мастерская Демо, винный магазин И.Д. Мимитопуло, подрядная контора купца 2-й гильдии А.С. Пасхалиди⁴⁸³, контора купца 3-й гильдии С.Г. Звороно⁴⁸⁴. В доме Вучины находился склад пива Новороссийского завода П.Ф. Родоканаки. Такие его известные марки, как «Экспорт», «Пильзенское», «Черное» бесплатно доставлялись мелкооптовыми партиями по заявкам заказчиков⁴⁸⁵. В доме Торопова № 42 на Екатерининской улице размещалась контора торговой фирмы «А. Карассарини и К^о», имевшей свой склад в Южной бухте напротив паровой мельницы Родоканаки⁴⁸⁶, а в доме Андронико № 83

⁴⁸¹ Рекламное объявление. // Адрес-календарь по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1910.
⁴⁸² Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 42.
⁴⁸³ Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. // Адрес-календарь Российской империи. / Изд-ие А.В. Суворина. – СПб., 1900. С. 1894.
⁴⁸⁴ Севастопольский справочный листок. 17 октября 1882.
⁴⁸⁵ Рекламное объявление. // Севастопольский справочный листок. 12 мая 1883.
⁴⁸⁶ Рекламное объявление. // Севастопольский справочный листок. 23 декабря 1884.

обстановкой» сдавал в аренду⁴⁷⁹. Близ аптекарского и косметического магазина Холевинского на Большой Морской улице находился гастрономический магазин севастопольского купца 3-й гильдии К.Н. Андронико⁴⁸⁰.

Центральной площадью Севастополя, как и в прежние годы, оставалась Екатерининская (ныне Нахимова), от которой начиналась Екатерининская улица (ныне ул. Ленина), где к концу XIX века были разобраны последние руины. В 1880-е годы трехэтажное здание гостиницы «Гранд-Отель», располагавшееся в доме № 1 на левой ее стороне рядом с паровой пристанью РОПИТ и напротив

⁴⁷⁹ Хроника. // Севастопольский справочный листок. 4 августа 1882; Хроника. // Севастопольский справочный листок. 18 декабря 1883; Рекламное объявление. // Севастопольский справочный листок. 26 февраля 1886.
⁴⁸⁰ Места розничной продажи газеты. // Севастопольский справочный листок. 27 октября 1882; Список лицам, которым адресованы товары. // Севастопольский справочный листок. 7 декабря 1882.

располагалось Агентство международного общества спальных вагонов и европейских скоростных поездов⁴⁸⁷.

С 1882 года в городе стала издаваться газета «Севастопольский Справочный Листок», издателем и редактором которой была О.А. Протопопова – известная городским обывателям владелица книжного магазина и библиотеки. Редакция газеты размещалась в помещениях первого этажа дома Ергопуло на Большой Морской улице⁴⁸⁸. С марта 1888 года газета перешла к новому владельцу – севастопольскому купцу 2-ой гильдии С.М. Спиру – и была переименована сначала в «Крым», а затем в «Крымский вестник»⁴⁸⁹. «Он задумал положить начало гласности в нашем крае», – писал его старейший друг А. Цвибак. Имя этого замечательного человека, хорошо известного севастопольцам в прошлом, теперь, к сожалению, незаслуженно забыто, хотя оно вправе занимать достойное место в пантеоне знаменитых имен в истории города. Потратив на газету не только здоровье, но и все свое состояние, он уехал в Швейцарию, где поселился в небольшом городке Лугано. Там, всеми забытый, С.М. Спиру скоропостижно скончался 6 (19) сентября 1908 года на 52-м году жизни. Около 20 лет Семен Михайлович занимался благотворительностью: «делу гласности он от-

⁴⁸⁷ Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь: тип-ия «Прогресс» А.Я. Гиделевича, 1908. С. 96.
⁴⁸⁸ Севастопольский справочный листок. 24 ноября 1883.
⁴⁸⁹ «Крымский вестник» – еженедельная политическая, общественная и литературная газета. Издавалась в Севастополе с 1888 года; с 1917 года – орган печати партии кадетов; закрыта 14 (27) февраля 1918 г. по решению исполкома Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. Вновь начала выходить в период немецкой оккупации Крыма, издавалась до ноября 1920 года.

Николай Петрович Грипари (1848–1928), дипломат, предприниматель, меценат

дал все, что мог отдать – все без остатка», не оставив своей многочисленной семье никакого наследства⁴⁹⁰.

С конца 1890-х годов XIX века на площади Новосильского (бывш. Бульварная, Театральная, ныне – пл. Ушакова) находилось деревянное здание цирка, владельцем которого был Ананий Саввич Пасхалиди (1865–1907), купец 2-й гильдии и известный подрядчик, осуществлявший основные градостроительные проекты в Севастополе и Евпатории. Он жил в собственном доме № 47 на Екатерининской улице. Здание цирка в конце XIX – начале XX веков арендовал Максимилиан Труцци, который, в свою очередь, сдавал его в аренду различным антрепренерам. Постоянной цирковой труппы в городе не было, а цирковые артисты приезжали на гастроли в Севастополь на несколько месяцев летом. В ноябре 1890 года в Севастополе гастролировала труппа известного в России циркового артиста-клоуна и дрессировщика В. Л. Дурова⁴⁹¹.

Рядом с Историческим бульваром находился дом Николая Петровича Грипари – севастопольского купца 1-й гильдии, крупного общественного деятеля конца XIX – начала XX вв., греческого вице-консула в Севастополе. Семья Николая Петровича Грипари обосновалась в городе вскоре после Высочайшего по-

веления императора Александра III о признании его с 18 февраля (2 марта) 1880 года греческим вице-консулом в Севастополе. Главная контора семейной фирмы Грипари находилась в принадлежавшем ему доме № 5 на площади Новосильцева. Наряду с торговыми операциями, фирма оказывала такие услуги, как сдача в аренду жилья,

⁴⁹⁰ Цвибак А. Некролог. // Крымский вестник. 8 сентября 1908.
⁴⁹¹ Хроника. // Крымский вестник. 26 июля 1890.

изучение немецкого, древнегреческого языка и латыни под руководством опытного лингвиста из Константинополя⁴⁹².

24 апреля (6 мая) 1890 года великобританский подданный Н.П. Грипари был приведен к присяге на подданство России. Принятие присяги происходило в Севастопольском полицейском Управлении при участии настоятеля Свято-Николаевского адмиралтейского собора протоиерея Михаила Миловидова. Благодаря своей высокой образованности и знанию европейских языков, Николай Петрович, кроме всего прочего, блестяще справлялся с обязанностями итальянского и французского консульского агента, норвежского, датского и бельгийского вице-консула в Севастополе⁴⁹³. В 1895 году Грипари был избран присяжным заседателем и за выдающиеся заслуги в общественной деятельности и развитии благотворительности в городе награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

Несмотря на свою малочисленность по сравнению с другими этническими группами, греческое население Севастополя играло заметную роль в общественной и культурной жизни города. Активное участие в деятельности Севастопольского благотворительного общества в последней четверти XIX века принимали гречанки Мария Петровна Грипари и Анастасия Стефановна Кологерас. В «Списке лиц, пожертвовавших денежные суммы Севастопольскому благотворительному обществу взамен визитов на первый день Нового года» от 1 (13) января 1898 года, можно встретить фамилии севастопольских греков Д.П. Грипари, А.С. Пасхалиди, А.К. Косты, С.М. и Р.И. Спино, Л.Д. Кидониса, А.К. Тоганиди, Н.Д. Фотаки, Ф.А. Таца⁴⁹⁴. 9 (21) июня того же года внесли свои пожертвования для городской лотереи «аллегро» А.А. Ревелиоти, Н.П. Грипари, А.С. Пасхалиди, Д.П. Грипари, М.П. Экзархиди, С.М. Спино, Д.Н. Неофит и другие⁴⁹⁵.

В 1886 году в Севастополе был основан яхт-клуб, насчитывавший около 100 членов, имевший отдельную пристань, две яхты и несколько шлюпок. В начале 90-х годов в прибрежной части Приморского бульвара, недалеко от памятника затопленным кораблям, для

него было построено специальное здание, выполненное в мавританском стиле. Яхт-клуб занимал нижний этаж, имевший просторный зал. На верхнем этаже размещались курортный зал, библиотека и городской ресторан. Многие члены клуба имели собственные яхты, байдарки, ялики. Председателем комитета яхт-клуба в 1894 году был брат греческого консула, Демосфен Петрович Грипари, которому принадлежала роскошная яхта «Мечта». Вице-командором Клуба со дня его основания являлся контр-адмирал И.М. Манто, а начальником пристани – купец 3-й гильдии А.М. Милинарич⁴⁹⁶. О популярности севастопольского яхт-клуба говорит тот факт, что его почетным членом с 1889 года являлся великий князь Александр Михайлович⁴⁹⁷.

В конце XIX века в Севастопольском градоначальстве неожиданно получило развитие виноделие. Образцовым содержанием виноградников отличались дачи и хутора, принадлежавшие семьям Симакопуло, Спино, Метакса, Грипари, Стефани, Арони, Манто, Бамбуко, Василькиоти. Известными в Севастополе и за его пределами виноделами и виноторговцами были братья Арони.

В имении наследников Алексиано ежегодно производились вина, на которые принимались оптовые заказы: приобретавшему «сразу не менее трех ведер в деревянной посуде или 50 бутылок» делалась 10% скидка. Вина, изготовленные в имении наследников Алексиано – «мускат», «бордо», «рислинг», «столовое белое» – можно было также приобрести в розницу в магазинах Севастопольского морского потребительского общества (его контора находилось в доме Друри на Екатерининской улице), деятельностью которого руководили Койчу и Попандопуло⁴⁹⁸.

Молодое южнобережное вино предлагалось оптовым покупателям виноторговцем Л.К. Папалекси. Принадлежавшие ему винные погреба располагались на Нахимовском проспекте в доме Корсика и на Большой Морской улице в доме Ваше. Вино продавалось по цене

30 коп. за кварту и 2 руб. 50 коп. за ведро. Выдержанные марочные вина бутылочного розлива продавались по ценам прейскуранта.

Вина, изготовленные из винограда, выращенного в окрестностях южной стороны Севастопольской рейдовой бухты, назывались «новоземельскими». Одним из наиболее известных в Севастополе мест, где ежегодно, с начала июня производилась оптовая и розничная торговля натуральным красным, розовым и белым вином, изготовленным из винограда, выращенного в саду «Новая Земля», был винный погреб Г.К. Михайли в доме на набережной Артиллерийской улицы (в нем же размещался ресторан «Симферополь») рядом с гостиницей «Приморская». Доступные цены привлекали сюда многочисленных оптовых покупателей и любителей натурального вина.

С 1892 года за разработку «новоземельских» вин серьезно взялся Ф.А. Грипари, «получивший специальное широкое образование во Франции». Приобретая у соседей молодое вино, он выдерживал его затем по особой технологии в своих винных подвалах. Вина его производства, в зависимости от марки и срока выдержки, реализовывались в розницу по цене от 25 до 75 коп. за бутылку. Виноград, произрастающий на землях Ф.А. Грипари, по праву считался одним из лучших в окрестностях Севастополя⁴⁹⁹.

Ежегодно по железной дороге в Севастополь приезжали сотни тысяч курортников из различных уголков бескрайней Российской Империи, следовавшие затем на Южный берег Крыма. Это обстоятельство не осталось без внимания предприимчивых греков, открывавших для удобства приезжавших многочисленные закусочные и буфеты. Так, на четвертой версте от Севастополя по Балаклавскому шоссе, на находившейся за хутором Грипари даче Ф.И. Цираниди каждый сезон, начиная с 14 (26) мая, ежедневно приготавливались шашлыки и чебуреки. В ассортименте этой придорожной закусочной всегда имелись разнообразные прохладительные напитки⁵⁰⁰.

Профессиональная ориентация греческого населения Севастополя в конце XIX века была довольно разнообразна. У отдельных представителей старожилов-греков устойчиво сохранялся приоритет к службе в армии и на флоте. Младшим флагманом морского

ведомства в 1894 году был контр-адмирал Л.К. Кологерас, участник Крымской войны и обороны Севастополя. В городе проживали: отставной полковник К.И. Кокораки, отставной подполковник Н.Е. Кондараки, поручик 50-го Белостокского полка П.М. Василькиоти, отставной капитан К.Э. Кириако, отставной унтер-офицер Г.П. Кокинаки, уволенный в запас унтер-офицер И.К. Христофи.

На российско-подданных греков, наравне с другими, распространялся закон о воинской повинности. В 1885 году, например, по Севастопольскому градоначальству было призвано к службе в армии и на флоте 158 человек, из которых 25 были греки: И.Н. Энгели, П.К. Энгели, М.А. Недо, И.Н. Панайотаки, А.Н. Антипа, А.К. Панайотов, В.К. Анастасьев, Л.Л. Мартино, А.А. Кази, Н.Е. Панаго, Д.А. Арванити, И.С. Гинали, А.Ф. Дмитриев, К.И. Зафири, Ф.Д. Калеми, Г.Я. Михели, М.Д. Македонский, К.Д. Пасхали, В.С. Стерио, Г.А. Спаи, И.Г. Спаи, И.З. Буга, Г.Г. Терленди и А.Г. Христопуло⁵⁰¹.

Процент чиновников и государственных служащих среди греков был незначителен. Известны тайный советник И.Э. Вергопуло, мировой судья 1-го участка Севастопольского градоначальства Н.Д. Лаго⁵⁰², действительный статский советник Е.А. Папахристо, статский советник Х.Д. Куртиди, помощник первого пристава титулярный советник Н.В. Сариянаки, титулярные советники А.К. Солоникио, К.И. Бетафори, коллежский советник В.А. Кокораки, служащий Севастопольской портовой конторы коллежский регистратор С.К. Марандаки, коллежский асессор Л.П. Михайли, присяжный поверенный Димаки, присяжный оценщик С.А. Таца, служащий конторы Лозово-Севастопольской железной дороги В.А. Мараки, канцелярский 3-го разряда К.К. Трапезаров⁵⁰³.

Достаточно редкой среди севастопольских греков в конце XIX века была и профессия врача. Известны врач-интерн Севастопольской городской больницы М.П. Агриомати⁵⁰⁴, врач морского ведом-

⁴⁹² Объявление. // Севастопольский справочный листок. 2 июня 1883.

⁴⁹³ Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 42.

⁴⁹⁴ Объявление. // Крымский вестник. 1–2 января 1898.

⁴⁹⁵ Объявление. // Крымский вестник. 10 июня 1898.

⁴⁹⁶ Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 41–42.

⁴⁹⁷ Хроника. // Крымский вестник. 1 марта 1889.

⁴⁹⁸ Объявление о начале торгов. // Севастопольский справочный листок. 17 мая 1884.; Объявление о начале торгов. // Крымский вестник. 1 (13) июня 1895.

⁴⁹⁹ Там же, С. 32.

⁵⁰⁰ Частное объявление. // Крымский вестник. 11 мая 1899.

⁵⁰¹ Список лицам, призываемым к исполнению воинской повинности в призыв 1885 года по Севастопольскому градоначальству. // Севастопольский справочный листок. 22 мая 1885.

⁵⁰² Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. // Адрес-календарь Российской империи. / Изд-ие А.В. Суворина. – СПб., 1900. С. 1894.

⁵⁰³ ГААРК, ф. 49, Оп. 1, д. 5273, лл. 26 об., 29, 35, 37, 38.

⁵⁰⁴ Шевлякова Д.П. Указ. соч., С. 83.

Нахимовский проспект. Открытка начала XX века

не самой популярной из них была кофейня турецкого подданного Танасиса Ганитиса, размещавшаяся в доме Милашевича⁵⁰⁸. В центральной части Севастополя наибольшей известностью пользовались две кофейни, владельцами которых были греки. Кофейня Николая Григорьевича Семерджи находилась в первом этаже дома Гефтмана на Екатерининской улице. Здесь посетителям предлагали чай, кофе, молоко и большой выбор кондитерских изделий. Кофейня греческого подданного Николая Анастасьевича Лизесериса занимала просторное помещение зального типа в доме Крюкова с окнами, выходившими на Большую Морскую улицу. Наряду с кофе, чаем и молоком, здесь подавали какао⁵⁰⁹.

К концу XIX века местная греческая колония представляла собой существенный и необходимый компонент возрожденного из пепла Севастополя – крупного многонационального капиталистического города на юге Российской Империи. Греки внесли заметный вклад в специфически севастопольскую этническую городскую среду, принимая деятельное участие в культурной, религиозной, общественной и экономической жизни города, в развитии образования и благотворительности. Общественным и культурным центром греческой колонии Севастополя стала Артиллерийская слободка: здесь находилась греческая церковь, при которой имелось попечительство для греков, Греческое училище и Греческое благотворительное общество, в состав которого входили представители от интеллигенции, духовенства, купцы и крупные промышленники.

К началу XX века в Севастополе начала складываться прослойка местной греческой интеллигенции. Занимая руководящие и ответственные должности в городской думе, суде, полиции, банках, кредитных обществах, занимались благотворительностью, греки являлись попечителями учебных заведений, приютов, учредителями стипендий. Все вместе это способствовало постепенному переходу к новому периоду в истории греческой колонии Севастополя – периоду самоутверждения.

ства Д.А. Аргириди, частный врач Э.Х. Георгиадис, врач военного ведомства Н.Х. Грамматиков⁵⁰⁵. В Карантинной слободке на улице Приютинской практиковала С.В. Лазариди⁵⁰⁶, известный в городе врач-стоматолог⁵⁰⁷.

В числе нововведений, явившихся в последней четверти XIX века в повседневной жизни севастопольцев, были греческие кофейни, имевшиеся практически во всех частях города. Множество небольших и совсем маленьких кофеен находилось в Артиллерийской слободке, где компактно проживало греческое население. Едва ли

⁵⁰⁵ Иванов Е.Э. Указ. соч., С. 38–39.

⁵⁰⁶ Лазариди София Владимировна, в девичестве Кокораки, была дочерью уроженца Севастополя, статского советника Владимира Андреевича Кокораки.

⁵⁰⁷ Частное объявление. // Крымский вестник. 19 июня 1897.

⁵⁰⁸ Рекламное объявление. // Крымский вестник. 6 января 1889.

⁵⁰⁹ Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1908. Рекламные объявления.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ, КУЛЬТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРЕКОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЯ (1901–1917)

В новое столетие «Севастополь вошел с веселым звоном трамваев на улицах» и с «ярким электрическим светом в окнах домов»⁵¹⁰. Город, разрушенный до основания в годы Крымской войны, был восстановлен и достиг своего процветания благодаря существованию здесь коммерческого порта.

«Современный Севастополь многим отличается от обыкновенных провинциальных русских городов, – сообщал путеводитель начала XX века. – Он, без сомнения, превосходит их не только красотой своего расположения, но и чистотой и благоустройством». В городских постройках не было той пестроты красок, какая обычно имела место в провинциальных российских городах. «Весь Севастополь выстроен из белого инкерманского камня, замечательного тем, что постройки из него не нуждаются ни в штукатурке, ни в окраске. Он в своем естественном виде, принимая после серо-желтый цвет, вполне приличен. Дома в Севастополе по цвету однообразны, что придает ему довольно строгий стиль. Крыши домов – в большинстве случаев черепичные и всегда красного цвета, чем Севастополь так же отличается от большинства городов, где чаще крыши красятся зеленою краскою»⁵¹¹.

В начале XX века это был «очень красивый город, далеко оставляющий за собой большинство провинциальных городов». «Прекрасные широкие улицы, превосходно вымощенные гранитными кубиками, с деревьями по обочинам, застроены большими красивыми домами из инкерманского камня, не нуждающегося в штукатурке, – писал Г.Г. Москвич. – По улице мчатся электрические трамваи, а роскошные магазины с зеркальными стеклами останавливают вни-

⁵¹⁰ Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя: Путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 25.

⁵¹¹ Крым. Путеводитель. / Под ред. К.Ю. Бумберя, Л.С. Вагиля, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова. – Симферополь, 1914. С. 415.

Вид на Севастополь с западного берега Артиллерийской бухты. Начало XX века

мание не одного только провинциала. В Севастополе превосходный Приморский бульвар с чудным симфоническим оркестром, весьма оживленный и привлекающий в летнее время множество фешенебельной публики, отнюдь не похожей на жителей провинции, а севастопольские дамы по изяществу и умению носить костюм успешно конкурируют со столицей и вообще с курортной публикой, всегда уделяющей много внимания внешности. Но что особенно привлекает в Севастополе – это его море, всегда прекрасное, голубое, чарующее»⁵¹².

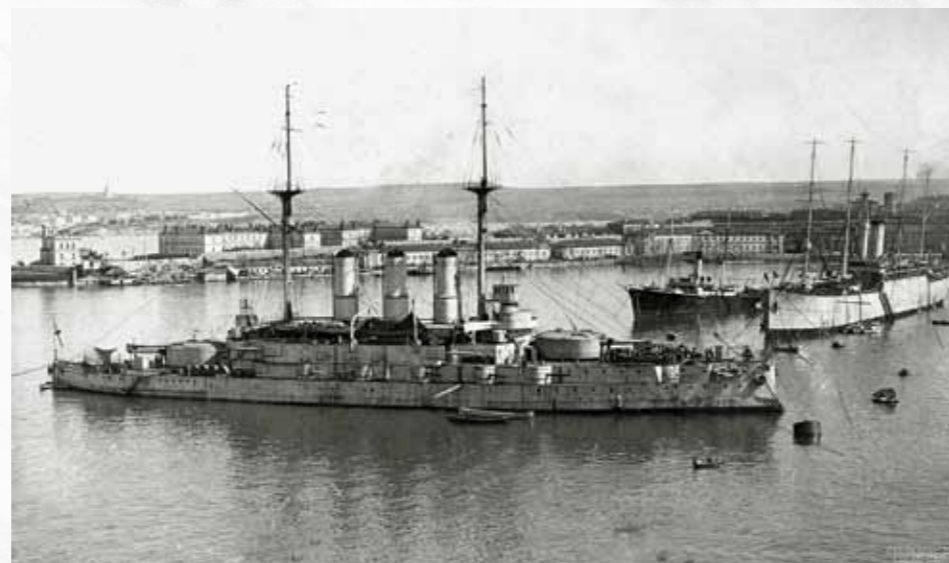
⁵¹² Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. / Изд-ие 24-ое. – СПб., 1912. С. 48–49.

С начала последней четверти XIX века, благодаря мягкому, обладающему лечебными свойствами местному климату и химическому составу морской воды, Севастополь становится популярным в Крыму курортом. С каждым годом возрастало количество курортников, приезжавших сюда на отдых и лечение, а около 1904–1905 гг. начался настоящий «курортный бум»: владельцы приморских имений делили их на дачные участки, которые сдавали внаем или продавали. Летом и в начале осени первоклассные севастопольские гостиницы и меблированные комнаты часто бывали переполнены, а в отдельные годы не возможно было найти свободных номеров в более чем десяти имевшихся в городе второклассных и третьеклассных гостиницах⁵¹³.

Наряду с ресторанами, имевшимися практически при всех гостиницах, в Севастопольском яхт-клубе на Приморском бульваре и у здания панорамы обороны Севастополя на Историческом бульваре, в городе появились столовые «Петербургская», «Дюльбер» и «Афины», находившиеся на Большой Морской улице⁵¹⁴.

Вместе с тем, город вновь принял «военный облик»: стоявший в Южной бухте и на Севастопольском рейде Черноморский флот в начале XX века насчитывал в своем составе 8 броненосцев, 1 крейсер, 2 минных крейсера, 28 миноносцев, 6 канонерских лодок, и множество транспортных пароходов. Это придавало городу особый, неповторимый колорит в глазах приезжавших сюда на отдых курортников, с восторгом и нескрываемым любопытством взиравших на эти плавающие дредноуты. Разрешался осмотр броненосцев гражданскими лицами: для этого в свободное от учений время нужно было всего лишь подъехать на ялике к любому из них. В распоряжение приезжавших выделялся младший офицер, который сопровождал их по палубе и давал, по возможности, все необходимые разъяснения⁵¹⁵.

В 1900–1908 года город периодически посещала греческая королева Ольга Константиновна, прибывавшая сюда из Пирея на яхте «Амфитрида», иногда одна, иногда с младшим сыном принцем Хри-

Броненосец на якорной стоянке в Южной бухте Севастополя. Фотография начала XX века

стофором. Так, утром 23 мая (4 июня) 1900 года⁵¹⁶ на севастопольский рейд вошла королевская яхта, на борту которой находились «Ее Величество Королева Эллинов и ее сын Христофор». Королева прибыла, как сообщали газеты, для встречи со своей бывшей фрейлиной графиней де Бальмен, жившей в Севастополе. На следующий день принц Христофор в сопровождении исполняющего обязанности греческого вице-консула в Феодосии Д.П. Грипари, посетил Братское кладбище на Северной стороне. 25 мая (6 июня) Ольга Константиновна, принц Христофор, графиня де Бальмен и сопровождавшая королеву свита отбыли из Севастополя в Пирей⁵¹⁷.

В мае 1901 года Севастополь в очередной раз посетила греческая королева Ольга Константиновна, а в 1904 году королевская яхта «Амфитрида» дважды доставляла ее к Царской пристани. В июне 1905 года для встречи греческой королевы из Петербурга в Севастополь прибыл состоявший при ее величестве граф Голенищев-Кутузов-

⁵¹⁶ Все даты по 1 (14) февраля 1918 г. включительно приводятся по старому стилю.

⁵¹⁷ Хроника. // Крымский вестник. 24 мая 1900.

Ольга Константиновна (1851–1926), великая княжна, внучка императора Николая I, дочь его сына, великого князя Константина Николаевича, и Александры Иосифовны; родная сестра великого князя Константина Константиновича. Жена второго греческого короля Георга I, регент Греции в ноябре – декабре 1920 года

ре, месте центральном и чистом», «около немецкой церкви», но они отказывались от них, считая эти «места отдаленными» от сложившегося еще в конце XVIII века района их компактного проживания в Центральной части города.

В конце концов, греки добились от думы выделения им прибрежного участка, имевшего «ценность до 50 тысяч рублей». «Вопрос с отводом земли», по мнению севастопольцев, «решился в пользу

⁵¹⁸ Хроника. // Крымский вестник. 5 июня 1905.

Толстой⁵¹⁸. 5 (18) июня Ольга Константиновна посетила Владимирский собор, а на следующий день – Свято-Николаевский адмиралтейский собор, где отстояла обедню. Вечером того же дня к Царской пристани был подан императорский поезд, на котором греческая королева в сопровождении графа Голенищев-Кутузова-Толстого и сопровождавшей ее свиты отбыла в Петербург.

После завершения строительства и освящения в 1890 году новой греческой Трехсвятительской церкви, греческая колония Севастополя стала настойчиво добиваться от городской думы выделения ей земельного участка под строительство второй греческой церкви.

Грекам предлагали землю «в старом городском сквере, месте центральном и чистом», «около немецкой церкви», но они отказывались от них, считая эти «места отдаленными» от сложившегося еще в конце XVIII века района их компактного проживания в Центральной части города.

греческой колонии в силу численного превосходства ее представителей в думе». «Греческое общество торжествует, – писала в декабре 1900 года газета «Крымский вестник», – в состоявшемся на днях думском заседании решено отвести означенному обществу прибрежный участок, тот именно участок, который оно просило, и в отводе которого в прошлом году было отказано». Решение городской думы вызвало негативный отзыв в средствах массовой информации: «Последнее постановление отвести греческому обществу земли на берегу моря является невероятным фактом, идущим в разрез городским интересам, – сообщал «Крымский вестник». – Этот единственный прибрежный участок, оставшийся у города, мог эксплуатироваться только в исключительном случае на пользу всего городского населения, а не одной его части»⁵¹⁹.

Единственной причиной недовольства городских обывателей являлось то, что место, выделенное грекам городской думой для строительства церкви, находилось вблизи Приморского бульвара. «В настоящее время, по отводе места греческому обществу, когда на нем будет построена греческая церковь, значение близ находящегося городского сквера будет совершенно утрачено, так как музыки там не должно быть ввиду близости церкви, а сквер единственное место для гуляний во время курорта», – констатировала газета⁵²⁰. В конце-концов грекам пришлось пойти на компромисс и отказаться от выделенного им приморского участка в пользу городского общества. Во всяком случае, сведений о строительстве в Севастополе второй греческой церкви не выявлено.

В созыве городской думы начала XX века, возглавляемой городским головой А.А. Максимовым, было 28 гласных, 6 из которых – В.К. Энглезы, С.Х. Гавалов, Н.Ф. Ергопуло, А.И. Млинарич, Д.Н. Неофит и А.К. Коста – представляли греческую колонию Севастополя, защищая ее духовные, культурные, хозяйственные и экономические интересы⁵²¹.

⁵¹⁹ Хроника. // Крымский вестник. 28 декабря 1900.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Терещук Н.М. Участие греков в севастопольском городском управлении (конец XVIII – начало XX века). // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей / Отв. редактор О. В. Соколовская. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 238.

Артиллерийская слободка. Вид на греческую Трёхсвятительскую церковь и греческое училище. Открытка начала XX века

Ведущая роль в сохранении греками родного языка и традиционной культуры принадлежала церкви, школе и учителям, существовавшим, главным образом, за счет средств, выделяемых Греческим благотворительным обществом. В состав этой общественной организации, как правило, входили греческий консул и вице-консул в Севастополе, настоятель греческой Трёхсвятительской церкви, патриотически настроенные купцы, промышленники и представители местной греческой интеллигенции. Такое тесное взаимодействие в конечном итоге привело к тому, что в начале XX века греческая церковь, греческое училище и Греческое благотворительное общество слились в национальный духовно-культурный центр, вокруг которого, назависимо от имевшегося гражданства, объединились представители самых различных сословий греческой колонии Севастополя, включая беднейшие, малоимущие семьи.

Устав севастопольского Греческого благотворительного общества был утвержден 15 (27) июня 1893 года Министерством внутренних дел, и в том же году началась его деятельность. Основателем и первым председателем Греческого благотворительного общества был Николай Петрович Грипари – греческой вице-консул в Севастополе, купец 1-ой гильдии, известный своей благотворительностью, и пламенный патриот. Общество находилось по адресу Греческого училища на улице Артиллерийской, № 19.

Председатель Греческого благотворительного общества избирался на пятилетний срок. Деятельность же членов правления не ограничивалась конкретными сроками, – они выбывали из его состава по жребию, разыгрываемому общим собранием, а на их место избирались новые члены из числа кандидатов.

С первых же лет существования Греческого благотворительного общества зародилась добрая традиция: увековечивать имена наиболее выдающихся его членов, отличавшихся своей благотворительной деятельностью в пользу греческой церкви, греческого училища и беднейших слоев греческой колонии. Им присваивались звания почетных членов благотворительного общества, а их портреты, в назидание потомкам, помещали на стенах актового зала Греческого училища, где в то время уже стоял бюст «создателя греческой церкви и школы» почетного гражданина города Севастополя Василия Ивановича Феолого (1792–1890). В основание бюста была вмонтирована медная доска с надписью на греческом и русском языках: «Детям греческой колонии Севастополя от Василия Ивановича Феолого».

3 (16) декабря 1900 года правление Греческого благотворительного общества приняло постановление об увековечении памяти его основателя и почетного председателя Н.П. Грипари «за известное усердие и благотворительную деятельность». Постановление правления было поддержано всеми членами общества и торжественно исполнено 12 (25) марта 1902 года, в день празднования обретения Грецией независимости⁵²².

В своей повседневной деятельности Греческое благотворительное общество находилось в тесном взаимодействии с греческой церковью. В дни больших религиозных праздников церковный староста Дионисий Николаевич Неофит раздавал денежные пособия «вдовам и сиротам греческой колонии», выделяемые из собранных на эти цели средств. Наряду с этим, благотворительным обществом ежегодно выделялось до 1 000 руб. на «вспомоществование разным лицам» или, говоря современным языком, для оказания разовой материальной помощи нуждающимся. Через посредство попечительства при греческой церкви благотворительное общество раздавало деньги малоимущим греческим семьям к праздникам Пасхи и Рождества Христова⁵²³.

Средства общества формировались из частных пожертвований, членских взносов, доходов от проведения Новогодних елок, благотворительных спектаклей в здании Городского собрания, розыгрышей лотереи «аллегри» и других «благотворительных увеселений». Частные денежные пожертвования в заклеенных конвертах с вложенными в них визитными карточками жертвователи опускали в закрытую на замок и опечатанную «кружку». После вскрытия конвертов и оприходования поступивших денег, суммы пожертвований записывались в специальный журнал, а имена жертвователей произносились во время молебнов о здравии, совершаемых по окончании литургии в церкви. Денежными средствами общества распоряжалось правление, состоявшее из семи человек. Контроль над ведением финансовой деятельности осуществляла ревизионная комиссия, избиравшаяся из числа его постоянных членов.

Греческая церковь и Греческое благотворительное общество являлись неизменными организаторами всех праздников и праздничных мероприятий. Ежегодно 30 января (13 февраля) греческая колония Севастополя праздновала престольный праздник своей церкви – собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. С раннего утра в церкви служилась праздничная литургия, по окончании которой совершался крестный ход из храма в здание Греческого училища, где служи-

Их Королевские Величества король Эллинов Георг I и королева Ольга Константиновна и старшие дети Их Величеств. (С фот. Рис. На дереве К. Брож, грав. И. Матюшин)

лась лития по строителю греческой церкви и создателю училища Василию Ивановичу Феолого. Затем происходил торжественный акт, во время которого настоятель в своей проповеди говорил о деятельности трех святителей православной церкви. По завершении официальной части праздника воспитанники Греческого училища исполняли гимны Греции и Российской империи, после чего в коротком выступлении читали стихи и басни на греческом и русском языках перед собравшимися. Греческое благотворительное общество в этот день устраивало праздничный обед для воспитанников и воспитанниц училища. «Отсутствие официального тона придавало этому торжеству симпатичный и задушевный характер», – писал о празднике корреспондент газеты «Крымский вестник»⁵²⁴.

Ежегодно 12 (25) марта праздновался День независимости Греции. После завершения молебна в церкви все собиралась в актовом зале Греческого училища, где проходила торжественная часть праздника. Здание училища и актовый зал в этот день украшали греческие и российские национальные флаги, а в глубине сцены устанавливали портреты императора Николая II и греческого короля Георга I, обрамленные венками из зелени и живых цветов. Здесь совершался еще один краткий молебен, по окончании которого воспитанниками и воспитанницами училища исполнялись греческий и российский гимны, произносились торжественные речи.

Во всех праздничных мероприятиях обязательно участвовал греческий консул в Севастополе Н.П. Грипари, а в случае его отсутствия – вице-консул П.А. Апостолиди, которые, по сложившейся традиции, накануне этого праздника отправляли от имени греческой колонии поздравительную телеграмму королю Греции и зачитывали перед собравшимися его ответ на послание⁵²⁵.

В праздники Рождества Христова и Пасхи воспитанникам и воспитанницам Греческого училища раздавались подарки, а детям из бедных греческих семей – денежные пособия, выделявшиеся из средств Греческого благотворительного общества. Стало доброй традицией и ежегодно устраивалось к Пасхе «разговение для всех нуждающихся прихода».

С 1901 по 1903 год настоятелем греческой Трехсвятительской церкви в Севастополе был архимандрит Амвросий Плиантидис (1868–1922) – выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия, член-казначей Таврической епархии⁵²⁶. В декабре 1903 года он был назначен настоятелем греческой церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Феодосии⁵²⁷.

Амвросий Мосхонисийский (греч. Αμβρόσιος Μοσχωνισίωv, в миру Амвросий Плиантидис, 1868–1922), уроженец города Смирна (Малая Азия), выпускник Киевской духовной академии. В 1900–1903 гг. архимандрит, настоятель греческой Трёхсвятительской церкви в Севастополе. (Фотография из собрания Афинского Объединения выходцев из г. Смирна)

Следующим после архимандрита Амвросия настоятелем греческой Трехсвятительской церкви стал архимандрит Григорий Вукунас, приехавший в Севастополь по приглашению местной греческой колонии⁵²⁸. «Высоконравственный, приветливый, отзывчивый, открытый, всегда доступный для общения», – таким запомнился он современникам⁵²⁹. Архимандрит Григорий пользовался всеобщей любовью и уважением севастопольских греков. Некоторое время вместе с ним в греческой Трехсвятительской церкви служил его отец, священник Георгий Вукунас. В Севастополе поселились приехавшие с острова Хиос родные братья настоятеля, – Константин и Демосфеников и мирян, погубленных во время Малоазийской Катастрофы, совершается каждое воскресенье перед Воздвижением Честного и Животворящего Креста Господня.⁵²⁸ Там же, С. 307.

⁵²⁹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1990–1991 гг. Полевая тетрадь № 2. С. 11–12. Воспоминания бывшей жительницы Севастополя Парфеной Евстафьевной Шахиди (1918–1999).

Вукунасы, которых прихожане часто приглашали в качестве вероисприемников (крестных) при крещении детей или поручителей (свидетелей) при совершении обрядов бракосочетания (венчания)⁵³⁰.

В течение двадцати лет, прошедших со дня освящения греческой Трехсвятительской церкви, стараниями ее настоятелей иеромонаха Геннадия Константиныди, архимандрита Амвросия Плиантидиса, архимандрита Григория Вукунаса и при содействии семьи греческого консула в Севастополе Николая Петровича Грипари при греческом училище была собрана обширная библиотека книг на греческом и русском языках⁵³¹.

Начавшаяся в 1904 году война Японии с Россией за господство в Северо-Восточном Китае и Корее послужила катализатором предпосылок первой русской революции 1905–1907 гг. Неудачный ход военных действий вызвал массовое недовольство во всех уголках бескрайней Российской империи. Представители самых различных слоев общества стали предъявлять свои требования властям. Одной из первых выступила интеллигенция, добивавшаяся расширения гражданских свобод, а в начале 1905 года стали выдвигать свои требования царю рабочие. Вскоре после падения (а фактически позорной сдачи) Порт-Артура, 9 (22) января 1905 года в Петербурге последовало «кровавое воскресенье», послужило толчком к началу первой русской революции, тайно финансируемой Японией, находившейся в состоянии войны с Россией, и кровно заинтересованной в устройстве внутренних беспорядков и свержении существовавшего в ней государственного строя.

Вскоре после гибели эскадры вице-адмирала Рождественского в Цусимском сражении 15 (28) мая 1905 года последовал акт воинского неповиновения на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический», вылившийся в стихийный матросский бунт. Старший флагман Черноморского флота вице-адмирал Кригер, не желавший кровопролития и опасавшийся, в случае потопления «Потемкина», распространения мятежных настроений на других кораблях, дал броненосцу возможность уйти в Констанцу

⁵³⁰ ГАГС, ф. 23, Оп.1, д. 1, 4, 7, 12, 14, 19, 20, 23; ГАГС, ф. 23, Оп. 1, д. 17, 19, 23; ГАГС, ф. 23, Оп. 1, д. 2, 3, 45.

⁵³¹ Справочная книга для Таврической епархии за 1910 год. Симферополь, 1910. С. 307.

(Румыния). Его опасения разделяло большинство офицеров Севастопольской эскадры. На минном крейсере «Казарский» к моменту встречи с «Потемкиным» торпедный аппарат был заряжен боевой торпедой, но командир крейсера капитан 2 ранга В.К. Ревелиоти не стал атаковать броненосец.

В целом, Черноморский флот оставался верным царскому правительству. За исключением броненосца «Потемкин» и миноносца № 267, матросский бунт не поддержали ни флотские экипажи, ни сухопутные части, ни гражданское население, хотя сочувствующих среди них, по всей видимости, было немало.

К осени 1905 года внутривластная ситуация в России стала неуправляемой. Севастополь, как и вся страна, в это время был охвачен революционным брожением, и вскоре жители города пережили тревожные события, вошедшие в историю как севастопольское ноябрьское вооруженное восстание 1905 года, для подавления которого были стянуты войска из других городов Крыма, а также из Одессы и Кишинева⁵³². 15 (28) ноября перед тысячами севастопольцев, собравшихся на Приморском бульваре, был в упор расстрелян и сожжен крейсер «Очаков». События, разыгравшиеся в Севастополе на глазах у его населения, потрясли своей жестокостью.

Личность П.П. Шмидта, героизированная большевистскими идеологами, до сих пор вызывает самые противоречивые оценки. В феврале 1906 года в городе Очакове состоялся военно-морской суд по делу участников Севастопольского ноябрьского вооруженного восстания 1905 года. Суд приговорил отставного лейтенанта П.П. Шмидта к смертной казни через повешение, еще троих организаторов восстания – С.П. Частника, Н.Г. Антоненко, А.И. Гладкова – к расстрелу. Приговор, представленный на утверждение главному командиру Черноморского флота Г.П. Чухнину, несмотря на кассационные жалобы, был утвержден, но смертная казнь через повешение, вынесенная Шмидту военно-морским судом, была заменена расстрелом.

Греческое население Севастополя, большую часть которого составляли иностранные подданные, оставалось в стороне от революционных событий. Не изменили царю и правительству и офицеры

⁵³² Высший подъем революции 1905–1907 гг. Документы и материалы. – М., 1955. Ч. 1. С. 272.

греки, служившие на Черноморском флоте и в составе частей гарнизона Севастопольской крепости.

В начале XX века народное образование в Севастополе находилось в крайне бедственном положении. «Севастопольские учебные заведения все страдают теснотой и неудобствами размещения, благодаря чему многим, ищущим поступления в них, приходится отказываться за недостатком мест», – отмечалось в протоколе особого совещания в городской думе. Греческому училищу, в классах которого ежегодно обучалось до 200 воспитанников и воспитанниц, сталкиваться с подобными проблемами не приходилось. Актный зал являлся местом отдыха во время перемен, а местом, где завтракали воспитанники, служило специальное помещение на первом этаже. Не было недостатка и в учебных классах.

В 1905 году учебный комитет Министерства народного просвещения разработал новую учебную программу для VII и VIII классов гимназий, ограничив изучение в них греческого языка. «В мае нынешнего года состоялся последний выпуск «греков» из наших гимназий», – констатировала решение министерства газета «Крымский вестник». «Биржевые ведомости» сообщали, что вместо греческого языка, изучению которого раньше отводилось 6 часов в неделю, Министерством предлагалось «расширить программы и увеличить число уроков по русской литературе, истории и, отчасти, по новым языкам»⁵³³. Изучение греческого языка в двух старших классах гимназий прекратилось уже в 1905/06 учебном году, что отразилось на знании родного языка у обучавшихся в них греческих детей.

С 1906 года Греческое училище в Севастополе взяла под свое покровительство греческая королева Ольга Константиновна, оказывавшая ему на протяжении многих лет значительную поддержку и обязательно посещавшая его в дни пребывания в Севастополе. С этого времени оно стало официально именоваться «Греческим училищем имени Королевы Эллинов Ольги Константиновны»⁵³⁴.

Выдача воспитанникам и воспитанницам свидетельств об окончании курса обучения наук в Греческом училище происходила в торжественной обстановке. Одна из таких церемоний состоялась

⁵³³ Хроника. // Крымский вестник. 5 февраля 1905.

⁵³⁴ Хроника. // Крымский вестник. 11 мая 1906.

10 (23) июня 1907 года. Выпускной класс состоял из 10 человек – 5 мальчиков и 5 девочек. На церемонии вручения свидетельств, проходившей в актовом зале училища, присутствовали греческий вице-консул в Севастополе, настоятель греческой церкви председатель и члены правления Греческого благотворительного общества, и многочисленные гости. После вручения свидетельств, для собравшихся был дан концерт, в программе которого прозвучали хоровые песни на греческом и русском языках. По окончании концерта воспитанники продемонстрировали гимнастические упражнения⁵³⁵.

Греческое училище часто посещали высокопоставленные лица. 23 мая (5 июня) 1908 года, например, здесь побывали главный командир Черноморского флота и портов и временный генерал-губернатор Севастополя контр-адмирал Р.Н. Вирен в сопровождении адъютанта В.И. Сохачевского и севастопольского градоначальника капитана 1 ранга Н.М. Мбрэншильда. Гости присутствовали на одном из последних уроков, после которого воспитанники училища выступили перед ними с концертной программой. Прощаясь, контр-адмирал Р.Н. Вирен выразил свое удовлетворение увиденным, признав работу заведующего училищем и педагогического состава «на высоком, достойном похвалы уровне»⁵³⁶.

Ежегодно в канун Нового года Греческое благотворительное общество устраивало для воспитанников и воспитанниц училища праздник Новогодней елки, проводившийся по заранее разработанному сценарию. В самом начале праздника зажигали свечи на нарядно украшенной елке, установленной в актовом зале. Хор учащихся в это время исполнял духовные песнопения. В программе праздника, по сложившейся в училище традиции, проходили премьеры спектаклей на греческом языке, подготовленных воспитанниками совместно с педагогами. По окончании спектаклей члены Греческого благотворительного общества раздавали подарки – нарядную верхнюю одежду и пакетики со сладостями. Завершался праздник елки танцами. Для поздравления детей с Новым годом в училище приезжал греческий вице-консул в Севастополе П.А. Апостолиди.

⁵³⁵ Хроника. // Крымский вестник. 10 июня 1907.

⁵³⁶ Хроника. // Крымский вестник. 28 мая 1908.

Численность обучавшихся в греческом училище не была постоянной: если в 1907/08 учебном году в шести его классах обучалось 260 учащихся, то в 1908/09 их было только 200. В 1912/13 учебном году численность воспитанников училища составляла 247 человек, а в 1913/14 – вновь сократилась до 232 человек⁵³⁷.

Греческое училище, образованное по положению 1874 года, являлось, по сути, двухклассным частным училищем 3-го разряда, но состояло из семи классов и функционировало «со значительными отступлениями от учебного плана», поскольку обучение в нем осуществлялось по семилетней программе прогимназии. При этом его педагогический состав не соответствовал требованиям семилетнего курса обучения, а Греческое благотворительное общество в течение ряда лет не могло подыскать квалифицированных преподавателей-греков, получивших образование в «заграничных греческих учебных заведениях» и имевших свидетельства, дававшие право на преподавание в соответствии со статьей 3727 тома XI части I Свода Законов Российской Империи (издание 1893 года). Выявление этих нарушений привело к тому, что 4 (17) июля 1910 года директор Народных училищ Таврической губернии обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о преобразовании частного Греческого училища им. Королевы Эллинов Ольги Константиновны из семиклассного в двухклассное⁵³⁸, разбив его, по сути, на два учебных заведения – одно-классное общественное училище и первоначальное училище, которыми заведовала Е.Ф. Рукавишникова⁵³⁹.

Правление Греческого благотворительного общества обратилось за содействием к греческому вице-консулу в Севастополе А.П. Апостолиди, который телеграфировал о действиях директора Народных училищ поверенному в делах Греческой миссии в Петербурге г-ну П.Г. Психе. Первым ответным шагом на пути урегулирования возникшей проблемы стал меморандум Греческой Королевской дипломатической миссии, адресованный Министерству народного

⁵³⁷ Отчет Севастопольского градоначальника Министерству внутренних дел за 1908 год; То же за 1909 год; то же за 1913 год, то же за 1914 год..

⁵³⁸ ГАОО, ф. 42, Оп. 35, ед. хр. 2404, лл. 3–3 об.

⁵³⁹ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1910. С. 308.

Графская пристань в Севастополе. Открытка начала XX века

просвещения⁵⁴⁰. Спустя всего три дня после его подачи, Психе представил Министерству народного просвещения «Памятную записку о греческих школах в России»⁵⁴¹.

Следствием вмешательства Греческой Королевской дипломатической миссии стала инспекционная проверка положения дел в греческих училищах Крыма. В виду «особого состава учащихся» в севастопольском греческом училище и «заслуженной, хорошей репутации греческих учителей», инспектор учебного района в письме директору Народных училищ Таврической губернии полагал «возможным удовлетворить ходатайство г-на Психе в следующем виде: на каждого русского учителя допускать по одному учителю-греку в качестве учительского помощника с тем, чтобы по прошествии одного года или, в крайнем случае, двух лет, эти помощники выдержали установленное испытание на звание учителя начальных училищ». Такое испытание, по мнению инспектора, не могло вызывать

⁵⁴⁰ Légation Royale Hellenique. Memorandum. No 225. St. Pétersbourg, le 19 Mars 1911. // ГАОО, ф. 42, Оп. 35, ед. хр. 2404, л. 9. Подлинник. (Пер. документа с франц. Костаса Путахидиса).

⁵⁴¹ ГАОО, ф. 42, Оп. 35, ед. хр. 2404, лл. 3–3 об. Копия памятной записки отсутствует.

затруднений у преподавателей училища, имевших среднее образование. «Этим лицам, – сообщал он далее в донесении, – можно было бы поручить преподавание, как ходатайствует г-н Психе, греческого языка, истории и географии Греции. Остальные предметы, кроме Закона Божия, который и ныне разрешено преподавать на греческом языке, должны преподаваться на русском языке»⁵⁴².

В конечном счете, круг бюрократической волокиты вокруг Греческого училища замкнулся. Расчлененное надвое в 1910 году, оно вновь слилось в одно, называясь теперь в официальных справочниках как «начальное частное греческое училище», но по-прежнему оставалось семиклассным. Прежним в 1911/12 учебном году оставался и преподавательский состав: заведовала училищем и преподавала русский язык Евгения Федоровна Рукавишникова; законоучителем в нем был архимандрит Григорий (Вукунас); в училище преподавали учительницы: Ольга Андреевна Лазарева, Рудопи Георгиевна Бечидяхи, Феофана Иоанновна Лазариди; учителя: Георгий Николаевич Александриди и Афанасий Христофорович Химопуло⁵⁴³.

Пожелание директора Народных училищ Таврической губернии в отношении того, чтобы «на одного греческого учителя был один русский учитель», так и не было воплощено в жизнь, но работавших в нем учителей пришлось заменить на более квалифицированных преподавателей, имевших на руках свидетельства установленного в России образца. В 1913/14 учебном году преподавательский состав был представлен в следующем составе: заведовала училищем по-прежнему Евгения Федоровна Рукавишникова; законоучителем училища был архимандрит Григорий Вукунас; греческий язык и предметы на греческом языке преподавали Иван Демьянович Салоникос, Меркурий Филимонович Чакарис и Дмитрий Эммануилович Хаджи-Алексиос, русский язык и предметы на русском языке – Мария Даниловна Алтухова⁵⁴⁴.

⁵⁴² ГАОО, ф. 42, Оп. 35, ед. хр. 2404, лл. 6 об.–7.

⁵⁴³ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1911 год. Гор. Севастополь и Балаклава. – Севастополь, 1911. С. 93.

⁵⁴⁴ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Гор. Севастополь и Балаклава. – Севастополь, 1913. С. 120.

Кроме Греческого училища, в дореволюционном Севастополе существовало еще три частных учебных заведения, основателями и заведующими которых были греки. Большой известностью пользовалось частное училище А.Н. Кондури, находившееся в доме № 9 по Хрулевскому спуску (ныне спуск Шестакова; здание не сохранилось). Образованное по положению 1874 года, училище состояло из трех основных классов и младшего подготовительного. При училище имелся пансион для иногородних воспитанников. За умеренную плату набирались отдельные группы для подготовки к поступлению во II-ой класс гимназии. В частном училище А.Н. Кондури преподавали такие известные в Севастополе педагоги, как Н.Г. Бахус, М.П. Кибрерген, Л.И. Вальер, С.И. Орличенко. Закон Божий преподавал протоиерей П.В. Пересыпкин⁵⁴⁵. В 1912/13 учебном году в частном училище А.Н. Кондури обучались 35 мальчиков и 30 девочек.

Программы начальной и средней школ в дореволюционной России были связаны друг с другом, поэтому в гимназии и реальные училища 8–10-летних детей принимали по итогам вступительных экзаменов по русскому языку, арифметике и закону Божьему. Для подготовки к экзаменам родители отдавали детей в подготовительные классы при гимназиях, школы грамоты, или пользовались услугами домашних учителей и репетиторов. Две из существовавших в дореволюционном Севастополе частных школ грамоты были основаны греками. Школа грамоты Э.Г. Коккинаки размещалась в доме № 34 на ул. Большой Морской⁵⁴⁶. В 1912/13 учебном году в ней обучались 5 мальчиков и 3 девочки, в 1914/15, соответственно, 2 и 8⁵⁴⁷. В доме № 41 на Очаковской улице находилась частная школа грамоты Софии Константиновны Скордули⁵⁴⁸. В 1912/13 учебном году ее учениками были 17 мальчиков и 6 девочек, в 1914/15 – 25 и 15⁵⁴⁹.

В конце января 1908 года в Севастополе образовалось Греческое дамское благотворительное общество, инициаторами создания которого выступили учительницы Греческого училища. Главной

⁵⁴⁵ Там же, С. 120.

⁵⁴⁶ Там же, С. 121.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по градоначальству. – Севастополь, 1910. С. 308.

⁵⁴⁹ Там же, С. 309.

целью этого Общества являлось открытие в городе белошвейных и портняжных мастерских «для бедных девушек местной греческой колонии», которые, по замыслу дам-организаторов, должны были, наряду с выполнением платных заказов, принимать заказы и на бесплатный пошив белья и верхней одежды от клиентов из бедных и малообеспеченных греческих семей⁵⁵⁰. 27 января (9 февраля) 1908 года в актовом зале Греческого училища состоялось собрание, на котором присутствовали севастопольские дамы-гречанки. Собравшиеся постановили: подать на утверждение городских властей «детально разработанный и единодушно одобренный» Устав Греческого дамского благотворительного общества⁵⁵¹.

С конца XIX века Греческому благотворительному обществу принадлежал небольшой доходный дом на улице Мясной, помещения которого сдавались внаем, а вырученные от этого средства шли на благотворительные цели. С расширением сферы деятельности Общества и образованием Греческого дамского благотворительного общества, также требовавшим финансовых вложений для своего развития, возникла необходимость реконструкции старого здания с целью увеличения получаемых от него доходов. Впервые этот вопрос был поднят и рассмотрен на совместном совещании прихожан греческой церкви и членов правления Греческого благотворительного общества, состоявшемся в начале мая 1908 года под председательством греческого вице-консула П.А. Апостолиди. На совещании присутствовал опекун наследника умершего в 1890 году В.И. Феолого севастопольский купец 1-ой гильдии С.Х. Гавалов. Обсуждался вопрос о строительстве нового здания доходного дома Общества на месте, пожертвованном греческой колонии покойным В.И. Феолого. Приняли решение построить двухэтажное здание, в первом этаже которого должны были размещаться торговые склады, а на втором – отдельные меблированные номера. Необходимые для строительства средства предполагалось собрать среди севастопольских греков-жертвователей. (Рис. 9)

В июне того же года состоялись торги на строительство доходного дома Греческого благотворительного общества. Средств на это

⁵⁵⁰ Хроника. // Крымский вестник. 20 января 1908.

⁵⁵¹ Хроника. // Крымский вестник. 28 января 1908.

Севастополь. Берег у Приморского бульвара и Памятник затопленным кораблям. Открытка начала XX века

было собрано недостаточно, поэтому Общество, с одобрения греческой колонии, изменило принятое ранее решение, и выкупило в собственность двухэтажный дом на Базарной площади, приступив к его перестройке. Значительную финансовую поддержку Обществу оказали севастопольские купцы-греки С.Х. Гавалов, А.К. Коста, Д.Н. Неофит, К.С. Тикос и другие жертвователи. 10 (23) января 1909 года завершились работы по перестройке здания в трехэтажное, и уже в конце февраля Общество отпраздновало новоселье.

Увеличение денежных средств, направляемых на благотворительные цели, являлось постоянной заботой правления Греческого благотворительного общества. Для этого устраивались спектакли в зале Городского собрания, проводились розыгрыши лотереи «аллегри» и другие массово-зрелищные мероприятия. Так, например, в начале января 1911 года правлением Общества с разрешения администрации города была проведена большая благотворительная лотерея (6 000 лотерейных билетов), на которой разыгрывалось много

ценных выигрышей: серебряный кофейный сервиз, золотые и серебряные часы, портсигары, граммофон, настольная лампа, фотоальбомы и многое другое⁵⁵².

6 (19) июля 1908 года на должность севастопольского городского головы на четырехлетний срок избрали Н.Ф. Ергопуло. В числе гласных городской Думы, утвержденных в одно с ним время, были севастопольские купцы С.Х. Гавалов, Д.Н. Неофит и В.К. Энглези⁵⁵³. Многогранная деятельность Николая Федоровича была направлена на улучшение благосостояния Севастополя и городского общества. Он являлся председателем городского по воинской повинности присутствия, почетным попечителем Константиновского реального училища, Мужской и Женской казенных гимназий, председателем комитета городской общественной библиотеки⁵⁵⁴.

Конец XIX – начало XX вв. были отмечены невиданным скачком технического прогресса. В повседневную жизнь городских обывателей одно за другим входили такие новшества, как электрический свет, трамвай, телефон, быстро становившиеся обыденной действительностью. Это было время, когда совершала первые шаги российская авиация, время всеобщего увлечения летательными аппаратами и полетами на них. Летчиков в буквальном смысле боготворили: им писали восторженные письма и посвящали стихи многочисленным поклонницам, в них влюблялись, им подражали. Не обошло стороной это «всеобщее увлечение» и Севастополь, которому, по прогнозам современников, «суждено было сделаться колыбелью воздушного флота, как он был колыбелью флота военно-морского». В марте 1909 года в Севастополе было образовано научно-спортивное общество «Севастопольский аэроклуб», размещавшееся в доме № 22 на Гоголевской улице. В задачу Общества входило всестороннее содействие развитию воздухоплавания не только в мирное, но и в военное время. В числе его почетных членов был известный в городе предприниматель-грек, купец 1 гильдии С.Х. Гавалов⁵⁵⁵.

⁵⁵² Хроника. // Крымский вестник. 21 января 1911.

⁵⁵³ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по градоначальству. – Севастополь, 1910. С. 224–225.

⁵⁵⁴ Там же, С. 225, 226.

⁵⁵⁵ Севастопольский аэроклуб. // Исторические улицы и памятники Севастополя. (Севастополь: страницы истории). / Сост. В.В. Крестьянников. – Симферополь: Таврия, 1996. С. 24.

Со времени первых полетов братьев Райт летательные аппараты становились с каждым годом все более и более надежными и совершенными. Военное министерство быстро оценило их возможности для проведения разведывательных операций и прицельных бомбардировок позиций неприятеля, и в российской армии был создан парк аэропланов, для полетов на которых готовились кадры военных летчиков из числа кадровых офицеров. В ноябре 1910 года для этой цели была сформирована Севастопольская офицерская школа авиации, содержавшаяся на средства Комитета по усилению военно-воздушного флота и добровольные пожертвования. Программа школы, занимавшейся подготовкой кадров летного состава для зарождавшегося российского военно-воздушного флота, состояла в практическом изучении воздухоплавания, а состав обучавшихся в ней состоял из офицеров сухопутного и морского ведомств. По окончании курса обучения им присваивалась квалификация офицеров-летчиков. В школу зачислялись и нижние чины, обучавшиеся на механиков. Для поступления в Севастопольскую школу авиации необходимо было подать соответствующий рапорт по команде. Общий курс воздухоплавания в офицерском классе преподавал штабс-капитан Николай Павлович Боярогло.

Яркий след в истории российской авиации оставил штабс-капитан Д.Г. Андреади (1878–1914) – один из выдающихся военных летчиков своего времени, лучший инструктор Севастопольской офицерской школы авиации, установивший ряд рекордов в области воздухоплавания. В мае 1911 года штабс-капитан Андреади был зачислен в Севастопольскую офицерскую школу авиации, где прошел полный курс обучения полетам на летательных аппаратах и уже через три месяца, в августе, сдал пилотский экзамен (диплом № 40). В том же году Дмитрий Георгиевич в числе других летчиков участвовал в окружных маневрах на аэроплане «Фарман», и за отличие удостоился присвоения звания военного летчика.

В начале 1912 года школа перебазировалась на более удобный аэродром, расположенный к северу от Севастополя за долиной реки Качи, где к тому времени завершились работы по устройству взлетно-посадочного поля и передвижных ангаров для самолетов

системы «Блерио» и «Ньюпор». 10 (23) января штабс-капитан Андреади с механиком школы Дорогим совершил перелет на одном из первых двухместных аэропланов «Блерио» с летного поля в Севастополе на Качу, куда затем перевели часть команды и обслуживающего персонала школы.

В августе 1911 года Андреади установил всероссийский рекорд на продолжительность полета с пассажиром, пробыв в воздухе 2 часа 35 мин. В июне 1912 года на самолете «Ньюпор» он совершил рекордный дальний перелет по маршруту Севастополь – Херсон – Одесса – Кременчуг – Полтава – Харьков – Москва – Петербург, преодолев с несколькими промежуточными посадками около 2 800 км, что для того времени было выдающимся достижением. Вскоре по возвращению в Севастополь Д.Г. Андреади был назначен инструктором школы авиации. Греческий принц Николай, проезжавший в августе 1912 года через Одессу, выразил свое восхищение знаменитому авиатору и пригласил его на службу в Грецию, однако Андреади отклонил его предложение⁵⁵⁶. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая карьера и судьба знаменитого военного летчика, если бы он принял тогда приглашение принца...

В сентябре 1912 года штабс-капитан Андреади был командирован во Францию для покупки партии новых аэропланов для Севастопольской школы авиации⁵⁵⁷. В апреле 1913 года он осуществил беспосадочный перелет по маршруту Феодосия – Севастополь – Керчь, а спустя три месяца под его командованием был выполнен групповой перелет из Севастополя в Евпаторию и обратно. Эти полеты при-

⁵⁵⁶ Крымский вестник. // Хроника. 27 августа 1912.

⁵⁵⁷ Крымский вестник. // Хроника. 27 сентября 1912.

Андреади Дмитрий Георгиевич (1878–1914), штабс-капитан, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., один из первых российских военных летчиков, инструктор Севастопольской офицерской школы авиации, установивший ряд рекордов в области воздухоплавания

несли Дмитрию Георгиевичу еще большую известность.

С 1913 года обязанности начальника Севастопольской школы авиации стал исполнять капитан князь А.А. Мурузи, совместно с которым Д.Г. Андреади участвовал в экспериментах по изучению возможности использования почтовых голубей, отправляемых с аэропланов или с мест их посадок для передачи информации. Проведенные в процессе тренировочных полетов опыты с голубями дали ряд положительных результатов⁵⁵⁸. Но это были последние его полеты. 20 марта (2 апреля) 1914 года Д.Г. Андреади трагически погиб при выполнении тренировочного полета на «Ньюпоре»⁵⁵⁹.

В начале XX века на Черноморском флоте и в составе войск гарнизона Севастопольской крепости служили представители известных греческих династий, родоначальники которых вступили в российскую службу в конце XVIII – начале XIX вв. Командиром минного крейсера «Казарский», а затем заведующим отрядом миноносцев и командиром 29-го Черноморского флотского экипажа был капитан 1 ранга В.К. Ревелиоти. Должность председателя приемной комиссии Севастопольского порта и заведующего судами, при-

писанными к Севастопольскому порту, исправлял полковник В.Д. Папаегов. В должности старшего штурманского офицера на броненосце «Георгий Победоносец» состоял лейтенант Ю.Н. Попандопуло, в должности старшего офицера канонерской лодки «Терец» – лейтенант М.М. Ставраки. Должность смотрителя экипажных и такелажных магазинов исполнял чиновник IX класса Д.В. Трапезаров.

⁵⁵⁸ Хроника. // Крымский вестник. 23 августа 1913.

⁵⁵⁹ Хроника. // Крымский вестник. 20 марта 1914.

Приморский бульвар в Севастополе. На дальнем плане – стоящие на рейде броненосцы. Открытка начала XX века

На Севастопольской эскадре проходила служба лейтенанта князя Николая Дмитриевича Маврокардато, состоявшего с 6 (19) декабря 1913 года в должности флаг-офицера 3-го дивизиона миноносцев Черноморского флота⁵⁶⁰. В должности председателя «временного строительного комитета для наблюдения за постройкой Морского кадетского корпуса в Севастополе» состоял капитан 1 ранга Ф.Ф. Карказ. Среди специалистов, находившихся на кораблях базировавшегося в Севастополе Черноморского флота, было очень мало греков. Известны, в частности, мичман И.И. Пайдаси, служивший гидромехаником на броненосце «Пантелеймон» (бывш. «Князь Потемкин-

⁵⁶⁰ Маврокардато Николай Дмитриевич (род. 15 (27) октября 1889 года), старший лейтенант, князь. В 1906 году поступил в Морской корпус, с 1909 года проходил морскую практику в качестве корабельного гардемарина, в 1910 году, по окончании Морского кадетского корпуса произведен в мичманы с назначением на Черноморский флот, 6 (19) декабря 1913 года произведен в лейтенанты с назначением в должности флаг-офицера 3-го дивизиона миноносцев Черноморского флота. В годы гражданской войны находился в Архангельске, где 3 мая 1918 года был убит большевиками.

Таврический»), мичман С.К. Василькиоти, состоявший в должности инженера-механика 3-го дивизиона миноносцев, и старший механик транспортного судна «Батум» А.Н. Спанопуло⁵⁶¹.

В войсках гарнизона Севастопольской крепости так же служили старожилы-греки – капитаны Н.К. и В.И. Антипа, Н.Х. Ханджогло. В составе 49-го Брестского и 50-го Белостокского пехотных полков состояли капитан А.Х. Канаки, штабс-капитаны П.М. Василькиоти, А.М. Сименопуло, поручик А.К. Андреади⁵⁶².

Представителей многих известных севастопольских греческих семей можно было встретить среди офицеров российской императорской армии. В Крымском конном ее императорского величества Александры Федоровны полку служили: полковник Н.Н. Аркас⁵⁶³, подполковник О.А. Кокораки, поручики Н.М. Ставраки, Кандиоти, Христофоров, корнет Иорданов⁵⁶⁴. В составе 137-го Нежинского ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны пехотного полка служил капитан Н.К. Кокораки, в составе 52-го Виленского его императорского высочества великого князя Кирилла Владимировича пехотного полка – штабс-капитан М.Ф. Дендрино⁵⁶⁵.

В начале XX века продолжало развиваться национально-освободительное движение греков и балканских народов в Македонии, Эпире, Албании, Сербии, Болгарии, все еще остававшихся под-

⁵⁶¹ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. – СПб., 1913. – С. 15, 73, 233, 227, 268, 331, 333, 818, 881, 887, 905, 930; Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1910. С. 246–247, 262.

⁵⁶² Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Гор. Севастополь и Балаклдава. – Севастополь, 1913. С. 78–80.

⁵⁶³ Аркас Николай Николаевич (1889–1938). Родился в Херсонской губернии в семье историка и известного культурно-образовательного деятеля, автора «Истории Украины» Николая Захарьевича Аркаса (сына генерал-лейтенанта Захария Андреевича Аркаса). Закончил классическую гимназию. В 1907–1909 гг. был активистом любительского театрального коллектива в Николаеве. В канун Первой мировой войны закончил Николаевское конное училище. Во время войны – командир конного эскадрона, дивизиону на фронте. См.: Коляничук О., Литвин М., Науменко К. Генералитет Українських визвольних змагань. Біограми генералів та адміралів військових формцій першої половини ХХ століття. – Львів, 1995. С. 107–108.

⁵⁶⁴ Юрицин В.Т., Эммануэль В.А., Люстих Г.А. Крымский конный ее императорского величества Александры Федоровны полк. Сан-Франциско, 1978. С. 35–36, 50, 68, 112, 125, 135, 149, 173.

⁵⁶⁵ Общий список офицерским чинам Российской Императорской армии. Составлен на 1 января 1910 года. – СПб., 1910. С. 242, 325.

властными Турции. С ростом напряженности на Балканах возникли острые противоречия между Грецией и Турцией, грозившие разрешиться войной. «Христианское население Константинополя, отрезанное от всех сообщений с Европой, в паническом ужасе ожидает резни и бойни», – с нескрываемой тревогой сообщали газеты того времени. Вслед за Турцией, в конце сентября 1912 года всеобщая мобилизация была объявлена в Сербии, Болгарии и Греции.

Греческие подданные, жившие за пределами своей страны, также подлежали мобилизации. С известием о предстоящей войне с Турцией население греческих колоний юга России, средиземноморских и европейских государств «переживало неслыханный патриотический подъем». «Греческая колония Александрии, – сообщала газета «Крымский вестник», – восторженно встретила известие о мобилизации. Свыше 1 000 греческих добровольцев явилось в греческое консульство. Все они затем были отправлены в Грецию на фрахтованных пароходах».

Не осталась в стороне от происходящих событий и греческая колония Севастополя: 26 сентября (9 октября) 1912 года свыше 50 жителей города, бывших подданными Греции, отправилась на родину, а 2 (15) октября, когда из Новороссийска в севастопольский порт прибыл пароход, перевозивший в Одессу греков, состоявших в запасе и вызванных на родину в связи с всеобщей мобилизацией, к ним присоединились 12 севастопольских греков, граждан Эллинского королевства⁵⁶⁶. В течение нескольких дней в греческое консульство в Севастополе обратилось около 300 местных греков, заявивших о желании вступить в греческую армию. В связи с этим, 27 сентября (10 октября), греческий вице-консул П.А. Апостолиди обратился к своему правительству с просьбой «разрешить севастопольским грекам поступать на службу в греческую армию в качестве волонтеров»⁵⁶⁷.

Начавшаяся на Балканах война наихудшим образом отразилась на положении турецко-подданных греков. Если до объявления войны турецкое консульство в Севастополе объявило о мобилизации только мусульман, то с началом войны уведомило о том, что на основании распоряжения правительства незамедлительно при-

⁵⁶⁶ Хроника. // Крымский вестник. 3 октября 1912.

⁵⁶⁷ Хроника. // Крымский вестник. 28 сентября 1912.

Литография К. Хаупта со сценой сдачи Салоник Топсин-пашой наследному принцу Константину, 1912. (Афины, Национальный Исторический музей)

зыву в турецкую армию подлежат все турецко-подданные христиане. Это распоряжение вынуждало вступать в ряды армии, воюющей с их соотечественниками, всех проживавших в Крыму греков, являвшихся подданными Турции. Для большинства из них такое положение было просто неприемлемым, и многие турецкоподданные греки отказывались являться в консульство. По данным газеты «Крымский вестник», в 1912 году в Севастополе проживало свыше 300 греков, граждан Турции. Многие из них владели значительной недвижимостью в различных областях азиатской и европейской частей Турции, и уклонение от мобилизации грозило неизбежной конфискацией принадлежавшего им на родине имущества и гонениями против проживавших там родственников⁵⁶⁸.

В самом начале Балканской войны по инициативе греческой колонии Севастополя был образован временный Комитет для сбо-

⁵⁶⁸ Крымский вестник. 19 октября 1912.

ра пожертвований в пользу греческого Красного Креста, председателем которого избрали настоятеля греческой Трехсвятительской церкви архимандрита Григория Вукунаса, секретарем – севастопольского купца 2 гильдии П.Л. Кидониса, казначеем – А.И. Млинарича. Сбор добровольных пожертвований комитет открыл 18 (31) октября 1912 года, собрав в первый же день 3 000 рублей, а к концу месяца – еще около 5 000 рублей⁵⁶⁹.

29 октября (11 ноября) 1912 года в актовом зале Греческого училища состоялось заседание членов временного комитета под председательством греческого вице-консула П.А. Апостолиди. Собравшиеся приняли решение разделить собранную среди севастопольских греков сумму около 10 000 рублей на две равные части. Одну из них направили в распоряжение греческой королевы Ольги Константиновны «на усиление средств Красного Креста и для оказания помощи сиротам и вдовам убитых воинов», вторую, для тех же целей, в распоряжение премьер-министра Греции Э. Венизелоса⁵⁷⁰. Сверх того, 25 ноября (8 декабря) комитет отправил в Грецию еще 15 548 франков, собранных греческой колонией Севастополя.

События Балканской войны 1912 года снискали сочувствие и понимание у всех севастопольцев. В конце октября в городе был организован «Особый комитет по сбору пожертвований деньгами и вещами в пользу больных и раненых воинов славян и греков», председателем которого была супруга севастопольского градоначальника М.А. Кульстрем. На призыв комитета откликнулись тысячи горожан, которые «по мере возможностей вносили свою лепту на помощь борцам за свободу».

Одним из участников Балканских войн 1912–1913 годов был живший в Севастополе уроженец города Каламбака греческий подданный Афанасий Дмитриевич Кутрас (род. в 1878 году). В 1901 году, как специалист-сыровар, он отправился на заработки в Россию, где наладил производство десяти сортов сыра на заводах Петрушкевича и

Антоня Спилети в Аккермане, а в 1908 году приехал в Симферополь по приглашению князя Долгорукова, где также наладил изготовление нескольких сортов сыра. В 1910 году он поселился в семье в Севастополе, где жил до 1939 года. За проявленное в боях мужество премьер-министр Греции Э. Венизелос наградил А.Д. Кутраса именным оружием.

В Севастополе работало 31 предприятие. Известными севастопольскими промышленниками в рассматриваемый период были купцы 2-й гильдии братья Дионисий Николаевич и Александр Николаевич Неофит, которым принадлежали колбасная фабрика, кишечный и мыловаренный заводы, ежегодно производившие продукцию на сумму до 63 500 рублей. Количество задействованных в производстве на их предприятиях рабочих было невелико: на колбасной фабрике работало 17 человек, на мыловаренном заводе – 47, на кишечном – 7 человек⁵⁷¹.

В городе существовали и другие доходные предприятия, принадлежавшие грекам: конфетная фабрика Христофора Ильича Цикариди, конфетная фабрика братьев Лефтериади, паровая мукомольная мельница фирмы Грипари, две известковые печи, одна из которых принадлежала балаклавскому купцу 3-й гильдии А.Х. Христуло, а другая – братьям Лефтериади. Это были небольшие предприятия, на которых трудилось от 3 до 12 рабочих и служащих⁵⁷².

«Если желаете быть здоровыми, – пейте вино братьев Арони!», – искушало и, вместе с тем, приглашало рекламное объявление тех лет. В начале XX века винодельческая фирма братьев Арони, производившая вина из сортов «лучшего и благородного винограда», выращиваемого на принадлежавших им виноградниках в окрестностях Балаклавы, неожиданно получила признание и известность. В 1901 году ее продукция была отмечена серебряными медалями на ярмарках в Петербурге и Харькове, а в 1907 году удостоилась высокой награды «Grand Prix» на международной выставке в Бельгии.

⁵⁶⁹ Крымский вестник. 28 октября 1912.

⁵⁷⁰ Венизелос Элефтериос (1864–1936) – премьер-министр Греции в 1910–1915, 1917–1920, 1924, 1928–1932 и 1933 гг. Вовлек страну в греко-турецкую войну 1919–1922 гг., трагически завершившуюся малоазийской катастрофой. Ярый противник монархии. С 1935 года в эмиграции.

⁵⁷¹ РГИА, ф. 1276, Оп. 17, д. 474, л. 21 об.

⁵⁷² Там же, с. 21 об.

Вид города Севастополя. Открытка начала XX века

Контора братьев Арони находилась в доме Пандуло на Нахимовском проспекте⁵⁷³.

Большой известностью в Севастополе пользовалась шлюпочная мастерская, основанная еще в конце XIX века братьями Панайотом Иордановичем (род. в 1871 году) и Кириаком Иордановичем Иордани (род. в 1881 году)⁵⁷⁴. Их отец, Иордан Кириакович, был потомственным шлюпочным мастером, приехавшим 1881 году с семьей в Россию на заработки. Поселившись в Севастополе, он стал заниматься постройкой яликов, баркасов и яхт по заказам частных лиц. Профессию отца переняли его сыновья, Панайот и Кириак, основавшие на Северной стороне Севастопольской бухты мастерскую, состоящую из небольшой верфи, шлюпочного сарая и других производственных помещений⁵⁷⁵. В начале XX века мастерская выполняла работы по заказам членов севастопольского яхт-клуба и других частных лиц. Вместе с Иордани в мастерской работали Николай Трикмениди, Федор Капиди и Лазарь Тиков⁵⁷⁶.

Устричный промысел, представлявший собой добычу устриц ловушками (драгами), существовал на Черном море с незапамятных времен, но в пределах Новороссийского края велся только в прибрежной зоне Крымского полуострова, главным образом, на Южном берегу, где их добыча ежегодно составляла до 1 млн. штук (для сравнения в США их добывали более 5,5 млрд. штук в год, а в Англии – более 1,6 млрд.). Особенно ценились устрицы из Севастопольской бухты, поэтому здесь неоднократно предпринимались попытки к их разведению и откармливанию, но из-за отсутствия необходимых капиталов, знаний в этой области и специальных предприятий, эти попытки в течение многих десятилетий так и не увенчались успехом. В 1894 году было образовано «Первое русское товарищество устрицеводства на Черном море», которое наряду с искусственным разведением устриц, стало «выдерживать их в условиях, улуч-

⁵⁷³ Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1908. Рекламная вклейка.

⁵⁷⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 801, лл. 1–2 об., 4; ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 802, лл. 1–4 об., 5.

⁵⁷⁵ По воспоминаниям детей П.И. Иордани, шлюпочная мастерская находилась в районе современной Инженерной бухты. // Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 1–3.

⁵⁷⁶ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 3.

шающих качество мяса моллюска», и провело ряд успешных экспериментов по акклиматизации устриц зарубежных пород. Устричный парк товарищества находился в Южной бухте Севастополя⁵⁷⁷, и объединял три частных устричных завода, владельцем одного которых был Афанасий Петрович Денаксас. Устрицы у него стоили необыкновенно дешево: начиная от 30 копеек за десяток и до 2 рублей самые отборные. Эту дешевизну Денаксас объяснял семейным характером предприятия. Основной объем выращенных на его заводе устриц отправлялся пароходом в Одессу и Николаев, а часть доставлялась в Петербург на склад его брата Григория Петровича Денаксаса, находившийся в подвале дома № 7 по бывшей Кабинетской улице (ныне ул. Правды). Число отправляемых А.П. Денаксасом устриц составляло 1,5 млн. штук в год.

Своеобразными центрами, где ежедневно встречались и проводили свой досуг и общались греки, были кофейни. Сюда приходили, чтобы поделиться новостями, поспорить, заключить сделку и, конечно же, выпить чашечку кофе. Одной из наиболее известных была кофейня А.К. Калпакиди на Большой Морской улице (предположительно в доме № 17). Небольшие греческие кофейни имелись практически во всех частях города. Особенно много их было в Артиллерийской слободке, где преобладало греческое население. Кофейня К.С. Триандафилиди находилась на Новороссийской улице. Содержателем небольшой кофейни на Торговой улице был Г.И. Флатбуриади⁵⁷⁸.

В 1914 году началась Великая война, вошедшая в историю как Первая мировая. «Всеобщий подъем патриотического духа» охватил и «разнородное по своему происхождению» население Севастополя. Не остались в стороне от происходивших событий и севастопольские греки. 26 июля (8 августа) 1914 года в связи с началом Первой мировой войны в греческой Трехсвятительской церкви был отслужен молебен⁵⁷⁹. Греческое консульство в Севастополе дважды

⁵⁷⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. / Под ред. В.П. Семенова – Тянь-Шанского. Т. 14. Новороссия и Крым. – СПб., 1910. С. 365–366.

⁵⁷⁸ Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. – Севастополь, 1908. Рекламная вклейка.

⁵⁷⁹ Хроника. // Крымский вестник. 27 июля 1914.

– 19 августа (1 сентября) и 24 августа (6 сентября) – обращалось с воззванием к местным грекам, подданными Греции, стать волонтерами в начавшейся войне, а 10 (23) сентября севастопольский градоначальник принял депутацию местной греческой колонии с первыми пожертвованиями, собранными для воинов российской императорской армии⁵⁸⁰.

На конец декабря 1914 года в Севастополе насчитывалось 102 572 человек, в том числе 54 858 военных. Вследствие этого в городе возникли недостаток в воде, продовольствии и удорожание жизни. Несмотря на возникавшие трудности, деятельность городских властей при активной поддержке всех слоев населения была направлена на «удовлетворение нарастающих нужд войны». В первые два года войны в должности севастопольского городского головы состоял Н.Ф. Ергопуло, избранный в 1912 году на второй четырехлетний срок⁵⁸¹. Он ездил в Петроград в Главное управление по делам местного хозяйства для решения вопроса снабжения Севастополя, и ему удалось добиться ассигнования на сумму 110 000 руб. на продовольственные нужды.

С началом войны в Севастополе стали возникать благотворительные организации и лечебные заведения для оказания помощи больным и раненым воинам. Внесла свой посильный вклад в это всенародное дело и местная греческая колония. В декабре 1914 года Греческое благотворительное общество выделило севастопольской лечебнице для бедных пособие в сумме 40 руб., и еще 100 руб. на оборудование одной койки для раненых русских воинов.

Зимой 1914–1915 годов российские войска вели тяжелые, кровопролитные бои в предгорьях Карпат. Несмотря на большие потери, им удалось отбросить противника и овладеть значительной частью Карпатского горного хребта. В этих боях принимали участие и жители Севастополя: 5 (18) марта 1915 года смертью героя погиб подполковник А.Х. Канаки, а 4 (17) апреля того же года был убит в бою ка-

⁵⁸⁰ Хроника. // Крымский вестник. 11 сентября 1914.

⁵⁸¹ Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И., Скрипниченко А.А., Терещук Н.М., Фесенко А.А. Градоначальники, военные губернаторы, городские головы Севастополя в 1800–1920 гг. // История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. – Севастополь, 2008. С. 175.

питан П.М. Василькиоти⁵⁸². Оба они были офицерами 50-го Белостокского пехотного полка.

В 1915 году железнодорожное сообщение было полностью занято воинскими перевозками, а морское сообщение закрыто. Вследствие этого Севастополь оказался отрезанным от Одессы, крымских и кавказских портов, через которые постоянно снабжался всем необходимым. В этой непростой обстановке в городе был создан Комитет для обеспечения города продуктами и предметами первой необходимости. В комитет вошли представители купечества, различных ведомств, городского управления и гласные Севастопольской городской думы. Комитет составил нормы продуктов первой необходимости, ввел таксировку на продовольствие и все предметы первой необходимости. Несмотря на увеличение роста цен и некоторое обострение продовольственного кризиса, население города не испытывало недостаток ни в хлебе, ни в мясе, ни в других продуктах.

Сложнее было решить проблему с топливом. На перегруженном южном направлении Лозово-Севастопольской железной дороги постоянно возникали перебои в его подвозе. Городское общественное управление направило свои усилия на то, чтобы заменить минеральное топливо на древесное. На казенной земле на льготных условиях отводились участки для заготовки дров. Таким образом удалось предотвратить надвигающийся топливный кризис, и в этом была большая заслуга городского головы Н.Ф. Ергопуло⁵⁸³.

23 января (5 февраля) 1915 года поступили пожертвования по подписным листам от греческой колонии Севастополя в пользу мальчиков-сирот, отцы которых погибли на фронте. В списках жертвователей были Л.Д. Кидонис, Г.С. Пасхали, Г.Д. Пачаджи, С.Г. Михайли, К.И. Спириди, Н. Антониади, Л.С. Лефтериади, Л. Андронико, И. Веритимо, И.М. Манолитису, Д. Мавриди, М. Экзархиди и другие⁵⁸⁴.

⁵⁸² Мосхури И.В. Греческий некрополь Севастополя. Приложение к неопубл. монографии «Греки в истории Севастополя». Часть вторая. С. 598.

⁵⁸³ Терещук Н.М. Севастополь в начале Первой мировой войны. // Первая мировая война и Крым. Сборник статей. – Симферополь, 2015. С. 159.

⁵⁸⁴ Хроника. // Крымский вестник. 24 января 1915.

Севастопольским греческим дамским кружком также были собраны пожертвования по подписным листам. Активное участие в этом приняли председатель кружка Мария Константиновна Неофит и его члены: Д.Н. Ханиоти, И.Ф. Стамати, Е.П. Апостолиди, Е.М. Неофит, К. Трикмениди и А. Мавриди. По подписному листу №1, в частности, внесли свои пожертвования: 25 руб. – М.К. Неофит, 15 руб. – Х. Неофит, по 10 руб. – архимандрит Григорий Вукунас, К. Неофит, А.Ф. Мелисорато, Г. Эксархиди, по 5 руб. – А. Неофит, М. Неофит, Д. Зуганели, К. Зуганели, Г. Афинео, М. Самиоти, А. Подиматас, по 3 руб. – П. Триоко, Е. Стефаниди, Н. Энглези, В. Энглези, Г. Карамоленко, по 2 руб. – П. Захарато, Д. Пефани, по 1 руб. – Г. Кериаки, Г. Арони, Г. Флатбуриади, С. Манусари, С. Маринаки, Е. Евангелинос, К. Элефтериади и другие.

Всего по подписным листам Севастопольским греческим дамским кружком было собрано 403 рубля 25 копеек, которые были израсходованы на покупку материи для изготовления белья для раненых нижних чинов, находившихся в Петроградском походном греческом лазарете. В изготовлении белья принимали участие дамы-гречанки Х. Зафириади, Андреади, Пиппер, Е. Попандопуло, Е. Эксархиди, О. Эксархиди, Мавриди, Е. Халкиопуло, Кириакиди. Ими было изготовлено шесть наименований белья (всего 364 шт.). Белье, сшитое руками севастопольских дам-гречанок, было отправлено в Петроград на имя председателя Центрального комитета Екатерины Родоканаки. Согласно накладной № 73901, за фрахт для отправки белья в Петроград было уплачено 31 рублем 37 копеек, а за работу по его изготовлению – 20 рублем 40 копеек⁵⁸⁵.

Из средств, собранных Севастопольским греческим дамским кружком, кроме прочего, были выданы пособия деньгами и припасами на сумму 42 рубля 50 копеек малоимущим семьям ушедших на войну. Севастопольские гречанки собрали и отправили Бердянскому и Мариупольскому пехотным полкам «50 полных комплектов теплого и нижнего белья, чая, сахара, табака и ящик разных вещей для господ офицеров». Ими был «заготовлен к отправке на Кавказский фронт полный комплект из 50 таких же пакетов»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же.

Севастополь. Вид с Карантинной улицы на улицу Кази (ныне часть ул. Генерала Петрова). Открытка начала XX века

ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

28 февраля (13 марта) 1917 года в России совершилась революция, – «единственная в своем роде, – отмечал князь Е.Н. Трубецкой. – Бывали революции буржуазные, бывали пролетарские, но революции национальной в таком широком значении слова, как нынешняя русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство». 27 февраля (12 марта) для управления стихийно развивавшимся революционным движением депутаты Государственной думы образовали временный комитет, а 2 (15) марта той же группой депутатов было образовано Временное правительство. Одновременно с Временным комитетом Думы в Петрограде возник Совет рабочих депутатов.

В полночь 2 (15) марта 1917 года Николай II подписал манифест об отречении от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича, однако утром 3 (16) марта отрекся от престола и великий князь. Вест о падении вековой монархии страна восприняла с удивительным спокойствием. Наиболее сильны монархические чувства были в армии. «Войска были ошеломлены, – вспоминал генерал-лейтенант А.И. Деникин. – Трудно определить другими словами первое впечатление, которое воспроизвело опубликование манифестов».

«Февральская буржуазно-демократическая революция, смена власти и формы правления в стране были встречены большинством севастопольцев с безразличием. Они, погруженные в повседневные заботы, не понимали, да и не хотели понимать смысла случившегося»⁵⁸⁷. Вторая половина марта и апрель 1917 года прошли в Севастополе в атмосфере всеобщего воодушевления и надежд на скорое светлое будущее. Городские обыватели твердо верили, что отныне их жизнь станет легче и лучше. Никаких эксцессов, в от-

⁵⁸⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997. С. 12.

Николай II (1868–1918), Император Всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский (1894–1917). Из императорского дома Романовых. Полковник гвардии (1892); кроме того, от британских монархов имел чины адмирала флота (1908) и фельдмаршала британской армии (1915)

Демонстрация жителей Севастополя и моряков Черноморского флота 1 мая 1917 года

До конца 1917 года Севастопольское градоначальство сохраняло за собой статус самостоятельной административной единицы. Распорядительным органом городского управления в городе по-прежнему оставалась городская дума, сохранявшая прежнюю, установленную еще при монархическом строе, структуру.

Заметно активизировалась после событий Февральской революции 1917 года деятельность греческого населения, перед которым, одним из первоочередных, встал вопрос об объединении в национальные организации. Вследствие льгот, дарованных российским правительством, и проведения столыпинской реформы греки стали собственниками значительных земельных угодий. Требование пересмотра прав на землю, выдвинутое малоземельным и безземельным крестьянством, послужило толчком к объединению греков-землевладельцев в местные общества и союзы для защиты своих прав и привилегий.

С 29 июня по 10 июля (с 12 по 23 июля) 1917 года в Таганроге прошел первый Всероссийский съезд эллинов, в работе которого принимали участие и делегаты от греческой колонии Севастополя. На съезде был поставлен вопрос об автономии греческой церкви в составе Московского патриархата и организации на юге России и Кавказе шести греческих епископатов, которые должны были иметь одинаковые права с епископатами Русской православной церкви. Делегатами также обсуждался вопрос о политическом положении греков в России. Съезд пришел к выводу о необходимости объединения разбросанного по всей территории империи греческого населения. Для этого предполагалось приступить к созданию на местах политических демократических клубов и союзов для отстаивания и защиты своих национально-культурных интересов. Эти объединения, по замыслу участников съезда, должны были требовать право на представительство греков не только во всех краевых, губернских, волостных комиссариатах, но и в правительственных, гражданских организациях и в Учредительном собрании наравне с представителями других национальностей⁵⁸⁹.

⁵⁸⁹ Протоколы Первого Всероссийского съезда эллинов в Таганроге. Ростов-на-Дону, 1917. С. 12, 16; *Ялі С. Греки в УРСР.* – Харків, 1931. С. 28.

личие от Петрограда, в Севастополе, как, впрочем, и в других городах Крыма, не происходило. «Отрадно было увидеть в Крыму людей разных классов, национальностей и политических убеждений, объединенных общим порывом к творчеству новой свободной жизни, – вспоминает о своей поездке в Таврическую губернию весной 1917 года князь В.А. Оболенский. – Особенно поразил меня вид Севастополя: солдаты и матросы, подтянутые и чистые, мерно отбивающие шаг в строю и отчетливо козыряющие офицерам вне строя. После того, что привык видеть в Петербурге – после этих распоясанных гимнастеров, сдвинутых на затылок шапок, всевозможной распущенности и хамства, так быстро сменивших в частях Петербургского гарнизона утраченную военную дисциплину, севастопольский «революционный порядок» казался каким-то чудом. И невольно хотелось в это чудо верить, и верилось...»⁵⁸⁸.

⁵⁸⁸ *Оболенский В.А. Крым в 1917–1920-е годы.* // Крымский Архив. 1994. № 1 С. 59–60.

Часть греков, главным образом городских обывателей, среди которых было много мещан, ремесленников, чернорабочих, поденщиков, и, особенно беженцев, прибывших в Севастополь и другие приморские города Крыма в течение последних лет из охваченных действиями Первой мировой войны областей Турции, поддерживала большевиков. В национальных устремлениях крымских татар греки видели угрозу своему положению. Об этом было впервые открыто сказано на Всероссийском съезде греков в Таганроге.

Очень быстро в революционную борьбу втягивалась многонациональная молодежь. 11 (24) июня 1917 года в Севастополе состоялась организационное собрание, провозгласившее создание Севастопольского Союза социалистической рабочей молодежи. Собранием был принят устав и избрано первое правление Союза. Его организатором и идейным вдохновителем являлся житель Балаклавы, молодой большевик-грек Орион Алексакис (1899–1920). В боях Киевского январского восстания 1918 года за «Арсенал» Орион Алексакис был ранен. После возвращения в Севастополь он становится секретарем Севастопольского ревкома, деятельно занимаясь организацией работы вновь созданного Социалистического союза молодежи «III Интернационал». Алексакис играл главную роль в большевизации созданного Союза. Наряду с этим он вел «огромную работу в партийном комитете, ревкоме, Совете и в свои 18 лет пользовался авторитетом, являясь вместе с Гавеном и Пожаровым <...> особенно приметным и популярным в городе»⁵⁹⁰.

Орион Алексакис являлся членом редакционной коллегии газеты «Таврическая правда», которая стала выходить в Севастополе с 24

⁵⁹⁰ История города-героя Севастополя: 1917–1957. – Киев: Изд-ие АН УССР, 1958. С. 65.

Орион Христофорович Алексакис (греч. Ορίων Αλεξάκης) (1899–1920), российский революционер греческого происхождения, деятель Коминтерна. Погиб в возрасте 21 лет. Вместе с членом ЦК Коммунистической партии Греции, Димосфенисом Лигдопулосом, числится первым в Пантеоне погибших членов партии

января (6 февраля) 1918 года 8-тысячным тиражом⁵⁹¹. 14 марта того же года он был избран делегатом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, где «впервые слушал В.И. Ленина». В годы гражданской войны в качестве комиссара 1-й Заднепровской дивизии Красной Армии О.Х. Алексакис участвовал в освобождении Крымского полуострова от белогвардейцев и интервентов, став затем председателем Севастопольского ревкома. В 1920 году Алексакис редактировал прифронтовую газету. В конце марта того же года он был представителем от крымских большевиков на IX съезде РКП (б) в Москве. Ю.П. Гавен видел в Алексакисе одного из будущих руководителей советского Крыма.

В том же году О.Х. Алексакиса вызвали в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, предложив подпольную работу на Балканах. На II Всемирном конгрессе Коминтерна в Москве он подружился с делегатом из Греции Демосфеном Лигдопулосом, – убежденным сторонником и пропагандистом Октябрьской революции, начавшим свою революционную деятельность еще студентом Афинского университета. На I Всегреческом съезде он возглавил левое крыло съезда, а на II-ом, в апреле 1920 года, добился к присоединению партии к Коминтерну. После окончания съезда, осенью

1920 года Исполком Коминтерна направил Ориона Алексакиса и Демосфена Лигдопулоса на небольшом судне из Одессы в Варну (Болгария), куда они должны были прибыть ориентировочно к 1 ноября 1920 года. При выполнении поручения Коминтерна в октябре 1920 года по пути в Болгарию Алексакис был убит и выброшен в море⁵⁹².

⁵⁹¹ Там же, С. 62.

⁵⁹² *Гурович Л.М. Указ. соч., С. 116.*

К концу лета 1917 года в Севастополе и на всей территории Крымского полуострова, «начала оформляться не только социальная (одобрямая большевиками), но и национальная основа гражданской войны»⁵⁹³, а в ряде мест уже произошли первые стычки межэтнического характера.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде произошел государственный переворот, вследствие которого вся власть перешла в руки большевиков. Одним из первых тревожное сообщение о начавшемся в столице государственном перевороте получило по телеграфу греческое консульство в Севастополе. Вечером 25 октября (7 ноября) в помещении греческого кружка «Аполлон» на улице Молочной состоялось общее собрание греков (как иностранно-, так и российско-подданных) под председательством греческого вице-консула П.А. Апостолиди. На собрании обсуждалась обстановка, сложившаяся в городе и в стране в целом, освящался ход развития событий на фронтах Первой мировой войны. П.А. Апостолиди обратился к собравшимся с призывом не участвовать в политических митингах и собраниях. Перед угрозой назревавшей гражданской войны, когда вскрылись все внутренние противоречия российского общества, лидеры греческой колонии Севастополя пришли к выводу о необходимости принять самые решительные меры к скорейшему объединению всех проживавших в городе греков⁵⁹⁴.

Начиная с середины декабря 1917 года, все города Крыма охватила волна насилия, а в начале 1918 года полуостров захлестнула гражданская война, развязанная противоборствующими, нацеленными на власть большевиками и их союзниками, с одной стороны, и Курултаем крымских татар, социалистами и «русским офицерством», с другой. Вооруженные столкновения, нередко переходившие в перестрелки, стали обыденным явлением в жизни Крыма.

Разделение Крымских войск Таврического губернского Совета Народных Представителей по национальному признаку привело к формированию в их составе греческого батальона, еврейского отряда, армянской и польской рот. В условиях уникального многонационального населения Крыма это лишь усиливало негативное воздей-

⁵⁹³ Там же, С. 31.

⁵⁹⁴ Хроника. // Крымский вестник. 25 октября 1917.

ствие на события этнического фактора, пиком которых стала «уродливая большевистско-татарская борьба»⁵⁹⁵.

14–16 (27–29) декабря 1917 года в Севастополе произошла вспышка стихийного террора. Возвратившиеся с фронта матросы одного из отрядов приняли решение «очистить город от контрреволюционеров»⁵⁹⁶. Ужасы, которые в эти дни пережило население Севастополя, потрясли полуостров. В ходе самосудов, устроенных «разгулявшейся матросской вольницей», было арестовано и расстреляно «несколько десятков наиболее известных контрреволюционеров»⁵⁹⁷, в том числе бывший председатель военно-морского суда, вынесший смертный приговор П.П. Шмидту и другим руководителям ноябрьского вооруженного восстания 1905 года. Считается, что от рук матросов в те дни погибло не менее 23 офицеров. Однако современник этих событий, капитан 2 ранга Н.Р. Гутан, утверждает, что «всего убито офицеров было человек 35–40»⁵⁹⁸.

Убивали не только в Севастополе, но и в его ближайших окрестностях, где располагались многочисленные помещичьи имения, принадлежавшие жителям города и офицерам Черноморского флота. В январе 1918 года, например, в своем имении на реке Бельбек был расстрелян отставной подполковник Крымского конного полка О.А. Кокораки⁵⁹⁹.

Отдельные вспышки террора, сопровождавшие весь январь 1918 года, вылились, в конце концов, в трагедию 22–24 февраля (7–9 марта). В связи с начавшейся немецкой оккупацией Украины, 8 (21) февраля 1918 года Совет народных комиссаров издал подписанный Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!», которым вновь вводилась смертная казнь, отмененная II Всероссийским съездом Советов в октябре 1917 года. В декрете, в частности, прямо ука-

⁵⁹⁵ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч., С. 58.

⁵⁹⁶ История города-героя Севастополя: 1917–1957. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. С. 49.

⁵⁹⁷ Надинский П.Н. очерки по истории Крыма. – Симферополь: Крымиздат, 1957. Ч. II. С. 48–49; История города-героя Севастополя. 1917–1957. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. С. 49.

⁵⁹⁸ Гутан Н.Р. От Севастополя до Новороссийска. Очерк о положении Черноморского флота (осень 1917 – первая половина 1918 года). // Гангут. № 4. 1992. С. 100.

⁵⁹⁹ Юрицин В.Т., Эммануэль В.А., Люстих Г.А. Крымский конный ее Императорского Величества Александры Федоровны полк. – Сан-Франциско, 1978. С. 125.

зывалось: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»⁶⁰⁰. Декрет, санкционировавший расстрелы, спровоцировал стихийный взрыв неустойчивой части матросов, выдвинувших лозунг: «Заставить буржуазию снова опустить голову, которую она подняла под влиянием немецких успехов, всеми средствами, вплоть до ее полного истребления»⁶⁰¹. На экстренном заседании представителей судовых комитетов, состоявшемся на линкоре «Борец за свободу», под их влиянием собравшиеся постановили: «Истребить всю буржуазию»⁶⁰². Принятое решение было поддержано представителями судовых комитетов других кораблей. В ночь с 9 (22) на 10 (23) февраля на Каменной пристани собралось около 2.500 вооруженных матросов, намеревавшихся выйти на улицы безмятежно спящего города и произвести массовые расстрелы⁶⁰³. Прибывшие сюда П.З. Марченко и О.Х. Алексакис пытались уговорить их вернуться на свои корабли, однако предотвратить стихию не удалось. Глухой ночью решительно настроенная разъяренная толпа матросов двинулась в город.

«В отличие от декабрьской трагедии, – писал в своих воспоминаниях Кришевский, – вторая резня офицеров <...> была отлично организована, убивали по плану, но уже не только морских, но вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 800 человек»⁶⁰⁴. Расстрелы производились по ночам: в тюрьмах, за городом и просто на севастопольских улицах. Палачи прекрасно знали как имена, так и места проживания намеченных ими жертв. Среди расстрелянных были военные всех рангов, представители интеллигенции, крупные предприниматели⁶⁰⁵. Когда группа матросов пришла в дом к севастопольскому купцу Дионисию Николае-

⁶⁰⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 30-ти. Т. 35. С. 100–101.

⁶⁰¹ Козлов А.И. Во имя революции (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.). Изд-во Ростовского университета, 1985. С. 34.

⁶⁰² Известия Севастопольского Совета. 28 февраля (13 марта) 1918.

⁶⁰³ Гавен Ю.П. Первые шаги Советской власти в Крыму. / Революция в Крыму. – Симферополь, 1925. № 2. С. 53.

⁶⁰⁴ Мельгунов С.П. Красный террор в России. – М., 1990. С. 91.

⁶⁰⁵ Памяти погибших (23 февраля 1918 – 23 февраля 1919). // Крымский вестник. 23 февраля 1919; Путь борьбы. 2 марта 1918.; Как они убивали / Заметка очевидца убийств в севастопольской тюрьме 23 февраля 1918 года. // Крымский вестник. 5 июня 1918.

Севастополь в дни немецкой оккупации, 1918 год

вичу Неофиту, он лежал больной. Произведя в комнатах обыск с целью выявления оружия, которого не оказалось, разочарованные матросы ушли, но один из них вернулся и взял с ночного столика золотые часы. «Это не оружие», – пытался возразить Дмитрий Николаевич. «А это – оружие», – резко ответил матрос и на глазах у жены выстрелил из нагана ему в лицо⁶⁰⁶.

Около 2 часов ночи во двор севастопольской тюрьмы ворвалась первая команда матросов, предъявившая комиссару список намеченных к расстрелу лиц, в котором значились: муфтий Челебиев, адмирал Львов, престарелый грек, участник обороны Севастополя отставной контр-адмирал Ф.Д. Карказ (1829–1918), которому в ту пору было 89 лет, бывший городской Синица. «Никто не просил пощады. Дорогой до места убийства, в Карантинной балке, <...> убийцы истязали своих жертв: больного старика Карказа били прикладами и кулаками, Синицу кололи штыками и били прикладами, и глумились над всеми. Их расстреляли в упор и уже мертвых били при-

⁶⁰⁶ Чикин А.М. Севастопольская голгофа. – Севастополь, 2005. С. 70.

Севастополь. Екатерининская улица. 1918 год

ложили конец бессмысленной, бесчеловечной войне. И не будь их вмешательства, кто знает, сколько еще было кровавых жертв⁶¹².

Наряду с террором военно-революционный комитет и Севастопольский Совет проводили широкую кампанию по национализации промышленных предприятий. В январе 1918 года была создана специальная комиссия по национализации промышленных предприятий, занимавшаяся в течение февраля – марта оценкой национализированных мастерских Севастопольского порта, завода Ророха, мыловаренного, колбасного и кожевенного заводов братьев А.Н. и Д.Н. Неофит и других частных предприятий города⁶¹³.

Выполняя условия Брест-Литовского договора, Украинская Советская Социалистическая Республика разорвала федеративные связи с Советской Россией, после чего Германия, заключившая сепаратистское соглашение с Радой, приступила фактически к оккупации Украины. Ее войска стремительно продвигались на юг и 18-19 апреля вторглись в Крым, не встретив никакого сопротивления на Перекопе. Параллельно с немцами вела наступление Украинская (Крымская) группа войск под командованием подполковника П. Болбочана. Как только германские и украинские части миновали Перекоп, а Советская власть перешла к защите, различные уголки полуострова вновь сотрясли межэтнические конфликты и стычки, вылившиеся в вооруженные выступления, а по Южному берегу Крыма прокатилась волна греческих и татарских погромов.

1 мая 1918 года, не встретив никакого сопротивления, германские войска вошли в Севастополь, завершив, таким образом, оккупацию Крыма. Фабрики и заводы, национализированные Советской властью, были возвращены их прежним владельцам. Несмотря на эти меры, многие предприятия закрывались, что вело к безработице.

Первая мировая война, унесшая миллионы человеческих жизней, близилась к завершению. 29 сентября 1918 года в Салониках Болгария заключила перемирие с Антантой, 30 октября в Мудросе (остров Лемнос) Турция, подписав перемирие, разорвала отношения с Германией. Страны согласия получили право на оккупацию турецкой территории, взяв под контроль Босфор, Дарданеллы и Чер-

⁶¹² Независимый. Звери на свободе. // Крымский вестник. 23 февраля 1919.

⁶¹³ История города-героя Севастополя: 1917–1957. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. С. 64.

Греческий броненосный крейсер «Георгос Авероф» – наиболее заслуженный корабль греческого флота, в настоящее время корабль-музей на вечной стоянке в афинской гавани «Палео Фалиро». В 1919 году находился у берегов Крыма и в Севастополе

ное море. 3–9 ноября в обессиленной войной Германии разразилась революция. Император Вильгельм II отрекся от престола и 10 ноября бежал в Голландию, а на следующий день было подписано Компьенское перемирие между Антантой и Германией. Эти события позволили правительству РСФСР 13 ноября аннулировать Брест-Литовский договор.

В середине ноября 1918 года началась постепенная эвакуация германских войск из Крыма, уступивших его своим победителям – странам Антанты. В течение 25–26 ноября на Севастопольском рейде бросили якоря 22 английских, французских, греческих и итальянских военных корабля, на борту которых находились английская морская пехота, 75-й французский, сенегальский и греческий полки. Прибывшим в Севастополь союзникам была устроена торжественная встреча, для участия в которой прибыли крымское краевое правительство, военная, городская, земская и крымско-татарская делегации. Вскоре после этого в город стали прибывать белогвардейские части.

Севастополь стал главной базой объединенной эскадры и сухопутных сил союзников в Крыму, здесь расположились их военноморское и сухопутное командование. Первым на берег высадились английские солдаты численностью в 600 человек, затем французский – численностью 1 600. К началу 1919 года в Севастополе сосредоточилось до 5 500 солдат и офицеров союзников, из них 3 000 французов и 2 000 греков. К весне их численность возросла до 22 000.

С начала 1919 года на юге России действовал 1-й экспедиционный греческий армейский корпус генерала Нидера в составе двух пехотных дивизий: 2-й, под командованием генерала Влахопулоса, в составе трех пехотных полков, дивизиона 65-го горного артиллерийского полка и инженерной роты, и 13-й, под командованием генерала Манетаса, в составе двух пехотных полков и полка эвзонов. Общая численность греческого экспедиционного корпуса составляла около 30 тысяч человек.

Греческие солдаты и офицеры носили полевую униформу образца 1912 года. Представление о том, как выглядела униформа греческих солдат и офицеров, можно составить на примере униформы 2-го Афинского полка. Она состояла из однобортного мундира цвета хаки со стоячим воротником, по обшлагам и воротнику обшитых красными выпушками, погоны серые с красной выпушкой и черным номером полка (у офицеров номер полка цвета «приборного металла»). Рядовым полагались белые фуражки с бело-голубой национальной кокардой и красными выпушками; ремни амуниции коричневые⁶¹⁴. Греки участвовали в боях против Красной Армии, потеряв убитыми 18 офицеров и 380 солдат. С ноября 1918 года по март 1920 года на Черном море находились 2 греческих линкора, 1 линейный крейсер, 8 эсминцев, 1 транспорт и госпитальное судно. Кроме них с ноября 1918 года по апрель 1919 года у побережья Крыма находился отдельный отряд греческого флота в составе броненосца «Лемнос», крейсера «Аверов» и восьми миноносцев⁶¹⁵.

Прежде всего, союзники приступили к полной ликвидации германского оккупационного режима и выводу российских кораблей из Севастополя: 1 линкор, 4 эскадренных миноносца и другие оставав-

⁶¹⁴ Knotel R. Handbuch der Uniformkunde. Hamburg, 1971. С. 192–193.

⁶¹⁵ Дерябин А., Дзысь И. Гражданская война в России: 1917–1922. – М., 1999. С. 33.

кладами и камнями по головам. С убитых сняли верхнее платье, ботинки, кольца»⁶⁰⁷.

В следующую ночь расстрелы повторились⁶⁰⁸, а утром пораженные жители слышали торжественную музыку. «Играл оркестр. Матросы шли под знаменами стройными рядами. Грозными речами шумели митинги»⁶⁰⁹. «С балкона комиссары говорят казенные речи, сводящиеся к одному – бей буржуев»⁶¹⁰.

Конец «разгулявшейся матросской вольнице» положили вооруженные дружины севастопольских рабочих⁶¹¹: Они своим энергичным вооруженным вмешательством обуздали диких зверей и по-

⁶⁰⁷ Л-рь В. Как они убивали. / Заметка очевидца в севастопольской тюрьме 23 февраля. // Крымский вестник. 23 февраля 1919.

⁶⁰⁸ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. – 1918. – № 212–214. – 28 февраля.

⁶⁰⁹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч., С. 71; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. – Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 77.

⁶¹⁰ М-ов А. Помогите маленькому человеку. // Крымский вестник. 5 марта 1918.

⁶¹¹ Сирченко И.Т. Выполняя наказ В.И. Ленина... – М., 1979. С. 75.

шиеся здесь суда Черноморского флота 5 декабря были угнаны в Мраморное море. В дальнейшем союзные войска занимались главным образом поддержанием порядка в городе, выражаемая в охране тюрем, патрулировании, поимки большевиков и оказании содействия в уголовном розыске.

После оставления немцами Севастополя при Городской управе была создана специальная комиссия, занимавшаяся установлением убытков, нанесенных частным владельцам и обывателям. Наибольший ущерб был причинен севастопольскому купцу 2-й гильдии П.Л. Кидонису, – порча помещений в принадлежавшей ему гостинице «Гранд-Отель» после квартировавшихся в ней немецких войск оценивалась в 137 800 руб.⁶¹⁶ «Осмотр носил предварительный характер без точного перечня и обмеров, – указывали в акте члены комиссии. – Впечатление, которое производит гостиница, не поддается никакому описанию, настолько испорчены все помещения и инвентарь; трудно даже предположить, что в этих помещениях жили люди и только что его освободили»⁶¹⁷. Комиссия признала претензию Кидониса «обоснованной и подлежащей удовлетворению», понизив однако суммы выплат, а возмещение ущерба от простоя гостиницы во время ремонта в размере 500 руб. в сутки рассматривать отказалась⁶¹⁸.

В середине марта 1919 года (старого стиля) Красная Армия, начавшая в конце февраля общее наступление на юге, подошла к Крыму. 15 марта белые вынуждены были оставить Чонгарский полуостров и отступить к станции Сиваш. В последующие дни значительные силы красных вторглись в Крым восточнее Перекопа и Ушуну, вследствие чего встал вопрос экстренного отвода белых войск на юг, а 5-й дивизии было приказано помочь 4-й чем только возможно. В этот момент на фланге красных появилась греческая рота, ко-

Севастополь в 1918 году

торая, по отзыву участников этого боя, «оказалась выше всяких похвал: ее стремительная и произведенная как на параде атака обратила уже и так потрясенных красных героев на этом участке боя в полное бегство», благодаря чему части 5-ой дивизии Добровольческой Армии были спасены. Греки в этом бою потеряли двух человек убитыми и девять ранеными. Тела погибших греческих солдат были отправлены в Севастополь, а оттуда на одном из греческих кораблей в Афины. С девятью же ранеными произошел конфуз: они пропали. Лишь месяц спустя греческих солдат нашли за Керченским проливом, в одной из станиц, куда сразу же после боя их тайно перевезли казаки, чтобы лечить и откармливать на еще богатой в то время Кубани⁶¹⁹.

31 марта в помощь греческим солдатам, занимавшим фронт против красных на Перекопе, из Севастополя были отправлены части французского 173-го пехотного полка⁶²⁰. Однако уже 6 апреля были

⁶¹⁹ *Сергеевский Б.Н.* К пятидесятилетию первого вторжения красных в Крым. // Вестник первоходца. Январь-февраль 1969. – № 88.

⁶²⁰ Черноморское восстание. Из воспоминаний Андре Марти. // Новый мир. 1925. № 5; Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918–1919: Сборник. Госиз-

получены известия о прорыве фронта в районе Перекопского перевала. Командующий сухопутными войсками союзников полковник Труссон обвинил в случившемся Добровольческую армию и отвел греческие части с Перекопа.

К вечеру 7 апреля толпы беженцев заполнили Севастополь. 9 апреля в Севастополе была образована франко-русская эвакуационная комиссия под председательством коменданта Севастопольской крепости генерала В.Ф. Субботина. Из Севастополя началось паническое бегство белогвардейцев, гражданского населения и беженцев, спасавшихся от большевиков. Здесь ярче, чем где бы то ни было, проявлялась паника⁶²¹.

14 апреля партизанские отряды красно-зеленых устремились к Севастополю, который прикрывали части греческих и французских войск. В тот же день передовые части Красной Армии вошли на Корабельную сторону и заняли Малахов курган, однако дальнейшие боевые действия пришлось приостановить⁶²². Переговоры затянулись, но, вместе с тем, было заключено перемирие на срок до 25 апреля.

Заключение перемирия между союзниками и наступавшими красными частями позволило благополучно завершить эвакуацию. Последний транспорт с белогвардейцами и беженцами покинул Севастопольский порт 17 апреля. В городе оставались французские, греческие и сенегальские войска общей численностью до 22 000 чел., а на внутреннем рейде стояла союзная эскадра в составе 6 линкоров, 2 крейсера и 11 миноносцев английского, французского, греческого и итальянского флотов⁶²³.

20 апреля, в праздник Пасхи, на французских линкорах «Мирабо», «Жан Бар» и «Франц» были подняты красные флаги. В полдень на Графской пристани высадились французские моряки, которые шумной толпой, численностью около 500 человек, двинулись с пением «Интернационала» по Екатерининской улице. Один из ма-

дат. – Крым. АССР, 1940. С. 138.

⁶²¹ Хроника. // Крымский вестник. 11 апреля 1919.

⁶²² Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. – Симферополь: Крымиздат, 1957. Т. I. С. 128–129.

⁶²³ *Ванев Г.И.* Севастополь. Страницы истории. 1783–1983: Справочник. – Симферополь: Таврия, 1983. С. 89.

тросов с линкора «Мирабо» нес красное знамя с надписью на французском языке: «Да здравствует мировая революция! Слава русскому пролетариату!». Первыми к демонстрантам присоединились члены профсоюза металлистов, после чего их ряды стали стремительно расти, и вскоре достигли до 5 тысяч человек. Севастопольский ревком, узнав о демонстрации французских моряков, в полном составе ожидал их у входа в здание городской Думы. Здесь председатель ревкома Я.Ф. Городецкий, превосходно говоривший по-французски, выступил перед демонстрантами с речью, в которой поблагодарил французских матросов за неожиданную поддержку.

После краткого митинга у здания городской думы процессия двинулась вниз по Большой Морской улице. Когда голова колонны подошла к аптеке Миллера (Большая Морская, № 8), путь демонстрантам преградил лейтенант Пестень с линкора «Жюстис». Властным голосом, от имени командующего, он приказал морякам вернуться на свои корабли. В ответ матросы стали возбужденно кричать: «Нет больше кораблей, нет больше родины! Это – революция!». Лейтенант трижды повторил приказ, затем выхватил из кармана револьвер, выстрелил в упор в матроса, несшего знамя российских запасных моряков, и тотчас же скрылся. Матрос упал, и красное знамя покрыло его тело с головы до ног. Минуты через две началась стрельба по ошеломленной толпе. Первыми открыли огонь молодые французские мичманы, находившиеся на крышах домов, затем полувзвод морской пехоты с линкора «Жан Барт» и несколько взводов греческих солдат, которые залпами стреляли с колена со стороны часовни (находилась в центре совр. пл. Лазарева).

«После первого залпа все легли на землю, а затем какой-то матрос поднял руку по направлению к стрелявшим с крыш мичманам, и те перестали стрелять, – вспоминал очевидец. – Матрос встал и пошел к ним, выпрямившись во весь рост, осыпая их градом ругательств, – и у них не хватило духа продолжать стрельбу»⁶²⁴. Греческие патрули (ими командовал французский офицер) бросились с ружьями наперевес за убегавшей толпой. Раненым прямо на улице

⁶²⁴ Черноморское восстание: Из воспоминаний Андре Марти. // Новый мир. 1925. № 5. С. 99; Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918–1919: Сборник. Госиздат. Крым. АССР, 1940. С. 144.

Мемориальная доска в память о событии 20 апреля 1919 года, установленная на фасаде дома № 6 на ул. Большой Морской в Севастополе

оказывали первую помощь, и уже потом уносили в больницу. Греческие солдаты подбирали убитых и складывали их на телеги. «Один русский матрос, ошеломленный первыми выстрелами, упал на колени и плакал над трупами убитых, раздирая на себе платье. Патрульный солдат подошел к нему и застрелил его в упор»⁶²⁵.

Севастопольский грек Гриппиоти, служивший до революции матросом на Черноморском флоте, рассказывал, что, как только раздались первые выстрелы, он схватил за руку французского матроса, и потащил в его в свой дом, находившийся в нескольких шагах от места стрельбы. Дома они нашли еще одного французского матроса. Заперев двери, отец Гриппиоти и вся его семья помогли матро-

⁶²⁵ Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918–1919: Сборник. Госиздат. – Крым. АССР, 1940. С. 145.

сам переодеться в штатское платье. Но через несколько минут после этого пришли греческие солдаты и стали стучать прикладами в дверь. Видя, что им не отпирают, и, будучи не в состоянии вломиться в дом, они наставили на дверь пулемет и стали выжидать, когда кто-нибудь вздумает выйти. Выпроводив одного матроса через черный ход, Гриппиоти, часа два спустя, провел другого до Графской пристани, где в шлюпке сидел французский морской офицер с револьвером у пояса. Когда матрос подошел к шлюпке, офицер спросил его: «Где ты был?» Матрос ответил, что развлекался в городе. И как только он сел в шлюпку, офицер, ни слова не говоря, вынул револьвер и ударом рукояткой по голове сбил его с ног.

Очень трудно установить точное количество жертв этой «пасхальной демонстрации». Официальные советские источники утверждают, что в этот день было ранено 4 французских матроса и 10 жителей города, 5 из которых скончались в больнице⁶²⁶. По словам очевидца этих событий, «на православном кладбище было похоронено 8 человек, на католическом 2, один был городской полицейский, умерший ночью и похороненный 21-го на рассвете, как раз в то время, когда англичане принесли на кладбище одного своего товарища). Наконец, четверых похоронили на еврейском кладбище, что же касается убитых французов, то их тел нигде не могли разыскать. 23 апреля французские матросы прошли по кладбищу с роскошным венком и возложили его на предполагаемые могилы своих товарищей. Наверное, было убито не менее двух французских матросов, а четверо, весьма вероятно, умерли от ран. Едва ли французов было убито больше, так как они с необычайной ловкостью легли на землю при первых же выстрелах. Раненых было много, но из страха наказания все они, за исключением серьезно раненных, скрывались по домам. В городскую больницу доставили 11 человек. Трое были уже мертвы: Кахарский – 42 лет, Бочаров – 64 лет и Беленко – 46 лет. Еще трое умерли от ран в течение ночи: Томашев, Пекер и 16-летняя девушка Таисия Мурашева. Остальные пять, раненные более или менее тяжело, оставались в госпитале почти до полного выздоровления. Это были Шебанова, молодая женщина лет 23, греческий под-

⁶²⁶ Правда. 19 апреля 1959.

данный Триандафилиди 43 лет, Смирнов, Рыжин 43 лет и Носов 41 года»⁶²⁷.

В эти апрельские дни население Севастополя делилось на тех, кто с нетерпением ожидал вступления в город Красной Армии, и тех, кто в паническом страхе ожидал очередного прихода к власти большевиков. На этот короткий период приходится всплеск межэтнических браков, зафиксированных в метрической книге греческой Трехсвятительской церкви. Так, 22 апреля 1919 года бракосочетались поручик греческой армии греческо-подданный Георгий Галяцос и гражданка Лидия Николаевна Остроградская. Поручителями по жениху были греческий подданный П. Икономопулос и поручик греческой армии Г.Н. Грипари; поручителями по невесте – греческо-подданные П. Раллис и Г. Власопулос. В тот же день бракосочетались греческий подданный Димитрий Панусис и крестьянка села Семково Черниговской губернии Анна Акимовна Гартулева, греческий подданный Димитрий Дросос и крестьянка того же села Ульяна Даниловна Гартулева⁶²⁸.

21 апреля полковник Туссон официально объявил, что флот и армия союзников намереваются покинуть Севастополь. 24 апреля власть в городе была передана революционному комитету, а пять дней спустя в город вошел 4-й Заднепровский полк Красной Армии. 1 мая союзная эскадра подняла якоря и покинула внутренний рейд Севастополя.

К концу апреля 1919 года весь Крым, за исключением Керченского полуострова, был занят Красной Армией. 2 мая завершился процесс формирования Временного рабоче-крестьянского правительства Крымской Социалистической Советской республики (КССР). Созданная 14 апреля 1919 года Крым ЧКа издала приказ, запрещающий самочинные обыски, аресты, самосуды и реквизиции, однако населению было все равно. Как и весной 1918 года, буржуазия была

⁶²⁷ Черноморское восстание. Из воспоминаний Андре Марти. // Новый мир. 1925. № 5. С. 100-102; Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918–1919: Сборник. Госиздат. – Крым. АССР, 1940. С. 145–146; Подробнее о восстании французских моряков в Севастополе 19–23 апреля 1919 года см.: Жан Ле Рамей, Пьер Вонттеро. Восстание на Черном море: Воспоминания и документы. / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1976. С. 75–121.

⁶²⁸ Метрическая книга греческой Трехсвятительской церкви в Севастополе за 1919 год.

Вступление частей Красной Армии в Севастополь. Фотография 1919 года

обложена контрибуцией в 10 миллионов рублей. Впоследствии эта сумма была увеличена, а имущество подлежало конфискации.

Греческое население на этот раз уже не так активно, как весной 1918 года, но все же поддержало большевиков. Греческая молодежь, на которую столь удачно накладывалась «большевистская риторика», охотно поступала добровольцами на службу в Красную Армию.

Однако Крымская ССР просуществовала недолго. Период лета – начало осени 1919 года был временем наибольших достижений Белой Армии и, вместе с тем, апогеем затянувшейся гражданской войны. На фронте сложилась неблагоприятная для Республики обстановка: 24 июня спешно был оставлен Симферополь, а через двое суток на территории Крыма не осталось ни одного Красного отряда. Правительство Крымской ССР, просуществовавшей всего 75 дней, эвакуировалось в Киев.

Конница Врангеля в Севастополе.
Фотография 1919 года

26 июня 1919 года Севастополь вновь был в руках белогвардейцев. Служащие прокуратуры и контрразведки осуществляли тщательную сортировку лиц, служивших при большевиках. Вслед за этим последовали повальные аресты и снова начались расстрелы, ознаменовавшие начало *белого террора*. Начавшиеся репрессии не коснулись греческого населения Севастополя и Балаклавы: в числе 896 арестованных в 1919–1920 гг. были один грек, Х.Э. Алексакис – отец известного в городе революционера и организатора Севастопольского Союза социалистической молодежи Ориона Алексакиса, и одна гречанка, Е.А. Христуло – бывший комиссар народного просвещения Балаклавского Совета, родственница того же Ори-

она Алексакиса, арестованная «по подозрению в большевизме»⁶²⁹. Комендант Севастопольской крепости генерал-майор В.Ф. Субботин в докладе главнокомандующему Белой Армии в Крыму сообщал о верности греков, сражавшихся против большевиков в период их кратковременного пребывания у власти: «Желание [их] помочь России было самое искреннее и неподдельное, – отмечал он. – Они говорили: «Мы должны защищать веру и уплатить России по старым векселям»⁶³⁰.

2 августа 1919 года на греческом пароходе «Мельпомена» из Константинополя в Севастополь вернулся греческий вице-консул П.А. Апостолиди, а в конце месяца сюда прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей чрезвычайный полномочный посланник и греческий генеральный консул Г.Н. Грипари⁶³¹ – поручик греческой армии, получивший широкие полномочия от правительства Греции. На него возлагалось заведование всеми консульствами на территории Крыма. К началу сентября Грипари отстранил «дискредитировавших себя в дни большевизма» консульских агентов, назначив вместо них новых⁶³², а 5 октября в Севастопольский порт прибыл греческий пароход «Антигона», доставивший около 250 беженцев – уроженцев Крыма, покинувших полуостров в апреле 1919 года накануне прихода к власти большевиков⁶³³.

Одним из наиболее важных для постоянно проживавших в Севастополе иностранноподданных греков, был вопрос о возвращении конфискованного у них имущества. В связи с этим 12 декабря греческий генеральный консул Г.Н. Грипари, в сопровождении секретаря Георгия Власопуло, нанес визит севастопольскому городскому голове Я.Н. Перепелкину. Поздравив его с избранием на должность, консул в продолжительной беседе с ним затронул вопрос о магази-

⁶²⁹ Брошеван В.М. «Белый» террор в Крыму: Исследование в документах и материалах об истории политического террора белогвардейцев и интервентов в Крыму в годы гражданской войны и военной интервенции в 1918–1920 гг. – Симферополь, 2002. С. 73, 76–77, 85–87, 89.

⁶³⁰ РГА ВМФ, ф. Р-2092, Оп. 1, л. 34 об.

⁶³¹ Грипари Георгий Николаевич, уроженец г. Севастополя, сын севастопольского купца 1-ой гильдии и бывшего греческого консула Николая Петровича Грипари. Греческий подданный, участник первой и второй Балканских войн.

⁶³² Хроника. // Крымский вестник. 2 августа 1919.

⁶³³ Хроника. // Крымский вестник. 5 октября 1919.

нах, реквизированных у греческих подданных жителей Севастополя, прося в самое ближайшее время рассмотреть его и решить положительно⁶³⁴. Интересен такой факт: в течение 1919 года все без исключения греки, бывшие ранее гражданами Турции, приняли греческое подданство⁶³⁵.

В начале 1920 года ситуация на фронте вновь изменилась, и части Красной Армии обратили белых к отступлению, переходившему местами к бегству. Командующий Севастопольской крепостью и войсками Черноморской губернии генерал-майор В.Ф. Субботин и губернатор граф Н.А. Татищев были просто не в состоянии справиться с постоянно увеличивающимся притоком людей. Разрешить сложившуюся ситуацию могла только «разгрузка» Севастополя. В ходе начавшейся в середине января организованной эвакуации были вывезены больные и раненые, семьи военных и чиновников, лица до 17 и после 43 лет, признанные негодными к военной службе⁶³⁶. Их размещали в лагерях для беженцев, устроенных союзниками под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии. К апрелю численность граждан России, с учетом беженцев, находившихся в Турции, Болгарии и Сербии составляла примерно 45 000 человек, около половины из которых были офицеры.

Белое движение отнюдь не являлось русским по своей исключительности. Его участниками были потомки многих обрусевших иностранных фамилий, предки которых состояли на российской императорской службе. Не были исключением в этом числе и греки. Назовем генерал-хорунжия Н.Н. Аркаса, генерал-майора гетманской армии К.В. Хартуляри, потомственного балаклавского грека полковника инженерной службы М.А. Ксирихи, уроженца Балаклавы полковника Г.И. Арванити – все они были яркими противниками советской власти и большевизма. В составе Вооруженных сил Юга России и Русской Армии генерала П.Н. Врангеля также служили некоторые из потомственных севастопольских и балаклавских греков. Одним из них был старший лейтенант Н.Н. Грипари.

⁶³⁴ Хроника. // Крымский вестник. 12 декабря 1919.

⁶³⁵ Метрическая книга греческой Трехсвятительской церкви в Севастополе за 1919 год.

⁶³⁶ Крымский вестник. 19 января 1920.

Николай Николаевич Грипари родился 11 (23) декабря 1888 года в Севастополе в многодетной семье Николая Петровича Грипари – севастопольского купца 1-й гильдии, греческого консула в Севастополе, почетного члена Севастопольского греческого благотворительного общества. Получив начальное образование в Греческом училище, Николай Николаевич продолжил обучение в Севастопольской мужской казенной гимназии, по окончании которой в 1908 году поступил в Морской кадетский корпус, откуда в 1912 году был выпущен в чине мичмана с определением на Черноморский флот. Кроме русского, он в совершенстве владел греческим, английским и французским языками. В 1914 году мичман Н.Н. Грипари окончил офицерский класс подводного плавания.

Первую мировую войну он встретил в должности флаг-офицера 4-го дивизиона миноносцев. 16 (29) октября 1914 года во время атаки миноносцев «Лейтенант Пушин», «Живучий» и «Жаркий» германского крейсера «Гебен» в районе мыса Херсонес, его выбросило взрывной волной с мостика миноносца в море. В декабре того же года он был награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость». С 1915 года Н.Н. Грипари служил в подводной бригаде в должности минного офицера на подводной лодке «Морж», и в том же году за проявленное отличие Высочайшим приказом государя императора по Морскому ведомству был произведен в лейтенанты с награждением золотой саблей с надписью «За храбрость». С июня 1919 года Грипари состоял в Вооруженных силах Юга России, а затем Русской Армии. В том же году был откомандирован в распоряжение начальника российской морской базы в Константинополе, а 28 марта 1920 года приказом генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля произведен в чин старшего лейтенанта⁶³⁷.

Жизнь в Крыму была очень дорога, однако карточной системы в Севастополе не существовало. Цены на основные продукты питания были следующими: хлеб стоил 250 руб., сахар – 15 000 руб., картофель – 1 000 руб., капуста – 1 500 руб., мясо – 4 000 руб., сало – от 6 000 до 8 000 руб., виноград – не менее 1 000 руб. Не меньше приходилось платить и за развлечения: билет в театр на галерку сто-

⁶³⁷ Русское прошлое. Кн. 5. – СПб, 1994.

ил около 600 руб., а партер (первые места) – 4 000 руб.; за вход на Приморский бульвар, когда там играл оркестр, приходилось платить 750 руб.; переезд на лодке к судну, стоявшему в порту, обходился в 500–600 руб.⁶³⁸

Вместе с тем современники отмечали, что жизнь в Севастополе в эти дни «текла своим чередом, бойко торговали магазины». В городе «улицы полны народом, и каким народом, прежним и как будто похорошевшим. Масса офицеров, часто нарядных, хотя и не поновому нарядных, масса дам – шикарных дам, даже иногда красивых, извозчики, автомобили, объявления концертов, лекций, собраний, меняльные лавки на каждом шагу, скульптурные груды винограда и всяких фруктов, а главное, магазины. Роскошь внутри. Особенная, крымская. И все тут, что угодно. Кафе, рестораны. Свободно, нарядно, шумно, почти весело», – писал находившийся в 1920 году в Севастополе В.В. Шульгин⁶³⁹.

К началу ноября все подступы к Крымскому полуострову были блокированы войсками Южного фронта Красной Армии под командованием М.В. Фрунзе. 7 ноября Врангель ввел в Крыму осадное положение. В ночь на 8 ноября частями Красной Армии был взят Литовский полуостров, а на рассвете 9 ноября – укрепления Перекопа. Теснимые противником части Русской Армии, в соответствии с директивой Врангеля, стараясь оторваться от стремительно наступавших красных, стали отходить к портовым городам для погрузки на корабли и суда.

С падением Перекопа, в 4 часа утра 10 ноября 1920 года вышел приказ по флоту об эвакуации Русской Армии из Крыма. На следующий день из Константинополя на Севастопольский рейд прибыл французский крейсер «Вальдекомандируссо» в сопровождении миноносца, имея на борту временного командующего французской Средиземноморской эскадрой контр-адмирала Дюмениля и графа де Мартеля. Вскоре после этого на Севастопольском рейде бросил якорь и направил свои артиллерийские башни в сторону Инкермана английский дредноут «Айрон Дюк», появившийся в русских юж-

⁶³⁸ РГА ВМФ, ф. Р-1, Оп. 4, д. 3, лл. 193–194.

⁶³⁹ О.Ю. Белый рыцарь. // Дворянское Собрание. / Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. – М., 1999. С. 130–131.

Эвакуация из Севастополя в 1920 году

ных портах всякий раз, когда положение белых становилось критическим, и когда должна была начинаться эвакуация войск. Волнение, охватившее население в первые часы, вскоре улеглось, – жители почувствовали, что «власть в городе остается в твердых руках, что представители ее не растерялись, что распоряжения их планомерны и сознательны, что каждый сможет рассчитывать на помощь, что всякий произвол будет в корне пресечен».

Прибывший из Константинополя в Севастополь глава французского правительства граф де Мартель выразил согласие принять всех оставивших Крым под покровительство Франции. 11 ноября началась эвакуация. Погрузка лазаретов и многочисленных управлений шла в полном порядке. По улицам тянулись длинные вереницы подвод, шли нагруженные скарбом обыватели. Чины комен-

датуры в сопровождении патрулей из юнкеров ходили по улицам, поддерживая порядок движения обозов и наблюдая за погрузкой. Желаящие выехать записывались в штабе генерал-лейтенанта М.Н. Скалона, и вскоре выяснилось, что количество таковых оказалось необыкновенно велико.

Десятки тысяч людей днем и ночью грузились при красном зареве пожара. «Медленно выходили переполненные людьми корабли на внешний рейд Севастопольской бухты, – писал Р.А. Сазонов. – В городе были слышны одиночные выстрелы. Далеко за бульварами горела мельница Родоканак, где были военные склады. Красные блики пожара освещали Корабельную сторону, стены Лазаревских казарм, офицерские флигеля Черноморского флотского экипажа <...> и неподвижные ряды «мертвых кораблей» – бывших защитников Севастополя. Броненосцы: «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Три Святителя» – славные имена, занесенные на страницы истории флота. Мы уходили, они оставались в своем гордом и молчаливом спокойствии. По пристаням, по берегу, по бульварам чернели толпы, провожавшие взглядами и криками двигающиеся по бухте суда»⁶⁴⁰.

В течение трех дней на 126 пароходов, транспортов и судов, стоявших в портах Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи и Евпатории было посажено 145 693 человек, – все воинские части, их семьи и большая часть гражданского населения. Вопросом жизни и смерти теперь становилась судьба тех, кто не желал или не мог уехать в эмиграцию. В Черном море во время перехода корабли выдержали сильнейший шторм, во время которого затонул миноносец «Живой»; все остальные корабли в середине ноября благополучно прибыли в занятый союзниками Константинополь. Лондон предписал стоявшей здесь английской эскадре соблюдать полный нейтралитет и не предоставлять никакой помощи эмигрантам из России. После долгих колебаний правительство Франции решило принять русский флот и направило его в Бизерту.

Согласно международному морскому праву, корабли не имели больше национальности, так как Андреевский флаг, под кото-

⁶⁴⁰ Сазонов Р.Д. Уход. – В кн.: Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 555.

рым они пришли, не принадлежал больше самостоятельному государству. Российскому флагу не полагалось салютовать, и тем дорожке было уважение, оказанное греческим крейсером проходившему мимо маленькому миноносцу «Жаркий». На палубе крейсера выстроилась вся команда и торжественно отдала ему честь, что полагается лишь в случаях, если на борту находится адмирал⁶⁴¹.

В числе покинувших Севастополь военных моряков и участников Русской Армии были офицеры греческого происхождения: генерал-майоры по флоту В.К. Ревелиоти⁶⁴², Г.Н. Папа-Федоров, капитаны 1 ранга В.И. Хартуляри⁶⁴³, Г.Г. Хоматьяно, А.Н. Никифораки, капитаны 2 ранга А.И. Баллас, И.И. Пайдаси, А.А. Папаригопуло, П.А. Эмеретли, старшие лейтенанты Ю.Н. Попандопуло, Д.И. Феодосиу, Н.Н. Грипарис⁶⁴⁴, лейтенант М.С. Иподиматопуло, мичманы Г.И. Венецианов, Е.М. Арнаутов, военные врачи мичманы Г.В. Сампсидис, В.И. Мартино, поручик А.А. Кази⁶⁴⁵, матрос Николай Панайоти⁶⁴⁶.

⁶⁴¹ Манштейн-Ширинская А. Указ. Соч., С. 159.

⁶⁴² Ревелиоти Владимир Ксенофонтovich (28.09.1859 – 04.07.1929, Греция) – из дворян Таврической губернии, сын Ксенофонта Феодосиевича Ревелиоти, внук командира Балаклавского греческого пехотного батальона генерал-майора Феодосия Дмитриевича Ревелиоти, генерал-майор по флоту. В эмиграции жил в Афинах, умер 7 июля 1929 года, похоронен на Русском кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее.

⁶⁴³ Хартуляри Владимир Иосифович (1887–1968) – в 1907 году окончил курс обучения в Морском корпусе, в 1909 году – лейтенант. В годы гражданской войны находился в составе Белой Армии Восточного фронта, с осени 1920 года состоял в Отдельной офицерской роте Волжской бригады. В эмиграции жил в Китае. С 1936 по 1946 гг. – член кают-компании в Шанхае. После 1949 года переехал в США, умер 19 февраля 1968 года в Сан-Франциско.

⁶⁴⁴ Грипарис Николай Николаевич (11.12.1888 – 07.09.1958), сын бывшего купца 1-й гильдии, греческого вице-консула в Севастополе Николая Петровича Грипарис; в 1912 году окончил курс обучения в Морском кадетском корпусе, с 1914 года – офицер-подводник, в последний чин произведен 28 марта 1920 года генералом Врангелем. После эвакуации из Крыма Русской Армии находился в эмиграции в Греции, где был членом военно-морского объединения. После 1928 года жил во Франции, где умер 7 сентября 1958 года (по другим сведениям 1 августа 1958 года). Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. (См.: Русское прошлое. Кн. 5. – СПб, 1994).

⁶⁴⁵ Кази Александр Александрович (05.08.1895 – 31.01.1980), офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка, участник первой мировой войны; был ранен. Участник Белого движения; во время гражданской войны воевал в составе частей Вооруженных Сил Юга России (Добровольческой Армии) и Русской Армии. После эвакуации из Севастополя в ноябре 1920 года некоторое время жил в Греции. Позднее переехал во Францию, в город Виши.

⁶⁴⁶ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В.В. Лобыцын. Москва – Феодосия, 2001. С. 24, 37, 66, 79, 90, 100, 104, 105, 110, 115, 120, 140, 142, 143, 152.

ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ В 1921–1941 годах И ЕГО УЧАСТИЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Самым страшным преступлением большевиков после ухода Врангеля стало возобновление красного террора в Крыму: число жертв теперь исчислялось десятками тысяч, а сам полуостров получил название «Всероссийского Кладбища». Террор в Крыму был устроен большевиками с целью подрыва базы белого движения на случай возможного вторжения армии Врангеля, расквартированной в Константинополе, а главным действующим лицом здесь был председатель Крымского временного военно-революционного комитета Бела Кун⁶⁴⁷, – известный венгерский коммунист и журналист, опубликовавший следующее заявление: «Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России»⁶⁴⁸. «Подвигали» массовыми расстрелами, превзошедшими своими масштабами предвидения даже крайних пессимистов.

Не без основания считается, что наибольшее число жертв красного террора в Крыму пришлось на Севастополь и Балаклаву, где особыми отделами частей и подразделений Красной Армии и ЧК было расстреляно до 29 000 человек⁶⁴⁹. Большевизм воцарялся здесь в жестокой «разбойниче-кроважидной» форме, основанной на диком произволе местной советской власти. В первые же ноябрьские

⁶⁴⁷ Бела Кун, венгерский коммунист, политический деятель и журналист, активный участник революционного движения в Венгрии и России, организатор массовых расстрелов в Крыму после эвакуации войск Врангеля и окончания гражданской войны. В России оказался в 1916 году как военнопленный. С 1917 года – член РСДРП(б), организатор венгерской группы в партии большевиков. Участник обороны Петрограда и подавления левозсеровского движения в Москве. Член РВС Южного фронта Красной Армии, входил в состав ВЦИК. С 1921 года – член ИККИ, в 1923 году – уполномоченный ЦК РКП(б), заведующий отделом агитации и пропаганды Коминтерна. С 1925 года – председатель Северлеса, работал в Венгрии. Был репрессирован и расстрелян, в период пересмотра дела не реабилитирован.

⁶⁴⁸ Цит. по: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП “РУПICO” “Р. S”, 1990. С. 66.

⁶⁴⁹ Общее дело. 1921. 9 ноября; Чикин А.М. Севастопольская голгофа. Севастополь: Рибест, 2005. С. 122;

дни после вступления в Севастополь большевики расстреляли свыше 500 портовых рабочих, содействовавших погрузке на корабли и транспортные суда войск генерала П.Н. Врангеля⁶⁵⁰.

В конце ноября 1920 года большевики произвели массовую резню, цинично названную ими «цирк для белых». По всему городу расклеили объявления о том, что в цирке Труцци состоится общее собрание всех зарегистрировавшихся «бывших». На собрание приглашались также лица, по какой либо причине не прошедшие до сих пор регистрацию. «В назначенный день цирк и вся площадь были забиты законопослушными бывшими, – вспоминал очевидец этой трагедии. – Произошло собрание или нет, – не знаю, но только во второй половине дня все примыкающие к площади улицы были заняты красными частями. И вот эту огромную многотысячную массу людей под столь же огромным конвоем стали медленно оттеснять в сторону особого отдела дивизии»⁶⁵¹.

Местом временного пребывания обманутых и арестованных людей особый отдел 51-й дивизии Красной Армии избрал территорию, занимавшую 3/4 городского квартала и ограниченную Екатерининской и Пушкинской улицами между Вокзальным и Трамвайным спусками. Все окна подвалов и первых этажей домов были наглухо заколочены, заборы разобраны, тротуары отделены от проезжей части улиц заграждением из колючей проволоки, достигавшим 2,5–3 м высоты, а внутреннее пространство дворов разбито на секции, также огороженные проволочным заграждением. Сюда и согнали с площади от цирка толпу этих нескольких тысяч «несчастных, обреченных на смерть, но все еще на что-то еще надеявшихся людей». В течение первой ночи и на протяжении всего следующего дня «они стояли в загонках и дворах, как сельди в бочке». Потом, как утверж-

⁶⁵⁰ Последние новости. 1921. 16 августа.

⁶⁵¹ Сапожников А.Л. Крым осенью 1920 года. В кн.: Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. / Составление, научная редакция и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 605–606.

дали очевидцы, «в течение двух дней их не стало, и проволочную изгородь сняли»⁶⁵².

«То, что я видел в Севастополе, было, конечно, не просто страшное дело, – вспоминал А.Л. Сапожников. – Многие из пленных были местными, севастопольскими – их жены, некоторые с детьми, со слезами на глазах стояли на противоположном тротуаре против проволочной изгороди и ждали. Наверное, проклиная свою доверчивость, наверное, все же, надеясь на чудо. Но они ничего не дождалось, так как никто из пошедших на так называемое собрание домой уже не вернулся никогда»⁶⁵³.

Приказом коменданта Бомера – бывшего лейтенанта германской армии, сотрудничавшего в период немецкой оккупации Крыма с большевиками и оставшегося в советской России, – гражданское население Севастополя было лишено права жаловаться на исполнительные органы советской власти, «так как оно содействовало белогвардейцам».

16 ноября 1920 года на торжественном объединенном заседании севастопольской организации РКП (б), военно-революционных советов 1-й и 2-й Конной армий в присутствии представителя 6-й армии и военачальников К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного был создан временный Севастопольский военно-революционный комитет, заявивший, приступая к исполнению своих обязанностей 23 ноября 1920 года, что он «железной рукой введет строгий революционный порядок во вверенном ему городе»⁶⁵⁴. Спустя пять дней в «Известиях Севастопольского временного военно-революционного комитета» появился первый список расстрелянных: 1 634 человека, из которых 278 – женщины. Через два дня, 30 ноября, был опубликован второй список, в котором значилось 1 202 человека, из них 88 – женщины⁶⁵⁵. Казненных людей, чьи тела удалось найти и опознать род-

⁶⁵² Из воспоминаний дочери севастопольского мещанина Е.И. Александровой, урожд. Василькиоти (1906–2002), жившей в 1920 году на Портовой улице. // Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь №2. С. 31–32.

⁶⁵³ Сапожников А.Л. Указ. соч., С. 606.

⁶⁵⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, д. 556, л. 15. См. так же: Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1968. С. 26–27.

⁶⁵⁵ Известия временного Севастопольского революционного комитета. 28 ноября 1920; Известия временного Севастопольского революционного комитета. 30 ноября 1920; Общее дело. 11 декабря 1920.

ственникам, отпевались в церкви Христа Спасителя при городской больнице⁶⁵⁶.

Формы красного террора были поистине бесчисленны и разнообразны. Широко практиковалась и такая форма террора, как «ущемление буржуазии», распространявшаяся практически на всю интеллигенцию. С конца ноября 1920 года ЧК стало ежедневно производить облавы и поголовные обыски, производимые, якобы, с целью выявления у населения оружия и скрывавшихся врангелевских офицеров. В каждый дом, на каждой улице, непрерывно днем и ночью врываются вооруженные до зубов чекисты в сопровождении группы красноармейцев и открыто грабили все, что попадалось им под руку. Никаких обысков, на самом деле, они не производили, а, имея на руках списки заранее намеченных жертв, арестовывали их и уводили с собой, предварительно ограбив как сами жертвы, так и проживавших с ними родных и близких.

«Под предлогом обысков, во время которых искали везде, где только могли, белогвардейцев и контрреволюционеров, чекисты врываются в дома и брали все, что хотели, – вспоминает Е.И. Александрова, урожденная Василькиоти. – То, что они называли обыском, было на самом деле обычным грабежом. Им боялись возражать, потому что они были вооружены и убивали без суда и следствия всех, кто им хоть чем-то не нравился. Во время обыска в нашей квартире чекисты рылись везде, где только можно. Из ящиков комода выбрасывали на пол чистые постельные принадлежности, нижнее белье и ходили по ним в грязных сапогах. Это были страшные люди – голодные, озлобленные... Настоящие бандиты»⁶⁵⁷.

Запуганные обыватели оставались счастливы, если визиты чекистов оканчивались одним только грабежом. Всех задержанных при обысках помещали в концлагерь, устроенный на территории Херсонесского Свято-Владимирского мужского монастыря, и впоследствии расстреливали. Так, в один из ноябрьских дней из числа

⁶⁵⁶ Чикин А.М. Севастопольская голгофа. – Севастополь: Рибест, 2005. С. 122.

⁶⁵⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 32. Из беседы с бывшей жительницей Севастополя Еленой Ивановной Александровой, урожд. Василькиоти (1906–2002).

Севастополь, ул. Фрунзе. 1920-е годы

«задержанных при обыске 6 000 человек отпущено 700, расстреляно 2 000 человек, остальные находятся в концентрационных лагерях»⁶⁵⁸.

Когда «запасы» обреченных на уничтожение подошли к концу, «бывших» стали выявлять по анкетам. Заполнять их приходилось всем севастопольцам в возрасте от 16 лет. Анкеты содержали от 40 до 50 вопросов, освещавших до мельчайших подробностей каждый прожитый год жизни. Заполнявший анкету обязан был через две недели явиться в ЧК, где его снова допрашивал следователь, старавшийся сбить с толку нечаянными и бессмысленными вопросами. Тем, кто выдерживал такое испытание, сохраняли жизнь и выдавали на руки заверенную копию анкеты. Тех, кто казался подозрительным, отправляли в концентрационный лагерь и там расстреливали.

Крымская резня 1920–1921 годов вынудила Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) направить специальную комиссию для изучения ситуации в Крыму, которая допросила комендантов Севастополя, Симферополя, Керчи, Феодосии и других городов. Все они в оправдание своих действий ссылались на телеграмму, подписанную председателем Крымского временного военно-революционного комитета Бела Куном и его помощницы «Землячки» (Самойловой-Залкинд) с приказом: «Немедленно расстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников»⁶⁵⁹. «В Крыму не все идет нормальным путем», – сообщал председатель специальной комиссии ВЦИК Ибрагимов, отмечая «излишества красного террора, производившегося слишком жестоко» и «обилие в Крыму чрезвычайных органов», действовавших порознь и беспощадно терроризировавших местное население. Даже глава Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Ф.Э. Дзержинский признал в итоге, что его подчиненными была «совершена большая ошибка». «Крым был основным гнездом белогвардейщины, – пояснял он, – и чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с абсолютно чрезвычайными полномочиями. Но мы никак не могли подумать, что они ТАК используют эти полномочия»⁶⁶⁰.

⁶⁵⁸ ГАРК, ф. П-1, Оп. 1, д. 21, л. 6.

⁶⁵⁹ Руль. 3 августа 1921.

⁶⁶⁰ Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). – Симферополь, 2003. С. 13–14.

«Среди расстрелянных пострадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым желанием служить советской власти, – писал член специальной комиссии ВЦИК Мир-Саид Султан-Галиев, побывавший весной 1921 года в Крыму. – Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявляли чрезвычайные органы на местах. Нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын. Такой бессмысленный и жестокий террор оставил неизгладимую тяжелую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и скрытая злоба»⁶⁶¹.

Наряду с массовыми расстрелами вновь стала набирать обороты широкомасштабная волна экспроприаций, муниципализаций и национализаций. 6 декабря 1920 года постановлением коллегии Севастопольского Совета народного хозяйства был национализирован и принят в ведение Совета ряд предприятий, в том числе принадлежавших ранее грекам. Среди них – литейный «завод Васиопуло со всем его оборудованием», «кожевенный завод Неофита» и другие⁶⁶².

В январе – феврале 1921 года, в соответствии с постановлением обкома РКП (б), у буржуазии были изъяты «излишки продовольствия, одежды, обуви, мебели»⁶⁶³. Операция по изъятию излишков проводилась «в расширенном виде до полной пролетаризации буржуазии»⁶⁶⁴. Представление о том, как происходило «изъятие излишков», можно из воспоминаний А.Л. Сапожникова – внука умершего в 1917 году генерал-майора С.И. Кази, находившегося в те тревожные месяцы в Севастополе: «Кроме двух-трех смен белья, у нас «излишков» не было. Но и нашу квартиру обыскали, просчитали все тряпки. Занимались этим взрослые, здоровые мужчины – видимо, некуда было девать энергию. У нас взяли несколько полотенец и носовых платков. У меня, можно сказать, персонально один из обы-»

⁶⁶¹ Крымский Архив. № 2. 1996. С. 86; Павлюченко С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: РКТ-История, 1997. С. 223, 224.

⁶⁶² ГАРК, ф. Р-1176, Оп. 1, д. 3, лл. 61–62. Копия.

⁶⁶³ Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. – Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 281.

⁶⁶⁴ ПКО КПУ, ф. 1, Оп. 3-с, д. 33, лл. 5, 8, 16.

скивающих отобрал дедушкин комбинированный перочинный нож с компасом и свистком. Видимо, он посчитал, что для меня этот ножик являлся «излишком», а он и есть тот самый бедняк, которому как раз и не хватает такого ножа. При изъятии никаких списков или актов на забираемые вещи, а у соседей их набралось порядочно, не составлялось; просто все связывалось в узел и уносилось»⁶⁶⁵.

Жившие в Севастополе иностранно-подданные греки, также пострадавшие от бесчинств и грабежей большевиков во время обысков и изъятий «излишков», заявили открытый протест, требуя от местных представителей советской власти выплаты компенсаций за причиненный им материальный ущерб. Вопрос «о вознаграждении иностранноподданных», пострадавших «во время прихода красных войск», был рассмотрен 13 августа 1921 года на заседании Президиума Исполнительного комитета Севастопольского горсовета, принявшего решение передать его на рассмотрение Крымского военно-революционного комитета⁶⁶⁶. Решилось ли дело в пользу заявителей протеста, выяснить на основании изученных архивных документов не удалось.

Установление советской власти в Балаклаве также не обошлось без эксцессов. В годы гражданской войны большая часть местного греческого населения, состоявшего, главным образом, из мещан – рыбаков, мелких землевладельцев, садоводов и виноградарей – открыто поддерживала большевиков. В 1918 году балаклавские греки совместно с севастопольскими матросами принимали активное участие в восстановлении советской власти в Ялте и Алуште, в боях с татарами-эскадронцами. Многие из них ушли из Крыма вместе с большевиками накануне оккупации полуострова германскими войсками, и влились в ряды Красной Армии.

В конце 1920 года при Балаклавском ревкоме был образован комхоз (отдел коммунального хозяйства), в структурных подразделениях которого преобладали местные греки: заведующий отделом управления П.И. Кумбарули, регистратор В.И. Капитанаки, агенты жилищного подотдела комхоза Г. Ватикиоти и Ф.И. Раникоди, делопроизводитель хозяйственно-заготовительного подотдела П.В. Кон-

⁶⁶⁵ Сапожников А.Л. Указ. соч., С. 609.

⁶⁶⁶ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 12, л. 11.

даиди, регистратор Е.Х. Лиоли, конторщица К.Е. Маркова, сотрудник подотдела В. Псома, А. Терсотиро, И. Зефино, конторщик электростанции Д.С. Гинали, слесарь электростанции К. Яни, парикмахеры подотдела коммунальных предприятий Г. Позианос и Е. Ламброс, сапожник И. Позианос, портниха А. Позианос, регистратор отдела транспортно-материального хозяйства М.Л. Бисти, кучер М. Петри, сторож С.Г. Еремиди⁶⁶⁷. 15 июля 1921 года на должность заведующего комхоза при Балаклавском ревкоме был назначен К.П. Спаи⁶⁶⁸.

Все земельные участки, находившиеся в частной собственности, были национализированы и розданы под крестьянские хозяйства. Без специального разрешения комхоза запрещалось обрабатывать сады и виноградники. 5 марта 1921 года было обнародовано следующее объявление: «Отдел комхоза предлагает всем гражданам города и его окрестностей по мере возможностей приступить к обработке виноградников, огородов и садов. Лица, заявившие на то желание и имеющие на то разрешения и своевременно не приступившие к обработке, будут караться по всей строгости революционных законов, а предоставленные им участки будут отобраны и национализированы»⁶⁶⁹.

Летом 1921 года в Крыму разразилась невиданная за минувшие 50 лет засуха, а степная часть полуострова, кроме того, сильно пострадала от нашествия саранчи. О том, насколько серьезным виделось надвигающееся бедствие, можно заключить хотя бы из того, что уже в августе из-за отсутствия достаточного количества хлеба Исполнительный комитет Севастопольского городского Совета вынужден был принять постановление «о расформировании концлагеря»⁶⁷⁰.

«Будем надеяться, что крымскому пролетариату не надо будет привыкать к голодовке, – успокаивала обывателей газета «Красный Крым». – Новые мероприятия советской власти в области продовольствия, безусловно, облегчат положение и необходимо лишь некоторое спокойствие»⁶⁷¹. Очень скоро выяснилось, что надежды

⁶⁶⁷ ГАГС, ф. Р-427, Оп. 1, д. 70, лл. 30–31 об.; Там же, ф. Р-427, Оп. 1, д. 70, л. 78–79.

⁶⁶⁸ ГАГС, ф. Р-427, Оп. 1, д. 70, л. 78.

⁶⁶⁹ ГАГС, ф. Р-427, Оп. 1, д. 70, л. 23.

⁶⁷⁰ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 12, л. 9-а.

⁶⁷¹ Левшиц М. Продовольственное положение. // Красный Крым. 14 мая 1921.

не оправдались, и, начиная с сентября, на полуостров стал накатываться не голод, как это принято считать в советской историографии, а настоящий голодомор. Уже в ноябре были зафиксированы первые смертные случаи, и к концу декабря число жертв достигло 1 500 человек⁶⁷². Лишь 4 января 1922 года Севастопольский, Ялтинский и Джанкойский округа официально признали неурожайными, и 16 февраля, когда люди умирали от голода уже тысячами, ВЦИК постановил отнести всю территорию Крымской АССР к числу областей, признанных голодающими⁶⁷³.

В 1921 году местная греческая трудовая община «организовала пункт питания на 600 человек» и открыла чайную при греческом рабочем клубе, в которой продукты отпускались членам клуба с 50% скидкой. В пользу голодающих греков членами клуба устраивались благотворительные вечера и спектакли.

Большую помощь в ликвидации последствий голодомора в Крыму оказывали различные международные благотворительные организации и общество Красного Креста. Иностранцы, посещавшие Севастополь, предлагали свою помощь в организации бесплатной столовой для голодающего греческого населения, однако руководство греческой секции нацмен не решалось принять ее «без соответствующего разрешения какого-либо партийного комитета». Л.П. Кравцова, исследовавшая деятельность греческого рабочего клуба в Севастополе, считает, что разрешение советских властей было все-таки получено, поскольку состоялось общее собрание севастопольских греков, на котором, в числе прочего, обсуждалось «избрание делегатов для предстоящей поездки за границу с целью сбора пожертвований»⁶⁷⁴. Для выполнения этой заграничной миссии были уполномочены Родеф-Энглези, Лазариди и Алексиу.

Пик голодомора пришелся на март 1922 года. В это же время на полуострове вспыхнула эпидемия тифа. Возросли и участились случаи смерти от голода, став самым обыденным явлением. «Ужа-

⁶⁷² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1997. С. 335.

⁶⁷³ ГАРК, ф. Р-151, Оп. 1, д. 2, лл. 1, 6, 7, 9.

⁶⁷⁴ Кравцова Л.П. Греческое население Крыма в 1921–1941 годах. Участие в хозяйственном и культурном строительстве. // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия Плюс, 2000. С. 60.

сы голода начинают принимать кошмарные формы, – сообщалось в суточной сводке ЧК от 3 марта 1922 года. – Людоедство становится обычным явлением». «В Севастополе на рынках валяются трупы, причем милиция [убирать их] отказывается»⁶⁷⁵. Вдоль шоссе из Севастополя в Симферополь и Евпаторию, на улицах города, у вокзала, валялись трупы и брошенные матерями дети⁶⁷⁶. В мае 1922 года Ю.П. Гавен сообщал, что в Крыму голодало более 400 тысяч человек (60% всего населения), а число умерших от голода достигло 75 тысяч человек⁶⁷⁷.

С весны 1922 года в Севастополь захлестнула волна грабежей и бандитских налетов, которые стали принимать «все более и более наглый характер». Мирных жителей грабили и убивали в их собственных домах и на улице, а нападения на продовольственные склады и подводы, отправлявшиеся из города в окрестные деревни с посевными материалами и продовольствием, стали обыденной действительностью. В Севастополе действовали организованные банды, прибывшие сюда из Екатеринослава и Одессы. Бандиты не останавливались перед убийством представителей советской власти и правоохранительных органов, – от их рук, в частности, погиб начальник Севастопольской милиции Македон⁶⁷⁸.

Одними из наиболее пострадавших от голодомора в Крыму считались Балаклавский и Байдарский округа Севастопольского района, – здесь голодало практически все население. В греческой деревне Камары близ Балаклавы пайки раздавались на большее количество людей, однако председатель комитета помощи голодающим в дни доставки и раздачи продуктов получал всего 2 фунта муки в день. В связи с начавшейся эпидемией тифа требовалась медицинская помощь. Было необходимо увеличить количество пайков, поскольку многие жители деревни «стали пухнуть от голода»⁶⁷⁹.

Положение малообеспеченного в материальном отношении населения селений Байдарской долины не поддается описанию. Местные жители не имели практически никаких средств к существова-

⁶⁷⁵ ГАРК, ф. Р-151, Оп. 1, д. 53, л. 110.

⁶⁷⁶ Правда. 1922. 18 февраля.

⁶⁷⁷ ГАРК, ф. Р-151, Оп. 1, д. 408, л. 103.

⁶⁷⁸ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, д. 94, л. 18.

⁶⁷⁹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 3, лл. 17–17 об.

нию. Села продуктами снабжались «в небольших количествах и с большим трудом; скот частью вымер, частью съеден». Здесь «уже давно начали есть кошек и собак». В деревне Сахтых «контролеры стали свидетелями того, как дети пекли и ели дохлых животных». Был случай, когда доведенная до иступления голодом женщина убила и съела собственного ребенка. При раздаче продуктов в деревне Скели имели место злоупотребления со стороны уполномоченного помгола, а обед голодающим жителям выдавался «в сильно уменьшенных порциях»⁶⁸⁰.

В июне 1922 года, с целью ознакомления с ситуацией на местах, заведующий греческой секцией нацмен Родеф-Энглези совершил поездку по греческим деревням Севастопольского района. По возвращении он докладывал, что греческое население деревень Камары и Карань сильно пострадало от голода и нуждается в скорейшей помощи продуктами; жители деревни Скели находились в несколько лучшем положении и просили семена овощных культур в надежде на скорый урожай, который поможет им выжить. Общее собрание греческой трудовой общины постановило «обеспечить сельских учителей пайками (в деревне Скели учитель умер от голода), в деревне Камары и Карань отправить по три мешка, а в Скели – два мешка муки и 100 пудов овощей». Руководству греческой колонии поручили «немедленно добиться разрешения у властей на отправку бедствующих греков-беженцев на родину». Наряду с этим было «принято решение о самообложении имущих греков-горожан в пользу голодающего сельского греческого населения; сбор средств прошел в течение десяти дней»⁶⁸¹.

В продолжение всего лета 1922 года в Крыму шли сильные ливневые дожди, последствием которых стал новый неурожай, и с осени голодомор вновь стал набирать силу. По разным сведениям в течение двух лет от голода умерло от 100 до 150 тысяч человек (примерно 15% постоянного населения Крыма). Непосредственно в Севастополе с 1 октября 1921 года умерло 979 человек, из которых 312 были жителями Центральной части города, 667 – жителями слободок⁶⁸². Лишь к лету 1923 года удалось ликвидировать последние последствия голода.

⁶⁸⁰ Там же, л. 18.

⁶⁸¹ Кравцова Л.П. Указ. соч., С. 60–61.

⁶⁸² Маяк коммуны. 1923. 15 апреля.

В конце 1923 года Севастопольский округ постигло новое стихийное бедствие: не прекращавшиеся в течение всего ноября ливневые дожди, сменявшиеся обильными снегопадами, привели к затоплению низменностей и расположенных в них отдельных населенных пунктов. К 1 декабря в Балаклаве было затоплено до 1 десятины принадлежавшей городу территории; уровень воды достигал здесь от 3 до 7 вершков. Еще больше пострадало предместье Кадыковка, где затопило около 5 десятин.

Во время сильной бури, разразившейся 6 декабря 1923 года на полуострове, в Балаклаве были разрушены набережная, стены некоторых частных и муниципальных домов, снесены почти все черепичные кровли и повалены до 10 телеграфных столбов. В греческой деревне Карань от дождя и ураганного ветра пострадали многие дома и постройки: обрушилась стена клуба, рухнула часть дома Дмитрия Бамбука, пострадали дома Гавриила Целио, Марии и Софии Терленди, в которых выпали части стен⁶⁸³.

Последствия бури были ужасны. Помощь пострадавшим своевременно не была оказана, отчего многие жители Балаклавы, Кадыковки и деревни Карань оказались в крайне затруднительном положении, оставшись в холодное время года в прямом смысле слова без крыши над головой. Только к весне 1924 года удалось ликвидировать все последствия разрушений.

В 1917 году в Севастополе насчитывалось 76 641 жителей. После окончания гражданской войны в Крыму, установления советской власти и сдачи в 1921 году ревкомом своих полномочий Советам, была проведена Всекрымская перепись населения. По данным, приведенным бывшим председателем Севастопольского ревкома, а затем Севастопольского Совета С.Н. Крыловым в книге «Красный Севастополь», в 1921 году население города составляло 74 070 человек. На третьем по численности месте, после русских и евреев, находились греки, которых насчитывалось 1 740 человек обоего пола, что составляло 2,3% по отношению ко всему городскому населению⁶⁸⁴.

К концу гражданской войны в Севастополе скопилось много греков-беженцев из Малой Азии и Константинополя, ожидавших

⁶⁸³ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 163, лл. 40, 42.

⁶⁸⁴ Крылов С. Красный Севастополь. – Севастополь, 1921. С. 16.

Балаклава. Здание бывшей усадьбы Ревелиоти, пострадавшее во время землетрясения 11 сентября 1927 года

получения виз и возможности выезда в Грецию. Основными причинами массового выезда греков из Советской России в Грецию были не прекращавшийся террор, массовые политические репрессии населения, повсеместно проводимые советскими властями муниципализации недвижимой собственности и конфискации имущества, в том числе у иностранноподданных граждан. Все они находились в крайне бедственном положении из-за наступившего голодомора.

Наглядным примером является судьба семьи известного севастопольского революционера и большевика О.Х. Алексакиса, погибшего в 1920 году. В 1919 году его отец, греческий подданный Х.Э. Алексакис, был арестован из-за сына белогвардейской контрразведкой и находился в севастопольской тюрьме. Не сложились у него в дальнейшем отношения и с советской властью. В 1922 году в Балаклавском народном суде рассматривалось дело по иску Х.Э. Алексакиса к Морскому ведомству о возврате конфискованного у него катера и выплате 42 млн. рублей за 4 лошади и экипаж, изъ-

ятые у него в 1919 году большевикам. Решением суда было предписано: начальнику Морских сил Черного моря вернуть катер его бывшему владельцу, а в остальной части иска отказать.

После того, как Х.Э. Алексакис добился получения визы на выезд, и стал собираться уезжать в Грецию, местные представители советской власти запретили вывозить принадлежавшее ему пианино, зарегистрированное к тому времени в отделе народного образования. Мотивируя свои действия, чиновники объявили, что «это пианино крайне необходимо для нужд Балаклавского партклуба и Балаклава, как провинциальный городок, приобрести другое пианино в течение десятка лет будет не в состоянии»⁶⁸⁵.

В Греции родители «пламенного революционера» обосновались в одном из кварталов Пирея, где в те годы селились многочисленные семьи эмигрантов из Советской России и беженцев из Малой Азии. Христофор Эммануилович Алексакис умер 27 ноября 1936 года. На долю его жены выпало перенести все тяготы и лишения второй мировой войны и германско-итальянской оккупации Греции. Феодора Афанасьевна Алексаки, урожденная Христопуло умерла 21 марта 1950 года, и была похоронена рядом с мужем на русском православном кладбище в Пирее⁶⁸⁶.

Дед Ориона Алексакиса, бывший балаклавский купец 3-й гильдии Афанасий Христофорович Христопуло, отказался уезжать с дочерью и зятем в Грецию и остался в Балаклаве. Принадлежавший ему двухэтажный дом на городской набережной в 1922 году был муниципализирован. После многочисленных жалоб и обращений пострадавшего в высшие советские органы, ВЦИК постановил выделить А.Х. Христопуло, как деду известного революционера и участника гражданской войны, три комнаты для проживания в принадлежавшем ему до революции доме. В ответ Балаклавский районный исполнительный комитет возбудил ходатайство об отмене принятого в Москве решения, мотивируя это тем, что его дочь, Надежда Афанасьевна Христопуло, «не принимает участия в общественной

⁶⁸⁵ Терещук Н.М. положение греческого населения Севастополя в 1920-е годы (по материалам Государственного архива города Севастополя).

⁶⁸⁶ Талалай М.Г. Русское кладбище им. Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее. / Серия: «Российский некрополь». Вып. 12. – СПб.: ВРИД, 2002. С. 8.

работе», «пользовалась прислужгой» и «ежедневно гуляет с собакой по набережной». Один из членов районной избирательной комиссии утверждал, что «Христопуло выгонял из дома Ориона Алексакиса», «обвинял его в большевизме», а сейчас «эксплуатирует память о погибшем революционере».

Были утверждения, особенно со стороны посещавших Советскую Россию иностранцев, что после 1921 года, в связи с мобилизацией и объединением всех сил на борьбу с голодомором и ликвидацию последствий стихийных бедствий, прекратились всякие проявления террора в Крыму. С этими утверждениями нельзя согласиться: террор против безоружного гражданского населения продолжался, и ежедневно расстреливали по несколько десятков человек «за грабежи», «за саботаж», «за спекуляцию», а также выявленных в ходе объявлявшихся «недель борьбы со взятками».

В 1923 году произошло очередное бессмысленное убийство, совершенное на почве мести большевиками: в Севастополе публично судили и приговорили к расстрелу Михаила Михайловича Ставраки (1866–1923) – одного из участников подавления вооруженного восстания на Черноморском флоте в ноябре 1905 года, обвиненного в том, что будто бы он лично руководил расстрелом П.П. Шмидта.

Большинство историков и публицистов, словно сговорившись и подчас повторяя друг друга утверждают, что дальнейшая судьба М.М. Ставраки «сложилась трагично» из-за того, что «многие офицеры не могли простить ему участие в расстреле Шмидта». Севастопольский историк В.Г. Шавшин пишет, что «постоянные оскорбления и ссоры, в том числе с командиром канонерской лодки «Терец», привели его в апреле 1907 года в тюрьму, затем на севастопольскую гауптвахту и в ссылку в Архангельскую область. После революции он пытался затеряться в России, но был опознан и расстрелян».

Между тем, М.М. Ставраки не руководил расстрелом П.П. Шмидта. В донесении начальника жандармского управления Одессы в департамент полиции от 8 (21) марта 1906 года сообщалось: «6-го сего марта в 8 часов утра на острове Березани, близ города Очакова, по распоряжению командующего Черноморским флотом, командиром

военного судна «Прут» Радецким был приведен в исполнение приговор военно-морского суда»⁶⁸⁷.

После расстрела на острове Березань участников ноябрьского вооруженного восстания, Ставраки продолжал служить на Черноморском флоте, 2 апреля 1906 года был произведен в капитана 2 ранга, с 8 июля того же года исполнял должность старшего офицера броненосца «Георгий Победоносец», а 2 октября был переведен на Балтийский флот с зачислением в 1-й генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича флотский экипаж. 26 марта 1907 года по измененному Главным военно-морским судом приговору военно-морского суда Севастопольского порта «за преступное деяние, предусмотренное частью 2 статьи 111 Военно-Морского Устава о наказаниях», Ставраки был исключен из службы с лишением некоторых особенных прав и преимуществ и подвергнут заключению в крепости на три года». 6 мая 1911 года он был освобожден и ему вернули утраченные по суду «некоторые особенные права и преимущества с тем, чтобы считать его уволенным от службы капитаном 2 ранга».

С сентября того же года Ставраки был смотрителем Ай-Тодорского маяка, во время Первой мировой войны поступил в распоряжение военного губернатора города Мариуполя и командира Мариупольского военного порта, для назначения заведующим военнопленными, находящимися в Мариуполе, а с 31 октября 1917 года состоял в должности начальника Батумской брандвахты и заведующего портовыми плавучими средствами.⁶⁸⁸

В 1920 году он отказался от возможности эвакуироваться и остался в Грузии, которая в то время еще не присоединилась к Советской России, и где у власти находилось меньшевистское правительство. После установления весной 1921 года советской власти и образования Грузинской ССР, М.М. Ставраки вступил в члены РКП (б), но в период чистки партии был исключен из ее рядов «за сокрытие дворянского происхождения». В марте 1922 года он получил назначение на должность начальника управления по обеспечению безо-

⁶⁸⁷ ЦГИАМ, Ф. ДП, 7 д-во, д. 3769, т. 2, л. 328. Подлинник. Опубл.: Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г.: Документы и материалы. – М., 1957. С. 302–303.

⁶⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. д. 2107. лл. 11–25.

пасности кораблевождения Батумского укрепленного района и смотрителя Батумских маяков, не подозревая о том, что дни его сочтены: 29 июня 1922 года Ставраки был арестован и доставлен в Севастополь, где над ним состоялся суд, приговоривший его к высшей мере наказания – расстрелу.

Михаил Михайлович Ставраки был посмертно реабилитирован постановлением президиума Верховного суда Российской Федерации от 17 июля 2013 года.

Большая часть старожильческого греческого населения покинула Севастополь во время эвакуаций 17 апреля 1919 года и 14 ноября 1920 года. Все они стали впоследствии жителями Греции, Болгарии, Румынии, Франции, США. Те из них, кто на свой страх и риск остался в городе и пережил время террора, лишились недвижимой собственности в процессе муниципализации. Скрывая свое социальное происхождение, вчерашние потомственные дворяне, купцы, чиновники, как могли, приспособлялись к новому образу жизни, избегая подчас не только открытого общения со старыми знакомыми, но и встреч с представителями своего сословия, – органы ГПУ по доносу «бдительных граждан» в любое время могли расценить это как подготовку контрреволюционного заговора. За ними на долгие десятилетия закрепилось обобщающее название: «бывшие».

По приблизительным подсчетам, в 1920-е годы в Севастополе проживало не более тридцати старожильческих семей или отдельных их представителей, ведущих свое происхождение от поселившихся здесь еще в конце XVIII века архипелагских греков: Антипа, Бальзам, Бефани, Ергопуло, Кокораки, Кондури, Василькиоти, Вергопуло, Ревелиоти, Спиридо, Соломо, Ставраки, Кондараки, Кокинаки, Коста, Палеолог, Трапезаровы, Недо, Манто, Цамутали, Цакни, Энгели и другие. Новая власть остро нуждалась в опытных специалистах в сфере культуры и народного просвещения, поэтому некоторые из «бывших» вскоре заняли прежние рабочие места. Так, на должность заведующей Центральной городской библиотекой в 1924 году была назначена Александра Спиридоновна Бальзам, – дочь умершего в 1867 году участника обороны Севастополя 1854–1855 годов капитана 2 ранга Спиридона Дмитриевича Бальзама, одна из инициаторов

создания в 1895 году бесплатной народной библиотеки, а в 1901 году – общественной библиотеки в Севастополе. Вместе с ней работала библиотекарем Мария Константиновна Цакни, дочь умершего еще до революции капитана Константина Аргирьевича Цакни⁶⁸⁹.

В 1923–1926 годах ГПУ Крымской АССР возглавлял С.Ф. Реденс – поляк по национальности, один из главных палачей Крыма, проводивших «зачистку» полуострова от «белогвардейского элемента» после эвакуации Врангеля. В середине 1924 года им был раскрыт ряд контрреволюционных организаций в Крыму, а в 1929 году – в Севастополе. Создателем и руководителем так называемой «севастопольской контрреволюционной организации монархического толка» был бывший участник белого движения Б.А. Кази.

Борис Александрович Кази родился 30 января 1898 года в Севастополе в семье моряка Добровольного флота Александра Андреевича Кази (ум. в 1923 году). Будучи вольноопределяющимся лейб-гвардии драгунского полка, он участвовал в последней кавалерийской атаке конницы генерала Барбовича против красных под Перекопом в 1920 году, в которой был ранен. Отказавшись от эмиграции и оставшись в Севастополе, Борис Александрович оказался в числе тех немногих «бывших», кому чудом удалось избежать «цирка для белых» и выжить в период красного террора. Состоя на учете в ГПУ Крымской АССР, он работал сапожником, неоднократно подвергался арестам, но освобождался из-за отсутствия состава преступления. 15 января 1929 года Кази в очередной раз арестовали по обвинению в создании в Севастополе контрреволюционной организации монархического толка, и постановлением Коллегии ОГПУ от 15 апреля 1929 года на основании ст. 58 п. 4, 58 п. 11 и 58 п. 13 УК РСФСР приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 30 апреля 1929 года⁶⁹⁰.

Вместе с ним подвергся аресту за контрреволюционную деятельность его брат Георгий Александрович Кази (1902–1979), приго-

⁶⁸⁹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 287.

⁶⁹⁰ По заключению Прокуратуры Украины от 7 февраля 1996 года на основании ст. 1 закона Украины от 17 апреля 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» Б.А. Кази был посмертно реабилитирован. – Личный архив М.А. Сергеева.

воренный по ст. 58 п. 12 и п. 13 УК РСФСР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей⁶⁹¹.

После установления советской власти греческое население Севастополя, большую часть которого составляли подданные Греции и Турции, разделилось на два противоположных друг другу круга – религиозную общину и, так называемую, трудовую общину. Представители первого круга признавали и поддерживали советскую власть, но, держась в стороне от участия в строительстве нового социалистического общества, сплотились вокруг греческой церкви и образовали *греческую религиозную общину*. Среди прихожан преобладали переселенцы из балканской Греции и Малой Азии, обосновавшиеся в Севастополе с последней четверти XIX века, религиозные убеждения и патриархальный уклад в семьях которых были особенно сильны. В сфере профессиональной ориентации это были бывшие крупные и мелкие торговцы, служащие, ремесленники, пекари, кустари, рабочие и домохозяйки. Второй, не меньший, чем первый, по численности круг, представлял собой *греческую трудовую общину*, в которую влились отчасти поздние переселенцы, отчасти беженцы из Малой Азии и выходцы из других городов Крыма, оказавшиеся в Севастополе накануне прихода Красной Армии в ноябре 1920 года. Среди греков трудовой общины, в первую очередь многочисленных беженцев, было особенно много убежденных сторонников большевиков.

Созданная в 1921 году греческая трудовая община проявляла небывалую активность и сплоченность. Центром ее работы был Греческий рабочий клуб им. 1-го Мая, при котором действовали музыкально-хоровая, художественно-литературная и драматическая студии. В ноябре 1920 года, когда по ночам расстреливали, а днем чекисты выискивали новые жертвы, на сцене Севастопольского театра играли поочередно, по одному дню в неделю, шесть национальных групп – русская, украинская, крымскотатарская, армянская и греческая. Впрочем, продолжалось это недолго, и вскоре постановку спектаклей на греческом языке перенесли на сцену греческого рабочего клуба.

⁶⁹¹ Личный архив М.А. Сергеева.

В течение 1921 года клуб организовал и провел несколько вечеров в пользу греческих школ, 15 митингов, 5 лекций и 1 читку на тему «Азбука коммунизма». При клубе работали вечерние школы грамоты I-й и II-й ступеней. В школе I-й ступени обучение осуществлялось на греческом и русском языках, в школе II-й ступени занятия проводились по курсу среднеобразовательных учебных заведений, и в ее программу входило изучение немецкого, французского и немецкого языков. При клубе имелась библиотека с книгами на греческом, французском и русском языках.

В 1921 году греческая трудовая община Севастополя приняла попытку издания греческого журнала «Голос пролетариата», в котором могли бы публиковаться «все желающие писать, не стесняясь формой изложе-

Михаил Михайлович Ставраки (1866–1923), офицер греческого происхождения, служивший в составе Российского императорского флота, капитан 2 ранга (1906), сын участника первой героической обороны Севастополя генерал-майора по флоту Михаила Ивановича Ставраки (1806–1892). В советской официальной историографии считается, что именно он командовал расстрелом П.П. Шмидта. Арестован 29 июня 1922. На суде в апреле 1923 отрицал свое командование расстрелом П. П. Шмидта утверждая, что командовал В.И. Радецкий (в дальнейшем контр-адмирал). Однако судом был приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Посмертно реабилитирован постановлением президиума Верховного суда РФ от 17 июля 2013

ния». В журнале, который, по замыслу его учредителей, должен был объединить всех греков Крыма, определили отделы: политический, экономический, хроники, искусств и «почтовый ящик». Был утвержден состав редакционной коллегии, в который вошли коммунисты Федор Родеф-Энглези и Аркадий Сингириди, филолог Иван Тоганиди, юрист Константин Пиппер, преподаватель рабфака профессор Яков Белинский, журналист Харламий Крипиди и студент-медик Исаас Пиппер. Видимо, из-за отсутствия необходимых средств «журнал не удался, идея провалилась», и вместо него решили издавать греческую газету под таким же названием, но и это так и не было воплощено в жизнь⁶⁹².

В 1922 году греческая трудовая община Севастополя провела учет греческого населения и его занятости. После подведения итогов выяснилось, что из 5 000 проживавших в городе греков 25% составляли мелкие торговцы, 9% – крупные коммерсанты, 6% – крупные домовладельцы, 10% – кустари, 15% – служащие, 25% – рабочие. Из общего числа рабочих 20% были строители, 15% – грузчики, 15% – сапожники, 15% – пищевики, 8% – чернорабочие, 5% – разнорабочие, 5% – металлисты, 4% – скульпторы, 3% – учителя, 1% – печатники. В докладе партийным органам сообщалось, что «вся эта масса, как рабочие, так и буржуазия, пропитаны шовинизмом»⁶⁹³.

Кроме Севастополя на территории Севастопольского округа греческое население проживало в Балаклаве, предместье Кадыковке и в деревнях Карань, Камары, Алсу и Скели, всего – около 5 000 греков, из них в Балаклаве – 1 775 человек, остальные – в вышеуказанных деревнях, где 60% греков составляли мелкие собственники, 10% – крупные собственники, 10% – садовники, 20% – батраки⁶⁹⁴.

К 1924 году, в связи с волной массового выезда в Грецию, численность греческого населения в Севастополе и Севастопольском округе заметно сократилась. В административном подчинении у Балаклавского горсельсовета находилось шесть населенных пунктов – Балаклава, Карань, Камары, Кадыковка, Новая Земля и Золотая Балка, общая численность населения которых в 1924 году составляла

3 738 человек (1 849 мужчин и 1 889 женщин), из них по национальности: русских – 1.902, греков – 1.722, татар – 18, евреев – 62, прочих – 34. По социальному положению среди них преобладали крестьяне – 1 494 чел., рабочие – 219 чел., служащие – 115 чел., рыбаки – 137 чел., представители свободных профессий – 200 чел, домохозяйки и прочие – 1 568 чел⁶⁹⁵.

В декабре 1923 – январе 1924 годов при греческом рабочем клубе была организована бесплатная юридическая консультация, оказывавшая правовую помощь и содействие в жилищном обустройстве семьям греков-беженцев.

На состоявшейся в мае 1921 года IV Крымской областной партийной конференции коммунисты наметили основные направления советского и хозяйственного строительства и приняли решение «начать практический переход к новой экономической политике». Голодомор, начавшийся осенью 1921 года и продолжавшийся до осени 1922 года, препятствовал нормальному развитию хозяйства и вынуждал местные власти вводить чрезвычайные меры, противоречившие основным принципам НЭПа. Фактически же, новая экономическая политика в Крыму стала осуществляться в полном объеме только с конца 1922 года. После замены продразверстки продовольственным налогом и принятия декрета о свободной торговле излишками продуктов сельского хозяйства стал чрезвычайно быстро развиваться частный капитал, устремившийся, прежде всего, в сферу торговли, где для этого сложились наиболее благоприятные социально-экономические условия. Более 90% патентов на ведение торговли в Севастополе было выдано частным лицам. В короткие сроки частные торговцы создали разветвленную торговую сеть и играли ведущую роль в городской торговле.

Среди частных торговцев в рассматриваемый период было немало греков: И.И. Сариянаки, П.Д. Христофоров, И.И. Харлампики, М.П. Эксархиди, И.Г. Попандопуло, Т.Х. Тафланиди, Ф.Н. Трикмениди, Н.К. Тракадис, К.Д. Асигномити, Ф.М. Арапоглу, Е.П. Аликарис, В.И. Каранопуло, Х.Г. Георгиади, А.К. Псомиади, П.Г. Подиматас, Н.Ф. Потманиди, Г.Н. Иорданов, Э.Г. Григориади, К.К. Мавриди и мно-

⁶⁹⁵ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 201, л.28.

⁶⁹² Кравцова Л.П. Указ. соч., С. 61–62.

⁶⁹³ Цит. по: Кравцова Л.П. Указ. соч., С. 61.

⁶⁹⁴ Там же, С. 61.

Офис АО «Крымкурсо», открытое в Севастополе в 1923 году как основоположник автотранспортных предприятий в городе. Занималось пассажирскими перевозками, в основном в Ялту

гие другие. Успех частного торгового предпринимательства греков в восстановительный период во многом заключался в их организаторских способностях, врожденной предприимчивости и умении торговать. Многие из них занимались торговлей и имели торговые лавки и магазины еще до революции, что позволило им быстро адаптироваться к условиям нового времени. Так, например, П.Г. Подиматас до 1920 года владел рыбно-гастрономическим магазином в Севастополе. В период НЭПа он получил патент на право торговли, взял в аренду принадлежавшее ему ранее помещение и вновь открыл в нем рыбный магазин. В числе известных в Севастополе дореволюционных рыботорговцев были К.Ф. Какас, М.П. Арнаутова и Е.Х. Вендури, возобновившие частную торговую деятельность в период НЭПа. Известным в городе мастером по копчению и солению

рыбы был кустарь Е.П. Аликари, открывший рыбную копильню по патенту 3-го разряда⁶⁹⁶.

Частное предпринимательство севастопольских греков проявлялось в чрезвычайном разнообразии типов предприятий одной и той же отрасли в зависимости от характера клиентуры. В одной только бакалейной торговле, принадлежавшей в городе частным торговцам-грекам, различались розничная, базарно-розничная и мелочная. Базарно-розничной торговлей занимались В.С. Ионас, Л.А. Лаикиди, Г.В. Тракиди, А.К. Тракиди, И.А. Тракиди, Параскевас Василиади, Константин Кифниди. Частными торговцами бакалейными товарами были Г.И. Тавриди, Н.Г. Кикиди, А.Х. Саркетан, Василий Василагаки и другие. Винно-бакалейными торговцами были Г.Д. Карамоленко, Д.И. Стиви, Г.П. Паниди, торговлей овощами занимался – Н.Ф. Потманиди, торговлей мясом – Д.А. Пефани, Е.Г. Марианаки, А.Ф. Салпиоти, Христофор Окиди. Мелочной торговлей занимались И.И. Харлампики, М.П. и Е.Г. Эксархиди, И.Г. Попандопуло,

Ф.Н. Трикмениди, К.Д. Асимомити, Ф.М. Арапоглу, В.И. и А.Г. Канаропуло, Г.Х. Георгиади, А.К. Псомиади, Г.Н. Иорданов, Э.Г. Григориади, К.К. Мавриди, Д.И. Караджас, Г.И. Тавриди, И.Д. Кукулиди и другие. Среди греческого населения слободок и окраин города преобладали пекари, булочники, кондитеры и производители бузы.

В период НЭПа в Севастополе открылось более 10 кофеен, принадлежавших частникам-грекам, которых называли в то время «кофейщикам». Содержателями кофеен были Н.П. Антонини, Г. Флатбуриади, К.С. Триандафилиди, А.К. Калпакиди, И.Н. Сакиди, А.Х. Пекливаниди, Алексей Загрефиди, Василий Паниди и другие. В арендованном помещении бывшего греческого ресторана «Босфор» на проспекте Фрунзе (бывш. Нахимовский) открылся частный ресторан Ивана Панайотовича Панайоту. Поварами в его ресторане работали Георгий Матвеевич Симос и Георгий Антонович Антонини, официантами – Николай Дмитриевич Папапавли и Иван Плейдаки⁶⁹⁷.

Частный капитал иностранно-подданных греков активно участвовал в сфере промышленности. Известный в дореволюционном Севастополе литейщик и владелец национализированного в 1921

⁶⁹⁶ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, ед. хр. 228, л. 10.

⁶⁹⁷ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, лл. 5–15.

году литейно-механического завода греческий подданный Георгий Дмитриевич Василопуло в период НЭПа получил патент 1-го разряда на открытие промышленного предприятия – кустарно-литейной мастерской «Водокат», зарегистрированный под № 1485. Кустарно-литейная мастерская Василопуло находилась во дворе принадлежавшего ему дома на улице Азовской № 91. Вместе с ним работали его сын, Николай Георгиевич Василопуло, и два ученика-литейщика. Мастерская изготовляла по заказам якоря, секции декоративных оград, люки для канализационных и кабельных подземных коммуникаций и другие чугуно-литейные изделия.

Новая экономическая политика содействовала быстрому восстановлению экономики Севастополя. Все городские предприятия переводились на хозрасчет, что должно было стимулировать повышение производительности труда, создавая материальную заинтересованность у рабочих в результатах своего труда. В конце 1922 года частники занимали 85% в розничном товарообороте Севастополя. Частный сектор играл доминирующую роль в мелкой и кустарной промышленности: в 1923–1924 и 1925–1926 годах его продукция составляла 73,6% от всей производимой в городе.

В 1922–1929 годах в арендованном помещении дома № 19 на Артиллерийской улице находилась шлюпочная кустарная мастерская, принадлежавшая известным в дореволюционном Севастополе шлюпочным мастерам братьями К.И. и П.И. Иордани, получившими патенты 1-го разряда на производство и ремонт шлюпок. Для открытия дела требовались корабельный лес, пенька, пакля, краски и другие необходимые материалы, на приобретение которых личных денежных сбережений не хватало. Чтобы получить ссуду, П.И. Иордани вступил в члены Общества промышленного кредита. С началом работы шлюпочной мастерской не только объемы производимой продукции, но и доходы кустарей-шлюпочников ежегодно стали увеличиваться. По определению финансового отдела, личный доход К.И. Иордани составлял: в 1926/27 году 1 620 рублей, в 1927/28 – 3 000 рублей, в 1928/29 – 4 200 рублей⁶⁹⁸.

⁶⁹⁸ ГАГС, Ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 802, л. 5; Там же, л. 4.

Изделие кустарно-литейной мастерской «Водокат» Г.Д. Василопуло

Шлюпочная мастерская братьев Иордани работала по заказам как частных лиц, главным образом, яличников и рыбаков Северной стороны, так и крупных объединений и государственных учреждений, таких как артель моряков, Севастопольское кооперативно-рыболовственное товарищество «Севрыбак», Севастопольская биологическая станция, размещавшая заказы по постройке и ремонту шлюпок в течение 1922–1929 гг. Братья Иордани периодически выполняли ремонтные работы на парусно-моторных судах «Валюта», «Аскольд» и ялике «Ирочка», принадлежавших отделу комплектования Главного военного порта Черного моря. Ими были изготовлены 3 ялика с комплектами принадлежностей к ним для артели «Рыбацкая Коммуна»⁶⁹⁹.

В Севастополе функционировало множество артелей, специализировавшихся на выпечке хлебобулочных изделий. Одной из наиболее известной среди них была артель «Москва», пекарями в

⁶⁹⁹ ГАГС, Ф. Р-79, Оп. 2-л, д.802, лл. 10, 11, 12.

*Митинг 7 ноября в деревне Карань. Фото 1924 года.
На снимке (слева - направо) стоят: Реполов Сергей, Богус Василий,
Каликаки Константин Эммануилович, Ватикиоти Николай,
Ханджогло Юрий, (неизвестен), сидят: (неизвестен), Арванити Митрофан,
Богус Владимир, Каликаки Павел Константинович,
Каликаки Дмитрий Дмитриевич*

которой работали Н.П. Симеониди, Василий Парисис, Е.Г. Шахиниди и К.П. Сидеропуло. Наряду с артелями в городе работало множество частных пекарен, образованных на правах товариществ и принадлежавших Ф.П. Григориади, А.К. Григориади, И.И. Попандопуло, В.Т. Триандафилиди, П.М. Муратида, братьями И.В. Сейтарида, М.В. Сейтарида и С.В. Сейтарида, братьями С.Г. и А.Г. Стилиди.

Основными занятиями греческого населения Балаклавы и расположенных в ее округе сел, в отличие от севастопольских греков, было рыболовство, садоводство, виноградарство и табаководство. Нередко греки создавали земледельческие и садоводческие артели и товарищества. На многочисленных хуторах, находившихся в бли-

жайших окрестностях города, и взятых в аренду землях заметными темпами развивалось табаководство, садоводство, виноградарство и виноделие. Одним из крупных арендаторов виноградников был турецкоподданный грек Ангелий Сергеевич Безони (род. в 1878 году), – уроженец города Митилини (остров Лесбос), приехавший в Крым в 1899 году на заработки и поселившийся в деревне Карань. Виноградарство и виноделие получило широкое распространение на хуторах Агриамати, Орфаниди, Н. и П. Бамбуко, Караманиди, Н. Пандика, Прокоса, братьев Д., И. и С. Тиктопуло, Иванова, Христопуло близ деревни Карань, С. Караказанджи, Мутесиди, Лиоли, Патрино в окрестностях деревни Камары, на хуторе «Белые горы» Попандопуло близ Кадыковки и хуторе Гунари у Инкермана.

Материалы Всесоюзной переписи 1926 года, проводившейся в период расцвета НЭПа, дают нам исчерпывающую характеристику проживавшего в то время в городе греческого населения. Общая численность населения Севастополя составляла 74 703 чел. обою пола, из них граждан СССР – 73 281 чел., иностранных подданных – 1 270 чел. Численность проживавших непосредственно в Севастополе греков составляла 1.198 чел., из них 575 муж. пола и 623 жен. пола. Число лиц, говоривших на греческом языке 383 муж. пола и 397 жен. пола, на русском – 190 муж. пола и 243 жен. пола, на других языках – 2 муж. пола и 1 жен. пола. По принадлежности к государству среди севастопольских греков были подданные Греции (451 муж. пола и 362 жен. пола), Турции (127 муж. пола и 65 жен. пола), Великобритании (1 муж. пола и 1 жен. пола), Албании (12 муж. пола и 11 жен. пола). Родным языком считало греческий 1 524 чел. (808 муж. пола и 716 жен. пола).

В Балаклаве (с предместьем Кадыковка), входившей в состав Севастопольского района, в 1926 году проживало 2 324 чел. об. пола, из них: русских – 1 456 чел., украинцев – 168 чел., греков – 480 чел., татар – 17 чел., немцев – 14 чел., евреев – 70 чел., болгар – 7 чел., армян – 2 чел., поляков – 22 чел., крымчаков – 10 чел., караимов – 6 чел. Здесь греки, являвшиеся старожильческим населением, составляли вторую по счету из трех самых крупных этнических групп. Чис-

ло лиц, считавших родным языком греческий составляло 335 чел. (168 муж. пола и 167 жен. пола)⁷⁰⁰.

Общая численность сельского населения Севастопольского района по данным Всесоюзной переписи 1926 года составляла 19 711 чел., из них 947 чел. – греки, проживавшие, главным образом, в селах Карань, Камары, Алсу, Склея и Варнутка.

Всего в Севастополе и Севастопольском районе (включая Балаклаву и села) в 1926 году проживало 4 108 греков, составлявших 5% от общей численности населения⁷⁰¹. Представители буржуазии составляли немногим более 3% занятого населения, среди которого преобладал мелкобуржуазный слой.

Удельный вес рабочего класса среди греков был сравнительно невысок и составлял 1/4 от общей численности занятого населения, что объясняется их традиционной и устойчивой ориентацией на неиндустриальные виды трудовой деятельности⁷⁰². Четыре грека являлись рабочими городской типографии, литографии и переплетной – технический мастер наборного отдела П.Г. Недо, наборщики Г.И. Спано, Н.А. Арванити и столяр И.М. Василькиоти⁷⁰³.

Были греки и среди сотрудников Севастопольского отделения Государственного политического управления (ГПУ) и особого отдела Черноморского флота, это Н.А. Василькиоти, П.И. Кумбарули и Ю.А. Кичиджи⁷⁰⁴.

Значительно ниже, чем у других этнических групп, у греков была представлена доля интеллигенции: инженерно-технические, медицинские работники, учителя. В 1924–1926 гг. в медицинских учреждениях и детских домах Севастополя работали всего три врача-грека – Г.Л. Бисти, И.Л. Терьяки, Г.К. Пиппер, и три медицинские сестры-гречанки – Э.Н. Полити, Е.И. Василькиоти и Е.Г. Михайли⁷⁰⁵. В должности старшей лаборантки Государственного бактери-

Балаклава. Фото 1927 года

ологического института состояла К.С. Хаджи-Паниотова⁷⁰⁶. В списке сотрудников политпросвета Севастопольского отдела народного образования значатся лишь две гречанки, – заведующая Центральной городской библиотекой А.С. Бальзам и библиотекарь М.К. Цакни⁷⁰⁷.

За счет ликвидации безработицы, в конце 1920-х годов среди севастопольских греков постоянно росли численность и удельный вес самодеятельно (кустарно) работающего населения, при этом уровень занятости женщин оставался крайне низким, так как практически все гречанки в силу существовавших традиционных семейно-бытовых особенностей находились на правах домохозяйек. Среди служащих и работниц детских домов, например, лишь пять были гречанками – М.Ф. Стратигопуло, А.С. Кондараки, К.С. Ламброс, Е.В. Камбораки и Надежда Спиро⁷⁰⁸.

⁷⁰⁶ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 132.

⁷⁰⁷ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 14.

⁷⁰⁸ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 51 об.–52 об., 277, 278.

Трамвай на линии Севастополь – Балаклава, открытой в 1925 году

Лишь 13 греков являлись служащими государственных и частных предприятий: администраторы, бухгалтеры, конторщики, приказчики, парикмахеры. В их числе заведующий гостиницей «Северная» П.П. Алтунджи, заведующий универмагом ЦРК Н.И. Панайоти, таксировщик севастопольского Морского агентства Государственного Черноморско-Азовского пароходства Лазарь Трикмениди, заведующий распределителем № 1 Черноморкоопа Федора Трикмениди, заведующий распределителем мясной секции Черноморкоопа в поселке Кача Павел Трикмениди, сотрудник Севастопольского агентства «Экспортхлеб» К.П. Спаи⁷⁰⁹.

Большим событием в жизни севастопольцев стало строительство трамвайной линии Севастополь – Балаклава, начатое ускоренными темпами в 1924 и завершённое в ноябре 1925 года. В трамвайной бригаде Управления электроснабжения работали три грека: кондуктор Александр Асланиди и вагоновожатые Георгий Сидериди и Стефан Химони⁷¹⁰.

⁷⁰⁹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 147 об., 185 об., 205, 320 об., 328 об., 356.

⁷¹⁰ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 61, 306.

Советизация Крыма с первых же лет коснулась деятельности православной церкви. События, развивавшиеся в 1920–1928 гг. в бывшей Таврической епархии являлись отражением процессов, происходивших в это время в Русской православной церкви⁷¹¹. После эвакуации войск Врангеля на полуострове осталось значительное число священников, оказавшихся здесь в поисках спасения от бесчинств большевиков в годы гражданской войны. Это были выходцы из различных губерний бывшей Российской империи. Прокатившаяся по Крыму волна красного террора не коснулась основной массы священнослужителей, принимавших участие в белом движении, поскольку это «могло привести к осложнению отношений с населением полуострова, подавляющее большинство которого являлось прихожанами более тысячи действовавших на его территории приходов различных конфессий»⁷¹².

С установлением в Крыму советской власти, в бывшей Таврической епархии создалась сложная внутриконфессиональная ситуация, вызванная тем, что в 1921–1922 гг. местное духовенство не поддержало политику архиепископа Никодима, давшего «негласное указание к сокрытию церковных ценностей» во время разразившегося на полуострове голодомора. Севастопольские же священники и прихожане, напротив, поддержали призыв протоиерея Евгения Эндико, открыто признавшего советскую власть и призвавшего «жертвовать церковную утварь для спасения умирающих людей»⁷¹³.

До Февральской революции 1917 года многие греческие храмы и приходы Греко-Российской православной церкви, прихожанами которых в большинстве своем были греческие подданные, находилось в ведении Греческой Королевской миссии в Петербурге и греческих консульств, защищавших интересы своих граждан. Севастополь являлся центром образованного в годы гражданской войны в Крыму центром благочиния всех Эллинских церквей Таврической епархии, а подчинение греческого духовенства и приходов епархиальному руководству было чисто формальным. Созванный 29 июня

⁷¹¹ Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 гг.: проблема взаимоотношений с государством. – Симферополь: МСП «Ната», 2002. – С. 74.

⁷¹² Там же, С. 77–78, 79–80.

⁷¹³ Там же, С. 143.

(12 июля) 1917 года в Таганроге I Всероссийский съезд эллинов в первую очередь поднял вопрос об автономии греческой церкви путем организации шести отдельных греческих епископий, которые должны были иметь одинаковые права с остальными епископиями⁷¹⁴. Однако Октябрьский переворот и начавшаяся затем гражданская война в России не позволили завершить процесс намеченного преобразования и объединения.

После окончательного установления в 1920 году советской власти, Севастополь постепенно превратился в один из центров «обновленческого» движения, идеи которого не нашли поддержки у местных греков, строго придерживавшихся ортодоксальных традиций Восточной православной церкви. В Севастополе, Балаклаве и греческих селах ее ближайшей округи в то время функционировало 7 церквей и 5 приписанных к ним часовен, приходы которых состояли, главным образом, из греков.

В 1922 году прихожане греческих церквей Севастополя, Симферополя, Ялты, Евпатории, Феодосии и Керчи, с благословения архиепископа Таврического Никодима, объявили о своем выходе из-под юрисдикции Московского патриархата, возобновлении деятельности греческого благочиннического округа в Крыму и переходе его в подчинение Константинопольского (Вселенского) патриарха⁷¹⁵, после чего встал вопрос о легализации этого этноконфессионального объединения.

В марте 1923 года в Стол религиозных культов при Севастопольском районном исполнительном комитете старостой греческой Трехсвятительской церкви в Севастополе С.К. Тоганиди были представлены документы для ее регистрации в качестве греческой религиозной общины: «Протокол общего собрания членов общины и 40 анкет на 20 лиц, заполненные собственноручно»⁷¹⁶.

⁷¹⁴ Протоколы Первого Всероссийского съезда эллинов в Таганроге. Ростов-на-Дону, 1917. С. 16.

⁷¹⁵ Там же, с. 143.

⁷¹⁶ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 3. Подлинник. Сократ Кириакович Тоганиди родился 3 (15) июля 1874 года в городе Салоники (Греция). Приехав в 90-е годы XIX века в Россию в поисках работы, он жил сначала в Харькове, затем в Киеве, работая приказчиком. В 1919 году Сократ Кириакович приехал в Севастополь, где поселился на частной квартире в доме № 54 на 2-ой Цыганской улице, довольствуясь случайными заработками – ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 33–35 об.

28 октября 1923 года «на основании разрешения гражданских властей от 17 октября 1923 года за № 33», в Севастополе состоялось общее собрание членов греческой религиозной общины под председательством П.М. Фотиадиса и секретаря Г.Н. Иорданова, избравшее 11 членов и 5 кандидатов приходского совета и ревизионную комиссию⁷¹⁷. Членами греческой религиозной общины в 1923 году являлись 310 человек, из которых 306 были греческими подданными и 4 – албанскими подданными, постоянно проживавшими в Севастополе⁷¹⁸. В социально-классовом отношении в ней были представлены все социальные слои – крупные и мелкие торговцы, служащие, мастеровые, кустари, рыбаки, рабочие, безработные, домохозяйки, учащиеся. Настоятелем греческой Трехсвятительской церкви оставался архимандрит Григорий Вукунас. Должность псаломщика исполнял 68-летний Д.Ф. Сихиди⁷¹⁹. Приходской совет ежемесячно выделял из церковной кассы 18 рублей на содержание священника и 3 рубля – псаломщику⁷²⁰.

Народное образование в Севастополе в первые годы советской власти пребывало в плачевном состоянии. Во время гражданской войны большинство учебных заведений не работало вследствие использования их зданий военными и гражданскими учреждениями. В период правления Врангеля многие школы и гимназии были обращены в казармы, а их имущество частично разграблено или использовалось для отопления помещений. Избежало этой участи лишь Греческое училище, в здании которого размещались греческое генеральное консульство и штаб расквартированных в Севастополе греческих войск, что спасло его от разграбления. Греческие офицеры бережно относились к имуществу училища, находившегося под покровительством греческой королевы Ольги Константиновны. Этому, как мог, способствовал поручик греческой армии Георгий Нико-

⁷¹⁷ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 5. Копия.

⁷¹⁸ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 5–15.

⁷¹⁹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 17. Дмитрий Федорович Сихиди родился 10 (22) июня 1855 года в деревне Есели Трапезундского вилайета. После окончания Еселийского греческого низшего училища он работал каменщиком, а в 1875 году приехал в Крым на заработки и поселился в Севастополе. С 1920 года Дмитрий Федорович состоял членом профсоюза строительных рабочих. – ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 21 – 23 об.

⁷²⁰ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 18 – 20 об.

лаевич Грипари – уроженец Севастополя, прибывший в 1919 году из Греции в Крым в качестве генерального консула, и имевший большие полномочия.

После окончания гражданской войны в Крыму и окончательного установления советской власти, в Севастополе начался процесс становления советской системы народного образования. Уже в ноябре 1920 года был издан приказ Крымского отдела народного образования (ОНО) о подготовке к школьной реформе, предполагавшей переподчинение всех учебных заведений соответствующим местным органам, отделение школы от церкви и изъятие из учебных программ изучения Закона Божьего и «введение новых предметов школы социалистического типа». В Севастополе, как и во всех учебных заведениях Советской России, был создан единый тип семилетней школы, состоявшей из двух ступеней: I-й (1–4 классы) и II-й ступени (5–7 классы). Обучение в школах I-й ступени было бесплатным, а в школах II-ой ступени устанавливалась ежемесячная плата. В процессе формирования «единой трудовой школы» существовавшие в городе до 1917 года учебные заведения Греческого и Еврейского благотворительных обществ, бывшая украинская гимназия им. Т.Г. Шевченко и мусульманское мектебе были преобразованы в греческую, еврейскую, украинскую и татарскую школы I-ой ступени.

Преобразование бывшего Греческого училища им. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в советскую греческую школу № 23 происходило в крайне тяжелых условиях. После эвакуации из Севастополя греческих войск, в принадлежавшем училищу здании размещались красноармейцы, уничтожившие в течение зимы всю классную мебель и большую часть книг библиотеки, которыми отапливали помещения⁷²¹. Лишь 6 июля 1921 года по приказу Крымского временного военно-революционного комитета здание⁷²² было очищено, и в конце августа греческая школа произвела набор учащихся на 1921/22 учебный год. Из-за отсутствия дров, угля и прекращения питания учащихся в связи с начавшимся голодомором заня-

⁷²¹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1990 года. Полевая тетрадь № 2. С. 9; Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 1. С. 21–23; Там же, Полевая тетрадь № 2. С. 18; Там же, Полевая тетрадь № 3. С. 11–12.

⁷²² ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 54, л. 11.

тия с истощенными от голода детьми проходило проводить в холодных, неотопливаемых классах. Доведенные до изнурения учителя в течение всего этого времени не получали ни жалования, ни пайков. Не было учебников, наглядных пособий и хрестоматий на греческом языке. Шефство над греческой школой № 23 взял Греческий рабочий клуб им. 1 Мая⁷²³.

В 1920-е годы состав населения Севастополя определяли семь основных этнических групп: русские (79,8%), евреи (7,2%), греки (2,3%), поляки (2,0%), украинцы (1,8%), армяне (1,4%) и татары (1,2%). При Севастопольском отделе народного образования был создан сектор нацмен, в структуре которого имелась греческая секция. В состав сектора входили 24 члена (19 русских, 1 украинка, 3 еврея, 1 грек) и 10 кандидатов в члены (7 русских, 1 гречанка, 1 каримка и 1 еврейка). Членом греческой секции сектора нацмен был М.С. Макрис – член ВКП(б), рабочий Севастопольского морского завода; кандидатом в члены – О.К. Гафо, беспартийная, уборщица греческой школы⁷²⁴.

В первые годы советской власти «нацменовским школам не представилось возможности дать учебники по родным языкам, так как таковых не имелось в печати». Лишь в январе 1924 года греческая школа получила достаточное количество хрестоматий на греческом языке, а в феврале – столь необходимые учебники и литературу⁷²⁵.

В 1923/24 учебном году в штате греческой школы состояло шесть человек: заведующая школой Александра Владимировна Забелло, преподаватели Георгий Сотирович Арванитопуло, Антон Солонович Мавриди, Анастасия Михайловна Василькиоти, Мария Петровна Даниэль и сторож Параскева Георгиевна Пашириди⁷²⁶. С открытием в 1924 году 5-го класса численность учащихся в школе на конец учебного года составляла 163 человека (83 мальчика и 80 девочек), из которых 18 человек обучались в старшей группе.

⁷²³ Мосхури И.В. Севастопольская греческая община: Исторический очерк. // ПОНТОС. № 2. 1992. С. 6.

⁷²⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 54, лл. 1–2.

⁷²⁵ Там же, л. 4 об.

⁷²⁶ ГАГС, ф. Р-426, Оп. 1, д. 130, л. 177 об.; ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198. – лл. 286 об.–287.

С 1924 года сектором нацмен была организована в форме шефства «связь школ города со школами деревни». Такая связь, по мнению организаторов, была «ценна как с идейной [стороны], так и с познания жизни и ее быта». 23-я греческая школа взяла шефство над школой греческой деревни Карань. По воспоминаниям бывших учащихся, поездки в подшефную школу стали систематическими, благодаря открывшемуся в ноябре 1924 года трамвайному сообщению Севастополь – Балаклава. В Карань, как правило, приезжали в субботу. Там учащиеся исполняли греческие песни, читали стихи на греческом языке и играли спектакли для караньских школьников и населения деревни. С июля по октябрь они помогали на уборке винограда. Ночевать оставались в домах у местных жителей, а в воскресенье возвращались в Севастополь⁷²⁷.

В 1924 году силами учителей и учащихся 23-й греческой школы, совместно с татарской, украинской, еврейской, польской школами и армянским детским садом, был подготовлен и проведен «интернациональный вечер в пользу беспризорного ребенка». «Подготовка к вечеру-концерту, ставшая частью учебной программы по художественному воспитанию, – говорится в отчете сектора нацмен, – установило глубокую спайку детей означенных детучреждений и положило основание сближению национально далеких детских групп».

«Сближение наций, ломка национальных перегородок и создание интернационального единства» осуществлялись в условиях нового строя «не насильственно, а добровольно, на демократических началах», являясь «важной тенденцией на пути строительства социализма»⁷²⁸. Ведущая роль в формировании нового мышления и интернационализма у подрастающего поколения отводилась учителям. Однако в национальных школах Севастополя, по свидетельству работников ОНО, «учителя, отклонившиеся от старых воззрений и предрассудков, но еще не успевшие связаться с молодым революционным поколением не обладали достаточным авторитетом для развития общественности».

⁷²⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 2. С. 7, 11, 18–19, 22.

⁷²⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1977. С. 58.

К началу 1924/25 учебного года штат 23-й греческой школы увеличился с шести человек до восьми, и состоял теперь из заведующей, пяти преподавателей, школьного врача и сторожа. До 1925 года заведующей школой оставалась Александра Владимировна Забелло. Прежним оставался и преподавательский состав: предметы на греческом языке вели Георгий Сотирович Арванитопуло, Антон Солонович Мавриди, Анастасия Михайловна Василькиоти и Мария Петровна Даниэль. Пятым преподавателем стала учительница русского языка Зоя Николаевна Соколова, совмещавшая работу в 23-й греческой школе с работой в 22-й школе I-й ступени. В должность школьного врача была назначена Вера Михайловна Засова, а обязанности сторожа исполняла, как и в прошлом учебном году, Параскева Георгиевна Пашириди⁷²⁹.

В свободное от занятий время учителя и наиболее активные ученики посещали греческие семьи, убеждая детей и их родителей в необходимости посещать школу. «Борьба за новую школу» велась и на родительских собраниях. В 1923/24 учебном году в 23-й школе не было ни одного пионера. Лишь в 1927 году пионерами стали несколько учащихся-греков, принятых в Севастопольскую городскую пионерскую организацию.

В целях ознакомления детей с новым общественным строем и пропаганды социалистического образа жизни, школа организовывала и проводила экскурсии в Севастопольский исполнительный комитет, профсоюзное бюро, сельский совет, на почту, в поликлинику, аптеку, кооперативы, пожарную команду, на военные корабли Черноморского флота. В соответствии с учебным планом с учащимися проводились практические работы по изучению природы Крымского полуострова, в процессе которых они занимались сбором коллекций насекомых и составлением гербариев, изготовлением препаратов и чучел, проводили вегетационные опыты на огороде в деревне Карань, выполняли различные зарисовки и диаграммы на темы природоведения. Силами учащихся «устраивались временные выставки и уголки Ленина». В школе действовала такая система самоуправления, как коллектив учащихся, президиум от дежурных групп и ко-

⁷²⁹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 11; ГАГС, ф. Р-426, Оп. 1, д. 130, л. 177 об.

миссии – учебная, хозяйственная, трудовая, взаимопомощи. Учащиеся принимали активное участие в работе кружков Греческого рабочего клуба им. 1 Мая.

Чтобы ускорить процесс ликвидации неграмотности среди греков, в СССР была предпринята попытка реформирования правописания греческого языка путем создания так называемого «20-буквенного алфавита» без гласных «Н» («ита») и «Ω» («омега»), без согласных «Ψ» («пси»), «Ξ» («кси») и «σ» («сигма закрытая»), а также без употребления диграфов, знаков придыхания и тонического ударения. Кроме того, был отменен бывший в то время официальным в Греции язык «кафаревуса», как «чуждый и непонятный советским грекам», и вместо него введено преподавание на «димотике». Одним из авторов и теоретиков этой реформы был Костас Канонидис, более известный под псевдонимом Топхарас. Его «Грамматика греческого языка для начальной школы» и «Книга для изучения языка в средней школе» (на греческом языке) выдержали несколько изданий. Он являлся также автором нескольких методических пособий по преподаванию понтийского диалекта греческого языка в средней школе. Газеты, книги на новогреческом языке («димотике») и понтийском диалекте, учебники и переводная литература, выходившие в открывшемся в 1926 году в Ростове-на-Дону греческом издательстве «Коммунистис», издавались на основе 20-буквенного алфавита.

Для подготовки учителей для греческих школ были открыты педагогические техникумы в Мариуполе и Краснодаре, а переподготовку на курсах повышения квалификации они проходили в Анапе⁷³⁰.

В начале 1926/27 учебного года вместо Александры Владимировны Забелло заведующим 23-й греческой школой был назначен Амфиктрион Матвеевич Димитриу (1896–1937). С вступлением его в должность произошли изменения и в педагогическом составе: предметы на греческом языке стали вести Антон Солонович Мавриди, Урания Георгиевна Караянопуло, Мария Петровна Даниэль, Пе-

⁷³⁰ Котиков С.В. Греческий язык и его культура. // ПОНТОΣ. № 9. 1994. С. 3.

нелопа Георгиевна Георгиу и Елена Георгиевна Димитриу, предметы на русском языке – Александра Васильевна Подлесная.

Революция в области культуры, сопровождавшаяся распространением и насаждением антирелигиозных настроений, постепенно проникала в различные социальные слои общества, приводя к коренным преобразованиям в духовной жизни людей. В это полное драматических событий время греческая церковь играла особенно важную роль в сохранении греками своей национальной культуры, являясь единственным оплотом противодействия советизации. В 1925 году членами греческой религиозной общины были 290 человек, что на 20 человек меньше, чем в 1923 году⁷³¹. К 1927 году ее численность снова увеличилась до 301 человека, 286 из которых были греческо-подданными, 4 – албанско-подданными гражданами, и лишь 11 – гражданами СССР⁷³². В должности псаломщика с 1925 года состоял Анастас Дмитриевич Папавраמידис⁷³³. В связи с выездом многих греческих семей из Севастополя в Грецию и невозможностью продолжать работу ввиду преклонного возраста, состав приходского совета и церковной «двадцатки» часто менялся.

16–17 июня 1925 года в Симферополе состоялся Церковный съезд всех греческих церквей и приходов Крыма (по некоторым документам – Греческий епархиальный съезд), на котором присутствовало 17 делегатов от греческих церквей и религиозных общин Крымской АССР. Представителями от Севастополя на съезде были архимандрит Григорий Вукунас и Панайот Иорданович Иордани. Съезд постановил: «Объединить все греческие общины и церкви в единое благочиние, канонически признающее духовную власть Вселенского Греческого Патриарха». Благочинным был единогласно избран настоятель греческой церкви Севастополя архимандрит Григорий Вукунас, членами благочиннического совета – «избранные от клира священник керченской греческой церкви отец Григорий Попандопуло» и «от мирян из города Севастополя Панайот Иордани». Кандидатами в члены благочиннического совета были утверждены: от клира – священник евпаторийской греческой церкви протоиерей Елизарий

⁷³¹ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, лл. 67–77.

⁷³² ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, лл. 112–130.

⁷³³ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 64.

Спиридонов, и от мирян – житель города Керчи Георгий Маврофриди⁷³⁴.

Постановление съезда об объединении греческих общин и церквей Крымской АССР в греческое благочиние с центром в городе Севастополе восстановило в законодательном порядке существовавшее в Крыму до установления советской власти благочиние эллинских церквей Таврической епархии. Греческое благочиние и избранный съездом благочинический совет были зарегистрированы в высших органах государственной власти Крымской АССР. Это явилось важным шагом к консолидации греческого населения вокруг церкви в условиях «преобразования национальных отношений» и «культурной революции». Получив на законном основании духовно-религиозную автономию, греческое духовенство на какое-то время смогло оградить себя и своих прихожан от насаждаемого коммунистами массового атеизма. В том же году греческое благочиние заявило о своем выходе из-под юрисдикции Московского патриархата и переходе в подчинение Константинопольского (Вселенского) патриарха.

В конце 1925 году всем иностранно-подданным гражданам, проживавшим на территории Крымской АССР, органами советской власти было предложено написать расписки в том, что они «не могут состоять в религиозных обществах, возглавлять всякого рода религиозные организации, произносить проповеди и выступать в храмах на публичных религиозных собраниях»⁷³⁵. Однако ни в 1925, ни в 1926 году это указание не было выполнено ни органами исполнительной власти (Крым ЦИК), ни иностран-

⁷³⁴ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, л. 104.

⁷³⁵ ГАРК, ф. Р-633, Оп. 10, д. 1301, л. 56.

*Архимандрит Григорий
(в мире Аримтодим Георгиевич Вукунас;
1873–1929), настоятель греческой
Трехсвятительской церкви в Севастополе
(1903–1927), благочинный всех греческих
церквей и приходов Крымской АССР
(1923–1927)*

веком и убежденным сторонником церкви, в то время как его сестра, учительница У.Г. Караянопуло, принимала активное участие в советизации 23-й греческой школы⁷³⁷.

Греческий рабочий клуб им. 1-го Мая был образован в 1921 году на базе клуба, созданного еще до революции Греческим благотво-

⁷³⁶ Катунин Ю.А. Указ. соч., С. 148.

⁷³⁷ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 99, лл. 5–15; ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 372, лл. 105–109.

ными подданными, отказывавшимися давать подобные расписки. По утверждению профессора Ю.А. Катунина, детально исследовавшего этот вопрос, «в фондах Крымских архивов удалось выявить и насчитать не более ста подписок, данных иностранно-подданными в эти годы»⁷³⁶.

К концу 1920-х годов в связи в усилившемся давлением на церковь и образованием греческого благочиния греческая колония Севастополя разделилась на два несовместимых круга – греческую религиозную общину, канонически подчинявшуюся Константинопольскому патриарху и возглавляемую архимандритом Григорием Вукунасом, и такие, в значительной мере уже советизированные объединения, как греческий рабочий клуб и греческое общество «Взаимопомощь». Сторону церкви поддерживала меньшая часть севастопольских греков, и нередко члены одной семьи относились к разным кругам: А.Э. Андронико, например, являлся членом греческой религиозной общины, а его сын Элефтерий не разделял взглядов отца. М.Г. Георгиу состояла в греческой религиозной общине и постоянно посещала церковь, а ее брат, А.Г. Георгиу и сестры Е.Г. и П.Г. Георгиу являлись членами греческого общества «Взаимопомощь». Мелкий торговец А.Г. Караянопуло был глубоко верующим чело-

Семья Шахиниди на празднике Святой Троицы в Инкермане. 1930-е годы

вительным обществом и функционировавшего в годы гражданской войны. Клуб являлся юридическим лицом, имел свой устав, круглую печать и штамп со своим наименованием на греческом, русском и крымскотатарском языках. Сфера его деятельности была разнообразной благодаря организации действовавших при нем круж-

ков: по ликвидации неграмотности, художественной самодеятельности, кройки и шитья, сапожного ремесла и других. Клуб являлся местом встреч греческой молодежи, поэтому неслучайно именно здесь велась «активная работа по привлечению греческого населения к строительству нового социалистического общества». Греческий клуб шефствовал над 23-й греческой школой, учащиеся которой также принимали активное участие в его работе и проводимых им мероприятиях.

В целях выявления культурно-хозяйственных потребностей национальных меньшинств и учета актива, в Крымской АССР повсеместно созывались городские и районные собрания и конференции, а 24–25 сентября 1925 года в Симферополе была проведена первая Всекрымская греческая беспартийная конференция, сыгравшая решающую роль в советизации греков и вовлечении их в советское строительство.

Объявив о созыве конференции, Севастопольский РИК обратил особое внимание «на принятие мер к тому, чтобы женщина была представлена в большом количестве». От Севастопольского района на конференцию избрали 22 делегата, в том числе: от города Севастополя – 11, от Балаклавы – 3, от деревни Карань и Кадыковки – 3, от деревень Камара и Алсу – 3, от деревни Скели – 2. Из 22 делегатов 5 были членами ВКП (б), 1 – кандидатом в члены ВКП (б), 2 – членами ВЛКСМ, 14 – беспартийными⁷³⁸. Каждый делегат имел при себе выписку из протокола избирательного собрания и удостоверение, выданное сельским или городским советом. Сбор делегатов в Севастополе для поездки на конференцию был назначен в 10 часов утра 23 октября. Отправка командированных в Симферополь и обратно осуществлялась за счет Севастопольского РИКа⁷³⁹.

На конференции отмечалась крайняя недостаточность греческих школ I-й ступени, охватывающих не более 25% детей школьного возраста, указывалось на крайне тяжелое положение греческих

⁷³⁸ Список делегатов, избранных на Всекрымскую греческую беспартийную конференцию. Без даты. – ГАГС, ф. Р-79, Оп.1, ед. хр. 213, - л. 44.

⁷³⁹ Материалы по подготовке Всекрымской греческой беспартийной конференции (протоколы, доклады, списки депутатов, переписка и другое). – ГАГС, ф. Р-79, Оп.1, ед. хр. 213, л. 4–4 об.

школ, особенно сельских, лишенных учебников и учебных пособий на греческом языке, а так же отсутствие квалифицированных преподавателей. Особое внимание делегатов было обращено на «полное отсутствие учреждений дошкольного воспитания и школ II-й степени», что «нарушало всякую преемственность в воспитании и обучении детей на родном языке» и влекло за собой «невольную русификацию греческого юношества»⁷⁴⁰. Немало было сказано о тяжелом материальном положении греческих клубов, полном отсутствии газет и журналов на греческом языке⁷⁴¹.

В 1928 году в целях «большого привлечения масс национальных меньшинств» к работе, проводимой Севастопольским горсоветом, установления прочных связей с избирателями были созданы «нацмен-группы советского актива». В состав каждой такой группы входили по одному члену и одному кандидату в члены Горсовета от каждой «национальности, избранные от нацмен участка», народные заседатели, члены школьных и кооперативных советов и широкий круг «советской общественности, вовлекаемой в практическую деятельность группой совактива». Руководство деятельностью группы осуществляло Бюро в составе 3–5 человек, которое выдвигало из своей среды руководителя с последующим утверждением его Президиумом Городского совета. Каждая группа подразделялась на секции – производственную, культурно-бытовую и военную⁷⁴².

Выборы в группу советского актива при греческом клубе состоялись весной 1930 года: в состав Бюро избрали 5 членов и 2 кандидата в члены. Большинство голосов в члены Бюро прошли Г. Параскевас, И. Кириакиди, Котеленко, Мухов, А. Димитриу, кандидатами в члены – Мома и Э. Стратилати⁷⁴³. 28 мая 1930 года Бюро совактива провело свое первое собрание с активистами греческого клуба. На

⁷⁴⁰ Кравцова Л.П. Греческое население Крыма в 1921–1941 гг. Участие в хозяйственном и культурном строительстве. – В кн.: Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 62.

⁷⁴¹ Там же, С. 63.

⁷⁴² Положение о работе нацмен групп совактива города Севастополя. – ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 544, л. 6. Копия проекта.

⁷⁴³ Материалы совгруппы греческого избирательного участка. Протокол общего собрания греческого актива клуба. Без № и даты. – ГАГС, ф. Р-79, ед. хр. 544, л. 14.

Здание Севастопольского городского Совета. 1920-е годы

плenumах и заседаниях бюро часто присутствовала внештатный инструктор сектора нацмен тов. Бердичевская.

Еще в 1921 году при секторе нацмен Севастопольского горсовета было создано общество «Взаимопомощь», в составе которого функционировал и греческий сектор. Однако решить проблемы, стоявшие перед многонациональным населением города, этому объединению так и не удалось, вследствие чего оно распалось на самостоятельные национальные общества. Так 20 мая 1928 года образовалось греческое общество «Взаимопомощь». Его работа началась «при исключительно трудных условиях, имея наличными 5 рублей, унаследованных от греческого сектора при городском обществе взаимопомощи»⁷⁴⁴. Руководящим органом общества являлся учредительный совет, преобразованный впоследствии в правление, в состав которого входили: председатель общества – Н.Ф. Энглези, председатель правления общества – Г.Х. Параскевас, секретарь-делопроизводитель – А.И. Карасава, казначей – К.П. Спаи, а так-

⁷⁴⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, лл. 5–6. Подлинник.

же 5 членов правления: С.Г. Авраими, К.Д. Коронео, А.Г. Георгиу, Е.Ф. Стратилати и Ф.С. Георгиади⁷⁴⁵.

Свою деятельность Общество начало с «вербовки членов и укрепления его материальной базы». На 1 сентября 1928 года в нем насчитывались 131 человек (118 мужского и 13 женского пола), из них: членов ВКП (б) – 7, членов ВЛКСМ – 2, членов профессиональных союзов – 45, инвалидов – 4, рабочих – 47, служащих – 45, кустарей – 25, крестьян – 8. По национальности 128 членов общества были греки, 3 – представители другой национальности⁷⁴⁶.

Общество являлось юридическим лицом и осуществляло свою деятельность на основании действовавшего в то время советского законодательства и устава, имело круглую печать и штамп со своим наименованием на греческом и русском языках. В течение 15 месяцев со дня его образования было проведено 7 общих собраний, в том числе 3 – учредительных, 42 заседания правления и 8 совещаний «с активом и уполномоченными». В ходе проведенных Обществом собраний и заседаний правления обсуждались вопросы «об оказании юридической помощи, о выдаче безвозмездной и возвратной ссуды, жилищные, трудовые и культурно-просветительские».

В начале своей деятельности Общество намеревалось принять решительные меры по ликвидации безработицы среди греческого населения города «путем открытия торговых и производственных единиц». С этой целью в течение 1929–1930 годов планировалось открытие хлебопекарни, кондитерского цеха, шлюпочной, сапожной, чемоданной, швейной и вязальной мастерских, цеха по солению и копчению рыбы. Наряду с этим прорабатывались пути и изыскивались возможности оказания материальной, медицинской, юридической помощи членам Общества и содействия в их трудоустройстве.

Создаваемые Обществом предприятия, по замыслу его правления, должны были обеспечить работой значительное число безработного греческого населения и «принести доход в пользу малоимущих, беднейших греческих семей». Греков, изъявивших желание работать в сельском хозяйстве, предполагалось поселить на территории Балаклавского района и создать при их участии сельскохозяй-

⁷⁴⁵ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, л. 5.

⁷⁴⁶ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, л. 7.

ственный кооператив. Для поддержки греков, занимавшихся извозным промыслом, а также крестьян-греков Северной стороны, в доме № 3 по улице Мясной планировалось открытие постоянного двора и столовой при нем. Для осуществления ежедневных контактов и общения между греками города правлением Общества было предложено реорганизовать кофейню А. Х. Пеклеваниди. Наряду с этим велась активная агитация греческого населения Севастополя для привлечения его к культурно-просветительной работе Греческого клуба, обсуждались пути и возможности материальной поддержки последнего.

К маю 1929 года при греческом Обществе «Взаимопомощь» были открыты девять предприятий, однако это позволило трудоустроить лишь несколько десятков безработных греков. Правлением Общества проводилась большая работа, направленная на «ликвидацию эмигрантских настроений». В конце 1920-х годов около 9–10 % севастопольских греков имело на руках греческие паспорта и пребывало «в ожидании часа своего отъезда в Грецию». «Отсюда, – по мнению членов правления, – [имело место] безразличие к деятельности Общества, неотзывчивость и недоверие к проводимой им работе». На общих собраниях и заседаниях правления неоднократно указывалось на несвоевременную уплату членских взносов⁷⁴⁷.

С 20 мая 1928 года по 1 июля 1929 года в кассу Общества поступило: вступительных взносов – 326 руб. 36 коп., членских взносов – 418 руб. 15 коп., добровольных пожертвований – 5 руб. 59 коп., доходов от предприятий – 2 516 руб. 48 коп. Было произведено расходов: по аппарату правления – 1 659 руб. 30 коп., на страхование служащих – 143 руб. 34 коп., на культурную работу – 259 руб. 00 коп., на безвозвратную материальную помощь – 121 руб. 67 коп., на возвратную материальную помощь – 226 руб. 18 коп., на канцелярские расходы – 72 руб. 74 коп., на неучтенные расходы (в том числе на «разъезды» уполномоченных) – 235 руб. 31 коп., плата за аренду помещения и инвентарь, хозяйственные расходы составили 1 265 руб. 75 коп., убытки по закрытию предприятий – 432 руб. 58 коп.⁷⁴⁸.

⁷⁴⁷ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, лл. 6–7, 9, 11–16.

⁷⁴⁸ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, лл. 7–8.

В Севастополе появилось большое число безработных пекарей, а имевшаяся при Обществе «Взаимопомощь» пекарня периодически не получала плановой муки, вследствие чего работавшие в ней вынужденно простаивали неделями. Этот вопрос неоднократно обсуждался с 10 мая 1928 года, однако положение с поставками муки с тех пор так и не изменилось. Конфетная фабрика закрылась из-за отсутствия сырья. Для производства халвы, конфет, пряников и вафель требовалась ежедневная поставка 160 кг сахара. Правление общества планировало задействовать здесь 2 мастеров-кондитеров, 2 подмастерьев, 6 учеников кондитеров, 2 чернорабочих и 1 уполномоченного-кассира. Все необходимое оборудование и производственный инвентарь предполагалось, как и прежде, арендовать и брать в прокат. Цех по солению, копчению и вялению рыбы, открытый еще в 1928 году, также простаивал из-за отсутствия производственного сырья – рыбы. И цех, и все имевшееся в нем оборудование правление планировало снова взять в аренду, намереваясь трудоустроить здесь 2 мастеров, 2 учеников, 1 чернорабочего, 1 распределителя, 1 заведующего складом, 1 подручного и 1 кассира-счетовода.

Штат шлюпочной мастерской, объединивший в профессиональный коллектив разрозненных в прошлом греков-кустарей, предполагалось увеличить до 10 шлюпочных мастеров, 10 учеников шлюпочных мастеров, 5 рабочих, 1 счетовода-табельщика и 1 уполномоченного, а работу в мастерской перевести на подрядный метод. В имевшейся при Обществе сапожной и починочной мастерской работали 11 мастеров-сапожников и 2 ученика. Общее собрание греческого общества «Взаимопомощь» дало правлению наказ ввиду большого числа безработных сапожников расширить площадь мастерской и увеличить ее штат до 25 человек. Плановую норму 100 кг кожи, потребляемую на пошив и мелкий ремонт обуви, необходимо было увеличить до 200 кг в месяц.

Для предоставления работы «безработным и беднейшим гречанкам», Общество настаивало на открытии швейной мастерской по пошиву «белья и недорогого домашнего платья, детской одежды и одежды домашнего обихода». В наличии имелись две швейные машинки, кроме которых был необходим инвентарь: «ножни-

цы, метры, манекены и прочее», а так же обстановка – большой стол для раскроя и зеркала. Основанием для открытия швейной мастерской служила предоставлявшаяся государством мануфактура, стоимость которой оплачивалась по мере ее выработки. Здесь предполагалось задействовать 2 мастериц-закройщиц, являвшихся одновременно уполномоченными, и 8 учениц. Среди живших в городе гречанок было много вязальщиц, что вызывало необходимость открытия, наряду со швейной, еще одной – вязальной – мастерской. Для привлечения их к коллективному труду требовались шерсть и несколько прялок. Вязальная мастерская могла обеспечить работой и предоставить возможность сбывать свою продукцию 10 работницам и 5 ученицам. Кроме того, представлялась возможность взять в аренду вместе со всем необходимым оборудованием и инвентарем мастерскую по изготовлению палок и тростей. Вместе с мастерской предоставлялся в рассрочку трехмесячный запас сырья, из которого можно было в будущем изготовить 20 тысяч высококачественных кизилых палок, «коих сбыт обеспечен». Сюда требовались мастер-инструктор, 2 подмастерья и 8 учеников.

Новое правление активнее, чем их предшественники, взялось за намеченную «переброску на землю греков, которые пожелают работать в колхозах». «Для проведения идеи и практики колхозного хозяйства» среди греков, «воспитанных и настроенных на индивидуальном хозяйстве и домохозяйстве», было принято решение: просить Горсовет о выделении обществу сада и виноградника в районе Севастополя для организации «примерного сельскохозяйственного коллектива, с применением научных методов обработки фруктового сада, виноградника, огородничества, цветоводства, сушения фруктов и винограда, выработки вин и винных сурагатов уксуса». Весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь предполагалось «получить на общих основаниях в Земотделе». В зависимости от размеров выделенного участка планировалось задействовать не менее 20 человек. Так и не открытые с 1928 года постоянный двор и столовая на улице Мясной № 3 должны были занять 10 работников и работниц. Функционировавшая при обществе кофейня, «необходимая для греков как место ежедневного общения», вновь, и на

Театральный кружок Греческого рабочего клуба им. 1 Мая. Севастополь, 1928 год. На фото: крайний слева – Н.Ф. Родеф-Энглези; сидят слева – направо Елена Струфоупуло, Мария, Параскева и Кириаки Экзархиди. (Фотография из семейного альбома В.М. Вишневской, урожденной Струфоупуло)

этот раз уже основательно, реорганизовали, открыв при ней красный уголок⁷⁴⁹.

Представленный правлением греческого общества производственный план был рассмотрен Севастопольским горсоветом, сделавшим по всем его пунктам запрос в Народный комиссариат социального обеспечения Крымской АССР (НКСО). 18 декабря 1929 года

⁷⁴⁹ Производственный план греческого общества «Взаимопомощь» в городе Севастополе на 1929–1930 бюджетный год. 5 ноября 1929 года. – ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478. – лл. 3–4.

НКСО отвечал Севастопольскому городскому совету: «Наркомсобес Крыма сообщает, что в январе месяце Греческому обществу будет отпущено мануфактуры на 400 рублей, причем за последней представителя можно выслать 5 января. Сахара в декабре месяце не будет, предполагаем, что сахар получим числа 29 января, или в первых числах февраля. Отпуск сахара этому обществу будет осуществлен в зависимости от количества выделенного в распоряжение НКСО. Что касается кожи, то снабжение таковой в плановом порядке не производится, поэтому отпуска ее необходимо добиваться от севастопольских снабжающих органов»⁷⁵⁰.

Вместо запланированных 12 предприятий, к середине 1930 года при обществе были открыты только 8 – фруктово-овощной магазин, сапожная, шляпная, шлюпочная, чемоданная и швейная мастерские, кофейня и фотография. Их производственная и финансовая деятельность контролировалась группой советского актива при греческом клубе. С этой целью проводились проверки предприятий бригадами по обследованию, в состав которых входили члены совактива клуба.

К концу 1920-х годов советские власти добились значительных успехов в советизации греческого населения Севастополя. В городе функционировали греческий рабочий клуб и греческое общество «Взаимопомощь», контроль над деятельностью которых осуществляла группа советского актива. Основательной советизации подверглась и греческая школа, ведущую роль в которой играли педагогический совет и комсод.

Активизировалось участие греческого населения и в деятельности существовавших в то время общегородских учреждений, обществ и организаций. В Севастополе действовало Общество взаимного кредита, членами совета которого в 1927–1929 гг. избирались его активные члены Н.А. Коста (сын известного до революции севастопольского купца 3-й гильдии, почетного члена Греческого благотворительного общества А.К. Косты), М.Ф. Балтаджи и Г.И. Тавриды⁷⁵¹. Житель Балаклавы Н.Г. Гинали, работавший в рыболовецкой

⁷⁵⁰ Народный комиссариат социального обеспечения Севастопольскому городскому совету. 18 декабря 1929 года. – ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 478, л. 28.

⁷⁵¹ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 372, л. 11, 58 об.

артели «Балрыбак», издавна увлекался коллекционированием почтовых марок, и был одним из членов Севастопольского отделения Всероссийского общества филателистов (ВОФ)⁷⁵². П.А. Стерио и А.И. Вергопуло являлись членами Севастопольского отделения Общества слепых. Членами Севастопольской ассоциации художников были Н.С. Кичо и П.К. Манула⁷⁵³.

Одним из самых массовых и популярных в народе общественных организаций в Севастополе конца 20-х – начала 30-х годов. XX века, объединявших в своих рядах людей самого разного возраста, национальностей, достатка и профессий, считалось Общество спасения на водах, членами которого в 1929 году являлись: парикмахеры Вероника Андреади (16 лет) и Иван Сидиропуло (16 лет), коммунист Д.П. Виторатос (41 год), безработный Л.Г. Деликари (18 лет), школьники Валентин Илиади (14 лет), Савва Кириакиди (14 лет), Эммануил Камбураки (15 лет), Георгий Лимно (14 лет), Иван Михайлиди (15 лет), Харлампы Попандопуло (14 лет), Константин Кондараки (17 лет), Алла Пиминити (13 лет) Борис Харлампыди (15 лет) и Валентина Кокинаки (17 лет), сапожники К.И. Иосифиди (19 лет) и К.М. Ктиниди (18 лет), служащая Севастопольского госбанка Ксения Хаджи-Панайотова (29 лет), безработный М.Х. Кирерос (32 года), служащий Г.И. Перпериди (23 года), мастер ОНО Ю.Д. Посполитаки (17 лет), рабочий Севастопольского морзавода П.К. Спаи (17 лет)⁷⁵⁴.

Участвовали греки и в деятельности общегородского общества «Взаимопомощь». Среди его многочисленных членов были безработный Е.И. Попандопуло (68 лет), служащий балаклавской гостиницы «Россия» А.Ф. Асланиди (41 год), домохозяйка Е.А. Ревелиоти (66 лет), безработный М.К. Канаки (24 года), служащий ЦРК, коммунист Д.П. Виторатос (41 год), чернорабочий Л.Ф. Димитриади⁷⁵⁵.

Становление и упрочение советского образа жизни происходило «в упорной борьбе с остатками буржуазного и мелкобуржуазного образа жизни путем преодоления чуждых социализму правил и норм общежития, обычаев и привычек». С начала 1930-х годов в эту

Севастополь, ул. Ленина (бывш. Екатерининская). 1920-е годы

«борьбу» стало все более активно вступать и греческое население Севастополя, повседневная жизнь которого, говоря словами одного из членов правления греческого общества «Взаимопомощь», «преображалась на принципиально новых началах».

Преобразование национальных отношений при социализме сопровождалось «отменой всех национальных привилегий и ограничений», что являлось необходимым фактором для формирования в будущем «новой исторической общности людей – советского народа», составной частью которой должны были стать и жившие в СССР греки. Процессы советизации, происходившие в общественно-культурной жизни греческой колонии Севастополя в 1930-е годы, выражались в стремлении руководства «советского актива» греческого клуба искоренить «остатки буржуазного и мелкобуржуазного проявления образа жизни» внутри своей этнической группы. Следствием этого являлось отчуждение отдельных ее представителей, как «лиц чуждого элемента», которые вынуждены были выезжать

⁷⁵² ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 372, л. 103.

⁷⁵³ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 372, л. 110.

⁷⁵⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 372, лл. 117–126.

⁷⁵⁵ ГАГС, ф. Р-79, ед. хр. 372, лл. 117–126.

в Грецию с тем, чтобы оградить себя и своих близких от преследований.

Социалистические преобразования в переходный период осуществлялись «в условиях ожесточенной классовой борьбы», которая велась «рабочим классом и всеми трудящимися против свергнутых эксплуататоров в экономической, политической и идеологической областях». Формы этой борьбы были многообразны. К концу 1920-х годов буржуазия как класс была уже ликвидирована, однако в городе еще оставались мелкие промышленники и торговцы, а в деревне – «кулаки». Греческая интеллигенция Севастополя в то время представляла собой довольно пеструю картину: наряду с бывшими дворянами, представителями крупной, средней и мелкой буржуазии зарождалась новая советская «рабоче-крестьянская интеллигенция». Начиная с 1927 года на основе ограничения и вытеснения «капиталистических элементов» началось «уничтожение политического и экономического господства эксплуататорских классов».

В 1929 году политику ограничения и вытеснения кулачества сменила политика ликвидации кулачества как класса. От этой политики в немалой степени пострадали все без исключения жители Крыма – русские, украинцы, немцы, болгары, греки. На проживавших в Севастополе и Балаклаве иностранно-подданных граждан, подвергавшихся раскулачиванию и лишению права голоса, распространялась конфискация имущества. В 1928 году в Бартеньевский сельсовет поступило заявление от Дмитрия Николаевича Василиади, проживавшего на Северной стороне Севастополя в деревне Любимовка Бартеньевского сельского Совета, в котором он, в частности, писал: «Настоящим прошу пересмотреть мой вопрос о лишении меня в праве голоса, так как я считаю, что меня неправильно лишили в праве голоса. Я всю жизнь был трудовиком и никакого отношения к помещикам, кулакам и торговцам не имел».

В 1880-годы отцом Д.Н. Василиади у наследников Алексиано был приобретен «пустопорожний скалистый участок земли», за который он в течение 20 лет выплачивал ссуду Дворянскому земельному банку. Участок этот, сохранившийся в памяти местных жителей как Василиадина балка, «при чрезвычайно трудных условиях был

приведен в культурное состояние с насаждением виноградника» и «обрабатывался всей семьей с применением лишь добавочного наемного труда». До Октябрьской революции и в годы НЭПа Дмитрий Николаевич занимался виноградарством и виноделием на принадлежащем ему участке. Поправка к декрету ЦИК и Совнаркома СССР от 25 марта 1925 года «О выселении из поместий бывших помещиков» разъясняла, что «выселению не подлежат те, кто получил землю не в порядке наследства, а купил ее». Несмотря на это, Д.Н. Василиади в 1929 году был раскулачен и выслан из принадлежавшего ему хутора. При «раскулачивании», напомиравшем обыкновенный грабеж, у него изъяли следующее имущество: «бочки винные 40-ведерные – 20 шт., лейка деревянная – 1 шт., коновки – 2 шт., маслостойка – 1 шт., пресс винный – 1 шт., лейка медная 1 шт., фильтр – 1 шт., паяльник – 1 шт., шланги – 2 шт., клещи кузнечные – 1 шт., сапожный рашпиль – 1 шт., бутылки – 48 шт., серо опылитель (негодный) – 1 шт., сапожные колодки – 13 шт., терка деревянная – 1 шт., шкаф малый – 1 шт., стол письменный – 1 шт.».

Более шести лет длилась тяжба Василиади с советскими чиновниками за восстановление своих прав и возвращение конфискованной земли и имущества. Он неоднократно обращался с письмами и заявлениями в Крым ЦИК, предоставляя в подтверждение правоты своих притязаний купчую крепость на приобретение конфискованной у него земли. В 1935 году Крым ЦИК, наконец, сделал запрос об изъятии у Василиади имущества, на который 1 июля того же года был получен ответ за подписью кладовщика коопсельхоза № 5 артели «Согласие» тов. К.И. Кучера с перечнем «имущества взятого в 1929 году при раскулачивании» (19 пунктов) и следующим банальным пояснением: «Данные сведения даю по памяти, акта на взятые вещи не имеется. Большинства вещей в коопсельхозе давно нет, так как они взяты Бартеньевским сельсоветом (председатель Окороков) и куда их дел сельсовет не знаю. Некоторые вещи сельсовет брал без расписок».

История «раскулачивания» Д.Н. Василиади покажется невинной шалостью по сравнению с тем, что пережила М.П. Кендроти в 1930 году. Греческая подданная Марица Панайотовна Кендроти прожива-

ла с отцом в собственной усадьбе в Золотой Балке Кадыковского сельского совета под Балаклавой. Принадлежавший им виноградник «был изъят, как подлежащий передаче в коллектив» в декабре 1929 года, и его владельцы ничего против этого не имели. Весной 1930 года, во время отсутствия отца, находившегося по делам в Москве, в усадьбу прибыла «бригада по раскулачиванию во главе с представителями власти от Кадыковского сельсовета и Севастопольского райисполкома», и безо всяких объяснений приступила к описи всего имущества. «Описан был не только сельхозинвентарь, – писала в жалобе во ВЦИК Кендроти, – продукция в виде вина и мои барашки, но и все домашние вещи, вплоть до носильного белья. Взяты были имевшиеся в наличии облигации и другие ценные бумаги и документы и после этого все имущество на подводах было вывезено с хутора, а я посажена на подводу и отвезена в Севастопольское ГПУ, где меня под арестом продержали несколько дней в голоде и холоде. Я не знаю, за что меня арестовали, за какие преступления, так как никаких обвинений мне не предъявлялось». После выселения на принадлежащем семье Кендроти хуторе были незамедлительно поселены татары-крестьяне⁷⁵⁶.

Некоторые из «раскулаченных» таким образом иностранно-подданных греков, не веря в справедливость советских органов власти, обращались за помощью в Греческую миссию в Москве. Вот текст одного из таких многочисленных обращений, отправленный в феврале 1930 года телеграммой из Севастополя: «Описали все имущество. Пока забрали 3 коровы, 2 быка. Отца, как лишенца, осудили к заключению на 1 год. Высылают и всю семью. Просим вашего содействия, так как мы греческие подданные. Иван Мусиниди. Севастополь, ул. 17 ноября»⁷⁵⁷.

Защищая интересы своих граждан, Греческая миссия в Москве постоянно обращалась с ходатайствами в НКВД СССР (Народный Комиссариат иностранных дел), прося пересмотреть их дела. В качестве примера приведем одно из таких обращений в защиту жителя Балаклавы Н. Пандика:

«Наркомат иностранных дел СССР

Греческая миссия в Москве имеет честь довести до сведения НКВД СССР, что греческий гражданин Николай Пандик, проживающий в Балаклаве и занимающийся разведением домашнего скота, был заставлен местными властями сдать весь свой личный скот (69 ягнят), машины, инструменты и прочее, и очистить через две недели свою квартиру.

Греческая миссия просит НКВД ходатайствовать в пользу вышеназванного об установлении его в доме, который он занимает со своей семьей.

7.02.1930 г.

Греческая миссия. г. Москва. № 646»⁷⁵⁸.

Несмотря на массовые жалобы во ВЦИК и многочисленные обращения в посольства, конфискации имущества иностранных граждан продолжались, но теперь уже обретая вполне законную форму: согласно распоряжения № 102 Председателя СНК СССР А.И. Рыкова от 3 февраля 1930 года, им могли подвергаться граждане 20 стран: Австрии, Англии, Афганистана, Германии, Греции, Дании, Италии, Китая, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, Персии, Турции, Франции, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Эстонии и Японии.

Одним из видов репрессий, практиковавшихся советской властью, было лишение избирательных прав. Решением сессии Севастопольского городского совета созыва 1927 года на основании ст. 65 конституции РСФСР были лишены избирательных прав следующие категории граждан: торговцы по патенту 2-го, 3-го, и 4-го разрядов, служители культов, лица, применявшие наемный труд, домовладельцы, иждивенцы. В число «лишенцев» попало 608 жителей города, из них 74 – греки. Впоследствии восстановления своих прав добились 312 человек, в том числе 10 греков⁷⁵⁹.

В течение 1927–1930 годов Севастопольским городским Советом «с соблюдением секретности» собирались «сведения о лицах, подлежащих выселению из Севастополя, лишенных избирательного права и их иждивенцев, подавших обжалование в Крым ЦИК и ВЦИК». Контроль за выселением осуществляли начальник админи-

⁷⁵⁶ Там же, С. 88.

⁷⁵⁷ Там же, С. 87.

стративного отдела Севастопольского горсовета Фокин и заведующий столом гражданских прав Горбатенко. Оповещение граждан, подлежащих выселению за пределы Севастополя, производилось повестками через участки отделений милиции. При вручении повесток, высылаемым сообщалось, что они должны выехать из города до 27 мая 1930 года.

Среди подлежащих выселению севастопольцев было немало греков, которые, не теряя надежды, добивались от Советских властей разрешения на право остаться в Севастополе. Так, например, П.К. Энглез писала в особую комиссию при Севастопольском райисполкоме в мае 1930 года: «С приходом советской власти в Крым, я все время пользовался правом голоса и надеюсь, что заявление 65-летнего старика будет внимательно рассмотрено и ошибка будет исправлена»⁷⁶⁰. После рассмотрения заявления П.К. Энглези с просьбой о разрешении остаться в городе, Особой комиссией Севастопольского райисполкома была вынесена шаблонная бескомпромиссная резолюция: «Отказать».

Среди подлежащих выселению греков преобладали люди преклонного возраста, многие из которых происходили из известных в Севастополе греческих семей. В числе таковых оказались внуки вице-адмирала Э.И. Вергопуло – сподвижника и ближайшего помощника адмирала М.П. Лазарева. Екатерина Ивановна Вергопуло родилась в 1862 году в Севастополе в семье потомственного дворянина Таврической губернии генерал-майора Ивана Эммануиловича Вергопуло. До революции она занималась преподаванием иностранных языков, а годы НЭПа зарабатывала на жизнь частными уроками. Вместе с ней в частной квартире на улице Советской проживала находившаяся на ее иждивении младшая сестра, Анна Ивановна Вергопуло (род. в 1866 году). Согласно постановлению Особой комиссии при Севастопольском городском Совете им было отказано

⁷⁶⁰ Петр Константинович Энглези родился в 1864 году в Севастополе в одной из старожильческих греческих семей, переселившихся в конце XVIII века в Севастополь с острова Кефаллиния. Состоятельный купец 2-ой гильдии, до Октябрьской революции он был известен севастопольцам своей благотворительной деятельностью, являлся совладельцем семейного бакалейного магазина в центре города и проживал в собственном доме на Торговой улице. В годы НЭПа Петр Константинович жил на доходы, получаемые от сдачи квартиры в найм. Его дочь, В.П. Энглези, работала на мыловаренном заводе (бывшем предприятии братьев Неофит).

в праве остаться для дальнейшего проживания в городе⁷⁶¹. Не подверглись лишению избирательных прав и выселению лишь проживавшие вместе с ними братья, Александр Иванович Вергопуло, бывший инвалидом, и Василий Иванович Вергопуло, работавший с 1924 года охранником на Севастопольском морском заводе⁷⁶².

Нередко лишение избирательных прав напоминало сведение личных счетов и напрямую было связано с доносом. В качестве примера можно привести заявление Анны Антоновны Косогоровой, в прошлом прислуги, на своего бывшего хозяина Константина Васильевича Пиппера. Она писала, что, «имея юридическое образование, он при оккупации Севастополя служил секретарем греческого консула, затем эвакуировался, но при Врангеле вернулся». Выдал, по словам заявительницы, властям ее мужа, рабочего Севастопольского морзавода, которого вместе с ней посадили в тюрьму. Постановлением Особой комиссии при Севастопольском райисполкоме К.В. Пиппер был лишен избирательных прав и выселен из Севастополя⁷⁶³.

В начале 1930-х годов советские власти вели методичную работу по ликвидации церквей в Крыму и выселению духовенства. Для удаления с территории полуострова неугодных священников использовался режим пограничной и военной зон. Летом 1930 года в соответствии с особым постановлением ЦИК СССР, планировалось проведение «разгрузки» Крыма от проживавшего здесь духовенства. Из Севастополя предполагалось выселить 44 священно- и церковнослужителя, в том числе заштатного протоиерея Митрофана (Василькиоти) и псаломщика Иосифа Ивановича Мухалиди⁷⁶⁴.

25 мая 1930 года в Особую комиссию при Севастопольском райисполкоме поступило письмо «от бывшего священнослужителя города Севастополя Митрофана Никифоровича Василькиоти», в котором он писал: «Постановлением Севрайисполкома я подлежу выселению из пределов Севастополя как лишенец. Мне 85 лет и я полностью нетрудоспособен. Здоровье мое ухудшается, болезненные

⁷⁶¹ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 1235, лл. 2–26.

⁷⁶² ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 198, л. 408.

⁷⁶³ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 1.

⁷⁶⁴ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 109, л. 3-а.

⁷⁵⁶ Брошеван В.М. Раскулачивание в Крыму. Симферополь, 1989. С. 91–92.

⁷⁵⁷ Там же, С. 88.

явления прогрессируют, что подолгу приковывает меня к постели и требует постоянного ухода... Я проживаю здесь совместно со своими детьми, которые и обеспечивают мне существование, так как дом, которым я владею не имеет коммерческого значения и не оправдывает фактических затрат, связанных с его содержанием. За свою долгую жизнь я не проживал в других местах и нигде не имею ни родственников, ни знакомых, которые могли бы меня приютить. По положению сообразности ходатайствую о предоставлении мне права жить в городе Севастополе при моих детях». К письму прилагались справки, одна – об освобождении отца Митрофана Василькиоти от службы при церкви 1-ой городской больницы, вторая – о состоянии его здоровья, заверенная врачом доктором В.А. Глинкой⁷⁶⁵.

Митрофан Никифорович Василькиоти родился в 1846 году в Карасубазаре. Он происходил из семьи, давшей России и Греции многих известных священников, художников, купцов, врачей и учителей, таких, как протоиерей Иоанн Изапович Василькиоти, художник Аристотель Еремеевич Василькиоти, хирург Николай Еремеевич Василькиоти, евпаторийские купцы и крупные общественные деятели Фотий Иванович и Еремей Иванович Василькиоти⁷⁶⁶. Представители этой фамилии жили в Керчи, Карасубазаре, Евпатории, Севастополе, Балаклаве. Известным в истории Севастополя и Крыма священником был и Митрофан Никифорович Василькиоти. Окончив в 1862 году Симферопольское духовное училище, он служил сначала псаломщиком, а затем дьяконом при Петропавловской церкви в Севастополе. В конце 1890-х годов, после рукоположения, отца Митрофана назначили

⁷⁶⁵ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 168, лл. 1–13.

⁷⁶⁶ О Фотии Ивановиче, Еремее Ивановиче Аристотеле Еремеевиче, Николае Еремеевиче Василькиоти см.: Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 135–116.

Митрофан Никифорович Василькиоти (1846 – 1945) – протоиерей. С конца 1920-х гг. был за штатом по возрасту и находился на попечении детей. Активно выступал против закрытия церквей и ликвидации греческих приходов в Крыму, призывая верующих к сопротивлению. В официальной переписке большевики называли его «вожаком реакционно-настроенных греческих приходов»

лен Мелитополь, однако он приехал в Карасубазар, где жили дальние родственники. О его судьбе стали хлопотать дети. 29 августа 1932 года в Президиум городского совета с ходатайством «о разрешении на въезд в Севастополь отцу для совместного с ним проживания», обратилась Евгения Митрофановна Попова, урожденная Василькиоти. «В настоящем году после перенесенной тяжелой болезни брюшного тифа... с осложнением он настолько ослабел, что оставление его

⁷⁶⁷ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 1, д. 224, л. 19.

⁷⁶⁸ Мосхури И.В. Греческий некрополь Крымского полуострова. Материалы полевых исследований 1997–1999 гг. Папка № 1. л. 3.

⁷⁶⁹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 4–5.

⁷⁷⁰ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 168, лл. 9–11.

⁷⁷¹ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 109, л. 1-а.

священником флота, а в начале XX века настоятелем церкви Христа Спасителя при городской больнице (ныне 1-я городская больница им. Пирогова)⁷⁶⁷.

Жена протоиерея Митрофана (Василькиоти), Ольга Федоровна, умерла 9 (22) февраля 1911 года на 62-ом году жизни⁷⁶⁸. Он имел семерых детей, старший из которых, капитан 50-го Белостокского полка Петр Митрофанович Василькиоти, погиб в годы первой мировой войны. Средний сын, Павел Митрофанович, был учителем⁷⁶⁹. В конце 1920-х годов отец Митрофан находился на попечении младшего сына, Константина, и двух дочерей, – Елены и Евгении⁷⁷⁰.

Большевики называли отца Митрофана Василькиоти «вожаком реакционно-настроенных греческих приходов»⁷⁷¹. Особой комиссией при Севастопольском райисполкоме ему было отказано в просьбе остаться жить в Севастополе под присмотром детей. Местом пребывания высленного в конце мая 1930 года из города 85-летнего заштатного священника был опреде-

без посторонней помощи невозможно», – писала она⁷⁷². В ходатайстве Е.М. Поповой было отказано.

В 1935 году, не смотря на преклонный возраст и болезни, 90-летний заштатный священник Митрофан Василькиоти принял приглашение греческой религиозной общины Троицкой церкви в Симферополе, где служил в течение трех лет. Лишь 21 марта 1938 года на имя заведующего столом религиозных культов поступило заявление, в котором живший на улице Училищной, № 25 старец из-за хронических заболеваний, связанных с его преклонным возрастом, просил снять его с учета и «выдать ему соответствующую справку»⁷⁷³.

Вслед за выселяемыми за пределы Севастополя лишенцами выезжали их родственники и близкие для соединения семей. Один из таких многочисленных примеров – семья Е.П. Аликари, проживавшая в доме № 5 на улице Греческой. После лишения избирательных прав Евангелия Панайотовича и его сына, Н.Е. Аликари, и выселения их из города, они выехали в Ташкент. Следом за ними покинули Севастополь И.П. Аликари, А.Р. Аликари, П.Е. Аликари.

Освобождаемые лишенцами квартиры и дома на основании выдаваемых ордеров заселялись нуждавшимися в жилье семьями рабочих. Многим из выселяемых было некуда ехать, и они продолжали проживать по прежним своим адресам, у родственников или знакомых в городе. В списках, составленных Севастопольским уголовным розыском в начале июня 1930 года, среди не выехавших из Севастополя лишенцев значились: О.А. Афанасиади, Ю.В. Сидерато, А.М. Георгиади, И.Д. Афимориди, Ф.М. Дико, О.П. Дико и многие другие. 18 сентября 1930 года в Севастопольский райисполком поступила секретная телеграмма: «Согласно распоряжения ВЦИК приостановите выселение Севастополя граждан признакам лишения избирправ впредь до особого распоряжения Крым ЦИК». Несмотря на это, остававшиеся в городе лишенцы продолжали подвергаться принудительному выселению.

В 1930 году было проведено административное районирование Крымской АССР, в результате которого из Севастопольского района был выделен Балаклавский район, к которому присоединили Ла-

⁷⁷² ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 168, лл. 1–13.

⁷⁷³ Катунин Ю.А. Указ соч., С. 292, 293, 303, 317.

спинскую долину с хутором Байдарские ворота. В 1933 году население Балаклавского района составляло 18 261 чел. (2 372 в Балаклаве, остальные – в селах), из них 1 240 чел. были греки (547 чел. в Балаклаве с предместьем Кадыковка (Кады-кой) и 793 чел. в селах). Район состоял из 99 населенных пунктов и 17 сельских советов, 12 из которых были татарскими, 3 – греческими и 2 – смешанными. В 1933 году греческое население деревни Камары составляло 352 чел., деревни Карань – 250 чел., Алсу – 132 чел. Население деревни Скели состояло из смешанного населения, среди которого преобладали татары (276 чел.) и греки (174 чел.)⁷⁷⁴.

К началу 1930-х годов были воплощены в жизнь некоторые задачи, затронутые на I-й Всекрымской греческой беспартийной конференции. В Крым, в частности, стали поступать такие периодические издания на греческом языке, как газета «ΚΟΜΥΝΙΣΤΙΣ» («Коммунист»), издававшаяся в Ростове-на-Дону, газета «ΚΟΛΕΧΤΙΒΙΣΤΙΣ» – печатный орган Донецкого обкома и Мариупольского горкома ВКП(б), газета «ΝΕΟΣ ΜΑΧΙΤΙΣ» («Новый ударник») – печатный орган Мариупольского горкома ВКП(б), журнал «ΠΙΟΝΕΡΟΣ»⁷⁷⁵ («Пионер»), издававшийся для учащихся греческих школ в Мариуполе.

Наряду с советскими периодическими изданиями на греческом языке, Греческий рабочий клуб им. 1-го Мая выписывал из Греции газету «ΡΙΖΟΣΠΑΣΤΗΣ» – центральный печатный орган коммунистической партии Греции – и ежегодно оказывал ей материальную поддержку. 27 июля 1931 года Г.Х. Параскевас сообщал, что, в соответствии с постановлением группы советского актива от 20 мая того же года, «комиссия по оказанию материальной помощи газете «Ризоспастис» собрала 85 рублей», которые уполномочили «отправить по назначению» директора греческого клуба П.А. Чекмак⁷⁷⁶.

В принятом 5 сентября 1931 года постановлении ЦК ВКП (б) «О начальной средней школе» отмечалось, что «наступает новый этап перестройки советской школы». Одной из поставленных задач стало «открытие школ повышенного типа», в частности школ II-й

⁷⁷⁴ Кравцова Л.П. Указ. соч., С. 65–66.

⁷⁷⁵ Названия периодических изданий на греческом языке приведены в соответствии с правилами грамматики, существовавшими после реформ греческого языка, проведенных в 1920-е годы XX века в СССР.

⁷⁷⁶ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 645, л. 8 об.

ступени, «обеспечивающих преемственность воспитания и обучения на родном языке». В свете принятого в Москве постановления в 1931/32 учебном году в Севастополе ввели обязательное семилетнее обучение, и на заседании Президиума Севастопольского горсовета 1 декабря 1931 года уже отмечалось, что греческая школа № 23 стала семилетней школой I-й и II-й ступеней. В 1931/32 учебном году в ней обучалось 156 учащихся, из них 133 в классах I-й ступени, и 23 в классах II-й ступени. В период с 1930 по 1934 год было проведено сокращение малых школ, в которых один учитель вел занятия одновременно с четырьмя классами, и расширение сети неполных средних и средних школ. В борьбе за всеобщее образование Севастополь по праву занимал первое место в Крымской АССР.

Бригада рабоче-крестьянской инспекции, обследовавшая учебные заведения и учреждения Севастопольского ОНО, пришла к заключению, что «социальный состав педагогов не соответствует задачам коммунистического воспитания детей». В 1927/28 учебном году из греческой школы ушли 3 преподавателя. Прошла тщательную проверку, но была оставлена в школе учительница Е.Г. Димитриу, обвиненная в религиозной пропаганде. В 1930 году заведующий греческой школой А.М. Димитриу получил приглашение на работу в Мариупольский греческий педагогический техникум, и накануне учебного года сдал дела назначенному на эту должность П.П. Параскевасу.

А.М. Димитриу являлся глубоко аполитичной личностью, – он не состоял ни членом какой-либо партии, ни членом какой-либо общественной организации или национального клуба. Круг его интересов был строго ограничен: языкознание, литература, педагогика. В 1935 году он перешел на постоянную работу в греческое издательство в качестве литературного редактора. Амфилстона Димитриу связывала тесная дружба с поэтом Георгием Костоправом. В декабре 1937 года А.М. Димитриу был арестован по обвинению в организации греческой националистической антисоветской организации. Единственный его допрос состоялся 14 декабря 1937 года, после чего он был приговорен особой «тройкой» НКВД к расстрелу. 6 марта 1964 года прокуратурой Киевского военного округа Амфил-

*Класс Балаклавской школы. 1930-е годы.
В пионерском галстуке – Владимир Василькиоти*

стон Матвеевич Димитриу был «реабилитирован ввиду отсутствия в его деле состава преступления»⁷⁷⁷.

Судьба его приемника на должности заведующего 23-й греческой школой в Севастополе была менее трагична. Пантелей Павлович Параскевас родился в 1891 году в городе Эрзерум (Турция), где окончил греческую гимназию. После смерти родителей Пантелей Павлович с братом Такисом, сестрами Софией и Еленой эмигрировал в Россию, поселившись в Евпатории. До революции и в первые годы после установления советской власти в Крыму он работал учителем в Евпаторийской греческой школе. В 1927 году Пантелей Павлович женился на Марии Георгиевне Эксархиди – учительнице той же греческой школы. Он был членом ВКП(б), но, несмотря на это, венчался в евпаторийской греческой церкви во имя пророка Илии.

⁷⁷⁷ Мазур П. За что, Господи? (Хождение по кругам ада). / Хронос. 2001. № 2 (52) февраль.

Став заведующим 23-й греческой школы, Параскевас столкнулся с крайне пассивным отношением родителей учащихся к введению всеобщего обучения. Перед началом учебного года им был организован и проведен «поход учащихся по городу» с целью «вербовки учеников в школу». Отметив плохо поставленное воспитание детей, он приложил немало усилий к ликвидации «эмиграционных настроений родителей», которые, по его мнению, оказывали отрицательное влияние на детей, что, тем самым, отражалось на их отношении к школе и учебе. В качестве первоочередных мер Параскевас считал необходимым «усилить критику и самокритику, организовать выпуск стенгазеты, проведение соцсоревнования и ударничества». В целях дальнейшего развития интернационального воспитания учащихся им стала налаживаться связь с другими «нацменовскими школами» города⁷⁷⁸.

В 1930/31 учебном году педагогическим советом школы была проделана большая работа по организации пионерского отряда и «отряда октябристов» из числа учащихся. Совет обратился в РК ВЛКСМ с просьбой выделить школе вожатого. Школьный Совет «для изыскания средств практиковал постановки платных спектаклей» в Греческом рабочем клубе. Вырученные от спектаклей средства шли на приобретение одежды и обуви для детей-сирот⁷⁷⁹. После открытия при школе кухни стала практиковаться выдача учащимся «завтраков за минимальную плату». Греческое общество «Взаимопомощь» ежемесячно отчисляло школе 5% от доходов деятельности одного из своих предприятий. Эти средства также направлялись для оказания помощи детям-сиротам в получении бесплатных завтраков.

Перед началом 1930/31 учебного года бригадой по обследованию секции нацмен Севастопольского ОНО была проведена проверка 23-й греческой школы, в ходе которой было установлено, что «школа на предстоящий учебный год обеспечена необходимым количеством учебников и книг на греческом языке».

21 сентября 1930 года П.П. Параскевас, выступая с докладом о проделанной работе на заседании Пленума советского актива Греческого клуба, отметил пассивное отношение родителей «к всеобу-

⁷⁷⁸ Протокол заседания Пленума совактива при греческом клубе от 21 сентября 1930 года. (Без номера). – ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 645, л. 15.

⁷⁷⁹ Там же, С. 15 об.–18 об.

чу детей». Перед началом учебного года «был организован поход детей по городу для вербовки учеников в школу». Он подчеркивал, что на предстоящий зимний период дети будут обеспечены одеждой, обувью, питанием и всем необходимым. Им будут выделены учебные пособия, «что намного облегчит учебу». Главная проблема школы, по мнению Параскеваса, заключалась в том, что «эмиграционное настроение родителей ужасно влияет на детей, и этим самым отражается на учебе».

По свидетельству бывших учащихся школы А.А. Большаковой, урожд. Пиминити (1916–1997), Е.Н. Алексопольской, урожденной Константиныди (род. в 1918 году) и ее одноклассников П.Е. Шахиди (1918–1999) и А.А. Бегосинского (род. в 1918 году), осенью 1930 года из актов зала школы были вынесены мраморный бюст основателя школы В.И. Феолого, портреты почетных членов Греческого благотворительного общества Н.П. Грипари, С.Х. Гавалова, К.А. Косты, Л.Д. Кидониса и других выдающихся деятелей греческой колонии Севастополя конца XIX – начала XX вв., а из классных комнат – портреты героев греческой национально-освободительной революции 1821–1827 годов, бюсты Гомера, Сократа, Аристотеля⁷⁸⁰.

Расширение школы и преобразование ее в школу I-й и II-й ступени требовало вложения значительных денежных средств. Однако выход из положения был найден очень быстро: на базе школы открыли семилетку путем введения в ней обучения в две смены, а деньги на расширение имевшихся классных помещений и устройство школьных мастерских взяли из средств греческого общества «Взаимопомощь»⁷⁸¹.

В 1931–1934 годах педагогический коллектив 23-й греческой школы составляли девять преподавателей: учительница начальных классов Ольга Георгиевна Георгиади, учительница греческого языка Пенелопа Георгиевна Георгиу, учительницы русского языка Мария Георгиевна Параскевас и Александра Михайловна Подлесная, учительница математики Мария Петровна Даниэль, учитель истории Антон Солонович Мавриди, учительница географии Урания Георги-

⁷⁸⁰ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 3. Л. 8, 11, 26.

⁷⁸¹ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 645, лл. 5–8.

евна Караянопуло, учитель химии Константин Георгиевич Ангелиди, учитель труда и физкультуры Николай Иванович Солнцев⁷⁸².

В 1934 году 23-я греческая школа «из-за недопустимо малого количества учащихся» была переведена из здания на улице Артиллерийской № 19 в новое здание на улице Большой Морской № 44. В дальнейшем в нем же была размещена и армянская школа. Таким образом, Севастопольским ОНО одновременно было осуществлено сокращение двух малых школ с освобождением занимаемых ими зданий для двух переполненных средних школ города и осуществлено «интернациональное сближение» двух существовавших нацмен школ.

В 1920-е годы в Севастополе происходило расширение лечебной сети, совершенствовалось и улучшалось санитарно-профилактическое и санитарное обслуживание населения. Значительных успехов медицинские работники города достигли в борьбе с такими инфекционными болезнями, как туберкулез. В 1926 году постановлением Севастопольского горсовета и райисполкома в городе был создан курортный трест, в ведении которого находились санатории, дома отдыха, гостиницы, пляжи. Одним из крупнейших курортных учреждений города был санаторий им. И.В. Сталина, входивший в систему Института физических методов лечения им. И.М. Сеченова, – первого института в стране, где изучалось действие на организм как естественных (солнце, морская вода, лечебная грязь), так и искусственных средств (гальванический ток, электрический свет, кварцевое облучение, токи ультравысокой частоты и т.п.)⁷⁸³.

Большой вклад в развитие здравоохранения и лечебных учреждений в Севастополе в 1920–1930-е годы внес известный в городе врач Г.Л. Бисти (1889–1937). Георгий Леонидович родился 8 (20) января 1889 году в Балаклаве в семье известного ресторатора и владельца самой крупной в городе гостиницы «Россия» греческого подданного Леонида Георгиевича Бисти (ум. в 1918 году) и Елены Спиридоновны, урожденной Гинали⁷⁸⁴. В 1898 году он поступил в Сева-

⁷⁸² Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1992 года. Полевая тетрадь № 1. С. 21, 24; Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 3. С. 2, 5, 8–11, 16, 18; Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 1–2, 4, 7.

⁷⁸³ История города-героя Севастополя: 1917–1957 гг. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. С. 188.

⁷⁸⁴ ГАГС, ф. 30, Оп. 1, ед. хр. 16, л. 312 об.

Георгий Леонидович Бисти (1889–1937), с 1920 года врач и заведующий Балаклавской больницей (1920), старший врач и заведующий поликлиникой Севздравотдела (1928), главный врач Севастопольского санатория им. И.В. Сталина (1933–1936), с 1937 года специалист-невропатолог амбулаторно-клинического отделения Института физических методов лечения им. И.М. Сеченова. (Фотография из архива семьи Бисти В.Г.)

стопольскую мужскую казенную гимназию, но в 1905 году, в связи с событиями первой русской революции, вынужден был прервать учебу: в это смутное время семья Бисти, как и многие другие состоятельные горожане, покинула Крым и уехала в Грецию. Продолжив в 1906 году обучение и живя, как и другие иногородние гимназисты, в пансионе, Георгий Леонидович в свободное от учебы время занимался самообразованием, изучая историю и естественные науки, которые были его самыми любимыми предметами. По окончании в 1909 году восьмилетнего курса обучения в гимназии, он совершил поездку в Грецию, по возвращению из которой поступил на медицинский факультет Одесского Новороссийского университета, закончив его с отличием в 1916 году.

По рекомендации профессуры Георгия Леонидовича пригласили на службу в качестве ординатора в

неврологическую клинику при Одесском университете и Одесских высших женских медицинских курсах, а летом он работал на Куяльницком грязевом лимане, совмещая обе службы. Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года он встретил в Одессе, участвуя в студенческих демонстрациях и забастовках. Здесь же его застала гражданская война. В 1919 году из-за недостаточного питания у Георгия Леонидовича открылся катар верхушки легких, вследствие чего он вернулся домой в Балаклаву, где поступил на службу врачом по найму в городской тифозный барак.

После установления в 1920 году в Крыму советской власти, Г.Л. Бисти был назначен врачом и заведующим Балаклавской больницей. Работать приходилось в тяжелых условиях, поскольку «районные медицинские участки плохо снабжались медицинской литературой, необходимой для сельского врача, оторванного от культурной городской жизни». Не было необходимых пособий для проведения санитарно-просветительной работы среди населения Балаклавы и в окрестных селах. Отсутствие финансов заставляло Георгия Леонидовича часто отрываться от работы, и совершать поездки в Севастополь за получением денег на питание больных и прочие расходы, теряя на это по 2–3 дня каждые две недели. Ездить приходилось на телеге, поскольку даже в 1925 году больница не была еще снабжена линейкой, отсутствие которой затрудняло поездки в села, которые обслуживал доктор Бисти⁷⁸⁵.

В 1928 году Георгий Леонидович получил назначение на должность старшего врача и заведующего поликлиникой Севздравотдела, и в течение пяти лет возглавлял единственное в городе медицинское учреждение, в котором трудящиеся обследовались врачами-специалистами. Он застал его в период реконструкции и реорганизации: предстояло создать базу для оказания квалифицированной лечебно-профилактической помощи населению, подобрать штат специалистов и создать им все необходимые условия для работы. В это время Георгию Леонидовичу пришлось преодолеть немало препятствий, трудностей, пережить неприятности, которых, по свидетельствам его коллег, «было бесконечно много». Благодаря своей

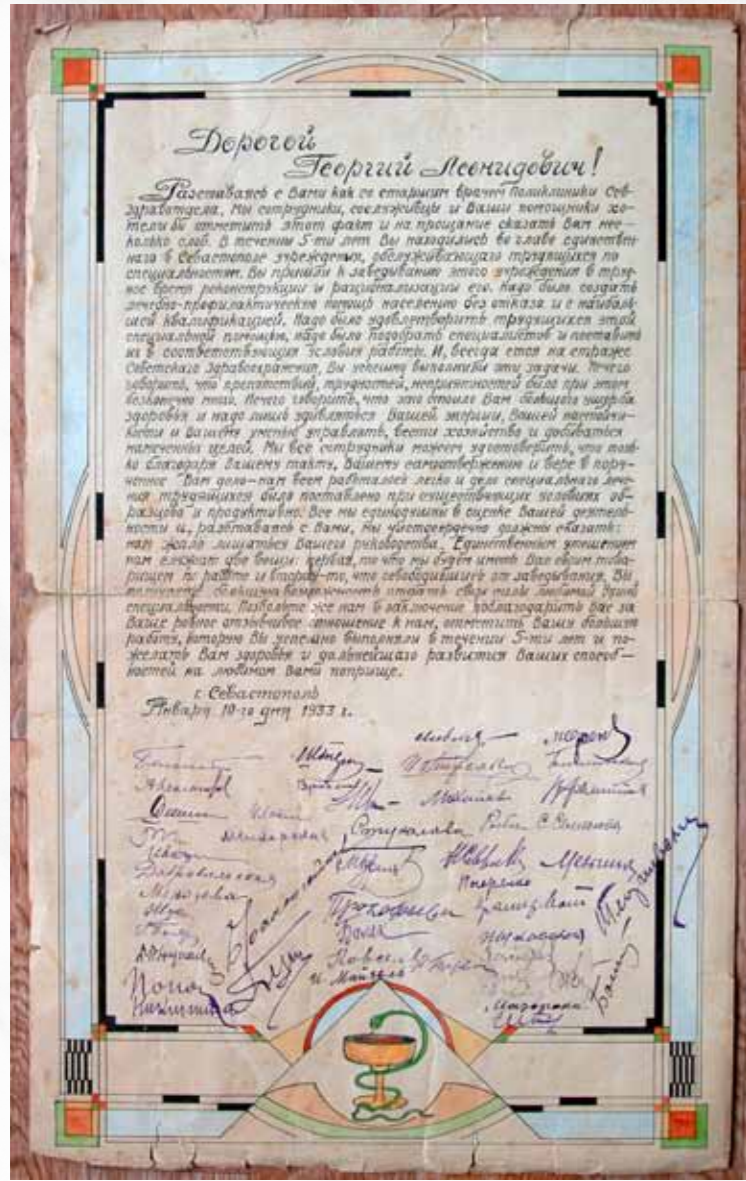
⁷⁸⁵ ГАГС, ф. Р-420, Оп. 2, д. 198, лл. 4–4 об.; ГАГС, ф. Р-420, Оп. 2, д. 198, лл. 2 ГАГС, ф. Р-79, Оп. 2-л, д. 1235, лл. 2–3.

Дом на ул. Керченской, в котором в 1920-е – 1930-е годы жила семья врача Г.Л. Бисти. (Фотография из архива семьи Бисти В.Г.)

энергичности, настойчивости, самоотверженности, умению управлять и вести хозяйство, он успешно справился с порученным ему делом и решил все стоявшие перед поликлиникой проблемы.

«Всегда стоящий на страже советского здравоохранения», строгий, требовательный и, вместе с тем, тактичный, преданный своей работе – таким остался он в памяти своих современников. Доктор Бисти пользовался большой любовью и заслуженным авторитетом всего коллектива поликлиники. Прощаясь с ним 10 января 1933 года в связи с переводом на новое место работы, его коллеги и подчиненные (всего 50 подписей) вручили ему благодарственный адрес, в котором единодушно отмечали: «Единственным утешением нам служат две вещи: то, что мы будем иметь Вас своим товарищем по работе, и вторая – то, что, освободившись от заведования, Вы по-

Благодарственный адрес Георгию Леонидовичу Бисти от коллег и подчиненных, врученный ему 10 января 1933 года в связи с переводом на новое место работы. (Документ из архива семьи Бисти В.Г.)

лучаете большую возможность отдать свои силы Вашей любимой специальности»⁷⁸⁶.

С 1933 по 1936 год Георгий Леонидович работал в должности главного врача Севастопольского санатория им. И.В. Сталина, а с 1937 года – в качестве специалиста-невропатолога в одном из амбулаторно-клинических отделений Института физических методов лечения им. И.М. Сеченова.

В начале 1930-х годов XX века советизация греческого населения Севастополя подходила к своему завершающему этапу. Оставалось закрыть греческую Трехсвятительскую церковь, а с ней ликвидировать последний очаг сопротивления национальной оппозиции – греческую религиозную общину.

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли новый Закон о религиозных объединениях, значительно ограничивавший их возможности. В соответствии с ним священники исключались из списков церковных «двадцаток», а приходским общинам запрещалось заниматься благотворительной деятельностью. Пользуясь этим законом 1 сентября того же года НКВД РСФСР разработал инструкцию «О правах и обязанностях религиозных объединений», действовавшую вплоть до 1980-х годов XX века, и принял постановление «О регистрации религиозных общин», однако оба этих документа долгое время не поступали в Крымскую АССР.

Ситуация, сложившаяся в конце 1930-го – начале 1931-го годов вокруг перерегистрации греческих религиозных общин, находившихся подчинении Константинопольскому патриархату, в корне отличалась от той, в которой оказалось большинство общин их русских единоверцев Московского патриархата. Не смотря на то, что в Крыму продолжалась кампания давления на иностранноподданных верующих, греки, в соответствии с законом СССР, имели право заниматься религиозной деятельностью. Являясь обособленной и одной из наиболее многочисленных этнических групп, проживавших на территории Крымской АССР, они неуклонно продолжали соблюдать традиции своей исторической родины, где православная вера, даже во времена Османской империи, не подвергалась гонениям. Грече-

⁷⁸⁶ Благодарственный адрес. Севастополь, 10 января 1933 года. / Семейный архив В.Г. Бисти.

ские церкви и существовавшие при них религиозные общины играли в это время консолидирующую роль.

В Севастопольском районе власти всячески препятствовали перерегистрации греческих религиозных общин при церквях свв. Константина и Елены и св. Марины в деревнях Карань и Камара. «В деревне Карань проживают исключительно по национальности греки, – сообщал севастопольскому отделу ГПУ и организационному отделу Крым ЦИКа заведующий столом религиозных культов Севастопольского городского Совета тов. Н.А. Быков, – народ в отношении церкви настроен довольно фанатично и поблизости церкви не находится. Самое близкое расстояние – это Балаклава, километров около 6–7. Ликвидация может пройти с шероховатостями»⁷⁸⁷.

«Материалы по перерегистрации религиозной общины, – писал он далее о ситуации в деревне Камара, – были представлены 9 января, которые столом религиозных культов приняты для сведения, и о постановлении НКВД религиозному обществу объявлено. Служба в церкви не проводится месяцев 8–9 за неимением священника, но человек 35–40 яро держатся за церковь, так что и кроме этих верующих найдутся еще верующие, которые будут не согласны с ликвидацией»⁷⁸⁸.

Не удавалось властям закрыть и храм св. Николая в Балаклаве, остававшийся все это время действующим благодаря активному противодействию его настоятеля протоиерея Константина Маркова⁷⁸⁹ и активистов церковно-приходского совета в лице председателя Георгия Алексеевича Дрохлова, казначея Элефтерия Ивановича Позианоса, секретаря Василисы Демьяновны Коломийцевой, Фотинии Ивановны Москалевой, Николая Петровича Констанди и многих прихожан. В апреле 1931 года стол религиозных культов Севастопольского РИКа отказал в перерегистрации общины Николаевской церкви в Балаклаве ее священнику Федору Феодориди, после чего члены «двадцатки» опротестовали решение севастопольских вла-

⁷⁸⁷ ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 676, л. 13.

⁷⁸⁸ Там же, л. 13.

⁷⁸⁹ Константин Михайлович Марков, протоиерей. Родился в 1889 году в Балаклаве в семье потомственных балаклавских греков; выпускник Симферопольской духовной семинарии. Имел широкую поддержку среди греков-рыбаков и крестьян, проживавших в соседних с Балаклавой деревнях Камары и Карань.

стей сначала в Центральное Административное Управление Крымской АССР, а затем во ВЦИК РСФСР.

Сложной оставалась ситуация с греческо-подданными священнослужителями, многие из которых в течение 1928–1930 годов вынуждены были покинуть Крым. Первыми в этот черный список открыли архимандрит Евгений Тайганиди, протоиерей Григорий Попандопуло, иерей Константин Мавроматиди. Не меньшим был отток из Крыма и греческо-подданных церковнослужителей – псаломщиков, чтецов, регентов.

В 1927 году уехал в Грецию архимандрит Григорий Вукунас, которому в то время исполнилось 57 лет. По воспоминаниям современников, накануне отъезда он в течение нескольких дней «ходил по греческим семьям, особенно бедным, раздавал духовные книги, а наиболее нуждающимся – незначительные суммы денег в советских рублях, словом, все то небольшое, что смог скопить, чтобы как-то поддержать себя в старости»⁷⁹⁰. Екатерина Николаевна Алексопольская, урожденная Константиноиди, была свидетельницей того, как незадолго до отъезда архимандрит Григорий посетил их дом на улице Азовской № 76, и подарил ее отцу, Николаю Анастасовичу Константиноиди, «много духовных книг»⁷⁹¹.

После вынужденного отъезда архимандрита Григория в Грецию Трехсвятительская церковь оставалась некоторое время без священника⁷⁹². Греческая религиозная община прилагала все усилия, чтобы предотвратить закрытие храма. В январе 1931 года греческая религиозная община Севастополя обратилась с заявлением на имя председателя Крым ЦИК, которым ставило его в известность о том, что по решению Севастопольского городского Совета им запретили звонить в колокола во время богослужений. С начала 1931 года богослужения в Трехсвятительской церкви совершал греческий священник Константин Кириакиди, имевший в Севастополе родственников, но 1 июля 1931 года греческая религиозная община вынуждена была обратиться в Крым ЦИК с просьбой о продлении срока его пре-

⁷⁹⁰ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 2. С. 1–8; Полевая тетрадь № 3. С. 11; Полевая тетрадь № 5. С. 2, 5–7.

⁷⁹¹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 2.

⁷⁹² ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 676, л. 30; ГАГС, ф. Р-79, Оп. 1, ед. хр. 676, лл. 7–11.

Греческая Трехсвятительская церковь в Севастополе

бывания в Севастополе, поскольку он был греческим подданным, и община не могла найти ему замену.

В 1936 году решением Севастопольского районного исполнительного комитета греческая Трехсвятительская церковь была закрыта, а действовавшая при ней греческая религиозная община ликвидирована. В том же году здание церкви было взорвано и разобрано до основания. После уничтожения греческой церкви произошел конфликт иностранно-подданных греков с представителями советской власти в городе. В ответ на это последовал ряд арестов бывших членов греческой религиозной общины (в это время советские карательные органы уже не считались с гражданством). Подверглись арестам А.Д. Папавраимиди, П.И. Иордани, И.И. Сариянаки и другие члены «церковной двадцатки»⁷⁹³. На месте греческой церкви была построена школа (ныне вечерняя общеобразовательная школа № 1), которая в уже 1937 году приняла первых учеников. Проект задания школы предусматривал возможность использования ее как госпиталя в случае начала военных действий.

⁷⁹³ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 2. С. 13.

В середине 1930-х годов советская национальная политика кардинально изменилась: вместо развития национальных форм культуры в рамках диктатуры пролетариата (политика коренизации) был взят курс на унификацию национальных культур на великодержавной (великорусской) основе. Новая политика отразилась, прежде всего, на культуре национальных меньшинств, по отношению к которым стала проводиться линия на ускоренную ассимиляцию. В 1937 году специальным постановлением Севастопольского городского Совета был закрыт греческий рабочий клуб им. 1-го Мая. Работа с представителями национальных меньшинств должна была теперь сосредотачиваться в общегородских домах культуры, клубах и красных уголках. При этом обращалось особое внимание на политическое воспитание и оказание всесторонней помощи в «освоении трудящейся нацмен массой русского языка». В том же году было ликвидировано и греческое общество «Взаимопомощь».

1937–1938 года оставили мрачный след в истории Севастополя. Каждая газетная страница того времени пестрела заголовками о врагах, оппортунистах, фракционерах, шпионах и вредителях. В атмосфере страха, подозрительности, неуверенности в завтрашнем дне «увядали ростки самобытности, индивидуальности, творчества». Эти события коснулись и греческого населения города. «Преобразование национальных отношений» нередко приводило к тому, что отдельные греки старались изменить не только свою фамилию, но и национальную принадлежность, что особенно часто проявляло себя в этнически смешанных семьях. К концу 30-х годов ассимиляция греческого населения достигла небывалых за всю историю греческой колонии Севастополя масштабов.

В годы репрессией в застенках НКВД оборвалась жизнь многих греков. По личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) был арестован и 7 сентября 1937 года расстрелян бывший руководитель греческой секции нацмен Севастопольского горсовета Ф.Г. Родеф-Энглези⁷⁹⁴. 22 декабря 1937 года был арестован врач Водздравотдела Севастополя греческий подданный Г.Л. Бисти, приговоренный решением «тройки» к содержа-

⁷⁹⁴ Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР. // АПРФ, Оп. 24, д. 411, л. 5.

нию в лагере, где умер в 1942 году, не зная о том, что постановлением комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 2 сентября 1938 года дело в отношении него «было прекращено за отсутствием состава преступления»⁷⁹⁵. Впоследствии он был реабилитирован посмертно. Судьбу Г.Л. Бисти разделили приговоренные к различным срокам заключения: врач-терапевт Димитриади, врач-окулист И.Г. Пиппер, инженер Е.Н. Константириди, выпускник комвуза им. Мархлевского пекарь Е.Г. Шахиниди, шлюпочник П.И. Вендури, пекарь Г.С. Стилиди, сапожник А.П. Папаниколаки, И.Г. Попандопуло и многие другие⁷⁹⁶.

Греки, имевшие на руках иностранные паспорта и виды иностранцев на жительство в СССР, не подлежали призыву для прохождения службы в рядах Красной Армии и на Военно-морском флоте. С конца 1930-х годов перестали принимать в военные училища греков – граждан СССР⁷⁹⁷. Выпускник 23-й греческой школы И.Н. Карсали, поступивший в 1936 году в Харьковское высшее училище погранвойск НКВД, был отчислен из него в 1939 году по национальному признаку, а будущему герою Советского Союза Г.К. Целио при поступлении в 1937 году на курсы усовершенствования командного состава пришлось менять свою национальность и стать «русским».

В 1938 году в СССР была ликвидирована система национально-образовательного образования. Постановлением Бюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 года все особые национальные школы повышенного типа и отделения при начальных средних школах и педагогических училищах реорганизовывались в советские школы и училища обычного типа. В Севастополе в числе существовавших школ нацмен реорганизации подверглась и греческая школа № 23, в которой упразднили не только преподавание на греческом языке, но и прием учащихся по этническому признаку. В том же году органами НКВД был арестован ее заведующий П.П. Параскевас. Лишь благодаря настойчивым ходатайствам руководства Севастопольского ОНО удалось добиться его освобождения и возвращения на прежнюю работу, но теперь

⁷⁹⁵ Справка о реабилитации Бисти Георгия Леонидовича. / Семейный архив В.Г. Бисти.

⁷⁹⁶ Мосхури И.В. Сведения о греках, жителях Крыма, репрессированных в 1937–1938 гг. Материалы полевых исследований 1991–1999 гг. Папка 2-я. лл. 11–18.

⁷⁹⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 4. С. 9; Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С.14.

уже в качестве заведующего обычной общеобразовательной 23-й неполной средней школой II-й ступени.

По данным Всесоюзной переписи 1939 года, в Севастополе проживало 109 104 чел. (обою пола), из них: русских – 76 930 чел., украинцев – 15 446 чел., евреев – 5 988 чел., татар – 4 647 чел., греков – 1 641 чел., армян – 935 чел., немцев – 428 чел., болгар – 141 чел., прочих национальностей – 2 921 чел. Кроме того, в подчиненном Севастопольскому городскому Совету поселке Кача проживало 2 834 чел. обою пола, из них: русских 1.748 чел, украинцев – 856 чел., армян – 8 чел, татар – 79 чел., евреев – 52 чел., немцев – 21 чел., греков – 16 чел., болгар – 9 чел., прочих национальностей – 36 чел.⁷⁹⁸

Таким образом, несмотря на убыль населения вследствие выселений и репрессий, греки оставались пятой по счету в числе наиболее многочисленных этнических групп Севастополя. Для сравнения, в том же 1939 году численность греческого населения в Симферополе составляла 1.937 чел. (обою пола), в Ялте (без учета проживавших на территории сельских Советов, подчиненных Ялтинскому городскому Совету) – 1 746 чел., в Керчи – 1 520 чел., в Феодосии – 1 193 чел., в Евпатории – 786 чел.⁷⁹⁹

На территории Балаклавского района в 116 населенных пунктах (не считая Балаклавы) проживало 23 400 чел. (обою пола), из них: русских – 6 691 чел., украинцев – 2 420 чел., армян – 29 чел., татар – 12 880 чел., немцев – 48 чел., евреев – 142 чел., болгар – 22 чел., греков – 957 чел., прочих национальностей – 211 чел.⁸⁰⁰ (Рис. 20)

В 1939 году произошло еще одно драматическое событие в истории греческой колонии Севастополя. В связи с тем, что город, как главная база советского Черноморского флота, был объявлен закрытым, из него подлежали выселению все иностранно-подданные граждане, имевшие вид на жительство в СССР. Все подлежавшие выселению лица вызывались в участки милиции по месту жительства, где им вручались повестки с указанием срока, в течение которого они

⁷⁹⁸ Национальный состав населения Крыма в 1939 году. // Население Крымской области по данным переписи населения (справочный материал). Симферополь, декабрь 1989 года. С. 8–9.

⁷⁹⁹ Там же, С. 8–9.

⁸⁰⁰ Там же, С. 8–9.

должны были уволиться с работы, выписаться и уехать за пределы города. Жить выселяемым разрешалось не ближе 50 км от Севастополя. Город покинули свыше 600 проживавших в нем иностранноподданных греков, поселившихся в Евпатории, Ялте, Симферополе⁸⁰¹.

Вся документация, связанная с выселением из Севастополя иностранных подданных, проходила под грифом «совершенно секретно» и до настоящего времени остается недоступной для исследования. Не вызывает сомнений, что со временем, когда эти документы будут изучены, перед нами приоткроется завеса над еще одним преступлением, совершенным большевиками в годы сталинского тоталитарного режима.

Выселение иностранноподданных граждан являлось, по сути своей, «принудительно-добровольным»: с одной стороны, люди были обречены на выселение, поскольку ни у кого из них не было возможности остаться в Севастополе (выселению подлежали даже инвалиды и лежащие больные), с другой – каждый из них «добровольно» увольнялся с работы на основании поданного в отдел кадров заявления установленного образца, после чего, опять же «добровольно», выписывался с места постоянного жительства. На сборы всем подлежащим выселению предоставлялось 10 дней. Такая видимая, на первый взгляд, лояльность со стороны советских властей не была случайной, поскольку контингент выселяемых составляли граждане Австрии, Албании, Греции, Турции, Ирана, Великобритании, Италии и других стран. Впоследствии никто из них не мог предоставить документы, подтверждающие нарушение их гражданских прав представителями советских исполнительных органов власти. Так, в трудовой книжке греческой подданной Парфены Дмитриевны Константиныди, работавшей до выселения в 1939 году медицинской сестрой гинекологического отделения 1-ой городской больницы, была сделана стандартная запись: «Уволена по собственному желанию в связи с переездом в другой город»⁸⁰².

⁸⁰¹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 3. С. 19–22; Полевая тетрадь № 4. С. 3–5, 8–12, 16; Полевая тетрадь № 5. С. 1–3, 5, 7, 8–11.

⁸⁰² Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 1–2.

Балаклавские греки-рыбаки. Ялта, 10 апреля 1933 года

Выселение из Севастополя иностранноподданных греков влекло за собой неизбежную утрату ими недвижимого имущества, – домовладений, которые переходили в коммунальную собственность города. Типичным примером подобного беспредела со стороны советских властей является случай с конфискацией дома семьи Стилиди. Глава этой семьи, Семен Георгиевич Стилиди (1905–1943) поселился в Севастополе еще в 1910-е годы. В 1914 году он приобрел земельный участок по улице Георгиевской, на котором построил большой двухэтажный дом (ныне ул. Годлевского, дом № 16), в полуподвальном помещении которого находилась пекарня, где он работал вместе с сыновьями Аристотелем Семеновичем и Георгием Семеновичем Стилиди. После установления в 1920 году советской власти в Севастополе этот дом, как принадлежавший иностранноподданым, оставался в собственности семьи Стилиди, а после выселения в 1939 году был реквизирован⁸⁰³.

⁸⁰³ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 3. С. 18.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 годов И ДЕПОРТАЦИЯ ГРЕКОВ В 1944 году

Последние годы мирной жизни Севастополя проходили в условиях постоянной опасности нападения на СССР со стороны Германии. 19 июня 1941 года закончились учения Черноморского флота, и на следующий день корабли вошли в Севастопольскую бухту. Праздничным гулянием встретил город сошедших на берег после трудных учений моряков. Субботним вечером 21 июня на улицах, площадях и бульварах Севастополя было многолюдно, весело и оживленно.

Около трех часов ночи 22 июня 1941 года над городом появились немецкие самолеты, сбросившие на парашютах электромагнитные мины большой взрывной силы, предприняв тем самым попытку блокировать корабли Черноморского флота в бухтах с целью последующего их уничтожения ударами бомбардировочной авиации. От взрыва первой мины, упавшей в воду вблизи Приморского бульвара, пострадало здание санатория ми. В.И. Сталина. Одной из мин был до основания разрушен жилой дом на улице Подгорной. Среди гражданского населения появились первые жертвы: погиб живший на этой улице парикмахер С.Г. Панелоти.

Многие думали, что возобновились маневры Севастопольской эскадры. «Сначала я подумал, что стрельба и взрывы – это очередное учение, – вспоминал С.П. Андреади, – но, выбежав на улицу, увидел в ночном небе в лучах прожекторов самолеты с крестами, от которых отделялись парашюты. Подумалось, что противник сбросил десант... Жители бросились ловить диверсантов, а оказалось, что это были мины. Я видел как падали два сбитых фашистских самолета». На следующий день С.П. Андреади был мобилизован и зачислен в караульную команду при Севастопольском городском военкомате⁸⁰⁴.

В 5 часов утра 22 июня штаб Черноморского флота оповестил население о вражеском налете на город. В тот же день распоряжением Крымского обкома ВКП(б) на всей территории полуострова

⁸⁰⁴ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 2. С. 7.

ва было введено военное положение. Так началась Великая Отечественная война.

Главную опасность для Севастополя, бывшего главной базой Черноморского флота, в первые месяцы войны представляли налеты немецко-фашистской авиации. В связи с этим августе, по указанию СНК Крымской АССР, началась массовая эвакуация из города женщин и детей в возрасте до 14 лет сначала в пределы Крыма, а затем в другие районы страны.

Фронт быстро приближался к Севастополю. 10 июля 1941 года по указанию обкома ВКП(б) в Севастополе началось специальное военное обучение всех граждан, подавших заявление о добровольном зачислении в ряды Красной Армии и Военно-Морского флота и формирование частей народного ополчения⁸⁰⁵. Черноморскому флоту было приказано передать часть вооружения и личного состава для укрепления обороны полуострова и начать усиленную подготовку к обороне города с суши. Из моряков были сформированы подразделения, предназначавшиеся для действий на сухопутном фронте.

Приморская армия, отходившая на юг, попала в исключительно тяжелое положение: немецкие танковые колонны отеснили ее войска от шоссе Симферополь – Севастополь в лесной горный массив Яйлы, и чтобы пробиться в город, ее подразделения должны были перейти горы и выйти в район Ялты. Положение еще более усугублялось тем, что обе группы советских войск в Крыму не имели связи между собой, а Приморская армия не имела связи с Севастополем.

В ночь на 29 октября стало известно, что прорвавшиеся немецко-фашистские моторизованные части продвигаются к Симферополю, Керчи, и Евпатории. В связи с этим приказом начальника гарнизона в Севастополе было введено осадное положение, а 30 октября на дальних подступах к городу начались бои с передовыми частями

⁸⁰⁵ Борисов Б.А. Подвиг Севастополя. – Симферополь: Крымиздат, 1951. С. 18, 29.

противника. С этого дня началась вторая героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся до 4 июля 1942 года.

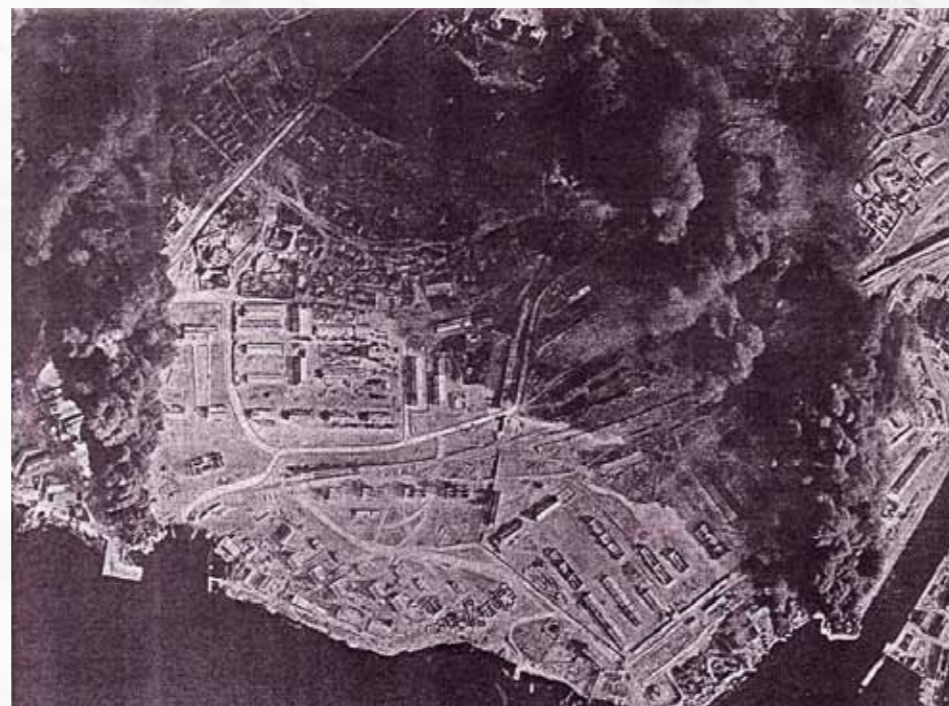
В полдень 30 октября севастопольцы слышали далекие артиллерийские залпы береговых батарей, вступивших в бой с наступающим с суши врагом. В тот же день город подвергся массированному налету немецкой авиации, варварски бомбившей жилые кварталы. Части Приморской армии были еще далеко в горах и с боями отходили к побережью, вследствие чего оборона города в эти дни целиком лежала на плечах моряков-черноморцев и народного ополчения.

В городе проводилась дополнительная мобилизация военнослужащих запаса и набор добровольцев. В эти дни в ряды защитников Севастополя принимали даже советских подданных греков, не подлежавших призыву в Красную Армию и Военно-Морской флот по особому распоряжению ГКО (официальный приказ, разрешавший призывать их в Армию, поступил только летом 1942 года)⁸⁰⁶. На фронт ушли 110 человек ополченцев, в том числе 10 девушек, 150 бойцов истребительного батальона и 100 человек Коммунистического батальона, созданного областным и городским комитетами партии. Многие из греков погибли или пропали без вести, защищая Севастополь, в том числе: старший лейтенант Г.П. Попандопуло, красноармейцы Г.И. Агриомати, П.В. Даго, Ф.Г. Иоакимиди, П.И. Куртис, Л.К. Лазариди, Н.В. Лиро, П.В. Лиро, И.Д. Панусис, краснофлотцы М.Г. Бамбука, Н.В. Сиро, медсестра Е.Н. Арваниди, работник УВД А.А. Кефала⁸⁰⁷.

За 8,5 месяцев с начала войны на Севастополь было совершено 156 налетов вражеской авиации. Наиболее интенсивным налетам противника город подвергся в ноябре-декабре 1941 и в феврале 1942 года. За это время на жилые кварталы и позиции защитников

⁸⁰⁶ Бугай Н.Ф., Кацонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (О депортации греков в 1930–1950 годы). – М.: «ИНСАН», 1999. – С. 37.

⁸⁰⁷ Список вольнонаемных воинских частей, рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений, жителей города и гарнизона, погибших в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. и его освобождения в 1944 году; Список воинов, призванных военкоматами Севастополя, офицеров кадрового состава и сверхсрочных служащих. Проходивших службу в Севастопольском гарнизоне, погибший на фронтах ВОВ в 1941–1945 гг. // Город-герой Севастополь: Книга Памяти. – Симферополь: Таврида, 1994.

Севастополь, Инженерная бухта. Немецкая аэрофотосъемка 1942 года

были сброшены 1 971 мина и авиабомба, и свыше 1 500 зажигательных бомб. Во время артобстрелов и бомбардировок погибли 342 и получили ранения 658 человек гражданского населения, в том числе греки. Во время артобстрела 25 ноября 1941 года был убит грузчик артели «Красный партизан» Х.Ф. Семерджиди. В числе жертв, погибших во время налетов вражеской авиации – жители деревни Камары Василиса Елдуриди, Мария Патрино, Александра и Любовь Паниоти, житель Балаклавы С.Д. Андруцаки, севастополец А.Н. Арваниди и его сестра Е.Н. Арваниди. Умер в госпитале от полученных при артобстреле ран В.П. Макриди⁸⁰⁸.

В феврале 1942 года было принято постановление о демобилизации из рядов Красной Армии отдельных категорий граждан. Из состава частей Севастопольского гарнизона и полков народного опол-

⁸⁰⁸ Там же.

чения отзывали многих защитников Севастополя – греков, болгар, представителей других «неблагонадежных» национальностей. «От нас не скрывали, что будут отправлять в глубокий тыл для работы на военных объектах. – рассказывал С.П. Андреади. – Набрали около 300 человек, среди них – фронтовики, имевшие боевые награды. Было обидно и горько, что, когда на счету был каждый боец, нас лишили возможности защищать Родину». В ожидании транспорта эту команду использовали на строительстве инженерных сооружений в районе Мекензиевых гор между передовыми линиями обороны советских и немецко-фашистских войск. Работы велись ночью под прикрытием самолетов ПО-2, которые своим шумом и стрельбой отвлекали противника. 19 марта 1942 года команду погрузили в трюмы крейсера «Коминтерн» и отправили в Батуми⁸⁰⁹.

В дни героической обороны сотням раненых оказали первую помощь медицинские сестры Центральной городской поликлиники севастопольские гречанки Э.П. Полити и Е.И. Василькиоти⁸¹⁰. Многие жизни спас житель Севастополя военный врач-нейрохирург Г.Е. Шахиниди⁸¹¹.

Женщины не отставали от мужчин. Практически во всех районах осажденного города организовывались прачечные, производившие стирку и починку обмундирования военнослужащих. В одной из таких военных прачечных, которую возглавлял житель Кадыковки Василий Чулаки, работала балаклавская гречанка Тамара Павловна Каликаки.

Ввиду напряженного положения с обеспечением продовольствием населения города и войск были приняты меры к увеличению улова рыбы. Рыбаки балаклавского колхоза «Путь социализма», возглавляемого председателем И.Г. Патрино, дали городу и фронту 1 730 центнеров рыбы, выполнив трехмесячный план всего за 15 дней.

⁸⁰⁹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 2. С. 8–9.

⁸¹⁰ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 3–4.

⁸¹¹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 2. С. 7.

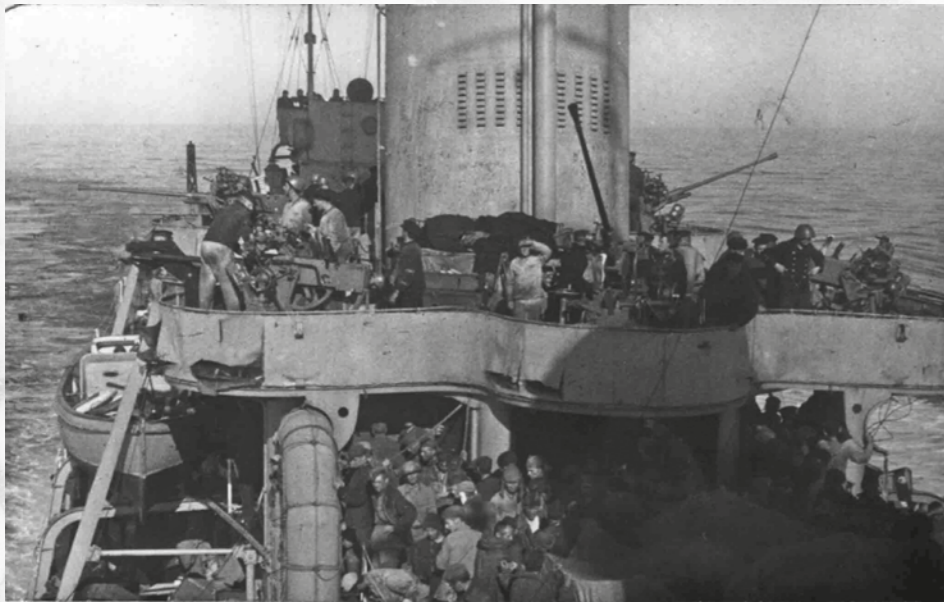
Житель Севастополя, военный врач-нейрохирург Георгий Евстафьевич Шахиниди, спасший многие жизни

Во время лова рыбы в районе Карантинной и Стрелецкой бухт балаклавские рыбаки-греки часто подвергались обстрелу немецкой артиллерии из района Качи, а в море за ними охотились вражеские самолеты⁸¹². 4 июня 1942 года во время очередного лова рыбы погиб шкипер сейнера «Отважный» Александр Христофорович Страти. Два дня спустя, 6 июня 1942 года, тот же сейнер прибыл с грузом рыбы в Севастополь. Во время воздушного налета, внезапно начавшегося при разгрузке в Артбухте, погиб его новый шкипер Дмитрий Георгиевич Ватикиоти⁸¹³.

После тяжелого поражения в мае 1942 года войск Крымского фронта и оставления ими Керченского полуострова, положение Севастопольского оборонительного района (СОР) стало безнадежным. Несмотря на то, что противник имел численно превосходящие силы, оборона Севастополя продолжалась до тех пор, пока существовала возможность подвоза морем снабжения и пополнения войск.

⁸¹² Город-герой Севастополь: Книга Памяти. – Симферополь: Таврида, 1994.

⁸¹³ Там же.

Лидер эскадренных миноносцев Ташкент. 1942 год

Все не занятое в обороне гражданское население и беженцы, прибывшие сюда до начала обороны из других районов Крыма, подлежало эвакуации из Севастополя. Ежедневно из осажденного города в порты Северного Кавказа вывозили несколько сот жителей, главным образом, раненых, женщин с детьми, стариков и инвалидов, а также культурные ценности и имущество. В общей сложности, по мнению доктора исторических наук А.В. Басова, в тыл было эвакуировано не менее 25–30 тысяч человек⁸¹⁴.

В пути следования корабли неминуемо подвергались налетам немецкой авиации, некоторые из них не достигали конечной цели, и страх перед возможной гибелью в открытом море являлся причиной отказа некоторых жителей от возможности эвакуироваться в тыл. «Когда мы были в Севастополе, – рассказывала Тамара Павловна Астафьева, урожденная Каликаки, – отец хлопотал о нашей эвакуации, но мама категорически отказалась, сказав ему: «Рыб я кормить не поеду». Многие корабли немцы топили. Из Балаклавы на

⁸¹⁴ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. С. 164.

барже хотели вывести оборудование консервного завода; не успела баржа с оборудованием и эвакуируемыми людьми выйти из Балаклавской бухты в море, как ее потопили немецкие самолеты». Работница балаклавского консервного завода Елена Константиновна Каликаки (сестра отца Тамары Павловны) отказалась тогда от эвакуации и только поэтому осталась жива⁸¹⁵.

Эвакуация продолжалась до последней возможности. В течение июня 1942 года в Севастополь прорывались: транспортные суда – 11 раз, надводные корабли от крейсеров до катеров – 103 раза. 77 рейдов совершили подводные лодки, 117 раз прилетали военнотранспортные самолеты. Ими доставлялись боеприпасы, бензин, медикаменты, продовольствие, бойцы и командиры армейских частей для пополнения Приморской армии. Уходя из Севастополя, боевые корабли и транспорты забирали эвакуируемых.

В связи с тем, что в первую очередь вывозили раненых, количество которых с каждым днем росло, эвакуация населения задерживалась. 14 июня 1942 года объектной санитарной дружиной под руководством врача Михаила Михайловича Скуляри была осуществлена погрузка очередной партии раненых на эскадренный миноносец «Безупречный», который благополучно доставил эвакуированных в Новороссийск. Вместе со М.М. Скуляри в санитарной дружине станции Севастополь состояли, вступившие в нее добровольцами, его супруга, Анна Николаевна, и дети, Ольга и Валентина Скуляри⁸¹⁶.

Ночью 27 июня 1942 года на лидере «Ташкент», – последнем корабле, сумевшем прорваться в осажденный город, – были вывезены спасенные фрагменты панорамы обороны Севастополя 1854–1855 годов, написанные Ф.А. Рубо. На его борту разместились также более 2 000 человек – раненые, женщины и дети. В числе эвакуируемых находился 12-летний севастополец Юра Сердерида, – впоследствии заслуженный деятель культуры РСФСР и Российской Федерации, главный редактор греческой газеты «Понтос», известный на Кубани поэт-песенник Юрий Иванович Сердерида (1933–2008)⁸¹⁷.

⁸¹⁵ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 1. С. 4.

⁸¹⁶ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 2. С. 20.

⁸¹⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1992 года. Полевая тетрадь № 1. С. 5.

3 июля 1942 года Совинформбюро сообщило: «По приказу Верховного Командования Красной Армии... советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц»⁸¹⁸. Страна не знала, что брошенные на произвол судьбы защитники города до 12 июля продолжали оказывать яростное сопротивление врагу. Многие из них попали в плен, где большинство из них погибло.

Десяткам раненых краснофлотцев спас жизнь накануне вступления фашистов в город балаклавский рыбак Павел Константинович Каликаки (1901–1974). Накануне Великой Отечественной войны его избрали председателем балаклавского рыбколхоза «Путь социализма» с назначением заведующим колхозным рыбным магазином, продавцом в котором был Павел Кумбарули. В конце 1941 года Каликаки мобилизовали в Армию.

В период обороны Севастополя его семья сначала жила у родственников в городе, а позднее поселилась на освобожденной эвакуированными квартире. Сюда и привел он более 30 раненых краснофлотцев после занятия немцами Корабельной стороны. Жена Павла Константиновича, часто навещавшая его на передовой в Сухарной балке, сохранила печать рыбколхоза. Раненых переодели в гражданскую одежду, а дочь Каликаки, Валентина Павловна, имевшая

⁸¹⁸ Героическая оборона Севастополя: 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1946. С. 263–264; Ванев Г.И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983: Справочник. – Симферополь, 1983. С. 126.

Бригадир балаклавского рыбколхоза «Путь к социализму» Павел Константинович Каликаки

ни истощения. Несмотря на то, что к 18 февраля численность отряда сократилась до 46 человек, его бойцы «имели частые стычки с противником», неся потери в живой силе. В феврале 1942 года в районе деревни Алсу погиб командир группы отряда Александр Васильевич Керемеджиди. В том же месяце погиб боец отряда Панайот Иосифович Иосифиди⁸²¹.

⁸¹⁹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 1. С. 2.

⁸²⁰ Город-герой Севастополь: Книга Памяти. – Симферополь: Таврида, 1994.

⁸²¹ Там же.

К середине марта партизаны сосредоточились у вершины горы Роман-Кош, а севастопольцы стали лагерем на склоне горы Басман. В продолжение марта-апреля партизаны один за другим умирали от голода и истощения. Среди погибших был Константин Павлович Спаи (1881–1942)⁸²².

В августе 1941 года, наряду с Севастопольским, был создан Балаклавский партизанский отряд, бойцы которого с начала ноября вступили в борьбу с захватчиками. Среди погибших в боях партизан было немало греков. Так, 1 ноября 1941 года в деревне Скели были казнены фашистами бойцы отряда, братья Николай и Федор Дельяновы. 9 марта 1942 года погиб Владимир Петрович Кумбарули – работник Балаклавского районного комитета ВЛКСМ, боец отряда. В апреле погиб при выполнении задания Степан Дмитриевич Сочли – председатель колхоза им. Калинина Балаклавского района, боец отряда. В июне того же года был убит в бою с немецко-фашистскими захватчиками Евстафий Ильич Михайлиди (1905–1942) – уроженец деревни Скеля, председатель Балаклавского горисполкома, боец отряда. 19 июня 1942 года зверски казнена фашистами в районе Госзаповедника Урания Дмитриевна Шейтонида (Тощи) – врач поликлиники города Балаклавы, в годы войны – врач Балаклавского партизанского отряда. Пали в борьбе с врагом бойцы отряда Георгий Константинович Терленди, Иван Скули, Николай Скули и другие⁸²³.

⁸²² Там же.
⁸²³ Там же.

Боец балаклавского партизанского отряда Владимир Георгиевич Василькиоти (1923–1996).

В дни героической обороны Севастополя 1941–1942 годов стало легендой имя рыбака-грека, бригадира балаклавского рыбколхоза «Путь социализма» Константина Николаевича Кумбарули (род. в 1912 году). Его мужество и героизм впоследствии нашли отражение в произведениях Л.С. Рудневой «Вера и надежда» и «Последние листригоны» – своеобразном реквиеме по балаклавским грекам, изданном еще в советские времена «застоя».

Гитлеровцы жестоко мстили севастопольцам за их мужественное сопротивление, стремясь жесточайшим террором запугать беззащитных людей, подавить их волю к сопротивлению. Ворвавшись в город 1 июня 1942 года, оккупанты «начали свои зверства над мирным населением». 15 июля по приказу ортскоменданта началась перерегистрация населения, целью которой являлось выявление коммунистов, партийных и советских активистов, участников обороны Севастополя и партизан, евреев, которые впоследствии были расстреляны. Среди казненных фашистами были греки, жители Балаклавского района: председатель Караньского сельского совета К.Д. Бамбука; секретарь Караньского сельского совета Анастасия Терленди; председатель колхоза «Путь к социализму» (деревня Карань) Г.И. Циро; заместитель директора фермы колхоза «Путь к социализму» (деревня Карань) М.П. Целио; колхозник колхоза «Путь к социализму» (деревня Карань) А.К. Приоти; пастух колхоза «Путь к социализму» (деревня Карань) Д.А. Терленди; учительница Караньской начальной школы Любовь Андреевна Циро; председатель Камарского сельского сове-

Ремонт разрушенных железнодорожных путей в оккупированном Севастополе. 1943 год

та И.Г. Патрино; бригадир колхоза деревни Камары П.А. Сиро; заведующий сберкассой Балаклавы Дмитрий Федорида.

В течение 1942–1944 годов оккупанты расстреляли 10 463 мирных жителя, 2 158 военнопленных, замучили 8 000 мирных жителей и 6 618 военнопленных, угнали на рабьюту в Германию 42 600 мирных жителей. Среди расстрелянных были: жители Севастополя Е.Н. Куинджи, Н.Ф. Куинджи, А.А. Яни, житель Балаклавы Г.И. Влахо; жители деревни Карань Д.К. Бамбука, Н.К. Бамбука, К.И. Бамбука, Дмитрий Лиро, В.Д. Лиро, А.Д. Целио, Е.И. Чубари; жители деревни Камары А.Г. Псома, И.М. Псома, Антонина Сиро, М.П. Сиро, П.А. Сиро, житель деревни Скеля С.Х. Устабаши, рыбак рыбколхоза «Путь социализма» боец Балаклавского партизанского отряда Г.Н. Богус, жительница деревни Алсу Е.А. Яни⁸²⁴.

⁸²⁴ Там же.

В конце 1942 года немцы проводили массовые облавы на скрывавшихся евреев. В Балаклаве на набережной в доме матери жила гречанка Мария Николаевна Лиоли-Шехтер (1912–1942), работавшая до войны продавцом в местном магазине военторга. От брака с первым мужем, крымским немцем, она имела сына Андриана, а от брака со вторым мужем, евреем по национальности, – двух дочерей. Эту дружную семью до войны знали все балаклавцы. Во время облавы на евреев был арестован и расстрелян муж Марии Николаевны, бывший директор кинотеатра «Родина» Ефим Шехтер, а через несколько дней каратели пришли за детьми, которых удалось спрятать в день его ареста. «Мать Марии убеждала немцев оставить хотя бы старшего мальчика, говоря, что он родился от немца, – рассказывала свидетельница этой трагедии Тамара Павловна Астафьева, урожденная Каликаки (род. в 1927 году). – Она показывала его документ, но это не помогло. Каратели не поверили ей, они схватили детей и поволокли к машине-душегубке (детей они не расстреливали, а умерщвляли газом). Мария бросилась за ними. Немцы стали отпихивать ее от машины, но она туда все-таки прорвалась, предпочтя разделить смерть вместе со своими детьми»⁸²⁵.

⁸²⁵ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая Тетрадь № 2. Беседа с тamarой Павловной Астафьевой, урожденной Каликаки (род. в 1927 году). Л. 9–9 об.

На снимке слева – Мария Николаевна Лиоли-Шехтер (1912–1942) с детьми. Фотография 1937 года

В 1941–1945 годах отдали свои жизни в борьбе с фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны жители Севастополя и Балаклавского района: лейтенант В.П. Сиро, младшие лейтенанты Н.П. Буга, В.К. Позанос, старший политрук В.Н. Христофоров, сержант А.А. Безони, ефрейтор А.Л. Григориади, красноармейцы В.Л. Григориади, П.Л. Григориади, Ф.Л. Григориади, П.В. Даго, Д.А. Бляблас, И.Д. Влахо, И.Г. Буга, Н.В. Лило, Н.Я. Андрео, В.Г. Сидириди, К.П. Дико, Д.Г. Терленди, П.Г. Терленди, Г.Г. Терленди, Д.К. Терленди, И.К. Терленди, Ф.П. Трандафилов, С.И. Федориди, Н.А. Иванов, Д.В. Кичо, П.И. Куртис, В.Д. Куцодонди, Г.П. Куркумели, Ф.А. Христуло, П.В. Лиро, И.Д. Панусис, Н.Д. Патрино, В.В. Малохрено, Б.М. Ставраки, краснофлотцы А.Х. Яни, Ф.К. Позанос, Н.В. Сиро и многие другие⁸²⁶. Умершему от ран, полученных 19 апреля 1944 года в боях за город Вервальде (Германия), командиру штурмового батальона майору Г.К. Целио (1909–1945) посмертно было присвоено звание героя Советского Союза.

Георгий Кузьмич Целио родился 23 февраля 1909 года в деревне Карань (ныне село Флотское Балаклавского р-на города Севастополя) в многодетной семье балаклавского мещанина Кузьмы Павловича Целио и Екатерины Николаевны. (Рис. 7) У него было 5 братьев и 3 сестры – Мария, Александр, Дмитрий, Николай, Пантелей, Евгения, Спиридон и Надежда. В юности Георгий Целио был общитель-

⁸²⁶ Город-герой Севастополь: Книга Памяти. Симферополь: Таврида, 1994.

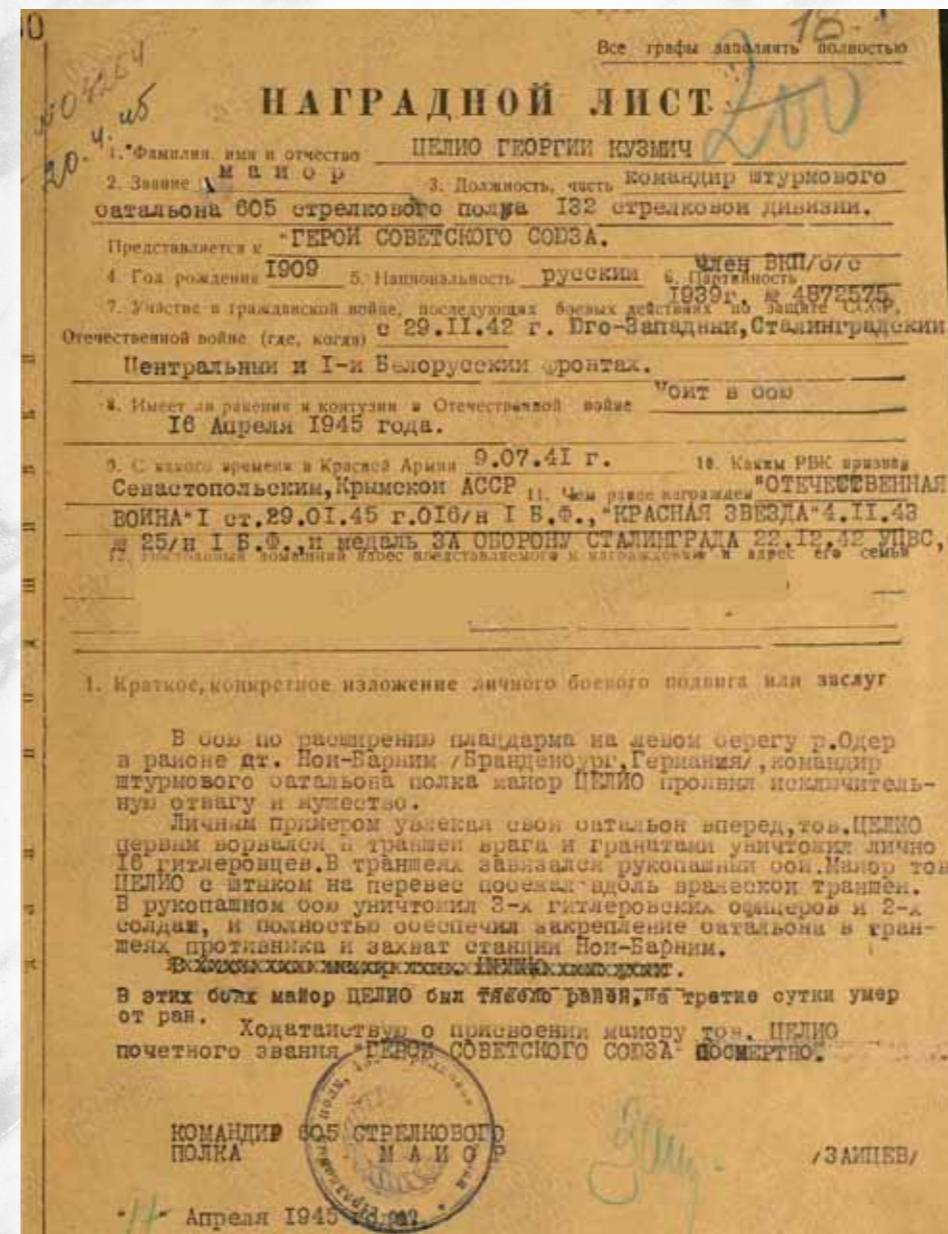
Герой Советского Союза Георгий Кузьмич Целио (1909–1945)

– награжден Отечественной войны 1-й степени. В то время он уже знал, что при бомбардировке Севастополя погибли его жена Анна и дочь, жившие в доме № 33 на улице Большой Морской.

16 апреля 1945 года вошло в историю войны как начало Берлинской операции. В ту ночь, в бою за расширение плацдарма на левом берегу реки Одер в районе станции Ной-Барним (город Бранденбург, Германия), командир штурмового батальона майор Целио

ным, неунывающим, хорошо учился и великолепно играл на скрипке, без которой не обходилась ни одна греческая свадьба. До войны он работал инструктором Балаклавского районного комитета ВЛКСМ, начальником пионерского лагеря в Алсу и, как свидетельствуют современники, «был неистощим на выдумку» и «буквально заряжал своей энергией». С юных лет Георгий Кузьмич испытывал влечение к военной службе, которую он дважды проходил в рядах Красной Армии в 1931–1933 и 1937–1938 годах, охотно учился на курсах усовершенствования командного состава, окончив их в 1938 году.

В июле 1941 года Г.К. Целио был мобилизован в Армию, а в ноябре 1942 года – отправлен на передовую, воюя с врагом сначала в составе войск Юго-Западного, затем Сталинградского, Центрального и, наконец, 1-го Белорусского фронтов. Свою первую награду – орден Ленина – Георгий Кузьмич получил за оборону Сталинграда. Спустя два месяца был представлен к награждению орденом Красной Звезды, а через два года, в боях за освобождение Польши

Наградной лист Героя Советского Союза Г.К. Целио. 17 апреля 1945 года

проявил исключительную отвагу и мужество: «Личным примером, увлекая за собой батальон, тов. Целио первым ворвался в траншею врага и гранатами лично уничтожил 16 фашистов. В траншеях завязался рукопашный бой. Майор Целио со штыком наперевес победил вдоль вражеской траншеи. В рукопашном бою он уничтожил трех гитлеровских офицеров и двух солдат и полностью обеспечил закрепление батальона в траншеях и захват станции Ной-Барним». В этих боях майор Целио был тяжело ранен и 19 апреля умер от ран. Его похоронили в городе Вердвальде (Германия). По ходатайству командира 605-го стрелкового полка 132-ой стрелковой дивизии майора Зайцева, 31 мая 1945 года Георгию Кузьмичу Целио было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно⁸²⁷.

Из шестерых его братьев, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, двое домой вернулись только трое. Двое из них, Александр Кузьмич и Николай Кузьмич, жили после войны в Харькове. Третий, Пантелей Кузьмич Целио, имел 19 боевых наград. Он остался служить в Армии, и, выйдя в отставку в звании подполковника, поселился в городе Новочеркасске Ростовской области. В борьбе с фашизмом отдали свои жизни и другие родственники Героя Советского Союза: старший сержант Г.С. Целио, рядовые В.И. Целио, Г.И. Целио, Д.И. Целио, Г.К. Целио, И.А. Целио⁸²⁸.

В Запорожье на площади Дзержинского стоит обелиск, на котором золотыми буквами выбиты имена семнадцати разведчиков, павших в боях с фашистами. Среди них имя севастопольца И.Н. Карсали (1919–1943).

Николай Иванович Карсали родился в 1919 году в греческой деревне Камары в семье табаковода Николая Георгиевича Карсали (1884–1938) и Харитины Алексеевны, урожденной Каленниковой (род. в 1891). Начальное образование он получил в Камарской четырехлетней школе I-ой ступени, затем доучивался в Балаклавской семилетней школе II-ой ступени, а 8–10 класс заканчивал в Севастополе, где жил в общежитии для иногородних учащихся. По окончании

⁸²⁷ Наградной лист майора Г.К. Целио. / Личный архив Н.К. Балашовой, урожденной Целио.

⁸²⁸ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 1. Беседа с Надеждой Георгиевной Балашовой (род. в 1909 году). Л. 18.

в 1936 году севастопольской средней школы № 7, он поступил в Харьковское высшее училище пограничных войск НКВД, но, не смотря на успехи в учебе, в 1939 году был отчислен по национальному признаку. Забрав документы, Иван Николаевич отправился в Москву, где поступил в Московский институт физической культуры (МИФК). В период учебы в институте ему, как одному из наиболее подготовленных спортсменов, довелось участвовать в выступлении физкультурников во время праздничной демонстрации на Красной Площади.

Начало войны застало Карсали и его однокурсников на военно-полевых сборах, проходивших под городом Истра в Подмосковье, и он одним из первых явился в военкомат. В это время на московском стадионе «Динамо» шло формирование ОМСБОН – Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД, в состав которой принимали, главным образом, чекистов и спортсменов. Бригада предназначалась для ведения разведывательных, диверсионных и боевых операций в тылу врага. При участии отрядов и групп ОМСБОНа предполагалось создать подпольные организации и партизанские отряды на захваченной фашистами территории СССР. В эту бригаду и был зачислен 5 июля 1941 года И.Н. Карсали.

Боевое крещение Иван Николаевич принял в конце 1941 года, командуя отделением разведчиков-диверсантов, действовавшим на Брянском направлении. Узнав из сводок Советского Информбюро о том, что фашисты уже в Крыму, а Севастополь находится на осадном положении, он обратился к командованию с просьбой о переводе его в осажденный город, однако вопрос этот так и оставался нерешенным. И.Н. Карсали принимал участие в параде 7 ноября 1941

Иван Николаевич Карсали, уроженец Севастополя, разведчик-диверсант (1919–1943)

килограмм взрывчатки, предназначавшейся для диверсионной деятельности на железной дороге, уничтожив себя и противника. Среди героически погибших разведчиков был Иван Николаевич Карсали⁸²⁹.

15 апреля 1944 года передовые части 4-го Украинского фронта и части Отдельной Приморской армии вышли к оборонительным

⁸²⁹ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 1. С. 13–21, 22, 24–25.

года на Красной площади и вскоре отличился при разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Тяжелое ранение, полученное в январе 1942 года в бою под Сухиничами, внесло изменения в его боевую биографию: находясь на излечении в московском госпитале, он окончательно решил, что его место в Крыму среди партизан. После выздоровления Иван Николаевич снова был отправлен на фронт, где участвовал в разведывательно-диверсионных операциях под Калинином (ныне город Тверь), Тулой, в Подмосковье, а в 1943 году получил назначение на должность начальника штаба разведывательно-диверсионной группы, которая должна была дезорганизовать железнодорожные перевозки противника в Крым на участке Запорожье – Мелитополь – Симферополь.

В ночь на 19 мая 1943 года группа была сброшена на парашютах в приднепровские плавни, где была обнаружена неприятелем. Четыре дня шла самоотверженная борьба, в ходе которой в боях с десантниками фашисты потеряли более 100 человек. После того как у разведчиков закончились боеприпасы, оставшиеся в живых бойцы, сделав вид что, сдаются, позволили врагу приблизиться к себе, после чего взорвали имевшиеся у них около 100

Севастополь, 9 мая 1944 года

рубкам противника под Севастополем. 18 апреля была освобождена Балаклава, а 7 мая в 10 часов 30 минут утра, после полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки, началось решительное наступление на главном направлении – участке фронта между Сапун-горой и греческой деревней Карань (ныне с. Флотское). К исходу дня советские войска овладели Сапун-горой, являвшейся ключевой позицией гитлеровцев на подступах к Севастополю, и 9 мая 1944 года освободили город от захватчиков. Еще три дня после этого шла операция по очищению района мыса Херсонес от остатков немецко-фашистских войск, разбитых при овладении Севастополем. В общей сложности в ходе боев с 7 по 12 мая противник потерял только убитыми более 20 тысяч солдат и офицеров; в плен, по сообщению Советского Информбюро, взято 24 361 человек⁸³⁰.

10 мая в Севастополе была восстановлена советская власть. Горисполком и райисполкомы приступили к работе. Специальные комиссии, созданные в каждом районе города, занимались расследо-

⁸³⁰ Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6. С. 233.

ванием зверств и разрушений, учиненных немецко-фашистскими оккупантами. Севастополь представлял собой груду развалин. Несмотря на то, что война еще не закончилась, началось интенсивное восстановление города. Требовалось в кратчайшие сроки восстановить железнодорожный узел и 4 тоннеля, водопровод и водоканалы, трамвайные линии. В мае 1944 года управляющим Севастопольским трамвайным трестом был назначен Дмитрий Георгиевич Сидириди.

12 мая 1944 года прозвучали последние залпы войны на Крымском полуострове. Сразу же после этого органами НКВД СССР развернулась работа «по выявлению и изъятию антисоветского элемента». В ночь с 18 на 19 мая с территории Крыма было выселено все татарское население, а 29 мая 1944 года Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время греков 14 300 человек. Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. п. НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех греков»⁸³¹.

Как же оценивается положение греков в Крыму в официальных документах? В связи с тем, что в ходе первых мобилизаций греки фактически не привлекались к службе в Красной Армии, они, естественно, оставались в Крыму, «проявляя в последующем, – как отмечалось в сводках, присылаемых из Крыма в центр, – пассивность к новому режиму». Комиссар Бахчисарайского района В.И. Черный писал о крымских греках: «Пассивность проявляло греческое население. И это не случайно, так как провокационные действия фашистских властей в греческих населенных пунктах разоблачались в сознании народа политической работой партийных и советских кадров, сохранившихся в греческих населенных пунктах в результате того, что первое время греческое население не было подвергнуто

⁸³¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашего указания...». – М.: АИРО–XX, 1995. С. 198.

мобилизации в Красную Армию»⁸³². Аналогичные заключения о греках содержатся в сводках и донесениях народного комиссара внутренних дел Крымской АССР тов. Сергеенко, направляемых в НКВД СССР на имя Берии, Чернышева и других.

2 июня 1944 года, под грифом «совершенно секретно», вышло постановление Государственного Комитета обороны СССР № 5984 СС, подписанное И.В. Сталиным, на основании которого НКВД СССР надлежало в сроки с 1 по 5 июня «выселить с территории Крымской АССР 37.000 человек немецких пособников из числа болгар, греков и армян. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения определялись по заявке НКВД СССР, а расчеты за перевозку производились по тарифу перевозок заключенных.

15 июня 1944 года Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «В Крыму выявлено до 310 семей местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющие на руках просроченные турецкие, греческие и иранские паспорта. НКВД СССР считает нежелательным их оставление в Крыму и просит разрешения выселить их и направить для проживания на время войны в один из районов Узбекской ССР». В ответ на это 24 июня 1944 года вышло постановление Государственного Комитета обороны № 6100 СС, которым НКВД СССР было разрешено выселить с территории Крыма всех иностранно-подданных граждан⁸³³.

Общее руководство операцией по переселению армян, болгар и греков возлагалась на Серова, который 27 июня 1944 года докладывал Берии: «В соответствии с Вашим указанием, сегодня, 27 июня, с рассветом, была начата операция по выселению из Крыма спецпереселенцев. По состоянию на 16 часов подвезено из районов на станции 27 тысяч человек. Кроме того потребуются спецэшелоны для 1 500 человек иноподданных. Эксцессов нет»⁸³⁴. 4 июля 1944 года НКВД СССР докладывал, что выселение из Крыма спецпереселенцев – татар, болгар, греков, армян закончено». Всего было выселе-

Севастополь после освобождения в мае 1944 года

но 225 009 человек, в том числе 15 040 греков, граждан СССР, и 3 652 иностранных подданных⁸³⁵. Среди депортированных из Крыма греков были партизаны, подпольщики, фронтовики.

Один из военнослужащих 2-ой стрелковой роты 222-го отдельного батальона 25-й стрелковой бригады войск НКВД, принимавший участие в выселении из Крыма в июне 1944 года армян, болгар и греков, вспоминал: «На сборы отпускалось не более 20 минут, а брать с собой разрешалось лишь то, что унесут в руках. К тому же было объявлено «соревнование»: кто раньше завершит «работу» на своем участке. Люди метались, хватали ненужные вещи, а мы их «поторапливали» – подталкивали прикладами к выходу. Это была тяжелая картина...»⁸³⁶.

«Депортация в том виде, в котором она проводилась, — это акция по своей гнусности, по физическим и моральным мукам ни с

⁸³⁵ Там же, С. 199.

⁸³⁶ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 2. Беседа с Анатолием Юрьевичем Коваленко (род в 1921 году). Л. 11.

Севастополь, 1945 год

чем не сравнимая, — писал К.Д. Апостолиди. — Тот, кто в своей жизни не подвергался этому, не может, пожалуй, в должной мере представить себе весь ее трагизм. Товарные спецэшелоны увозили греков с мест их постоянного проживания в неизвестность — в отдаленные районы Северного Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии. Они были расселены среди иноязычного населения на огромной территории от города Красновишерска на севере Пермской области до Коканда в Узбекистане, от Гурьева в Западном Казахстане до Прокопьевска в Кемеровской области, где попали в совершенно другие климатические и бытовые условия, чем те, к которым они привыкли. Грекам пришлось пережить все ужасы спецпоселений и испить до дна горькую чашу обвинений в предательстве»⁸³⁷.

Выселение греков из Балаклавы и окрестных деревень состоялось на рассвете 27 июня 1944 года, и прошло без всяких эксцессов по уже отработанному во время депортации крымских татар сцена-

⁸³⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 1. Беседа с Константином Демьяновичем Апостолиди (1920–1999). Л. 3.

рию. Недоумевающих людей поднимали с постелей и, зачитав скороговоркой постановление ГКО от 2 июня 1944 года, приказали собираться в дорогу. Время на сборы определял, как правило, старший группы НКВД: он мог дать час, а мог и сразу же после формально составленной описи имущества (часто и без этого) выставить семью за дверь. В среднем, из расчета на одного человека, можно было брать с собой 10–15 кг вещей и продуктов. Но даже разрешенное к отправке имущество мог взять далеко не каждый, а те, у кого на руках были грудные младенцы и маленькие дети, больные и немощные старики, — и того меньше. Иностранно-подданным обыкновенно выдавались расписки о принятом у них имуществе, представлявшие собой обыкновенный листок бумаги с описью, написанной карандашом, и фамилией составившего этот «документ»⁸³⁸. При этом цинично заявлялось, что по прибытии на место поселения им выдадут новое имущество и обеспечат всем необходимым. Среди выселяемых греков были люди, которые второй раз в жизни теряли свое жилье и имущество.

Выселение же греков из Севастополя затянулось, без малого, на сутки, и было полно драматических событий. От 110 000 чел. довоенного населения Севастополя, в июне 1944 года в городе осталось около 3 000. Из более чем 1.000 домов государственного жилого фонда уцелело около 10–12, а из 5 000 частных домов — не более 300⁸³⁹. Население города, объединившись иногда по нескольким семьям, ютилось по подвалам разрушенных зданий и в уцелевших домах частного сектора. Несмотря на то, что списки лиц, предназначенных к выселению, были составлены заранее, многие из них отсутствовали по указанным в них «временным адресам». На рассвете 27 июня ничего не подозревавших людей стали выискивать по развалинам и, объявив, что они подлежат выселению в другие районы СССР, рассаживать по машинам. Операция по выселению затянулась до вечера, а фактор неожиданности утратил всякий смысл. Старшие

⁸³⁸ Подобные расписки сохранились у С.Г. Андреади, Е.П. Гинали, Е.Д. Папаниколаки, Д.И. Попандопуло. — Мосхури И.В. Ксерокопии документов, выявленных во время полевых исследований 1990–1997 гг. Папка № 2. Л. 3–6.

⁸³⁹ Ванев Г.И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983: Справочник. — Симферополь: Таврия, 1983. С. 134; ПКО КПУ, ф. 35, Оп. 1, д. 266, л. 2–4.

групп торопили солдат и подгоняли людей, что создавало нервную обстановку.

По официальным сводкам и донесениям, по постановлению ГКО, из Крыма было выселено 15 040 греков – подданных СССР, которых направили в Башкирию, Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области РСФСР, а также в Гурьевскую область Казахской ССР. Депортированные из Севастополя и Балаклавы греки были расселены, главным образом, в спецпоселениях, находившихся на территории Башкирской АССР, Молотовской и Свердловской области. Всех иностранно-подданных греков (3 531 чел.) отправили на поселение в сельскую местность Ферганской области Узбекской ССР⁸⁴⁰.

По фронтам издавались специальные приказы об увольнении из рядов Красной Армии греков, проживавших до призыва в армию в Крымской АССР, и направлении их к местам спецпоселения. Этой участи подверглись, в первую очередь, рядовой и сержантский состав, а так же большинство младших офицеров. Старших офицеров, не являвшихся политработниками, как правило, не увольняли, и они продолжали воевать на фронте. Старшие же офицеры-политработники подлежали обязательному увольнению и направлению на спецпоселения. У бывших фронтовиков изымались военные билеты, взамен которых им выдавались справки. Им запрещалось ношение погон, наград, огнестрельного и холодного оружия⁸⁴¹.

Остававшиеся на службе в Красной Армии греки, после демобилизации также направлялись в места спецпоселения их семей, что продолжалось вплоть до разгрома Японии. В соответствии с директивой НКВД «О соединении разрозненных семей крымских болгар, греков и армян», около 600 военнослужащих-греков после демобилизации и возвращения к семьям были тут же причислены к спецпереселенцам.

Правовой статус греков, депортированных из Крыма, определило постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпоселенцев», подписанное В.А. Молотовым⁸⁴². Поль-

⁸⁴⁰ Земсков В.Н. Указ. соч., С. 73.

⁸⁴¹ Там же, С. 74.

⁸⁴² Там же, С. 74.

зуюсь всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, оговоренных данным постановлением, все без исключения трудоспособные спецпоселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом. За нарушение трудовой дисциплины виновные привлекались к ответственности в соответствии с действовавшим в то время законодательством. Никто из депортированных не имел права отлучаться за пределы района поселения без разрешения спецкомендатуры НКВД, обслуживавшей данный район. Самовольная отлучка рассматривалась как побег, и влекла за собой уголовную ответственность. Главы семей обязаны были в трехдневный срок сообщать спецкоменданту обо всех изменениях, произошедших в составе семьи, – о рождении детей, смерти члена семейства, побеге.

Местные жители были умышленно дезинформированы властями в отношении спецпоселенцев: их уверяли, что сюда прислали изменников Родины, фашистских пособников. Понадобилось время, чтобы простой народ смог разобраться в этой ситуации и определить свое отношение к депортированным. По свидетельствам бывших спецпоселенцев С.П. Андреади (род. в 1917 году), Д.Н. Валсамаки (род. в 1929 году), В.П. Василькиоти (род. в 1925 году), К.П. Каликаки (род. в 1931 году), Е.И. Попандопуло (род. в 1925 году) и других⁸⁴³, отношение местного населения к депортированным из Крыма грекам было в целом доброжелательным.

В тяжелейшем положении оказались греки, попавшие на спецпоселение в Сибирь и на Урал. Смена климата, суровые морозные зимы, отсутствие медицинской помощи вели к массовым заболеваниям и смертности. Прибывшие в Узбекистан страдали и умирали от малярии, к которой у местных жителей был иммунитет. Привыкшим к чистой питьевой воде, грекам приходилось пить воду из оросительных арыков и каналов, поскольку другой воды в сельской местности практически не было. С момента выселения из Крыма в 1944 году до конца 1948 года численность греков, находившихся на спецпоселении, продолжала неуклонно снижаться. Смертность в греческих семьях в этот период превышала рождаемость в 6,8 раз⁸⁴⁴.

⁸⁴³ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 1. С. 1–23; Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 6. С. 6–31.

⁸⁴⁴ Земсков В.Н. Указ. соч., С. 75; ЦГАОР, ф. 9479, Оп. 1, д. 436, лл. 14–15, 106.

При выселении из Крыма имели место случаи, когда одни члены семьи, являвшиеся иностранными подданными, направлялись на спецпоселение в Среднюю Азию, в то время как другие, советские подданные, на Урал или в Сибирь. В связи с этим, 9 августа 1944 года вышла директива НКВД СССР «О соединении разрозненных семей крымских болгар, греков и армян». Обучение греческих детей в школах на спецпоселении в РСФСР осуществлялось на русском языке. В куда более худшем положении оказались греки, выселенные в Среднюю Азию и Казахстан, – их детям, чаще всего, приходилось довольствоваться обучением в узбекских и казахских школах на местных национальных языках.

С 1944 по 1948 год с мест спецпоселения бежали 8 692 чел.; к концу 1948 года удалось задержать 6 295 чел., из них 2 645 чел. были привлечены к уголовной ответственности. В числе беглецов был Анатолий Андреевич Андруцаки (род. в 1929 году), оставивший в августе 1944 года место спецпоселения в Свердловской области и вернувшийся в сентябре на прежнее место жительства в Балаклаву. В ту пору ему было 15 лет. «Первым делом я решил зайти в наш дом, – рассказывал он о своем возвращении. – Дверь оказалось изнутри не запертой. Я зашел внутрь, встал у порога и стал осматриваться по сторонам: вся наша мебель была на своих местах. Мамина швейная машинка, как и прежде, стояла на столе у окна, а на вешалке висел отцовский жакет. Из соседней комнаты вышел мужчина в галифе, по цвету которых было видно, что он сотрудник НКВД, и спросил: «Как ты сюда попал, мальчик?». Я ничего ему не ответил, быстро выскочил на улицу и убежал»⁸⁴⁵.

На рыбацком причале Анатолий Андреевич случайно встретил Степана Дымченко, который забрал его в свою бригаду, членами которой были Павел Леднев, Иван Дулепов, Михаил Куркумели⁸⁴⁶ и Александр Симеринов. В октябре того же года, по совету начальника УВД Балаклавы Новака, Андруцаки получил в Симферополе копию

⁸⁴⁵ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 9. С. 3–4.

⁸⁴⁶ В 1944 году в Балаклаве оставалось несколько этнически смешанных семей, которые не были включены в списки выселяемых из Крыма по национальному признаку, поскольку один из их родителей был этническим русским или украинцем.

Балаклавские греки на спецпоселении в Нижней Туре. На снимке (слева-направо) стоят: Реполов Сергей, Богус Василий, Каликаки Константин Эммануилович, Ватикиоти Николай, Ханджогло Юрий, (неизвестный), сидят: (неизвестный), Арванити Митрофан, Богус Владимир, Каликаки Павел Константинович, Каликаки Дмитрий Дмитриевич. Зима 1944–1945 годов

метрического свидетельства и прописался у Екатерины Симериновой. В июне 1945 года по нелепому случаю он утратил все свои документы – метрическое свидетельство, комсомольский билет, пропуск на въезд в пограничную зону, продовольственные карточки. Новый начальник Балаклавского УВД, хорошо знавший его родителей, дал беглецу 48 часов, чтобы покинуть Крым и отправиться к месту спецпоселения. Он уехал в Севастополь, где на Северной стороне жила сестра его матери, Мария Богатская, урожденная Родо, муж которой был офицером Черноморского флота. Он устроил племянника жены вольнонаемным матросом на буксир.

Осенью 1945 года его неожиданно вызвали в отдел кадров. «Там сидели двое в штатском, – вспоминал Анатолий Андреевич. – На-

На снимке крайний слева – Позианос Константин Элефтериевич, рядом его жена Нина Позианос. Фамилия мужчины, играющего на аккардионе – Гунари. Урал, 1953 год

чальник отдела кадров представил меня: «Андруцаки». Меня взяли под руки и вывели во двор, где стояла машина, посадили в нее, привезли в Балаклавское УВД, обыскали и посадили в камеру. Через неделю перевели в севастопольскую тюрьму, а оттуда, недели через две, – в симферопольскую. Там продержали неделю, затем выдали паек на двое суток, посадили в «столыпинский вагон» (специальный вагон для перевозки заключенных. – И.М.) и этапировали в Москву. В Москве пересадили в другой «столыпинский вагон» и повезли в Свердловск. Я был одет в матросские брюки, легкую рубашку, на ногах – простые парусиновые туфли, а в Свердловске уже была зима, стояли морозы»⁸⁴⁷.

В феврале 1946 года, после двухмесячного пребывания в свердловской тюрьме, А.А. Андруцаки в числе семи арестантов отправили

⁸⁴⁷ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1995 года. Полевая тетрадь № 9. С. 6–8.

в Сербианку – штрафной поселок для беглых. От станции до поселка их вели километров 20 пешком под конвоем с собаками. В свердловской тюрьме заключенные дали Анатолию Андреевичу поношенную телогрейку и старенькую шапку, но и это не спасало от стужи⁸⁴⁸. В штрафном поселке насчитывалось до 30 домов, за которыми тянулся один длинный барак, где жило около 10 иностранноподданных болгар. В доме на окраине жил комендант. Работать приходилось на лесозаготовках. Выполнявшие производственную норму могли рассчитывать на получение 500 гр. хлеба, скудного обеда из двух блюд и каши на ужин. Не выполнявшие нормы довольствовались 300 гр. хлеба и чаем без сахара⁸⁴⁹. Объем выполненной работы фиксировал учетчик. Норму могли выполнить далеко не все, те же, кто ее выполнял, быстро теряли силы. Чтобы выжить, арестанты помогали местным жителям по хозяйству, за что те давали им хлеб и картошку⁸⁵⁰. Лишь в июле 1947 года Анатолий Андреевич был отправлен в Верхнюю Туру, где находилась на спецпоселении его семья.

Принятый 26 ноября 1948 года Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны», устанавливал, что выселенные во время войны из Крыма переселены на спецпоселение *навечно*. Мерой наказания за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения определялось 20 лет каторжных работ. Лица, виновные в укрывательстве беглых спецпоселенцев, способствовавшие их побегу или выдавшие им разрешение на возвращение в места прежнего жительства, а также лица, оказывавшие им помощь в устройстве в местах их прежнего жительства, подлежали лишению свободы сроком на 5 лет.

⁸⁴⁸ Там же, С. 8–10.

⁸⁴⁹ По словам А.А. Андруцаки, ежедневно приходилось пилить деревья под корень, очищать стволы и отсекал на них сучья, пилить стволы на поленья длиной 1 м 20 см и складывать их в поленицу. Набор инструмента состоял из лучковой и двуручной пилы, топора и деревянной лопаты, а ежедневная производственная норма на одного человека составляла 5 куб. м. Двоим арестантам до обеда удавалось спилить лишь 2 ствола, срубить и сжечь сучья и выполнить 0,5 нормы на человека, а к вечеру сложить всего 2 куб. м поленицы. – Там же, С. 10–11.

⁸⁵⁰ Там же, С. 10–11.

На снимке (слева-направо): Страти С.Х., Кумбарули К.Н., Каликаки П.К., Ватикиоти В., Леднев Ю.И. Фотография 1957 года

Со всех спецпоселенцев, являвшихся гражданами СССР, были взяты расписки об ознакомлении с этим Указом. Лишь иностранноподданные греки, выселенные из Крыма «до окончания войны», не были с ним ознакомлены⁸⁵¹. Представитель Греции в Организации Объединенных Наций пытался добиться от В.А. Молотова объяснений по поводу массовой депортации греков в СССР, и получил грубую отповедь: «Мы ни перед кем не отчитываемся о том, что делаем в нашей стране»⁸⁵².

Выселение в 1944 году из Севастополя татар, армян, болгар и греков повлекло за собой этнодемографические изменения в составе

⁸⁵¹ Земсков В.Н. Указ. соч., С. 75–76.

⁸⁵² Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950 годы). – М.: ИНСАН, 1999. С. 49.

ве его постоянного населения. Разрушенный в годы Великой Отечественной войны город восстанавливала вся страна. Сюда прибывали строители, рабочие и специалисты из самых различных районов СССР, восполняя, таким образом, погибшее в дни обороны и период немецко-фашистской оккупации население города и заменяя собой живших здесь до депортации 1941 и 1944 гг. крымских немцев, татар, армян, болгар и греков. Таким образом, в послевоенные годы заново сформировался этнический состав населения Севастополя, в котором теперь доминировали переселенцы из различных городов и областей России и Украины, влившиеся после восстановления города в число его постоянных оседлых жителей⁸⁵³.

В первые послевоенные годы были предприняты кардинальные меры по изменению топонимики Крыма. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 619/3 от 21 августа 1945 года «О переименовании сельских Советов и населенных пунктов Крымской области» были переименованы: Кадыковский сельсовет – в Пригородненский и селение Кадыковка в Пригородное, Камарский сельсовет – в Оборонновский и селение Камары в Оборонное, Караньский сельсовет – во Флотский и селение Карань во Флотское, Скульский сельсовет – в Родниковский и селение в Родниковое⁸⁵⁴.

В 1947 году, «учитывая происшедшие изменения в составе населения, а также идя навстречу пожеланиям трудящихся и общественных организаций», Севастопольский городской Совет народных депутатов принял решение о переименовании улицы Греческой в улицу Партизанскую, а место, по которому проходил Греческий переулок, со временем было отведено под территорию нового колхозного рынка.

Считается, что в послевоенном Севастополе оставалось не более 20 жителей греческой национальности, не выселенных в 1944 году из Крыма. В основном, это были лица, состоявшие в межнациональных браках, и те, кто вынужденно изменил свою националь-

⁸⁵³ 17 декабря 1948 года, например, в Севастополь прибыли два эшелона, доставившие 1450 молодых рабочих из Запорожья, Киева, Владимира, Рязани, Калинин (ныне – Тверь), Вологды и Великих Лук. – См.: Красный Крым. – 1948. – 19 декабря.

⁸⁵⁴ Кравцова Л.П., Гарагуля В.К., Гурбова Л.В., Каркач Е.В. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. / Справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. С. 400.

ность еще в довоенные годы. Полагаясь на данные опроса севастопольских старожилов и самих греков, можно заключить, что число таких жителей было несколько большим⁸⁵⁵. Известны, в частности, случаи возвращения в послевоенный Севастополь греков, имевших на руках реэвакуационные удостоверения. В августе 1944 года, например, в Управление врачебно-санитарной службы Сталинской (ныне Приднепровской) железной дороги прибыл бывший руководитель санитарно-медицинской дружины станции Севастополь М.М. Скуляри, находившийся после эвакуации раненых в городе Алма-Ате (Казахстан), и имевший на руках реэвакуационное удостоверение. Он вернулся с семьей в Севастополь, где до 1955 года работал в должности главного врача (учмеда) железнодорожного транспортного участка Севастополь – Сирень⁸⁵⁶.

В 1956 году депортированные из Крыма греки были освобождены со спецпоселений, при этом каждый из них давал подписку в том, что он не имеет претензий к конфискованному у него во время выселения в 1944 году имуществу, имеет право жить в любом регионе СССР, кроме Крымской области. Указом Президиума ВС СССР от 5 сентября 1967 года с греков было снято обвинение, предъявленное им в годы войны и послужившее основанием для депортации из Крыма. Однако право на возвращение в Крым и Севастополь на деле оказалось лишь в тексте Указа. Закрытые постановления, последовавшие затем из Москвы, позволили чиновникам на местах воспрепятствовать возвращению на прежнее место жительства лиц греческой национальности. Несмотря на это, в конце 1960-х начале 1970-х годов в Севастополь смогло вернуться, прописаться и трудоустроиться, преодолев при этом все бюрократические препоны, более 50 человек. Кроме того, численность греческого населения города возрастала за счет греков, проживавших ранее в других регионах СССР, которые не подверглись депортации.

⁸⁵⁵ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1991 года. Полевая тетрадь № 2. С. 3, 11, 20–23, 27, 29, 32–33; Там же, Полевая тетрадь № 3. С. 1, 3–5; Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 9. Л. 17.

⁸⁵⁶ Мосхури И.В. Материалы полевых исследований 1997 года. Полевая тетрадь № 9. Л. 7–8. М.М. Скуляри был награжден медалью «За оборону Севастополя», а в послевоенные годы – орденом Ленина.

На снимке (справа-налево): Андруцаки Анатолий Андреевич, Констанди Сергей, Кумбарули Николай. Севастополь, 1963 год

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГРЕЧЕСКОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА «ХЕРСОНЕС»

В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI века

Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» были восстановлены права всех советских народов, подвергшихся репрессиям, в том числе и греков. Несмотря на это, положение с пропиской в Севастополе, являющимся главной базой Черноморского флота, в отличие от других городов Крыма, не изменилось, и получить ее человеку с паспортом, в 5-ой графе которого (национальность) указывалось, что он этнический грек, было практически невозможно. От возвращавшихся на родину из мест депортации греков требовали документального подтверждения факта выселения в 1944 году их родителей или их самих из Севастополя. Следует отметить, что данное требование не распространялось на представителей других этнических групп, например, русских или украинцев, пожелавших жить в Севастополе, – их без каких-либо проблем прописывали в городе на общих основаниях. Ограничение в прописке греков долгое время оставалось в силе и после распада в 1991 году СССР.

До войны по переписи 1939 года в Севастополе и его селах проживало 2 614 греков. Страшная депортация 1944 года снизила эту цифру почти до нуля. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года в Севастополе проживало 186 греков, в Крыму – 2 798 человек. Согласно переписи населения 2001 года в Севастополе было 242 грека, в Крыму – 2 795, в Украине – 91 548 человек. Во время переписи 2014 года в Севастополе греками назвали себя 231 человек⁸⁵⁷. К этому числу относятся также лица греческого происхождения, ставшие в силу известных обстоятельств «русскими», «украинцами», но записавшиеся во время переписи «греками». В то же вре-

⁸⁵⁷ Население Крымской области по данным переписи населения (справочный материал). – Симферополь, декабрь 1989. С.7.

мя, в это число не вошли этнические греки, еще не получившие постоянной прописки в Севастополе, а также дети из этнически смешанных семей, не достигшие к моменту переписи населения 16-летнего возраста и не воспользовавшиеся данным им законодательством правом выбора национальности при получении паспорта.

В 1989 году в Москве было зарегистрировано Московское Общество Греков, появление которого положило начало подъему и возрождению греческого национального движения в СССР. В 1990 году были образованы греческие общества в Новороссийске, Анапе, Пятигорске, Керчи и в других городах, где компактно проживало греческое население. С 29 по 31 марта 1991 года в городе Геленджике проходил Первый (учредительный) Всесоюзный съезд греков СССР, а затем было зарегистрировано Всесоюзное Объединение Греков «Понтос», имевшее многочисленные отделения, в том числе и в Крыму.

Инициаторами создания общества греков в Севастополе были член Московского общества греков И. Мосхури и жители Севастополя Т. Киндюк и И. Куко. 28 августа 1991 года с целью возрождения культурных традиций и родного языка было образовано Севастопольского греческое культурно-просветительное общество, ставшее первым национально-культурным объединением в Севастополе. Эмблему общества создал известный московский художник-полиграфист, график, скульптор и дизайнер Андрей Дмитриевич Бисти – сын уроженца Балаклавы, советского графика, народного художника РСФСР, действительного члена и вице-президента Академии художеств СССР Дмитрия Спиридоновича Бисти (1925–1990). Первым и до 2007 года бессменным председателем которого общества был избран А.П. Нефериди (25.12.1940 – 24.05.2014).

Александр Пантелеевич Нефериди родился 25 декабря 1940 года в городе Феодосии, откуда в 1944 году его семья была депор-

ДЕКЛАРАЦІЯ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
ДЕКЛАРАЦІЯ ВЕРХОВНАГО СОВЕТА ССРСР
СССР ОЛИВ СОВЕТНИИГ ДЕКЛАРАЦІЯСІ
СССР ЖОГАРГМ СОВЕТИИГ ДЕКЛАРАЦІЯСІ
ДЕКЛАРАЦІЯИ СОВЕТИ ОЛИВ ССРСР
УИДІР ЧЕРЦІ-ОЛІВІСІ УИЧІСІР ЧЬЧІЦІР-ОЛІВІСІ
СССРІ ЕКАРМ СОВЕТИИИГ ДЕКЛАРАЦІЯСІ
TSRS AUKSCIAUSIOSIOS TARYBOS DEKLARACIJA

ДЕКЛАРАЦІЯ СОВЕТУДІИ СПРЕМ АЛ УИИИИИ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES DEKLARĀCIJA
СССР ЖОГАРГМ СОВЕТИИИГ ДЕКЛАРАЦІЯСІ
ДЕКЛАРАЦІЯИ СОВЕТИ ОЛИВ ССРСР
УИДІР ЧЕРЦІ-ОЛІВІСІ УИЧІСІР ЧЬЧІЦІР-ОЛІВІСІ
СССРІ ЕКАРМ СОВЕТИИИГ ДЕКЛАРАЦІЯСІ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU DEKLARATSIOON

ДЕКЛАРАЦИЯ

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

О ПРИЗНАНИИ НЕЗАКОННЫМИ И ПРЕСТУПНЫМИ
РЕПРЕССИВНЫХ АКТОВ ПРОТИВ НАРОДОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ
НАСИЛЬСТВЕННОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ, И ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ ПРАВ

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забыть нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

*Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года
«О признании незаконными и преступными репрессивных актов
против народов, подвергшихся насильственному переселению,
и обеспечении их прав»*

Первые члены Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес». Севастополь, 1992 год

тирована в Узбекскую ССР. В 1955 году он окончил Кокондский нефтяной техникум, после чего с 1959 по 1963 год проходил службу в рядах Советской Армии. Демобилизовавшись Александр Пантелеевич поступил в Ташкентский политехнический институт, а в 1970 году окончил Московский ордена Ленина авиационный институт им. Серго Орджаникидзе по специальности радиотехника. С 1973 года работал в Севастополе инженером-регулирующим радиоэлектронной аппаратуры и приборов на военных кораблях.

Возглавив в 1991 году Севастопольское греческое культурно-просветительное общество «Херсонес», Александр Пантелеевич организовал курсы изучения греческого языка для всех желающих, а впоследствии добился преподавания в школе № 38 греческого языка как второго иностранного.

В сентябре того же года при обществе открылись курсы новогреческого языка при созданной воскресной школе. В 1992 году на се-

*Участники и участницы образовательной программы
«Звездочки Херсонеса». Севастополь, 2001 год*

минар по подготовке учителей новогреческого языка, который ежегодно в рамках Всесоюзного Объединения Греков «Понтос», которые проводила профессор доктор филологических наук М.Л. Рытова, от Севастопольского общества греков была направлена В.П. Ляхова, урожд. Нефериدي.

Со временем учащиеся воскресной школы стали участвовать во Всекрымских олимпиадах по новогреческому языку, истории и культуре Греции и Всеукраинских олимпиадах в Мариуполе, занимая на них достойные места. В 1995 году под руководством Марии Нефериدي был создан детский фольклорный хореографический ансамбль, принимавший участие в городских мероприятиях.

Большим достижением Греческого общества стало то, что с 1998/99 учебного года новогреческий язык начали изучать как второй иностранный язык в средней школе № 38. Ее учащиеся под руководством учителя-методиста В.П. Ляховой добились больших успехов в изучении языка, истории и культуры Греции. Благодаря Обще-

ству школа обеспечивалась всеми учебными пособиями. Школьники – победители олимпиад не раз награждались путевками на отдых в Грецию. Огромной заслугой А.П. Нефериدي, В.П. Ляховой и Греческого общества было создание уникальной в Украине образовательной программы «Звездочки Херсонеса». Она была поддержана Международным фондом «Возрождение» и впервые осуществлена в августе 2000 года.

Три недели в Севастополе, в лагере на берегу моря, дети разных национальностей из многих городов Крыма изучали новогреческий язык, историю и культуру Греции, совмещая отдых с образованием. Они также обучались танцам, песням, художественным ремеслам. Успешно контактируя с международными организациями, Греческим консульством и частными лицами В.П. Ляхова и А.П. Нефериди смогли изыскать спонсорские средства. Благодаря этому проект «Звездочки Херсонеса» реализовывался семь раз.

В ноябре 2004 года «Звездочки» были приглашены на 10 дней в Грецию, где они представили свою программу. Успех был необыкновенный! Их выступление, записанное на диск, распространялось по всей Греции. Один из греческих журналов широко освещал образовательные программы Севастопольского общества.

С 1997 года Севастопольское общество греков стало выпускать газету «Χερσονησος» (на русском языке), которую издавал в своем частном издательстве А.П. Нефериди ЧП «Стрижак – Пресс». Газета выходила небольшим тиражом один раз в квартал и распространялась бесплатно между севастопольцами и жителями города греческого происхождения.

В рамках проведения Дней греческой культуры в Украине 6–30 сентября 1998 года Александр Пантелеевич принимал активное участие в подготовке выступления в Севастополе греческой певицы Димитры Галани и греческого хореографического коллектива «Ликийон Эллинидион» из города Каламата. Представляя А.П. Нефериди собравшимся перед началом концерта заведующий отделом культуры Севастопольской городской государственной администрации назвал его «первым греком Севастополя» и поблагодарил за помощь, оказанную им и обществом греков в подготовке и проведе-

Выступление председателя Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес» А.П. Неферида перед началом выступления хореографического ансамбля «Ликий Эллиндион» (г. Каламата, Греция) в Доме офицеров Краснознаменного Черноморского флота Российской Федерации 27 сентября 1997 года

нии этого важного международного культурного мероприятия в Севастополе.

При поддержке государственной администрации города Обществу в январе 2000 года было выделено нежилое пустующее помещение по улице Годлевского, 16. До революции дом этот принадлежал севастопольскому греку Стилиди. Потребовался значительный капитальный ремонт и активное участие в строительных работах многих членов Общества, чтобы это помещение превратилось в благоустроенный, уютный и красивый Греческий культурный центр. С этого времени здесь ежегодно стали проходить засе-

дания правления общества, проводятся торжественные мероприятия, отмечаться праздники – День независимости Греции и День охи, неприменным участником которых был почетный член общества контр-адмирал Евгений Георгиевич Халайчев (26.04.1951 – 17.11.2017), – истинный патриот России, всю свою жизнь посвятивший служению Отечеству.

Общество практиковало выезды для отдыха на природу, выбирая при этом места, связанные с историей греков Крыма. В 1999 году активисты Севастопольского общества греков совместно с активистами Бахчисарайского районного общества греков посетили село Высокое Бахчисарайского района (бывш. Керменчик). После осмотра и знакомства с его древними памятниками был организован пикник на природе, в ходе которого греки из Севастополя, Бахчисарая и Бахчисарайского района ближе узнали друг друга, подели-

Контр-адмирал Е.Г. Халайчев (слева) и А.П. Неферида (справа) в офисе Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес». Севастополь, 2004 год

Члены Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес» у церкви св. апостола и евангелиста Луки в греческой деревне Лаки, сожженной фашистами в 1943 году

лись опытом проведения культурно-массовых мероприятий и насущными проблемами.

Ежегодно 3 июня все желающие члены Севастопольского общества участвуют в празднике свв. Константина и Елены в греческом селе Чернополье (бывш. Карачоль) Белогорского района, на который съезжаются представители от всех греческих обществ Крыма. Наряду с этим общество принимает участие и в престольном празднике свв. Константина и Елены в селе Флотское (бывш. Карань) Балаклавского района.

Надо отметить, что председатель Общества А.П. Неферида сумел наладить хорошие связи с Федерацией греческих обществ Украины (председатель А.И. Проценко-Пичаджи) и Таврическим центром эллинистики «Эльпида» (председатель С.А. Лазариди), благодаря

которым удалось отправить на отдых в Грецию значительное число севастопольских греков-пенсионеров.

В 2005 году Общество провело большую работу по размещению в Севастополе приехавшей делегации в составе 200 человек представителей Федерации греческих обществ Украины во главе с председателем А.И. Проценко-Пичаджи. Во время этой поездки, посвященной 225-летию переселения крымских греков в Приазовье, делегация объехала все села Крыма, откуда они были выселены в 1778 году. В связи с этим гости провели в Севастополе грандиозный фестиваль «Мега Юрты». Он имел огромный успех.

Общество всегда с радушием и гостеприимством встречало различные делегации и отдельных гостей из Греции. Очень ярко прошла в зале Дворца детства и юности встреча с ансамблем танца и мэром небольшого старинного греческого городка Птолемида

В древней церкви свв. Константина и Елены в селе флотское (бывш. Карань). Слева-направо: К.С. Будыка, протоиерей Георгий Дарий, архимандрит Нектариос, М.А. Неферида, А.П. Неферида

(Птолемаис). Тепло встретили и делегацию общества имени Ламброса Качониса (Ламбро Качиони) из небольшого городка Левадия во главе с мэром. Весело, хлебосольно, с песнями и танцами прошло застолье совместно с экипажами военных моряков Греции. Они находились в Севастополе на обучении и принимали десантные корабли на воздушной подушке типа «Зубр».

Члены Общества сопровождали в экскурсионной поездке большую делегацию из Афин (около 100 священников) во главе с архимандритом Нектариосом. В большом зале Городского делового и культурного центра хор священников исполнял старинные византийские песнопения, которые произвели большое впечатление на севастопольцев. Помогли также и делегации Общества отставных греческих офицеров, которые приехали собирать материалы о греках – участниках войн на стороне России.

В 2006 году в издательстве А.П. Неферида была издана книга И.В. Мосхури «Греки в истории Севастополя: часть первая (конец XVIII–XIX вв.)». В книге подробно изложена этносоциальная история города на примере одной наиболее многочисленной этнической группы его постоянного населения – греков, освещен их вклад в развитие Черноморского флота, экономики и культуры, представлены биографии выдающихся севастопольских греков, их участие наравне с русскими моряками в русско-турецких войнах, первой обороне Севастополя 1854–1855 годов, Пер-

*Яннис Николопулос,
президент Фонда греческих исследований, доктор философии
на презентации книги И.В. Мосхури в Афинах (Греция)*

родском доме культуры, на Приморском бульваре, в селе Флотском. В 2008 году ансамбль блестяще выступил в большой концертной программе на территории заповедника «Херсонес Таврический» на праздновании Дня славянской письменности и культуры. На земле древнего Херсонеса «Панаир» показал яркие зажигательные танцы и песни мариупольских греков.

Будучи частным предпринимателем, Константин Спиридонович участвовал в реставрации церкви свв. Константина и Елены в селе

вой мировой и Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

В 2007 году на общем собрании новым председателем правления и Севастопольского общества греков был избран Константин Спиридонович Будыка. В период его руководства обществом был осуществлен совместный проект «Карань – Мост дружбы», в соответствии с которым Севастополь дважды посещала делегация греков из села Гранитное (бывш. Старая Карань) Тельмановского района Донецкой области Украины, предки которых до переселения в 1778 году из Крыма в Приазовье жили в крымском селе Карань (ныне с. Флотское Балаклавского района). Делегацию возглавлял гранитненский сельский голова Л.Н. Хайтулов. В 2006 и 2008 годах в составе делегации приезжал народный ансамбль греческой песни и танца «Панаир» (руководитель К.П. Хайтулов), выступавший перед широкой аудиторией с концертами в Балаклаве, в Севастопольском го-

Флотском (бывш. Карань) Балаклавского района, время строительство которой археологи и историки относят к концу XIV – началу XV века, на протяжении многих лет являлся ее старостой.

В 2007 году в виноградниках близ села Флотское севастопольским травником Н.М. Иващенко был найден фрагмент памятника герою обороны Севастополя 1854–1855 гг. командиру роты Балаклавского греческого пехотного батальона капитану Стефану Михайловичу Стамати (1800–1871). О своей находке он сообщил Севастопольскому греческому обществу, и с того времени греков не оставляла мысль о восстановлении надгробия на могиле героя. Инициатором этого благородного и важного дела выступил активнейший член общества Александр Григорьевич Крыва-Апазиди. Им был открыт специальный расчетный счет, собраны необходимые средства, и 17 февраля 2013 года на деревенском кладбище села Флотское состоялось открытие нового надгробного памятника, жертвования на который внесли читатели газеты «Русичи» и активисты Севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес»: В.В. Джамаль, Н.Н. Целио, А.Г. Крыва, О.И. Андрияс, В.И. Арабаджи, А.А. Леонова, А.И. Трикмениди, Г.К. Чанахчиди, А.Г. Андриец, А.С. Склоуно, Н.П. Гаврилов, С.М. Жидков, Н.А. Румянцева, М.С. Гирштейн, С.И. Соколовская, С. Янопулос, Е. Масалькина, В. Винчикова, Х. Юргос, В. Константинов. Известный в Севастополе архитектор Г.С. Григорянц сделал проект памятника, который мастера из «Каменотеса» воплотили в реальность с включением в общую композицию найденного фрагмента старого надгробия.

В 2010 году Греческое общество совместно с Ассоциацией национально-культурных обществ Севастополя подготовило и провело тематическую встречу с известным режиссером документального кино Христофором Триандафиловым. Его творчество занимало яркую страницу в кинодокументалистике и Советского Союза, и современной России. Были показаны фрагменты его фильмов «Страницы истории греков Причерноморья», «Маэстро Одиссей Дмитриадис», фильма о Гаврииле Попове. При содействии А.Г. Крывы режиссер в Севастополе снимал сюжеты к будущему фильму о Наваринском морском сражении 1827 года. Основные съемки фильма велись

в Греции. К сожалению, смерть режиссера не позволила завершить работу над этой кинолентой.

В 2014 году общее собрание избрало председателем Севастопольского общества греков Александра Григорьевича Криву-Апазиди – одного из наиболее активных и уважаемых общественных деятелей, состоявшего до этого членом Правления общества. С 1997 года Александр Григорьевич являлся общеизвестным редактором и неизменным ведущим греческой радиопередачи Севастопольского городского радио «Ясас», выходявшей в эфир один раз в месяц и вещавшей о всех важных событиях в истории Греции и греков Севастополя и Крыма, о новостях в жизни Севастопольского греческого общества, о праздниках и знаменательных датах. За весомый вклад в пропаганду и развитие греческой культуры через средства массовой информации в августе 2001 года Александри Григорьевич в числе десяти номинантов из греческих диаспор Австралии, Канады, Европы и Российской Федерации был награжден почетным дипломом в номинации «Лучшая греческая радиопрограмма 2000 года», подписанным министром культуры Греции Димитрисом Репасом. Диплом в торжественной обстановке вручал президент Греции Константинос Стефанопулос. В 2012 году за большую многолетнюю творческую работу по выпуску ярких и талантливых радиопередач, служащих делу сохранения культурного наследия греческого народа в Севастополе, А.Г. Грыва был удостоен диплома лауреата городского Форума «Общественное призвание».

27–29 сентября 2014 года на базе Севастопольского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, при участии Центра греческих исследований им. В.Х. Кондараки, прошла Международная научно-практическая конференция «Греки и оборона Севастополя 1854–1855 гг.», приуроченная к 160-летию начала первой героической обороны города. Спонсорами конференции выступили АГООР, фонд И.И. Саввиди, МОО Общество греков «Горгипия» в лице председателя А.Г. Попандопуло, В.С. Асланов, А.К. Папаниколаки, А.И. Трикмениди. В конференции приняли участие историки и исследователи из России, Украины и Греции. При подведении итогов конференции было принято решение: восстановить памят-

А.Г. Крыва-Апазиди берет интервью для греческой радиопередачи Севастопольского городского радио «Ясас»

ники Греческому Императора Николая I легиону волонтеров и Балаклавскому греческому пехотному батальону.

Проект памятника Греческому легиону императора Николая I был создан еще в 1856 году при участии отставного полковника Азовского казачьего полка, героя севастопольской обороны Аристида Хрисовери (1809–1889). Торжественное открытие памятника состоялось 10 июля 2015 года на Историческом бульваре. Следующей на очереди задачей стоит восстановление мемориала балаклавскому греческому пехотному батальону.

В 2017 году на общем собрании членов Севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес» новым председателем был избран Х.И. Ефимов.

Христофор Иванович Ефимов родился 1 марта 1990 года в городе Ижевске, закончил Пермский гуманитарный колледж по специальности государственное и муниципальное управление. С 2008 по 2009 – служба в Вооруженных силах Российской Федерации. В 2009 году поступил в Санкт-Петербургский университет управления и экономики, который окончил 2012 году по специальности финансы и кредит, после чего работал в банке «Связной» в Санкт-Петербурге. По возвращении в 2014 году в Пермь занимался предпринимательской деятельностью. В 2016 году переехал в Севастополь, где был принят на работу в Департамент архитектуры и градостроительства Правительства Севастополя в должность главного специалиста-эксперта. В том же году вступил в члены Севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес».

Важным событием в жизни греческой диаспоры России стало открытие 25 ноября 2017 года в Геленджике Греческого культурного центра. На это мероприятие были приглашены члены Севастопольского общества греков, посетившие город Геленджик.

7 декабря 2017 года при греческом обществе открылись бесплатные курсы изучения новогреческого языка для всех желающих, независимо от национальной принадлежности. Курсы вела преподаватель новогреческого языка Анастасия Андрейцева, которая на протяжении нескольких лет вела обучение в пяти разновозрастных группах.

8 января 2018 года, в день праздника Рождества Христова, в севастопольском Греческом доме состоялся дебют детского хореографического коллектива «Херсонес».

В ночь с 13 на 14 января в России принято отмечать старый Новый год. На протяжении последних 15 лет Севастопольское греческое культурно-просветительное общество «Херсонес» участвует в многонациональном вечере Ассоциации национально-культурных обществ Севастополя, членом которой является. Праздник называется «Зимние праздники народов Крыма». Его участники знакомят всех со своими новогодними традициями, поздравляют друзей с праздником.

Члены Севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес» на мероприятии Ассоциации национально-культурных обществ Севастополя «Зимний праздник народов Крыма»

19 января того же года греки Севастополя побывали в гостях у греков Ялты. В санатории им. С.М. Кирова состоялось мероприятие, посвященное празднику Богоявление (Феофания) и прошедшим Новогодним праздникам. Греческое общество «Возрождение» в Ялте гостеприимно приняло Севастопольское общество греков «Херсонес». Порадовало подрастающее поколение ялтинских греков: дети подготовили много номеров с танцами, песнями, стихотворениями и игрой на музыкальных инструментах.

Во время приезда, 18 марта 2019 года, президента Российской Федерации В.В. Путина, председатель Севастопольского общества греков «Херсонес» Х.И. Ефимов поблагодарил Президента за неоценимый вклад в развитие двусторонних отношений между Росси-

ей и Грецией. В ответ на это В.В. Путин сказал, что «Россия, в целом, – многонациональная, многоконфессиональная страна. А Крым всегда был таким в доисторические времена, и эту традицию мы, безусловно, будем поддерживать. Это, собственно говоря, особая сила России».

30 марта 2018 года при обществе открылись бесплатные курсы по греческим танцам, которые проходили каждое воскресенье с 14:00 до 15:00 для детей и с 15:00 для взрослых. Занятия проходили в танцевальной студии при Севастопольском государственном университете.

На XVIII Всекрымской Олимпиаде по новогреческому языку, истории и культуре Греции и греков диаспоры, проходившей 21 апреля 2018 года в городе Симферополь, победили Селюнина Юлия (2 место, школа №38), Пантелеева София (3 место, школа №8). Правление общества поздравило преподавателя новогреческого языка Ксению Евглевскую и участниц Олимпиады с заслуженной победой.

28 мая 2018 года состоялась очередная встреча греческого общества «Херсонес» с губернатором города Севастополя Д.В. Овсянниковым. Один из вопросов стоявших на повестке дня, касался развития взаимоотношений между Севастополем и греческими городами с целью установления побратимства. По мнению членов греческого общества «Херсонес», наиболее подходящим для установления таких связей является город (Керкира (Корфу), который в 1799 году освобождали от французов русские моряки, моряки-греки на российской службе и греки-повстанцы под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова, которому благодарными жителями был установлен памятник. На острове Видо, прикрывавшим крепость Корфу с моря, установлен монумент в память русских моряков-десантников и греков-повстанцев, участвовавших при взятии французских батарей. В Керкире стоит памятник Иоаннису Каподистрии (1776–1831) – русскому и греческому государственному деятелю, министру иностранных дел Российской империи (1816–1822) и первому правителю независимой Греции (1827–1831).

В августе 2018 года, в день св. Луки Крымского, Севастопольское греческое общество приняло 30 паломников со всех уголков Гре-

ции, провело для них экскурсию по Херсонесу Таврическому, после чего прошло возложение цветов к памятнику Греческому Императору Николаю I легиону греческих волонтеров на Историческом бульваре. С приветственной речью, обращенной к греческим паломникам, выступил директор мемориального комплекса «Исторический бульвар» Мусиенко Н.И.

18 января 2019 года состоялось второе совещание с губернатором города Севастополя Д.В. Овсянниковым по вопросу международных отношений. В минувшем году поддержку Правительства Севастополя получили три национально-культурных общества, в том числе Севастопольское греческое культурно-просветительное общество «Херсонес» на реализацию проекта «Популяризация греческой истории и культуры «Херсонес – связь времен». Губернатор поручил Департаменту образования оказать содействие греческому обществу в заключении договора с Критским обществом научных исследований «Центр Капсоненоса» (замок Аликнасу, город Ханья, остров Крит).

22 января в Торгово-промышленной палате (ТПП) Севастополя прошел Круглый стол, на котором присутствовали представители общественных некоммерческих организаций, Департамента общественных коммуникаций и Управления министерства юстиции Российской Федерации. Среди наиболее актуальных тем обсуждения были вопросы реализации инновационных проектов, в том числе на партнерской основе со структурами высшего образования города, ресурсными центрами других регионов России, вопрос повышения эффективности реализации Государственной программы Севастополя «Развитие гражданского общества и создание условий для обеспечения общественного согласия в городе Севастополе на 2017–2022 гг.», и развития культурно-организационной общественной жизни города Севастополя в 2019 году. В числе приглашенных был председатель Севастопольского греческого общества «Херсонес» Х.И. Ефимов, который предложил упростить отчетность о субсидировании некоммерческих общественных организаций в нынешнем году. Ресурсный Центр поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций планирует реализовать данное предложение.

Председатель Севастопольского общества греков «Херсонес» Х.И. Ефимов благодарит Президента Российской Федерации В.В. Путина за неоценимый вклад в развитие братских взаимоотношений между Россией и Грецией. Севастополь, 18 марта 2019 года

6 марта 2019 года в рамках перекрестного года языка и литературы России в Греции в стенах Севастопольского государственного университета прошла конференция с участием Севастопольского общества греков. Были достигнуты договоренности об изучении греческого языка на базе университета как третьего иностранного.

С 18 по 20 апреля 2019 года проходил V Ялтинский Международный Экономический форум – ежегодное деловое мероприятие, традиционно проводимое в Республике Крым при поддержке Администрации Президента Российской Федерации. В форуме приняли участие приняли 4,5 тысяч человек из 89 стран мира. Несмотря на то, что ЯМЭФ проходит всего в пятый раз, эксперты предрекают ему значимое место в мировом деловом календаре. В рамках форума был подписан Меморандум о сотрудничестве Греческого комитета друзей Крыма и Севастопольского греческого общества «Херсонес».

12–18 мая 2019 года в городе проходил XV Севастопольский Международный Фестиваль «Победили вместе», объединивший

творческих людей из России и многих зарубежных стран, в том числе Греции. Участников фестиваля принимал город-герой Севастополь – живая память о Великой Отечественной войне. Перед фестивалем стояла задача сохранить эту память, что подтверждает и название: «Победили вместе». В 2019 году фестиваль собрал участников из 32 стран, что говорит о том, какой отклик он находит в профессиональном сообществе. В рамках фестиваля, по инициативе общества греков, одобренной президентом фестиваля, был проведен День греческого кино, на котором были представлены три фильма: «Главный грек Российской империи» Светланы Музыченко (Москва), «Мария Каллас» Хараламбоса Цокиса (Греция) и «Судьба» Татьяны Гагиной (Севастополь).

15 июля 2019 года Правление общества поздравляло со 100-летним юбилеем Георгия Константиновича Чанахчиди (род. в 1919 году) – ветерана Великой Отечественной войны, участника обороны Москвы, штурма Кенигсберга и освобождения Балтийской косы, встретившего День Победы на реке Висла. Георгий Константинович хотел поступать в Тбилисское артиллерийское училище, но в 1939-м его призвали в армию, где он стал одним из лучших радистов, а осенью 1941 года оказался под Москвой в самый переломный момент. «Мы держа-

Георгий Константинович Чанахчиди (род. в 1919 году), ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Москвы, штурма Кенигсберга и освобождения Балтийской косы, член Севастопольского греческого культурно-просветительского общества «Херсонес»

ли оборону под Москвой, и потом нам пришло пополнение из Сибири, сибирские дивизии перебросили под Москву, и 5 декабря мы начали наступать. Мы надеялись, что мы победим, потому что было видно же, видно сначала, как отступали, потом как наступали, как мы брали города», – вспоминает ветеран. После битвы под Москвой полк, в котором служил Георгий Константинович, отправили на Калининский фронт. Потом он участвовал в освобождении Прибалтики, восточной Пруссии, штурме Кенигсберга. За службу Родине Г.К. Чанахчиди награжден орденами «За мужество», Красной Звезды, Отечественной войны II степени, семью медалями, среди которых «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией». В 1946 году Георгий Чанахчиди оставил службу в армии и работал слесарем, после чего поступил в институт рыбной промышленности и до самой пенсии трудился инженером-технологом на рыбопредприятиях Севастополя. Поздравляя со 100-летним юбилеем, Георгию Константиновичу вручили 50 тысяч рублей, переданные ему от президента Федеральной национально-культурной автономии греков России Ивана Игнатьевича Саввиди.

15 августа в Севастопольском греческом обществе «Херсонес» прошло совещание по вопросу про-

У памятника герою боя в Балаклаве 27 сентября 1854 года командира роты Балаклавского греческого пехотного батальона Стефана Михайловича Стамати (1800–1871)

ведения 165-летия боя в Балаклаве 118-и офицеров и солдат Балаклавского греческого пехотного батальона с англо-французским экспедиционным корпусом. В совещании приняли участие заместитель председатель Севастопольского общества греков «Херсонес» Х.И. Ефимов, начальник Управления внутренней политики Правительства Севастополя О.А. Котляров, начальник отдела по делам национальностей и религиозных организаций В.Ю. Колесников, президент фонда содействию развития науки, культуры и кино Одисей Пипия, руководитель Центра греческих исследований им. В.Х. Кондраки И.В. Мосхури. Здесь же было принято решение, при поддержке Правительства Севастополя, подготовить к изданию иллюстрированный исторический очерк «Греки Севастополя и Балаклавы».

27 сентября 2019 года Севастопольское греческое культурно-просветительное общество «Херсонес» при участии Правительства Севастополя провело мероприятие, посвященное 165-летию со дня боя в Балаклаве 118-и офицеров и солдат Балаклавского греческого пехотного батальона с англо-французским экспедиционным корпусом. Было принято решение проводить это мероприятие ежегодно с привлечением широких кругов общественных и молодежных организаций и жителей города.

В 2021 году Севастопольскому греческому культурно-просветительному обществу «Херсонес» исполнится 30 лет. К этой важной дате члены общества готовятся уже сегодня, воплощая в жизнь многие задуманные мероприятия и проекты.

СОДЕРЖАНИЕ

Греки Севастополя и Балаклавы	5
Присоединение Крыма к России в 1783 году, основание города Севастополя и образование местной греческой колонии.	19
Греческая колония севастополя в конце XVIII – первой половине XIX вв	37
Греческая национально-освободительная революция 1821–1827 годов и русско-турецкая война 1828–1829 годов.	57
Греческое население Севастополя и Балаклавы во второй четверти XIX века	63
Восточная (крымская) война и первая оборона севастополя 1854–1855 годов	83
Греческая колония севастополя после крымской войны в эпоху реформ	111
Экономическая, благотворительная, культурная и общественная деятельность греков дореволюционного севастополя (1901–1917)	143
Греки Севастополя и Балаклавы в годы революций и гражданской войны	163
Греческое население севастополя в 1921–1941 годах и его участие в хозяйственном и культурном социалистическом строительстве	179
Великая отечественная война 1941–1945 годов и депортация греков в 1944 году	221
Деятельность севастопольского греческого культурно-просветительного общества «Херсонес» в конце XX – начале XXI вв	239

Краеведческое издание

Мосхури Игорь Валентинович

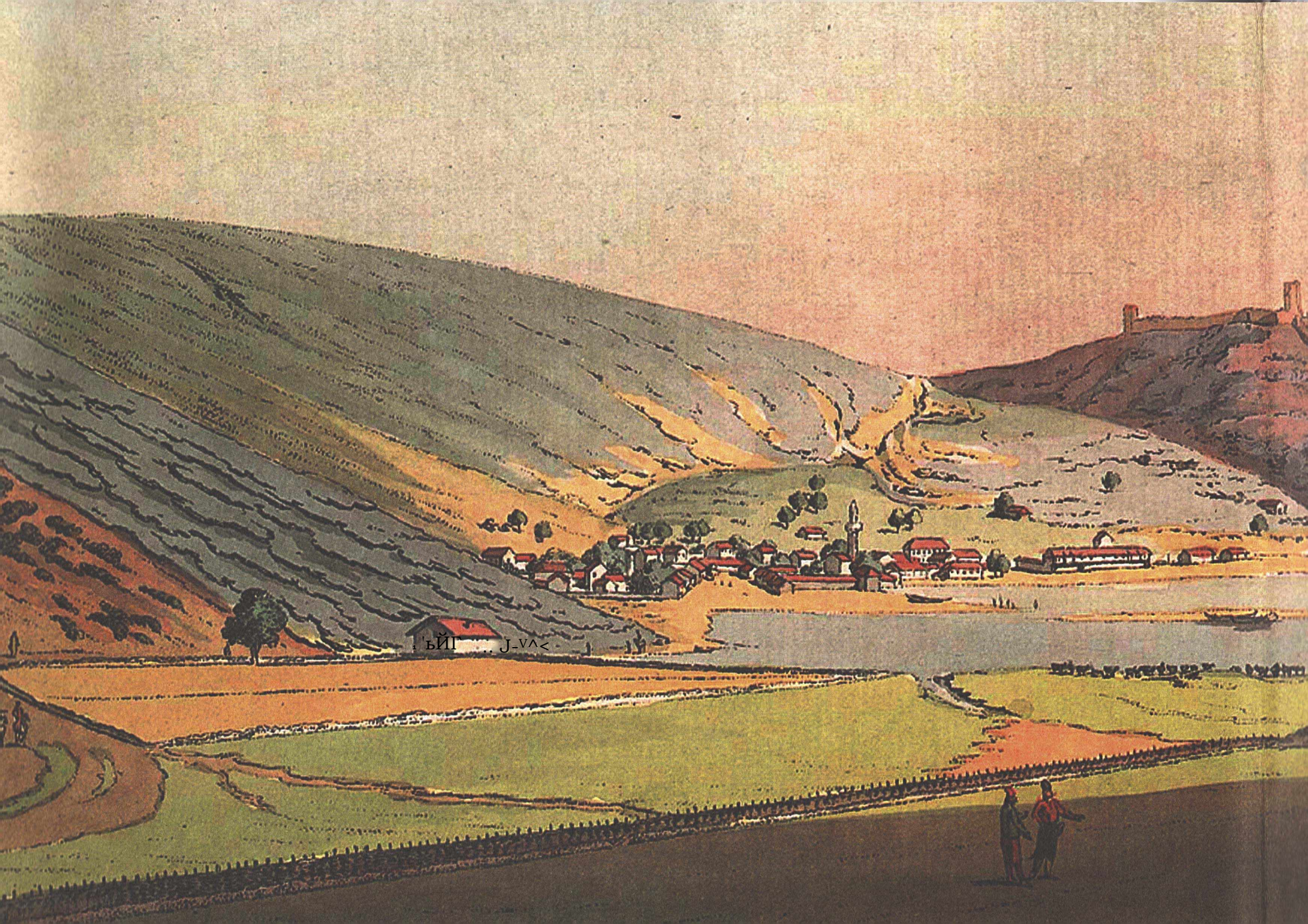
ГРЕКИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ

исторический очерк

Редактор Тихонов В.А.
Верстка и дизайн Сиренко И. М.

Сдано в набор 18.11.2019 г. Подписано к печати xx.xx.2019 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Тираж 600 экз.
Заказ № 1274.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
<http://altair-rostov.ru/>

БѢГ . . . J. VII <

